

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XVI

Харків
Видавництво НУА
2010

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Видання є фаховим з економічних, історичних, соціологічних
та філологічних наук*

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».*

Протокол № 7 від 22.02.2010

Редакційна колегія

Астахова В. І., д-р іст. наук (голов. редактор); Астахова К. В., д-р іст. наук; Безхутрий Ю. М., д-р філол. наук; Бесов Л. М., д-р іст. наук; Бірюкова М. В., канд. соціол. наук (відповід. секретар); Воробйов Є. М., д-р екон. наук; Герасіна Л. М., д-р соціол. наук; Глуценко В. В., д-р екон. наук; Городяненко В. Г., д-р іст. наук; Горошко О. І., д-р філол. наук; Довгаль О. А., д-р екон. наук; Карабан В. І., д-р філол. наук; Кім М. М., д-р екон. наук; Корабльова Н. С., д-р філос. наук; Кравченко В. В., д-р іст. наук; Култаєва М. Д., д-р філос. наук; Лозовой В. О., д-р філос. наук; Мамалуй О. О., д-р філос. наук; Михайльова К. Г., д-р соціол. наук; Мінкін Л. М., д-р філол. наук; Нагорний Б. Г., д-р соціол. наук; Осіпова Н. П., д-р філос. наук; Петровський В. В., д-р іст. наук; Подольська Є. А., д-р соціол. наук; Посохов С. І., д-р іст. наук; Соболев В. М., д-р екон. наук; Сокурянська Л. Г., д-р соціол. наук; Степанченко І. І., д-р філол. наук; Сухіна В. Ф., д-р філос. наук; Шевченко І. С., д-р філол. наук; Яременко О. Л., д-р екон. наук.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.

Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»

Тел. 714-92-62; 714-20-07

ВВЕДЕНИЕ

Очередной XVI том ежегодного сборника научных трудов Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» традиционно в первую очередь посвящен проблемам образования. И это естественно, поскольку исходная комплексная тема, над которой работает абсолютное большинство преподавателей академии, вызвана особенностями формирования интеллектуального потенциала общества в начале XXI века.

Практически завершившийся к исходу второго десятилетия истории НУА процесс становления академических научных школ создал возможности для углубленной разработки достаточно широкого спектра проблем, связанных со сложными, зачастую противоречивыми явлениями, имеющими место в современной украинской системе образования.

Статьи, публикуемые на страницах данного ежегодника, конечно, так или иначе, объединены комплексной темой НИР 2010 г. «Ценности, смысл и перспективы гуманитарного образования». Конкретизация этой темы представлена широким кругом проблем и исторической, и социокультурной направленности. Для читателя могут быть интересны материалы по становлению непрерывного образования как гуманистической основы новой образовательной парадигмы; вопросы кадрового, правового, методологического и методического обеспечения образовательной сферы, инновационного образования и новых образовательных технологий.

Как всегда, наряду с проблемами образования в специальных разделах ежегодника рассматриваются и другие аспекты современного социогуманитарного познания, в том числе вопросы экономического равновесия в условиях трансформирующегося общества, лингвистики, лингводидактики

и перевода. Традиционно в рубрике «Студенческая трибуна» представлены лучшие научные исследования студентов, также посвященные образованию. В рубрике «Наука в НУА» дается презентация наиболее значимых публикаций 2009 года и сведения о прошедших в этот период международных научных конференциях.

Работы, публикуемые на страницах «Ученых записок НУА», ни в коей мере не претендуют на истину в последней инстанции, в них не стоит цель дать исчерпывающие ответы и рекомендации по всем вопросам, которые ставит сегодня жизнь. Мы рассматриваем представленные здесь статьи как результат продолжительных теоретических изысканий, длительной экспериментальной работы и глубоких размышлений, который выносится на суд читателя с надеждой на публичное обсуждение, обмен мыслями со специалистами, которых, как и нас, волнуют будущее образования и судьбы нашей страны. Тем самым мы хотели бы стимулировать системные исследования в этих направлениях, найти и объединить усилия с единомышленниками и даже оппонентами с тем, чтобы общими усилиями в максимально короткие сроки найти возможность отвечать на вызовы времени, формулировать практические рекомендации, полезные для общества и государства.

Главный редактор
д-р ист. наук, проф. В. И. Астахова

**Актуальні проблеми розвитку
освіти: історичні, філософські,
економічні, правові
та соціальні аспекти**

УДК 37.046(477)

В. И. Астахова

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Ключевые слова: непрерывное образование, гуманитарное образование, гуманитаризация образовательной среды, новая образовательная парадигма, человекоцентристский подход.

Многочисленные попытки реформирования образования, начавшиеся в мире еще в середине прошлого столетия, не только не принесли позитивных результатов, но даже наоборот в целом ряде стран, особенно постсоветского пространства, привели к формированию явственных признаков саморазрушения системы образования, снижения качества обучения, уровня подготовки кадров специалистов, квалификации и авторитета преподавателей.

Наиболее яркий пример подтверждения этого — Украина, где длительный системный кризис, усугубившийся в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, загнал в тупик все насущные проблемы жизнедеятельности общества и образование в первую очередь. Несмотря на предпринятые попытки хоть как-то решить материальные проблемы школьных учителей и вузовских преподавателей, во что бы то ни стало обеспечить требования Болонской декларации 1999 года, осуществить структурные преобразования, ситуация в образовании катастрофически ухудшалась, став тормозом дальнейшего развития не только образовательной системы, но и всего народнохозяйственного комплекса.

Сегодня по поводу **резкого снижения качества образования в Украине** бьют тревогу все — учителя и преподаватели высшей школы, которые отчетливо видят несостоятельность отдельных положений Болонской декларации (кредитно-модульная

система и балльные оценивания знаний, чрезмерное увлечение тестированием, односторонняя мобильность студентов и многое, многое другое), безрезультатность большинства реформационных мероприятий и опасность настойчивого стремления к регулированию всех процессов внутривузовской и внутришкольной жизни со стороны центральных и местных органов власти; родители и дети, на глазах которых происходит процесс падения качества и престижа образования, и даже управленцы всех уровней, понимающие неадекватность выполняемых ими функций.

Спор о качестве советского образования сегодня перестал быть актуальным. Мир однозначно признал, что оно было одним из лучших образцов индустриальной эпохи (если не лучшим!). Подтверждением тому тот факт, что почти четверть века его целенаправленно стремятся разрушить, но сделать это до сих пор в полной мере не удалось никому. Более того, сейчас предпринимаются **попытки восстановить его бесспорные преимущества** — фундаментальность как антоним поверхности, целенаправленное приобщение учащихся к ценностям мировой культуры, организованная социализация молодежи и многое другое.

И тем не менее говорить о возвращении к достоинствам старого, традиционного образования сегодня уже нецелесообразно. Пришло другое время — эпоха постиндустриального, информационного общества, требующая радикальной смены и функций образования, и средств их реализации, и главное — получаемых результатов. **Сегодня основная задача заключается в том, чтобы понять, к чему мы должны стремиться, какой должна стать национальная система образования в Украине, чтобы соответствовать:**

- во-первых, инновационной модели развития экономики;
- во-вторых, социальным запросам населения страны и задаче консолидации украинского общества;
- в-третьих, требованиям глобальной конкуренции, на рынках инноваций и образования.

Иными словами, образование сегодня должно давать качественно иной конечный продукт, результаты его деятельности должны соответствовать новым требованиям, важнейшим из которых является запрос на массовость креативных компетентностей, которые до сих пор рассматривались как элитарные, и на массовую готовность к постоянному переучиванию.

Поэтому есть все основания утверждать, что главным отличительным признаком новой модели образования становится его **непрерывность, его дальнейшее развитие на принципах lifelong education.**

Идея непрерывного образования пробивала себе дорогу практически на протяжении всего XX столетия, когда завершился этап индустриально-техногенного развития и человечество постепенно выходило на новый цивилизационный виток — к информационному обществу. Первоначальное научное оформление эта идея получила в 60-х годах XX столетия в работах П. Ленгранда, затем была активно поддержана ЮНЕСКО и рядом цивилизованных стран мира. Уже в то время к главным признакам непрерывного образования были отнесены обучение на протяжении всей жизни, самообразование, самооценка, самосовершенствование, индивидуализация, интердисциплинарность знаний, умение самостоятельно эти знания получать и эффективно их использовать.

С начала 1990-х годов идеи непрерывного образования, становления обучающегося общества стали фундаментальными для разработки национальных программ развития образования в XXI столетии в большинстве цивилизованных стран мира. Украина не стала в этом плане исключением. С каждым годом усиливается понимание того, что основной задачей процесса подготовки человека к жизни и труду в непрерывно усложняющемся мире становится теперь не столько предоставление информации, сколько обучение способам ее получения и использования.

Учебные заведения призваны теперь предоставлять свои услуги не в виде обучения конкретному знанию, а в виде

передачи технологии получения и применения знаний. Иными словами, происходит кардинальное изменение целеполагания образовательной системы как таковой, ее стратегических целей и задач. Сдвиг образовательной парадигмы именно в данном направлении способен придать новый импульс социальному развитию общества. Однако такая парадигма предполагает новый подход к субъектам системы образования и их взаимоотношениям. В существующей сегодня образовательной парадигме имеет место растворение индивида в учебном процессе. Он отождествляется с определенной социальной группой – обучающихся или преподавателей, которым и придается онтологический статус субъектов социального взаимодействия. Иначе говоря, взаимодействие в рамках учебного процесса осуществляется между абстрактным, усредненным студентом и таким же преподавателем.

Надо отдать должное, в рамках старой парадигмы неоднократно предпринимались попытки организовать так называемый индивидуальный подход к обучению, который позволил бы учесть особенности психики, мышления конкретного индивида и способствовал бы процессу его развития и самореализации. Хотя экспериментальная апробация учебных методик с использованием индивидуального подхода давала приличные результаты, но практическая реализация всегда сталкивалась с организационными трудностями, главная из которых заключалась в необходимости проведения индивидуальной работы в группах с большим количеством студентов, имеющих неодинаковый уровень подготовки, различный склад психики и пр.

Сегодня панацею в борьбе с этими трудностями зачастую видят в расширении дифференцированного компьютерного тестирования (по уровню знаний, по психическим характеристикам) для последующей реализации различных схем дистанционного обучения. Безусловно, применение компьютерной диагностики в значительной мере способствует реализации индивидуального подхода в обучении. Однако эффективность его традиционных форм в большей мере определялась

наличием контакта на личностном уровне между субъектами учебного процесса, нежели дифференциацией обучаемых.

Процесс информатизации приводит к определенным негативным последствиям в области межличностной коммуникации, среди которых можно отметить вытеснение живого общения и усиление социального отчуждения. В случае дистанционного обучения и студент, и преподаватель общаются не с другой личностью, а с терминалом и абстрактным партнером. Чтобы сохранить контакт между субъектами образовательного процесса на личностном уровне, необходимо заложить в фундамент формирующейся образовательной парадигмы **принцип межличностной коммуникации**, и именно в этом видится ее главный гуманистический смысл.

Без реализации этого принципа развитие образования практически невозможно. Парадокс современного образования состоит в том, что вне высокого профессионализма культура в настоящее время развиваться не может. Узкий же профессионализм может поставить культуру на грань уничтожения, поскольку технократический снобизм угнетает человеческое в человеке, ведет к дегуманизации человека и среды его обитания, в том числе и образования.

Разрешение этого парадокса лежит в сфере гуманитарной переориентации социальной жизни в целом. Естественно, что приоритетное значение должна иметь профессиональная подготовка, но необходимо обеспечить резкое повышение значимости и содержания гуманитарного образования для всех без исключения специальностей, на всех образовательных уровнях.

Создание гуманизированной среды обучения в период профессиональной подготовки может рассматриваться как важнейшая предпосылка формирования нравственных императивов будущих специалистов вне зависимости от направленности их профессиональной деятельности. Иными словами, сегодня речь должна идти не о гуманитарной составляющей вузовского образования, как это трактуется в украинских

государственных документах, а о всеобщем гуманитарном образовании [1, с. 44].

Другим необходимым принципом новой образовательной парадигмы должен стать **принцип социального участия**. Данный принцип предполагает рассмотрение статуса учащегося не с позиций объекта процесса обучения, а с позиций субъекта, предъявляющего часто неосознанные, но, как правило, обоснованные требования к форме и содержанию образовательного процесса, добивающегося права активно влиять на выбор учебной информации. В центре внимания разработчиков компьютерных методик обучения одновременно должны оказаться интенции (стремления, намерения) как обучаемых, имеющих потребности в определенном уровне знаний конкретной предметной области, так и обучающих, направляющих процесс обучения в русло общественных потребностей.

Реализация принципа межличностной коммуникации и принципа социального участия предполагает **создание технических средств поддержки естественной коммуникации, которая предусматривает прямую и обратную связь между субъектами учебного процесса**. В настоящий момент существуют определенные технические возможности реализации указанных принципов в виде телеконференций, электронной почты, но они требуют дальнейшей специализации и адаптации в рамках учебного процесса.

Многие новшества внедряются сегодня без необходимой апробации и учета негативных последствий в ближайшем будущем.

Тестируемое обучение, например, со всей очевидностью ведет к примитивизму и банализации мышления и означает «заказ прогресса на формирование общества незнания. Не осознующего, но эффективного, адаптированного к машине, а потому безумно производительного. На самом деле формируется общество информации и автоматического интеллекта, с вкраплением в него (пока!) «человеческого фактора», необходимого на стыках компьютерных исчислений» [2, с. 43].

В результате постоянной работы с тестами учащиеся вообще перестают ценить живое общение. Они перестают понимать, как надо относиться к учителю и зачем он вообще нужен, если компьютер «знает», то есть помнит в миллионы раз больше.

Новые информационные и телекоммуникационные технологии, благодаря предоставлению доступа к разнообразной информации, кардинально меняют характер взаимодействия между обучаемым и обучающим. Ранее выбор учебного материала (информации) был почти полностью возложен на преподавателя, и от личностных качеств последнего — его эрудиции, нравственности, идеологических пристрастий, творческих способностей — зависело содержание предлагаемых учебных курсов. В условиях расширяющейся информатизации и школьник, и студент могут самостоятельно осуществить выбор интересующей их информации. На первый план, соответственно, выходят их личностные качества, поскольку в информационных потоках, окутавших сегодня человека, далеко не все отвечает высоконравственным стандартам, является идеологически нейтральным, способствует творческой самореализации, дает объективное знание.

Таким образом, **одной из основных задач образовательного процесса должно стать формирование личности будущего специалиста.** Именно в личности как социальном конструкте заложена как потенциальная возможность сохранения индивидом своей автономности и устойчивости в общественной жизни, так и возможность самостоятельной активности и преобразования окружающей действительности. Возможности эти осуществимы лишь при наличии соответствующего уровня личностного потенциала, позволяющего противостоять циркулирующим информационным потокам, проявлять устойчивость по отношению к их деструктивной составляющей, находить наиболее адекватные методы реагирования, реализовать свои социальные потребности и обеспечить саморазвитие.

Решение всего комплекса задач по формированию личностного потенциала обеспечит процесс гуманизации и гуманитарии-

заций образования, лежащий в основе кардинального обновления национальных образовательных систем во всем мире, без чего нет и не может быть даже разговоров о преодолении глобального кризиса образования.

Для Украины трудности процесса преодоления кризисных явлений в образовании связаны не только с глобальными факторами, но и с сугубо внутренними причинами, в первую очередь затянувшимся системным кризисом.

Нельзя не отметить, что даже в сложных условиях системного кризиса Украине удалось во многих аспектах сохранить высокий уровень обеспечения своих граждан образованием. В некоторых областях знания это получалось у нее настолько хорошо, что она фактически субсидировала образовательные расходы отдельных западных стран, например США, — посредством так называемого оттока интеллекта.

И все же к началу XXI века стало очевидным снижение качества обучения и в средней, и в высшей школе, отсутствие необходимой учебно-материальной базы, снижение авторитета Учителя, растущие кадровые проблемы в связи с внутренней и внешней эмиграцией преподавательского состава и многое, многое другое. Выход из сложившейся в украинской национальной системе образования ситуации требовал решения, как минимум, трех стратегических задач, сформулированных в Национальной доктрине развития образования Украины в XXI веке, принятой II Всеукраинским съездом работников образования в октябре 2001 года [3]:

1. Обеспечение равного доступа всех граждан Украины к качественному образованию, а это значит, что вся деятельность по модернизации системы образования должна быть направлена на обеспечение его качества в соответствии с новейшими достижениями отечественной и мировой науки, культуры и социальной практики.

Качество образования является национальным приоритетом и условием выполнения положений международного и национального законодательства по реализации прав граждан на

получение образования. Обеспечению качества образования должны быть подчинены все материальные, финансовые, кадровые и научно-методические ресурсы общества, государственная политика в сфере образования. Высокое качество образования предполагает органическую взаимосвязь образования и науки, педагогической теории и практики.

Для всех граждан Украины, независимо от национальности, пола и возраста, языка общения, социального происхождения и положения, отношения к религии, места проживания и состояния здоровья, государство должно гарантировать право на получение качественного образования.

2. Создание условий для реализации принципов непрерывности образования, возможности самосовершенствования на протяжении всей жизни.

Сегодняшний динамизм общества требует создания принципиально новой школы, способной к широкому саморегулированию и самообновлению. Предстоит осуществить структурную перестройку системы образования по уровню и срокам обучения, типам учебных заведений, содержанию и формам учебы, формам собственности. Переход к многоступенчатой и многовариантной системе образования позволит удовлетворить потребности молодежи в соответствии с возможностями, желаниями и способностями каждого. Одновременное обучение по нескольким направлениям подготовки, право быстро переориентироваться на другую специальность, избирать форму обучения повысит мобильность молодежи, внесет элемент гибкости и защитит интересы человека в сложных условиях рыночной экономики. Кроме этого, разнообразие форм обучения, типов учебных заведений расширит возможности получения образования гражданами, которым необходима определенная социальная защита. И главное, создаст возможность для постоянного самоутверждения и уверенности в будущем.

3. Осуществление кардинальных структурных преобразований образовательной системы, создание научно обоснованной,

сориентированной на перспективу сети учебных заведений, которая по уровням подготовки, типам образовательных учреждений, формам и срокам получения образования, источникам финансирования удовлетворяла бы интересы личности и потребности каждого региона и государства в целом.

Практическая реализация этой цели связана с разработкой научных подходов к определению перспектив развития государственной и альтернативной систем высшего образования, с развитием различных типов учебных заведений, формированием учебных комплексов, созданием региональных и международных университетов.

Формирование сети учебных заведений, основанных на негосударственной форме собственности, связано с кардинальным пересмотром существующей системы комплектования вузов.

Тенденции, проявившиеся на рубеже XX и XXI веков в ходе осуществления реформы национальной системы образования в Украине, внушали определенный оптимизм и позволяли говорить об успешном продвижении Украины по пути преодоления кризисных явлений в образовании, что наиболее ярко проявилось в следующем:

— отчетливо вырисовался крен в сторону совершенствования массового образования. Наряду с развитием элитарного образования повышалось его качество в учебных заведениях традиционного типа;

— происходило существенное усиление развития гуманитарной составляющей образования, гуманизации последнего как стратегической линии его развития в соответствии с закрепленными в национальных законах об образовании целями, задачами и основополагающими принципами государственной политики;

— в непосредственной связи с гуманизацией образования пробивала себе дорогу тенденция демократизации, проявляющаяся в практических шагах по созданию равных возможностей для всех граждан в получении качественного образования,

в его растущей дифференциации и индивидуализации как одном из способов удовлетворения разнообразных потребностей. Конкретно эта тенденция проявилась в следующем:

а) в обеспечении условий для осуществления конституционных прав каждого гражданина на получение образования в соответствии с его способностями, общественными и личными интересами;

б) в постепенном выведении школы из-под контроля государственных органов и превращение ее в общественно-государственное образовательное учреждение;

в) в переходе к системе образования, обеспечивающей широкие возможности для самореализации личности, внедрение личностно развивающего обучения;

г) во внедрении нового финансово-хозяйственного механизма, предполагающего автономизацию хозяйственной деятельности школы на основе централизованного и местного финансирования, самостоятельное формирование и использование своих средств;

д) в реализации прав граждан на создание негосударственных учебно-воспитательных учреждений, которые содержанием и целями деятельности соответствовали бы государственным законам об образовательной политике;

е) в осуществлении права образовательного учреждения, обучающихся и их родителей на выбор, в пределах существующих законодательств, форм и методов обучения.

С проявлением вышеназванных тенденций тесно связано зарождение жизнедеятельной системы непрерывного образования человека в течение всей его жизни. Тенденция непрерывности образования как основополагающий, ведущий принцип развития образования, как ценностный фактор каждого индивида предусматривает воспитание человека нового типа, который в динамически меняющихся социально-экономических условиях сможет активно жить и действовать, внося максимальный вклад как в собственное саморазвитие, самореализацию и в то же время в развитие общества и в его

прогрессивное обновление. Развитие личности рассматривается при этом как непрерывный процесс, ориентирующий учебно-познавательную деятельность не только на усвоение знаний, но и на активное преобразование окружающего мира.

Образование должно служить развитию личности — и в годы детства и ранней юности, и в годы активной трудовой деятельности и репродуктивного развития организма человека, и в так называемом третьем возрасте. *Задача непрерывного образования состоит не только в постоянном обогащении человека все новыми знаниями, но и в сохранении его профессиональной компетентности на протяжении всей жизни. Главный смысл непрерывного образования, как это записано в документах ООН и образовательных программах большинства цивилизованных стран мира, состоит в принципиальной смене стратегий высшей школы (не узкопрофессиональная, прикладная подготовка специалиста, а формирование высокообразованного человека, интеллигента, понимающего необходимость самосовершенствования на протяжении всей жизни и самоотверженного служения людям, делу, своему отечеству), а также выходе на новый, более эффективный уровень взаимодействия всех образовательных ступеней, открывающий всем обучающимся возможность более плавного и мягкого перехода с одной ступени или направленности обучения на другую [4].* На нынешнем этапе развития цивилизации образование со всей очевидностью превращается в стратегическую основу развития личности, общества, нации и государства, становится залогом их будущего. Уже сейчас образование представляет собой крупнейшую отрасль трудовой деятельности населения (в цивилизованных странах мира — до 30% взрослого населения занято в этой сфере), наиболее масштабную и человекоемкую составляющую государственного устройства, его политической, социально-экономической, культурной и научной организации. Оно является способом воспроизводства и наращивания интеллектуального и духовного потенциала народа, воспитания патриота и гражданина, действенным фактором модернизации общества, стратегическим ресурсом

преодоления кризисных процессов, улучшения жизни людей и утверждения национальных интересов любой страны на международной арене.

Человечество вступило в XXI век с надеждами на лучшее будущее, характеризующееся триумфом гуманистических и демократических идеалов, оптимизированным и гармоничным развитием экономики, реализацией ранее накопленных духовных и социальных ожиданий. Однако действительность в значительной степени опровергает идеалистические «ожидания», явно демонстрируя отказ от общечеловеческих ценностей вплоть до пренебрежения к человеческой жизни, отрицая тем самым гуманистические ценности демократического сообщества, в том числе и ценности образования.

Процесс развития цивилизации неоднороден в пространстве и нелинеен во времени. Резкое увеличение энергетических мощностей, которыми овладело человечество, формирование и развитие высокотехнологического и информационного общества в передовых странах неизбежно ведет к усилению социально-экономической неоднородности мира. Это важнейшее обстоятельство, на общем фоне все более проявляющегося противоречия между человечеством и последствиями его неконтролируемой научно-технической и хозяйственной деятельности, в значительной степени обуславливает неизбежность углубления глобального экономического и социокультурного кризисов.

Осознание опасности этих процессов все настойчивее требует реализации новой, жизнеутверждающей парадигмы образования, базирующейся на принципах гуманизма и человекоцентризма, обеспечивающей возможности для самосовершенствования личности на протяжении всей жизни.

Каждому гражданину в любой стране необходимо четкое понимание того, что человечество не спасут ни природные богатства, ни «умные» машины, ни гениальные политики — спасение возможно лишь в результате осознанной деятельности гуманной личности, воспроизводимой в миллионах и миллионах

людей. Прежде всего, необходима трансформация нравственного и интеллектуального императива интеллигенции. Ведь только интеллектуальной элите под силу создать научные разработки, ввести их в реальную жизнь, сделать достоянием всех и каждого в современном мире. Глобальное решение этой проблемы представлено в виде императива: «...сохранение и обустройство жизни на Земле во имя Человека и его счастья – главный смысл деятельности школы на всех уровнях получения образования» [см.: 5, с. 4].

Сегодня миру необходим человек не просто грамотный, читающий, печатающий, производящий информацию, но в первую очередь понимающий, способный самоопределяться в этой жизни, формулировать для себя свои собственные смыслы, принимающий на себя ответственность за свои решения. Человек, осознающий необходимость постоянного самосовершенствования и готовый принимать на себя нелегкую ношу обучения и переобучения на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. Гаранина О. Д. Культурологическое и профессионально-техническое образование: грани взаимодействия / О. Д. Гаранина // *Alma mater*. – Вестн. высш. шк. – 2009. – № 1. – С. 42–45.
2. Кутырев В. А. Почему наша(у) цивилизация(ю) не любит мудрость / В. А. Кутырев // *Вестн. РФО*. – 2007. № 3. – С. 40–47.
3. Національна доктрина розвитку освіти України : затв. Указом Президента України від 17.04.2002. № 347/2002 // *Освіта України*. – 2002. – 23 квіт. – № 33. – С. 4–6.
4. Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине / *Нар. укр. акад.*; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Х.: Изд-во НУА, 2006. – 300 с.
5. Стратегия гуманизма (из опыта работы научно-учебного комплекса НТУ «ХПИ» – ХГУ «НУА») / *Нар. укр. акад.*; под общ. ред. проф. В. И. Астаховой и проф. Л. Л. Товажнянского. – Х.: Изд-во НУА, 2004. – 211 с.

Резюме

У статті розкривається суть безперервної освіти як головного, вихідного принципу функціонування освітніх систем в сучасному світі, обґрунтовується висновок про те, що нова освітня парадигма має людиноцентристську спрямованість, а це вимагає нового підходу до суб'єктів системи освіти і їх взаємовідносин. Підходу, в основі якого лежить безперервний процес гуманізації освіти, орієнтований на формування людини, яка не знає, але усвідомлює.

Summary

The article regards a continuous education as the fundamental principle of modern educational systems, gives grounds for the conclusion that modern anthropocentric educational paradigm requires a new approach to education subjects and their relationships. This approach is based upon humanizing education oriented towards the formation of a person able of realizing things rather than just knowing them.

УДК 378.12(477)

Е. В. Астахова

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОБЩЕСТВА К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВЕКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ

Ключевые слова: преподавательский корпус, высшая школа, трансформация качественных характеристик, новые требования общества.

Несмотря на серьезные социально-экономические трансформации, связанные с глобальным кризисом, и политические коллизии, характерные для современной Украины, инновационное развитие страны воспринимается все-таки как императив, поэтому задача подъема образования остается ключевой. «Именно образование — как система формирования интеллектуального капитала нации и одна из главных сфер производства инноваций — создает базовые условия для быстрого роста рынков на основе быстрого обновления технологий и продуктов. Именно оно выступает первым звеном инновационной цепочки «образование — исследования — венчурные проекты — массовое освоение инновации» [1 с. 33].

Такая постановка вопроса сегодня общепринята и не вызывает отрицания. В связи с чем возникает некая иллюзия простоты решаемого вопроса. Подъем образования часто отождествляют либо с расширением ресурсной базы существующих структурных элементов, либо с использованием опыта ведущих стран мира, активно строящих инновационную экономику на базе реформированных образовательных систем. В первом случае есть реальный риск инвестировать средства в воспроизводство образования вчерашнего дня, так как советское образование было одним из лучших образцов индустриальной эпохи, а сегодня стоит задача создавать систему образования, соответствующую эпохе глобального инновационного уклада. Во втором — прямое заимствование чревата определенными

рисками: оно может консервировать отставание, поскольку в большинстве своем опирается не на новейшие, а на уже ставшие массовыми практики. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что «чужие» решения могут плохо приживаться в условиях украинского общества.

Ни первый, ни второй подходы к методологии реформирования образования практически не учитывают значимости такого важнейшего компонента системы, коим является преподавательский корпус, при том, что он — в значительной степени — ключевое звено при решении вопросов модернизации образования.

Отечественное образование страдает сегодня многими недостатками. Один их перечень занял бы добрый десяток страниц. Но крайне редко в таком списке можно встретить упоминание об излишней краткосрочности и ограниченности реализуемых проектов и реформ. Мы никак не можем оторваться в образовательной практике от проектов с коротким циклом реализации и рискнуть спрогнозировать мало-мальски отдаленное будущее. При нынешних темпах изменений 10–12 лет — это уже относительно приличное удаление. Достаточно вспомнить, что 10–12 лет назад в образовании были те же «игроки», но вот сами институты, резервы, ресурсы сегодня качественно отличаются. Иными словами, задача серьезного прогнозирования развития системы образования, с одной стороны, абсолютно реальна, а с другой стороны, также абсолютно необходима.

Сказанное в полной мере относится к кадровому корпусу высшей школы. В отечественной литературе сегодня практически нет аналитических публикаций, которые бы создавали представление о реальном положении дел и уж тем более сложно найти материалы, оторванные от проектов с коротким циклом реализации.

Если проанализировать доступную автору литературу, издаваемую в Украине, (а она, спасибо Центру научно-гуманитарной информации ХГУ «НУА», доступна практически

в полном объеме), то можно смело делать вывод о том, что в публикациях, посвященных проблеме кадров высшей школы, преобладают практики описания деятельности отдельных вузов или комментарии по поводу статистических данных, доступных исследователям. Среди авторов, публикующихся в Украине, заслуживают внимания работы Е. Бойко [2], Е. Гришновой [3], И. Жовтой [4], А. Литвинюка [5]. Но при всем уважении к ним нельзя не отметить, что пока не сложилась группа исследователей, которая бы целенаправленно (пусть и разноаспектно) разрабатывала вопросы кадрового потенциала сферы образования. Отечественная историография проблемы проходит стадию становления, комплексных исследований аналитического плана нет. Ориентироваться в ситуации, отслеживать тенденции отчасти позволяет регулярно публикуемая статистика Министерства образования и науки Украины. Она – и это естественно – констатационно-официального плана, что не позволяет в полном объеме улавливать оттенки и полутона трансформаций в профессорско-преподавательской среде.

Ощутимо иная ситуация прослеживается в Российской Федерации, где проблемой вузовских кадров системно занимаются давно и наработан приличный массив материала, позволяющий ориентироваться в этой сложнейшей сфере, отслеживать тенденции, определять перспективы. В числе наиболее авторитетных авторов – Л. И. Романкова (к сожалению, рано ушедшая из жизни), во многом заложившая основу методологии исследования кадрового корпуса высшей школы [6]. Интереснейший блок проблем, связанных с университетскими преподавателями (в контексте с другими проблемами высшей школы), поднимают в своих публикациях представители Государственного университета – Высшей школы экономики (г. Москва), в первую очередь ректор ГУ – ВШЭ Я. И. Кузьминов [7]. Существенно усиливают глубину разработанности проблемы работы Л. Алексеевой и Н. Шаблыгиной [8], А. Балакиной [9], Е. Геворкяна [10], М. Ларионова [11],

О. Лейбовича [12], Л. Любимова [13], Г. Матушанского и Г. Завады [14], И. Назаровой [15], Л. Шарок [16].

Статьи Л. Романковой, Я. Кузьминова, Л. Любимова отличает не только высокая информативность и научно-теоретический уровень, ощутимо проступают принципиально новые методологические подходы к анализу преподавательского корпуса как ключевого субъекта модернизации образования.

Использовать наработки «северного соседа», конечно, можно и нужно. Ведь исходные позиции современных образовательных систем Украины и Российской Федерации схожи. Но нельзя сбрасывать со счетов все более усиливающиеся различия, проявившиеся в последние годы.

Так или иначе, но источниковая база в целом позволяет провести анализ заявленной проблемы, попытаться определить те риски, которые являются наиболее актуальными для современного преподавательского корпуса в условиях перехода общества к инновационной экономике.

Представляется крайне важным и своевременным выделение «болевых точек», их описание и — по возможности — определение масштаба. Выделение и описание явлений и фактов, являющихся негативными или потенциально угрожающими, построение такого видения будущего, в котором обеспечена ликвидация этих явлений (факторов) или ограничение их масштаба до заранее известных приемлемых значений (так называемая методология форсайта). Для образования в целом и для изучения преподавательского корпуса как его ключевой подсистемы такой подход «через вызовы» чрезвычайно важен.

Известно, что образование затрагивает интересы самых широких слоев населения. Новая модель этой сферы должна отвечать на «больные» вопросы, демонстрировать, каким образом будут решены волнующие людей проблемы. Однако риск методологии форсайта достаточно высок: отсутствует комплексность, меры носят изолированный характер, учитываются только те факторы, которые уже развились до системных проблем.

Но в то же время определение наиболее типичных вызовов позволяет увидеть проблемы, назвать вещи своими именами, сосредоточить внимание на минимизации негативных последствий.

Для преподавательского корпуса университетского сектора Украины зон риска достаточно много:

- сохраняющееся постарение преподавательского состава;
- сокращение числа преподавателей, имеющих ученые степени и звания;
- неравномерность распределения интеллектуального потенциала по территории страны, сильнейшая его концентрация в мегаполисах и особенно в столице;
- снижение социального статуса преподавателя высшей школы;
- недостаточность материального вознаграждения за труд;
- слабое владение преподавателями современными информационными технологиями (особенно в части методики их использования в учебном процессе) и иностранными языками;
- снижение профессиональных и особенно морально-нравственных характеристик.

Названная последней по порядку, но далеко не по значению позиция, вызывает особую тревогу. В предкризисный период в литературе, на бытовом уровне, проблема проговаривалась и обсуждалась. Однако степень анализа ее причин и форм проявления критики не выдерживала. Ситуация состояла в определенных знаковых действиях: общество признавало наличие нарушений морально-нравственного порядка в образовании, собирательно именуя их коррупцией. Сама же сфера образования хранила молчание, лишь эпизодически выдавая на поверхность «стрелочников».

Однако в условиях кризиса проявился феномен, ранее тщательно скрываемый нынешней системой образования: до трех четвертей выпускников вузов не получают достаточных для профессиональной работы компетенций [17, с. 8]. Конкуренция на рынке труда остро и в короткие сроки «засветила»

многие проблемы университетского сектора образования, которые в прежней социально-экономической ситуации носили латентный характер.

В «холостой» работе вузовской системы одна из ведущих (но не единственных, конечно же) причин — состояние кадрового корпуса. «Реальная» профессура (academics — руководители научных школ, их ближайшие ученики) либо покинула университеты, либо состарилась. Массовизация высшего образования, срочная «переделка» профильных отраслевых вузов в университеты — все это вывело на первые позиции не преподавателя академической культуры, а своеобразного «инструктора», урокодателя. Качественная кадровая ситуация сегодня далека даже от не таких и процветающих 1980-х годов.

Произошедшее имеет много аспектов. В наиболее востребованных социально-экономических и гуманитарных направлениях объективно картина оказалась наихудшей. Увеличение более чем на порядок числа образовательных программ по этим специальностям могло реально опираться на три формальных кадровых источника: 1) переход профессорско-преподавательского состава из других направлений; 2) многократные совместительства имеющихся преподавателей; 3) резкое усиление подготовки научно-педагогических кадров через систему аспирантуры и докторантуры. Первые два источника — и это совершенно закономерно — позволили получить только «инструкторов». Третий же дал сильный «сбой» и ограничился чисто количественными параметрами [13, с. 203–204].

Университеты столкнулись с серьезными трудностями в формировании нового поколения преподавателей. Если в прежние времена предложение остаться на кафедре было лестным даже для самых успешных студентов, то в нынешних условиях университеты проигрывают в конкуренции за своих лучших выпускников. Сфер деятельности для успешной карьеры и креативной работы стало достаточно много и за стенами университетов. В новых условиях массового «поточного» университета сложно увидеть и заинтересовать студентов,

способных к академической карьере. Ценности студенческой среды не поддерживают академический выбор.

Задача воспроизводства университетов на Западе решается за счет притока талантливых студентов из стран третьего мира, несформированный социальный капитал которых ограничивает их возможности за пределами университетов. В Украине же, как и в других «среднеразвитых» странах, задача воспроизводства академического сообщества пока не нашла удовлетворительного решения [7, с. 13]. Тем самым профессионализм и содержание образования – главные составляющие академической культуры – пострадали в последние годы в наибольшей степени. Их уровень значительно снизился. Отсюда и адекватная реакция рынка труда и других социальных индикаторов качества образования.

Наиболее печальной характеристикой «нового университета» стала всеохватная коррупция. Возникли и успели закрепиться в преподавательской среде модели поведения, которые раньше были и невозможны, и недопустимы. Многочисленные обследования и опросы свидетельствуют о чрезвычайной распространенности взяточничества в ходе приемных кампаний, текущих сессий, выполнении контрольных, курсовых и даже выпускных работ. Все это свидетельство не отклонений, а изменений нормы, опустошение академической культуры. При этом нарушения преподавательских морально-нравственных норм объяснимо дополнились элементарным мошенничеством в среде студенческой.

Что касается студенческого мошенничества, хотя это и не предмет данного исследования, следует учитывать, что явление зародилось не в университетской среде. Корни его – в школе, в семье, в ценностях, транслируемых современным обществом. Но так или иначе, налицо – ярко выраженное переплетение крайне негативных тенденций, приобретших масштабы массовости и всеохватности – взяточничество и мошенничество. На такой базе создание знаниевого общества, интеграция в мировое образовательное пространство представляется

весьма проблематичным. Здесь просчитать риски и определить возможные пути минимизации последствий можно только гипотетически. Но степень опасности и труднопобеждаемости этих социальных явлений недооценивать нельзя.

Академическая мораль ослабела до того, что перестала быть фактором, воздействующим на поведение субъектов образовательного процесса. Полезно видеть, что наша болезнь не уникальна, но именно у нас она оказалась самой запущенной.

Трансформации преподавательского корпуса (которые носят сегодня необратимый характер) могут иметь и другие негативные последствия для развития образования и общества. При этом возвратиться к прежнему положению дел простым увеличением финансирования со стороны общества или отдельными акциями по «борьбе с коррупцией» уже нельзя. Новые профессионалы оказываются объективно не готовыми работать лучше ни в отношении качества учебного процесса, ни в отношении профессиональной морали. Вытеснить их из занимаемой сферы, заменить более амбициозными и ответственными работниками — задача сложная, а в комбинации с повышением оплаты (что само по себе является необходимым условием восстановления нормального положения дел) практически неразрешимая. Хотя разразившийся кризис, представляется, при всей его тяжести, может создать условия для применения непопулярных мер, способных отчасти сбалансировать ситуацию.

Снижение качественных параметров преподавательского корпуса в немалой степени послужило формированию того отношения к образованию (в первую очередь высшему), которое преобладает в современном украинском обществе. В связи с тем что сегодня большинство преподавателей уже не являются носителями академической культуры, потребители образования оказались лишены адекватной информации, которая в сфере высшего образования оказалась свернутой до нескольких упрощенных сигналов — цена, вероятность завершения полного курса обучения, наличие или отсутствие

признаваемого на рынке труда диплома, информация о возможной карьере по той или иной специальности. Как результат – массовые потребители начинают отбирать не лучшие, а самые доступные по цене и не сложные в обучении университеты. Оппортунизм преподавателей, таким образом, в значительной степени стимулирует неблагоприятный отбор университетов. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Эволюция преподавательского корпуса оказалась плохим ответом на вызовы инновационной экономики. Ни преподавательская корпорация, ни университеты в целом не смогли выдвинуть достойного ответа, поэтому теперь они – вместо прежнего пиетета – испытывают на себе серьезные последствия пренебрежения общества.

Список литературы

1. Волков А. Е. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики. Материалы для обсуждения / А. Е. Волков, Я. И. Кузьминов, И. М. Реморенко и др. // *Вопр. образования.* – 2008. – № 1. – С. 32–64.
2. Бойко Є. Підготовка кадрів в Україні: сучасний стан та напрямки вдосконалення фінансового забезпечення ввз / Є. Бойко // *Фондовий ринок.* – 2000. – № 17. – С. 28–30.
3. Грішнова О. А. Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки / О. А. Грішнова. – К. : Т-во «Знання», КОО. – 2001. – 254 с.
4. Жовта І. Якість науково-педагогічних кадрів вищої школи України / І. Жовта // *Вища шк.* – 2003. – № 4–5. – С. 27–30.
5. Литвинюк О. І. Наукові кадри: конкурентоспроможна якість, а не процес і форма / О. І. Литвинюк // *Бюл. ВАК України.* – 2004. – № 2. – С. 4–9.
6. Романкова Л. И. Преподаватель высшей школы как профессия / Л. И. Романкова // *Экономика образования.* – 2001. – № 6. – С. 27–39; Савельев А. О будущей доктрине высшего образования / А. Савельев, Л. Романкова // *Высш. образование в России.* – 1998. – № 3. – С. 9–12; Корольков В. Кадровая политика в высшей школе: проблемы и тенденции / В. Корольков, В. Взятыхшев, Л. Романкова. – Там же. – 1999. – № 2. – С. 7–17; Ракитов А. Кадры высшей школы: молодежная политика / А. Ракитов, Л. Романкова. – Там же. – 2001. – № 4. – С. 3–12.

7. Кузьминов Я. И. Наши университеты / Я. И. Кузьминов // Высш. образование сегодня. – 2007. – № 10. – С. 9–15.
8. Алексеева А. Проблемы кадрового потенциала вузов и некоторые пути их решения / А. Алексеева, Н. Шаблыгина. – МОН РФ, НИИ ВШ. – 2005. – № 8. – 42 с.
9. Балакина А. П. Кадровое воспроизводство высшей школы как фактор развития экономики знаний / А. П. Балакина // Право и образование. – 2006. – № 3. – С. 51–60.
10. Геворкян Е. Кадры высшей школы: актуальное состояние / Е. Геворкян // Высш. образование в России. – 2006. – № 9. – С. 23–32.
11. Ларионова М. Преподаватель вуза – субъект модернизации образования / М. Ларионова // Высш. образование в России. – 2007. – № 12. – С. 29–33.
12. Лейбович О. Преподаватель вуза – кризис идентичности / О. Лейбович // Там же. – 2007. – № 2. – С. 49–61.
13. Любимов Л. Л. Угасание образовательного этоса / Л. Л. Любимов // Вопр. образования. – 2009. – № 1. – С. 199–210.
14. Матушанский Г. Подготовка преподавателей высшей школы в условиях ее модернизации / Г. Матушанский, Г. Завада // Высш. образование в России. – 2008. – № 3. – С. 27–32.
15. Назарова И. Б. Типология преподавателей высшей школы / И. Б. Назарова // Социол. исслед. – 2006. – № 11. – С. 115–120.
16. Шарок Л. А. Новые кадры для новой экономики / Л. А. Шарок // Экономика образования. – 2006. – № 6. – С. 37–52.
17. Кузьминов Я. И. Поддерживать или инвестировать / Я. И. Кузьминов // Вопр. образования. – 2009. – № 1. – С. 5–18.

Резюме

Стаття є продовженням попередніх розробок автора з приводу внутрішніх трансформацій викладацького корпусу університетського сектору освіти України. Розглядаються найбільш болючі проблеми, що притаманні сучасному професорсько-викладацькому складу післясередньої освіти. Особлива увага звертається на моральні перекручення, які мають місце у викладацькому середовищі сьогодні.

Summary

The article is one in a sequence of the author's papers discussing inner transformations of the Ukrainian university teaching staff. The article analyses the burning problems of modern higher school. The main focus is on moral distortions observed about the teaching set nowadays.

УДК 34:37(477)

В. В. Астахов

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

Ключевые слова: образовательное законодательство, образовательное нормотворчество, кодификация образовательного законодательства.

Сегодня сфера образования, как и общество в целом, переживают кризис. Необходимость смены стратегий развития и реформирования очевидны. В то же время процессы, связанные с ее бесконечным реформированием, подвергаются критике как со стороны профессионального образовательного сообщества, так и потребителями образовательных услуг. На эту тему много сказано и написано, но, к сожалению, до кардинального улучшения ситуации еще очень далеко.

Одним из наиболее ярких примеров реформаторских решений последнего времени стало внедрение системы внешнего независимого тестирования при поступлении в вузы, в лоббировании которой кроме Министерства образования и науки Украины участвовали даже американские и международные организации (включая Мировой Банк, USAID, Институт открытого общества и пр.). В результате, вместо подтверждения выданных обществу гарантий об использовании лучшего международного опыта, вопрос об институциональном оформлении обязательного тестирования перестал быть вопросом только внутренней политики Украины. И, конечно, для объективной оценки результатов внедрения тестирования необходимо учитывать цели и задачи, поставленные указанными выше международными организациями, но это уже тема другого исследования. Главное, что после двух лет использования новых технологий поступления в вузы нет никаких объективных оснований считать, что с их помощью была достигнута максимальная прозрачность, объективность и надежность.

Подобные глобальные или чаще менее масштабные нововведения permanently сотрясают систему, которая законодательно определена в качестве самой приоритетной отрасли развития общества. Подавляющее же большинство предложений по реформированию системы образования носят косметический характер. При этом необходимо отметить, что любое нововведение оформляется внесением изменений или дополнений в действующее законодательство об образовании, которое к концу первого десятилетия XXI века сложилось в поистине громадный массив нормативно-правовых актов на всех уровнях образовательной вертикали¹.

Критический объем этого массива практически выходит из-под контроля как субъектов законодательного нормотворчества, так и всех участников образовательного процесса в целом. Причем правовые нормы, регулирующие те или иные отдельные комплексы отношений, связанных или вытекающих из деятельности в сфере образования, содержатся помимо профильных нормативных актов в законах и других подзаконных источниках, регулирующих административные, бюджетные, налоговые, трудовые и другие отношения.

Кроме того, до сих пор действует немало «старых» по содержанию, хотя и принятых в период независимости, нормативных актов, содержащих нормы, не соответствующие реальному положению, которое сложилось к настоящему времени. Так, например, до сих пор действует правило об отчислении студентов из вуза, получивших в сессию более двух

¹ Чтобы представить объем нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в образовательном пространстве Украины, достаточно взглянуть на предложения, представленные научно-производственным предприятием «Форум» (amaslova@ifl.com.ua), которое на основании Письма министерства юстиции (от 12.12.2008 № 34-26/194 «О систематизации законодательства») проделало огромную работу по систематизации образовательного законодательства, результатом которого стали пять полновесных дисков CD.

неудовлетворительных оценок [1]. Не вызывает никаких сомнений правильность данной нормы для студентов, обучающихся за счет бюджетных средств: не хочешь (можешь) учиться – уступи свое место более достойному. Однако очевидно, что в условиях, когда подавляющее большинство студентов страны обучается за свой собственный счет, причем не только в частных вузах, это правило устарело.

Кроме того, в литературе неоднократно обращалось внимание на то, что одной из существенных проблем действующего образовательного законодательства является отсутствие его корреляции с гражданским законодательством [2]. Нельзя также не упомянуть и о том, что подавляющее большинство норм образовательного законодательства закрепляют преференции для государственных вузов, создавая неравные конкурентные условия на рынке образовательных услуг для своих коллег – вузов, основанных на частной форме собственности [3].

Все это в совокупности создает определенные трудности в правовой работе органов исполнительной власти и образовательных учреждений и инициирует условия для юридических коллизий и необоснованных решений, сказывающихся на судьбах конкретных людей. Отсюда резко возрастает актуальность проведения систематизации действующего массива нормативных актов, и, прежде всего, кодификации законодательства об образовании.

При этом следует согласиться с А. Н. Козыриным, который справедливо указывает, что в работе по упорядочению и совершенствованию законодательства об образовании необходимо использовать не только кодификацию, но и другие виды систематизации – учет, инкорпорацию и консолидацию [4].

Так, Министерство образования и науки Украины, как главный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, должен вести учет нормативных правовых актов, регулирующих отношения

в данной сфере. Значение данной функции министерства возрастает в условиях проведения образовательной реформы, поскольку именно на него должна быть возложена задача по поддержанию в надлежащем состоянии всего нормативно-правового массива в этой сфере государственного управления.

Учетом нормативных правовых актов в сфере образования могут заниматься и другие государственные учреждения, участвуя тем самым в работе по систематизации законодательства об образовании. Такие работы проводятся, например, научно-производственным предприятием «Форум» совместно с МОНУ и Министерством юстиции Украины.

Задача учета нормативных правовых актов в сфере образования состоит не только в сборе и «инвентаризации» самих нормативно-правовых актов, но и в постоянной поддержке их в состоянии так называемого «действующего нормативно-правового акта», который бы учитывал все вносимые в него изменения и дополнения. Эту функцию сегодня выполняют информационно-правовые и справочно-правовые системы «Лига-Закон», «Форум» и другие, позволяющие оперативно получить подборку не только действующих актов по образованию, но и отмененных, а также актов в уже не действующих редакциях.

Еще одной формой систематизации законодательства об образовании может стать консолидация – объединение совокупности мелких актов, изданных по одному или нескольким вопросам в один укрупненный акт. До настоящего времени эта форма систематизации в отношении актов образовательного законодательства Украины практически не применялась. Хотя нормативные акты, частично использующие элементы консолидации, то есть систематизирующие акты законодательства по каким-то конкретным вопросам все же используются, например, Условия приема в вузы в 2010 году [5]. Неостребованность на практике консолидации актов законодательства идет вразрез с потребностью приведения в единое целое многочисленных правовых норм об образовании, разбросанных по

ряду нормативных правовых актов. Прежде всего, это касается актов, предоставляющих различного рода льготы участникам образовательных правоотношений.

Систематизация образовательного законодательства может проводиться также в форме инкорпорации. Последняя предполагает лишь внешнюю обработку нормативных правовых актов без какого-либо изменения их содержания. Систематизированные таким образом нормативно-правовые акты объединяются в различного рода сборники. В этих сборниках они могут располагаться по хронологическому принципу (т. е. по времени издания акта) или по предмету правового регулирования (например, акты могут группироваться в зависимости от уровня образовательной системы, к которой они относятся, или от сферы регулируемых отношений — экономика образования, управление образованием и т. д.).

В случае официальной инкорпорации инкорпорированные акты объединяются в сборники, впоследствии утверждаемые органами, издавшими акты. Эта форма систематизации не получила должного распространения в нашей стране. В случае неофициальной инкорпорации соответствующие сборники создаются и издаются заинтересованными лицами по своей инициативе и без санкции компетентных государственных органов. Причем неофициальная инкорпорация получила большее развитие, нежели официальная.

Однако наиболее сложной формой систематизации законодательства является кодификация, при которой происходит внутренняя переработка нормативного материала и создается новый нормативно-правовой акт.

Если обратиться к толкованию терминов «кодификация», «кодекс», легко убедиться в целесообразности и своевременности работы по совершенствованию образовательного законодательства: объем материала, нуждающегося в кодификации, и уровень решаемых проблем требуют разработки акта, который по объему и масштабам может быть именно кодексом.

Как известно, кодификация как способ систематизации есть упорядочение юридических норм в процессе правотворческой деятельности, издание на этой основе единого, юридически и логически цельного кодифицированного акта (основ, кодекса, устава, положения и др.). Современное понимание кодификации отлично от его понимания в римском праве, где это понятие охватывало собрание всех законов, окончательно регулирующих право или одну какую-нибудь его отрасль. Главная функция и важнейшая особенность кодификации в ее современном звучании — изменение содержания правового регулирования, придание ему комплексного системного характера.

С этой точки зрения, кодификация является высшей формой систематизации, которая обеспечивает коренную переработку действующего законодательства в той или иной сфере регулируемых им отношений и придающая ему на этой основе новое качество. Кодификация выступает как средство (способ) совершенствования и упорядочения законодательства и проводится с той целью, чтобы: а) объединить и систематизировать апробированные в течение достаточно длительного времени действующие установки, б) уточнить (переработать) их содержание и в) изложить с соблюдением требований законодательной стилистики и законодательной техники. Тем самым обеспечивается максимально возможная полнота регулируемых данным кодифицированным актом общественных отношений. Критика кодифицируемого законодательства, являющегося основой кодификации, позволяет устранить противоречия и несогласованность действующих норм права, придать им совершенную форму.

Принципиально выгодная особенность кодификации состоит в том, что она обеспечивает выполнение в правовой системе двух важнейших задач: 1) упорядочивает законодательство и 2) качественно совершенствует его.

Кодификация в этом смысле является уже не только высшей формой систематизации, но и высшей формой правотвор-

чества. Кодификация всегда преследует установление новых норм, отвечающих в наибольшей мере потребностям общественной практики, устраняющих пробелы и дефекты в правовом регулировании и обладающих качеством оптимальных регуляторов в данных условиях. В результате кодификации принимается сводный кодификационный акт [6].

В последние годы в Украине развернулась дискуссия о выборе формы систематизации законодательства об образовании. Проблемы, вызванные несистематизированным характером этой отрасли законодательства, давно уже стали очевидны для многих. К слову сказать, работа по подготовке Кодекса Российской Федерации об образовании ведется с 2003 года, а разработка его Концепции – с конца 90-х годов прошлого столетия. **Кодекс об образовании** в Беларуси рассмотрен Палатой представителей Национального собрания в первом чтении 5 ноября 2009 года [7]. В Молдове новый Кодекс об образовании планируется принять к концу 2009 года [8]. Поэтому неслучайно в отечественной правовой науке не только стали звучать призывы к проведению этой масштабной и такой необходимой работы, но и начали предприниматься конкретные шаги в ее направлении [9].

В то же время, несмотря на то, что положительный момент в движении по пути разработки и принятия Кодекса Украины об образовании, казалось бы, очевиден, существует целый ряд моментов, которые могут рассматриваться в качестве препятствий для быстрой разработки и принятия указанного законодательного акта.

Если отбросить политические баталии, перманентно сотрясающие украинское общество, то к основным препятствиям принятия Кодекса Украины об образовании можно отнести следующие. Во-первых, есть определенные трудности, связанные с недостаточным количеством специалистов в области именно образовательного нормотворчества и их целенаправленной подготовки. Во-вторых, отсутствуют системные исследования проблем нормотворчества в сфере образования.

В-третьих, имеется немало противников кодификации образовательного законодательства со стороны представителей различных отраслей правовой науки и, прежде всего, гражданского права. Все это дает основания полагать, что в этих условиях чрезвычайно трудно в короткий промежуток времени создать универсальный и в то же время качественный комплексный кодифицированный законодательный акт.

Тем не менее проводимая в Украине реформа системы образования, курс на вхождение нашей страны в единое европейское пространство высшего образования, а также существенные изменения, вносимые в иные, «смежные» отрасли законодательства, предопределяют активное развитие образовательного права. Поэтому накопившиеся за последнее десятилетие многочисленные организационно-правовые проблемы в сфере образования настоятельно требуют самого скорейшего разрешения. При этом одним из главных средств концептуального обновления системы образовательного законодательства Украины является его скорейшая кодификация.

Список литературы

1. Положення про організацію навчального процесу у вищих навчальних закладах [Електронний ресурс] : затв. наказом М-ва освіти і науки України № 161 від 2 черв. 1993 р. // Верхов. Рада України : офіц. сайт. — Ч. 2, п. 3.12.2.3. — Режим доступу : <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=z0173-93>.

2. В качестве примера см.: К вопросу об уставном фонде вуза / В. В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — 2004. — Т. 10. — С. 109–120; Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования / Кванина В. В. — М. : Готика, 2005. — 368 с.

3. Подробнее см.: Конкуренция вузов в неконкурентной правовой среде / В. В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — 2005. — Т. 11. — С. 54–76; Конкуренция в сфере предоставления образовательных услуг в условиях глобализации образовательного пространства: проблемы совершенствования законодательства / В. В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — 2008. — Т. 14. — С. 29–44.

4. Козырин А. Н. Современные контуры образовательного права [Электронный ресурс] / А. Н. Козырин // Закон. — 2007. — №4. — С. 17–28. — Режим доступа : www.kozyrin.ru/userfiles/documents/march.doc.

5. Про затвердження Умов прийому до вищих навчальних закладів України [Електронний ресурс] : Наказ М-ва освіти і науки України № 873 від 18.09.2009 р. // Верхов. Рада України : офіц. сайт. — Режим доступу : <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=z0930-09>»%20target=_blank».

6. Ягофаров Д. А. Теоретические и практические аспекты кодификации образовательного законодательства [Электронный ресурс] // Образовательное нормотворчество и проблемы кодификации российского законодательства об образовании : моногр. / Д. А. Ягофаров, Н. Н. Хридина, Е. А. Васильченко ; Федерал. центр образоват. законодательства. — Екатеринбург, 2006. — Разд. 3.2. — Режим доступа : <http://www.lexed.ru/pravo/theory/normotvorchestvo/?32.html>.

7. Белорусские депутаты приняли в первом чтении проект Кодекса об образовании [Электронный ресурс] // News21.by. — 2009. — 5 нояб. — Режим доступа : <http://news.21.by/society/2009/11/05/397361.html>.

8. В 2009 году в Молдове примут новый Кодекс об образовании [Электронный ресурс] // Новости содружества : информ. канал / Межгос. телерадиокомпания «Мир». — 2008. — 22 сент. — Режим доступа : <http://mirtv.ru/content/view/42133/12/>.

9. См.: Материалы проведения круглого стола по проблемам законодательного обеспечения образовательной деятельности, 10 окт. 2009 г. / Харьк. нац. ун-т им. В. Н. Каразина. — Х., 2009.

Резюме

У роботі розглянуто проблеми освітнього законодавства, які пов'язані з наявністю величезного масиву нормативно-правових актів, відсутність систематизації якого гальмує реформування системи освіти України. Даються рекомендації щодо систематизації освітнього законодавства з метою створення оптимальної нормативно-правової бази, яка регулює діяльність освітніх структур та загалом освітньої сфери.

Summary

The article deals with the problems of educational legislation. A great number of normative and legal acts, not organized into a clear system, hamper the reformation of Ukraine educational system. The author suggests recommendations as to creating a normative and legal basis regulating the functioning of the education area.

УДК 378.015

Е. В. Астахова (мл.)

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ДЕТЕРМИНАНТ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ УКРАИНЫ

Ключевые слова: преподавательский корпус, высшая школа, трансформация качественных характеристик, новые требования общества.

Экономическая теория определяет институт образования как один из важнейших социально-экономических институтов, функционирующих с целью удовлетворения спроса общества на образовательный продукт, гибко реагирующих на все общественные изменения и процессы. Институт образования сегодня перестает играть роль центра передачи и формирования социокультурных ценностей, а становится производителем дорогостоящего продукта, как совокупности образовательного товара и образовательных услуг. Продукта, который будет сформирован в результате обработки образовательными механизмами и получит оценку на рынке труда потенциальным работодателем.

Главная задача рынка образовательных услуг уравновесить спрос и предложение данных услуг и удовлетворить их потребности. Спрос на образовательный продукт определяется множеством социально-психологических факторов, начиная от призвания с детства, подражания семейным традициям. С точки зрения экономических мотивов наиболее важным является заработная плата, которую он получает после окончания высшего учебного заведения, и перспектива окупаемости инвестиций в образование. Можно выделить несколько предположений относительно спроса на образование:

- спрос потребителя, ориентированного на текущее потребление, меньше, чем спрос тех, кто ориентирован на получение доходов в будущем (при прочих равных условиях);

- спрос на контрактное обучение снизится при увеличении расходов на обучение (при прочих равных условиях);
- спрос возрастет при увеличении различий в заработках лиц с высшим и средним образованием в пользу первых;
- спрос на образовательные услуги определенного профиля является производным спросом на специалистов данного профиля и уровня их доходов [1, с. 35];
- с увеличением возраста потребителя образовательных услуг увеличиваются альтернативные издержки, что делает спрос более эластичным;
- в условиях трансформации экономики достаточно высоким остается «нефункциональный спрос» на вузы и специальности, отображающие престижное положение в обществе, так называемый «Эффект Веблена», который, в противовес закону спроса, будет возносить цены на престижные специальности неоправданно вверх. Это касается мировых престижных Гарварда и Стэнфорда, а также отечественных – МГУ, МГИМО, Киево-Могилянской академии, КНЭУ, НЮА и тех потребителей, которые если доверяют, то лучшим среди лучших.

Что касается анализа предложения образовательных услуг, то здесь следует помнить, что институт образования «кует кадры» и поэтому должен ориентировать на потребности общества в целом и работодателей в частности. Однако тут есть свои сложности и особенности.

Учебное заведение работает одновременно на двух рынках: рынке образования и рынке труда. Вуз предоставляет обществу образовательные услуги определенного вида и одновременно представляет результаты своей деятельности на рынке труда, потребителями которых являются предприятия и организации различных отраслей экономики. Эта двойственная природа деятельности вуза вносит значительную путаницу в определение его продуктов, целевых рынков сбыта и групп потребителей.

Предложение образовательных услуг в рамках единого образовательного пространства осуществляют государственные

и частные вузы, которые занимают треть рынка и ужесточают конкуренцию. С точки зрения рыночной структуры рынок образовательных услуг является рынком монополистической конкуренции. На это указывает, во-первых, дифференцированность образовательного продукта как по потребительским характеристикам, так и по уровню качества. Речь идет об образовании по различным специальностям, факультетам, вузам, уровню преподавания. Во-вторых, высокая чувствительность к экономической конъюнктуре, существенность фактора сезонности, значительное влияние рекламы, моды, информированности, зависимость института образования от политических и экономических институтов. В-третьих, выраженная сегментированность спроса на услуги в зависимости от доходов, цен, субъективной оценки потребителем способностей производителя предоставить ту или иную услугу, значимость услуги, стиль жизни. В-четвертых, широкая емкость рынка и абсолютные преимущества уже действующих в отрасли предприятий относительно расходов по предоставлению услуг и обслуживания со стороны потребителей, позитивный эффект от масштаба.

Следует заметить, что образовательное пространство в пределах рынка неоднородно как с точки зрения студентов, учебных заведений, так и с точки зрения предлагаемого продукта. В пределах одного государства можно найти множество учебных заведений, обладающих в силу ряда факторов разными количественными характеристиками образовательного пространства. Этими факторами являются профиль университета, профессорско-преподавательский состав и различные требования к поступлению. Одним из приоритетных факторов, определяющих границы рынка, является ценовой фактор. Однако сегодня все большее значение в конкурентных отношениях на рынке образовательных услуг приобретают неценовые факторы.

Это означает, что образовательные учреждения стараются привлечь потребителя неценовыми методами, делая упор на

спектр дополнительных сопутствующих услуг, так называемых услуг-комплементов, а именно: организацию внеучебной деятельности, расширение ассортимента образовательных услуг за счет предоставления занятий по дополнительным специальностям, факультативам, организацию научной деятельности студентов, проведение научных конференций, семинаров.

Одним из самых весомых факторов неценовой конкуренции между университетами является профессорско-преподавательский состав, его качественные характеристики. Качественные характеристики можно разделить на формальные и неформальные. К первым следует отнести количество научных степеней и званий, приходящихся на один вуз, к неформальным – авторитетность преподавательского состава, характер и уровень межличностных взаимоотношений, эффективность их взаимодействия, способность к эмпатии. Существенную роль среди неценовых факторов играет возможность обеспечения последующего трудоустройства студентов, что открывает студентам путь к сокращению будущих транзакционных издержек по поиску работы с необходимым уровнем оплаты, престижности.

Высокий уровень образования снижает, хотя и в разной степени, риск безработицы. Выпускники вузов зарабатывают на 25% больше, чем лица без высшего образования. В мировой практике больше всех за свою трудовую деятельность получают медики, инженеры, математики, бизнесмены [2].

В России, несмотря на кризис, в результате которого в инвестиционных и коммерческих банках уровень зарплат снизился на 50–60%, первые места рейтингов занимают управляющие, директора нефтегазовых компаний, руководители инвестиционных банков, менеджеры крупных и даже средних, а в некоторых случаях и небольших строительных и девелоперских и страховых компаний [3].

Спрос на продукцию фирм, действующих в условиях монополистической конкуренции, не является абсолютно эластичным, однако его эластичность высока. Например, приверженцы западноевропейского образования готовы запла-

тить за него большую цену, чем за отечественное образование, однако если разница в ценах окажется слишком значительной, то покупатель всегда найдет на рынке аналоги менее известных фирм по более низкой цене. Поэтому производителю интеллектуального человеческого капитала следует взвешенно подходить к позиционированию собственных преимуществ.

Большинство вузов остаются участниками рынка монополистической конкуренции, однако существуют исключения. То есть на рынке образования имеются и монополисты, а по некоторым специальностям данный рынок больше приближен к совершенной конкуренции, так как сегодня огромное количество производителей образовательных услуг предлагают рынку практически идентичный по названию и содержанию товар – экономические и юридические направления.

В процессе жесткой конкуренции, с которой были вынуждены столкнуться вузы в рамках рыночного пространства, происходит отбор образовательных учреждений. Кроме конкуренции, на преодоление которой вузу приходится тратить часть своего потенциала, ему, как государственному, так и частному, необходимо искать и оптимизировать источники самофинансирования. Выживают те, кто отвечает потребностям рынка сегодня, стремится к минимизации издержек, а также те, кто может прогнозировать изменяющиеся тенденции спроса на образовательные услуги и, с учетом данного прогноза, своевременно расширять и изменять ассортимент услуг и товаров, составляющих образовательный продукт, предлагая рынку новые образовательные формы, используя новые методы и программы обучения, современные научно-технические достижения при материально-техническом обеспечении образовательного процесса.

Государство же, лишая вузы государственного финансирования и давая профильным учебным учреждениям лицензии на подготовку экономистов, юристов и менеджеров, формируя на рынке труда работников рыночной инфраструктуры: банковских работников, менеджеров и юристов, убивало

одним махом двух зайцев: как качество профильного, так и гуманитарного образования. Кроме того, привело к насыщению рынка труда данными профессиями, которые в начале трансформации экономики были крайне необходимы, новы и, соответственно, повышенно востребованы потребительским спросом. Но поскольку подготовка поколения специалистов нового направления требует как минимум десять лет, институт образования запаздывает в обеспечении ими рынка труда, что стало причиной перенасыщения рынка гуманитариями и торговыми агентами. Хорошо подготовленные физики, инженеры не были нужны экономике. Цена рабочей силы не возмещала затраты на ее производство и приобретение образовательного продукта. В результате институт заработной платы перестал выполнять свою непосредственную функцию — оплачивать труд и привел в рамках института образования к негативным социально-экономическим последствиям: к унижению носителя труда, демотивации труда, примитизации и деградации рабочей силы, обострению социально-трудовых конфликтов, угрозе социальной безопасности. Это нашло отражение в коррупции со стороны субъектов института образования, как потребителя, желающего купить диплом, так и вуза, ищущего пути выживания, так и преподавателя, желающего накормить семью и выжить в эпоху невостребованности, и в том, что выпускники физмата, медики, учителя, историки, социологи резко изменили свою профессию в пользу профессий, востребованных на рынке труда, став программистами, переводчиками, работниками торговли. В итоге — стагнация, сокращение совокупного спроса, кризис ликвидности и т. д. [4, с. 50].

Таким образом, образование, которое должно развивать и закладывать фундамент в интеллектуальный потенциал будущего для экономики государства, обеспечивая возможности экономического роста — ВВП, макроэкономических показателей благосостояния населения и улучшения имиджа государства и процесса международной интеграции, в нашей действительности тормозит общественное производство. Хотя

вузы дают неплохое образование, они далеко не всегда выпускают тех, кто необходим экономике или государственной службе. И в этом вина не института образования, а заслуга государства, определяющего стратегические направления развития образования, разрабатывающего пути его реформирования, ищущего точки пересечения и образования, и рынка труда, финансирующего научно-исследовательские разработки. И сегодня государство, увидев плоды своей бездеятельности и испугавшись за будущее экономики, решило резко все поставить на место.

Кабмин Украины принял решение не предусматривать государственный заказ на подготовку по специальностям: делопроизводство, организация туристического обслуживания, парикмахерское искусство и декоративная косметика, декоративно-прикладное искусство, художественное фотографирование, организация обслуживания в гостиницах, организация обслуживания в заведениях ресторанного хозяйства и торговли, производство и эксплуатация, документоведение и информационная деятельность, туризм, декоративно-прикладное искусство, фотоискусство, гостинично-ресторанное дело, реклама и связи с общественностью. Кроме того, поручено обеспечить уменьшение объема приема абитуриентов по сравнению с 2008 годом: на 50% (кроме профильных высших учебных заведений, для которых объем приема уменьшается на 10 процентов) – младших специалистов по специальностям: экономика предприятия, финансы и кредит, бухгалтерский учет, правоведение; бакалавров по направлениям подготовки экономика предприятия, финансы и кредит, учет и аудит, право.

Экс-министр образования С. Николаенко акцентировал внимание на том, что такие действия Кабмина Украины приведут к сокращению на 130 тыс. абитуриентов, желающих поступить на первый курс вузов по специальностям, подпадающим под сокращение количественного набора, что противоречит положениям Конституции, предусматривающей право каждого гражданина на высшее образование [5].

В результате институт образования, который по своей природе относится к устойчивым и инерционным, будет подвержен легитимному насилию и реформированию, что в ближайшей перспективе может усугубить качество подготовки специалистов, так как опять создает новые экономические и социальные препятствия всем непосредственным субъектам института образования.

Список литературы

1. Гневашева В. А. Социально-экономическая значимость образования как общественного блага / В. А. Гневашева // Экономика образования. — 2008. — № 6. — С. 33–43.
2. Рейтинг профессий по росту зарплат в период кризиса [Электронный ресурс] // ЛИГА Новости. — 30.07.2009. — Режим доступа : <http://biz.liga.net/news/E0908057.html>.
3. Рейтинг зарплат ТОП 10 — самые оплачиваемые профессии [Электронный ресурс] // Банк-кредит. — 06.09.2009. — Режим доступа : <http://www.bank-cred.ru/news.php?readmore=70>.
4. Хасаншина А. Р. Институциональное регулирование рынка труда России в условиях глобализации экономики / А. Р. Хасаншина // Экономика образования. — 2007. — № 5. — С. 43–51.
5. Новый указ правительства сократит 4 тысячи преподавателей и 130 тысяч абитуриентов [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. — 21.04.2009. — Режим доступа : <http://kp.ua/daily/210409/>

Резюме

Статья посвящена проблемам института освіти. Автор анализує детермінанти попиту та пропозиції освітніх послуг, взаємозв'язок інституту освіти і ринку праці через чинники, що визначають вибір професії сьогодні. У статті розглядаються напрями реформування інституту освіти в рамках інституційних змін економіки.

Summary

The article deals with the problems of the institution of education. The author analyses the determinants of demand and supply of educational services, the interrelation between the institution of education and the labour market proceeding from factors determining the choice of profession today. The ways of reforming the institution of education within the framework of institutional changes of economy are examined in the article.

УДК 378.147.016:81

Л. А. Артеменко, В. С. Полина

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ЯЗЫКУ ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: гуманитаризация обучения, социокультурная компетенция, компетентностная модель, профессиональная компетентность, профессиональное общение.

На всех этапах развития человечества роли иностранных языков в образовании отводилось особое место, поскольку любая межнациональная деятельность — экономическая, социально-политическая, духовно-идеологическая, культурная — невозможна без языка общения.

Всестороннее сотрудничество, миграционные процессы, создание и рост транснациональных корпораций на рубеже II и III тысячелетий привели к образованию качественно новой человеческой общности в глобальных масштабах, где иностранный язык становится вторым языком общения наравне с родным.

Процессы глобализации в сферах геополитики, межкультурного менеджмента, финансовых, торговых и трудовых рынков, бизнеса, туризма, в области науки и образования обуславливают на современном этапе все возрастающие запросы к системе образования.

С другой стороны, на этапе перехода от индустриальной к технотронной цивилизации человечество переживает кризис ценностей и нуждается в заполнении духовного вакуума. В связи с этим главным направлением образования является обновление, где особую актуальность приобретает гуманитаризация образования. Гуманитаризация образования — это поворот образования к целостной картине жизни и прежде всего — к миру культуры, миру человека, к очеловечиванию знания

и формированию гуманитарного системного мышления путем расширения и углубления общекультурных компонентов в содержании образования. Гуманитаризация образования ставит своей целью формирование нравственно и духовно развитого человека — будущего специалиста, уровень подготовки которого гармонично сочетает образованность, профессионализм, духовность [1, с. 91].

Актуальность данной статьи обусловлена значимостью для гуманитаризации образования в украинском вузе задачи формирования у студентов умения профессионально общаться на иностранном языке, что предполагает учет социокультурной компоненты.

Объектом исследования являются профессиональные компетенции выпускника неязыкового вуза.

Предмет анализа — способы формирования умения профессионально общаться на иностранном языке в диалоге/полилоге культур с учетом социокультурной компоненты всех участников общения.

Цель статьи — определить наиболее эффективные пути и способы формирования умения профессионально общаться на иностранном языке с учетом социокультурной компоненты всех участников общения при обучении английскому языку как второму языку общения.

Материал исследования — аутентичные учебники английского языка, используемые в высшем учебном заведении, глоссарий современного образования, статьи, посвященные технологиям формирования профессиональных навыков общения.

Проблема гуманитаризации образования уже долгое время является темой обсуждения для многих авторов, тем не менее идеи гуманизации и гуманитаризации еще недостаточно интегрированы в систему профессионального образования.

Реформирование образования в сторону гуманитаризации влечет за собой необходимость внести коррективы в характеристики «конечного продукта» — модели специалиста, то есть

интерпретировать «содержание образования, формируемого от «результата» («стандарт на выходе»» [1, с. 173]. Такой новой моделью специалиста станет компетентностная модель специалиста, у которого сформированы способности не только адаптироваться к создавшейся ситуации посредством применения накопленных знаний (квалификационная модель), но и креативно осваивать то, что порождается происходящими социальными переменами. Модель, которая наиболее востребована на рынке труда в начале третьего тысячелетия в условиях расширяющегося и углубляющегося межкультурного сотрудничества.

К основным характеристикам специалиста, обладающего профессиональной компетентностью, относится также умение профессионально общаться.

Поскольку умение профессионально общаться на иностранном языке предполагает учет социокультурной составляющей всех участников общения, высшее учебное заведение призвано сформировать у своих воспитанников широкий спектр навыков и умений, которые помогут им комфортно и эффективно функционировать в обстановке диалога/полилога культур как на личностном, так и на профессиональном уровне.

В рамках многочисленных дидактических концепций гуманитаризации и гуманизации образования (М. Н. Берулава, М. В. Богуславский, А. В. Гулыга, А. В. Толстых, И. С. Якиманская) отмечается, что система образования должна быть ориентирована на приоритетное развитие общей культуры учащихся, учитывать их интересы в оптимальной гармонии с интересами общества; способствовать формированию личностной зрелости будущего специалиста, мобильного в профессиональном отношении, обладающего мышлением, позволяющим эффективно использовать знания для решения как профессиональных, так и жизненных проблем, социально ответственного перед собой, ближайшим окружением, обществом, государством, природой, способного и готового к позитивной коммуникации на межличностном и межкультурном уровнях [5].

Гуманитаризация образования – это двусторонний процесс, который предполагает, что каждый студент не только вправе рассчитывать на обучение в условиях, наиболее комфортных для самореализации, но также должен принять на себя ответственность за создание и поддержание атмосферы сотрудничества, взаимного уважения, толерантности, конструктивной критики и самокритики и других социокультурных навыков, ибо именно в таких условиях в учебной аудитории происходит тренинг будущих успешных профессионалов.

Конкретным примером создания подобного коллектива на занятиях по английскому языку могла бы послужить выработка коллективного «договора» по формированию доверительно-уважительных отношений в академической группе между студентами и преподавателями, который должен, прежде всего, убедить студента в том, что соблюдение условий «договора» способствует формированию его профессиональных качеств, которые наряду с владением специальностью становятся доминирующими на рынке труда: преданность профессии, организованность, способность работать в команде, готовность отвечать на вызовы времени желанием и умением учиться всю жизнь. Формирование творческой личности не противоречит выработке навыка самодисциплины [3, с. 509].

Поскольку привычки (например, быть организованным, то есть не опаздывать на занятия/работу, всегда иметь при себе учебные/рабочие материалы для полноценной деятельности в аудитории/в офисе, предупреждать преподавателей/администрацию о возникшей необходимости не присутствовать на следующем занятии/отсутствовать на работе заранее или извиниться за пропуск в спонтанно возникшей ситуации) закрепляются многократным повторением. Формирование всех этих качеств нельзя отложить на будущее, когда после окончания учебного заведения студент приступит к работе. Одновременно вырабатывается отношение к английскому языку не как к иностранному, а как ко второму языку общения, так как с его помощью так же, как и посредством родного

языка, студенты получают информацию, передают ее, учитывают социокультурную составляющую коммуникации и т. д.

Другим примером «коллективного договора» должно быть соблюдение партнерских взаимодействий между студентом и преподавателем на занятиях по иностранному языку, например, при проверке домашнего задания [2, с. 283]. Практика предыдущих методик преподавания – преподаватель оценивает качество выполнения задания, объясняет ошибку, студент принимает комментарии преподавателя, исходя из принципа «преподаватель все знает», хотя внутренне может и не согласиться – может перейти в новую фазу, фазу равноправного сотрудничества, когда в общении с преподавателем студент пользуется адекватными социолингвистическими навыками для выражения степени уверенности в правильности своего решения поставленной задачи (it may be, it must be, certainly, I'm sure, it can't be и другие) с последующей аргументацией, что способствует во-первых, развитию навыков устного общения и, во-вторых, организации своего речевого и неречевого поведения адекватно задачам общения с учетом статуса коммуникантов.

«Молодой человек обязан знать основы интеллектуальных, научных, духовных достижений народа в контексте цивилизационного развития, что даст ему возможность воспринимать поле культуры как целостное, внутренне связанное, общемировое и одновременно видеть в нем национальный аспект как определенную часть, единичность. Вуз должен завершить перевод базовых знаний, умений и навыков в систему ценностей цивилизационного и национального содержания. Современная высшая школа должна строиться на основе будущей антропогенной социокультурной среды, чтобы формировать личность, индивидуальность, которая сумеет выжить в условиях социокультурной неопределенности, когда нужно творчески решать проблемы в конкретной ситуации» [1, с. 417].

Гуманизация процесса образования, то есть ориентирование на личность обучаемого, его интересы, психологические

и индивидуальные особенности, существенно повлияла не только на роль преподавателя, но и на организационную сторону учебного процесса. Преподаватель в аудитории уже не ментор-назидатель, но активный партнер по общению, поддерживающий коммуникацию и управляющий ею. Многие факторы влияют на эффективность организации и управления образовательными процессами на уроке, но прежде всего, это личность и уровень квалификации преподавателя. Чем выше его квалификация и больше опыт работы, тем более четко и гибко он реагирует на сложившуюся в аудитории ситуацию и в случае необходимости даже отступает от плана. Неумение воспользоваться ситуацией и недооценка личностных и социокультурных особенностей студентов приводит к серьезным методическим просчетам [2, с. 282].

Смена парадигмы общественного развития поставила новые задачи перед образовательной системой в целом и перед гуманитарным образованием в частности. Методы и формы обучения иностранным языкам претерпевают изменения в связи с корректированием целей его изучения, в частности формирования у студентов иноязычной социокультурной компетенции, осознания уникальности и богатства собственной культуры и ее роли в поликультурном сообществе наций. «Цель и содержание гуманитаризации определяются тем, какие общественные запросы они удовлетворяют, каким общественным потребностям должны отвечать. Основами этих общественных запросов и потребностей выступают две взаимосвязанные, но в то же время противоположные глубинные тенденции: техническая цивилизация и культура» [5].

Гуманитарная подготовка выявляет личностный смысл будущей профессиональной деятельности, позволяет преодолеть узость, однобокость мышления специалистов, приобщает к миру общей культуры, к гуманистическому стилю общения и взаимодействия. Особенно остро стоит вопрос о создании кадров преподавателей новой формации, преподавателей-фасилитаторов, носителей культуры нации, язык которой они

преподают, способных помочь обучаемым приобрести социокультурные навыки не на уровне усвоения свода правил межкультурного общения, а осознания менталитета нации, продуктом которого являются как общечеловеческие, так и специфические, присущие данной нации, нормы культуры общения.

Список литературы

1. Глоссарий современного образования / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. Ю. Усик. — Харьков : Изд-во НУА, 2007. — 523 с.
2. Антропогенный компонент формирования иноязычной профессиональной компетенции у студентов / Л. А. Артеменко, В. С. Полина // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. — Х., 2009. — С. 281–285.
3. Социокультурный компонент в практике формирования иноязычных навыков и умений / Л. А. Артеменко, В. С. Полина // Вчені зап. Т. XII. — Харьков : Изд-во НУА, 2006. — С. 501–512.
4. Формирование социокультурной компетенции у студентов ХГУ «НУА» / Л. А. Артеменко, В. С. Полина // Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів : матеріали Др. Міжнар. наук. конф. — Х. : Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2009. — С. 6–8.
5. Федоткина Е. В. Гуманитаризация высшего технического образования [Электронный ресурс] / Е. В. Федоткина. — Режим доступа : // www.t21.rgups.ru/doc/2/22.doc

Резюме

Стаття присвячена проблемі гуманітаризації навчання з метою формування моральної і духовно розвиненої людини — майбутнього фахівця, рівень підготовки якого гармонійно поєднує освіченість, професійність, духовність. Особлива увага надається умінню професійно спілкуватися іноземною мовою, що передбачає врахування соціокультурної складової всіх учасників спілкування та формування навичок і вмінь ефективного функціонування в контексті діалогу/полілогу культур.

Summary

The article deals with the issue of humanitarization of education with the aim of moulding a morally and culturally educated person — a future specialist. Special attention is given to the specialist's ability of communication professionally in a foreign language taking into account the sociocultural part of all the participants in communication and to the formation of skills ensuring effective functioning in the context of a dialogue / polylogue of cultures.

УДК 316.74:378(091)

Е. В. Батаева

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: прагматизация, формальная рациональность, субстанциальная рациональность, коммуникативное действие.

Критическое движение в социологии было инициировано представителями Франкфуртской школы Ю. Хабермасом, Т. Адорно, М. Хоркхаймером и другими учеными, ведущей темой которых была критика «позднего капитализма». Анализируя проблему утраты современной личностью индивидуальной свободы и своеобразия, проблему репрессивности современного общества, представители критической школы опирались на веберовское различие двух типов рациональности – формальной и субстанциальной. Если формальная рациональность (которую можно иначе назвать технократической, инструментально-операциональной) представляет собой набор эффективных способов достижения определенной цели, то субстанциальная рациональность (которую М. Вебер иначе называл разумом) предполагает общее интеллектуальное развитие человека, его способность целостно и систематически постигать окружающий мир. В одном из центральных тезисов критической школы социологии констатируется факт тотальной распространенности в современном обществе именно формального типа рациональности, который делает человека абсолютно несвободным и всецело зависимым от технического осуществления профессиональных функций.

В концепции коммуникативного действия Ю. Хабермас провел углубленный анализ рационалистической репрессивности современного общества. Как он полагает, современного человека от экзистенциального рабства может спасти лишь переориентация от инструментального целерационального

действия к коммуникативному действию, в котором «действия субъектов координируются не посредством эгоцентрических расчетов на успех, а посредством достижения понимания в процессе общения». Свободная коммуникация, неискаженное общение, спонтанное самовыражение — вот рецепт социального лечения современного капиталистического общества.

Ю. Хабермас полагал, что в капиталистическом обществе абсолютно все сферы социальной активности человека поражены духом инструментализма (в том числе и сфера образования). Однако более тщательный анализ проблемы образовательного инструментализма провел не Ю. Хабермас, а современный французский философ Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» (1979). Попробуем проанализировать основные моменты концепции Ж.-Ф. Лиотара, что представляется вполне *актуальным* на фоне нерешенности *проблемы* тотальной прагматизации образования в Украине (как и в других современных странах). *Целью* исследования является выделение основных социальных характеристик процесса прагматизации образования; *задачей* — выявление тенденций социальной оптимизации образования в направлении демеркантилизации.

Как полагает Ж.-Ф. Лиотар, еще совсем недавно идеалом для систем образования было воспитание разносторонних личностей, обладающих фундаментальными теоретическими знаниями, сориентированных на совершенствование и развитие базовых характеристик конкретных прикладных наук, воспитанных в системе ценностей свободы, прогресса, справедливости (обладающих, если воспользоваться терминологией М. Вебера, субстанциальным разумом). Что же касается современных систем образования, то нетрудно заметить, что в них возобладали совершенно иной идеал (идеал формальной рациональности). Основным содержанием образовательной практики становится нацеленность не на бескорыстные поиски истины, высшего знания, не на развитие «чистой» науки, но на показатели полезности, эффективности, выгоды, окупаемости, прибыльности получаемого в вузах знания. Одной из

основных задач высшего образования в информационном обществе становится формирование (или конвейерная формовка) специалистов, нацеленных на выполнение определенных операциональных функций, полезных действий, востребованных и окупаемых в социальной системе. «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления... Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, то есть стоимостную форму. Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте и чтобы быть обменным» [2, с. 12].

Коммерциализация образования, сориентированного на «знание-к-оплате», как полагает Ж.-Ф. Лиотар, стала следствием, «продуктом», эффектом информационализации и компьютеризации современных систем знания. В современном информационном обществе абсолютную ценность приобретает практика операционализации знания, практика перевода любой информации на язык машин, практика выстраивания содержательных блоков в инструментально-потребительском режиме. Соответственно, любая гуманитарная информация, которую невозможно сделать функционально-операционально-прибыльной (информация из области философии, этики, эстетики), становится малоценной, невостребованной, второсортной.

Можно выделить и позитивные моменты подобной трансформации природы современного знания и образования. Так, современная молодежь, сориентированная на приобретение наборов операционально-прикладного знания, способна удовлетворить конкретный социальный спрос на исполнителей определенных профессиональных функций. Нынешняя молодежь обладает «вкусом» к информационно-технической

деятельности и способна качественно ее осуществлять (что, безусловно, очень ценно в ситуации информационализации современного общества). Однако следует отметить и негативные моменты подобной ситуации. У подавляющего большинства современной молодежи отсутствует интерес к не-коммерческим, теоретическим, философским, общегуманитарным дисциплинам, которые по своей природе нерентабельны, далеки от практики, которые требуют усилий «понимания», а не механического «потребления». «Рисковость» подобной ситуации видится в формировании поколений функционеров-роботов, смысл образования полагающих не в духовной самореализации, не в личностном совершенствовании, а в приобретении технически-отлаженных навыков выполнения профессиональных операций. С другой стороны, все это чревато «деморализацией исследователей и преподавателей», наблюдающих подобный кризис теоретического знания, которые начинают сомневаться в ценности чисто гуманитарного, не-инструментального знания, не переводимого на операционально-зрелищный язык компьютерных технологий. Работники системы образования вынуждены принять новую систему ценностей, согласно которой «высшее образование должно поставлять социальной системе компетенции, а не идеалы... Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах» [2, с. 42].

Попробуем проверить теоретические выводы Ж.-Ф. Лиотара с помощью социологических данных, полученных отечественными учеными. Российский социолог М. В. Лисаускене, изучавшая динамику формирования студенческих поколений советского и постсоветского периодов (с середины 80-х гг. до 2004 г.), пришла к следующему выводу: «Практически исчезает терминальная функция образования, связанная с получением знаний. Молодежь с каждым годом становится

все более прагматичной в стремлении использовать профессиональное образование в качестве способа достижения целей» [3, с. 112]. Как подчеркивает М. В. Лисаускене, постсоветская молодежь особую ценность придает инструментальным функциям высшего образования, позволяющим получить престижную, высокооплачиваемую работу, добиться успеха, построить карьеру, а юношам – избежать службы в армии. М. В. Лисаускене видит причину подобной прагматизации и меркантилизации образования в процессах глобализации, в американизации постсоветского образа жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что современные студенты оценивают сквозь призму утилитаристских ценностей не только образование, но и будущую профессиональную деятельность, ожидая от жизни обогащения, успешности, бурного карьерного роста: «в «письмах из будущего» молодые люди расставляют следующие приоритеты: жизнь в столице или за рубежом, шикарная машина, собственный дом или апартаменты, собственный бизнес, семья и прекрасные дети» [3, с. 114].

Можно ли каким-либо образом воспрепятствовать укреплению прагматически-меркантилистских установок и идеалов среди современной молодежи? Или следует признать неизбежность и целесообразность принятия подобного инструментально-операционального стиля современной жизни? Безусловно, было бы нелепо бороться с утвердившейся во всем мире тенденцией коммерциализации образования, тем более что очень многие расценивают эту тенденцию как вполне «модернистскую», отвечающую запросам современного информационно-технического общества. Но в то же самое время следовало бы выразить надежду на то, что победа утилитаристских взглядов на образование не окончательна, что еще можно уменьшить риск тотального подчинения образования идеалам полезности, функциональности и продаваемости. Именно в этом направлении мыслит известный немецкий социолог Ральф Дарендорф, который предложил современной молодежи (а также профессиональному

сообществу преподавателей) формулировку новых образовательных принципов, нацеленных на переориентацию существующей системы знания в не-прагматическое русло. В очерке «Набросок обращения к молодежи» Р. Дарендорф попытался разработать новую образовательную политику, нацеленную на то, чтобы привить молодежи не-карьеристское, не-меркантильное отношение к жизни. «Молодые люди должны делать что-то, что имеет значение... Нужно сорвать смирительную рубашку карьеристского мышления и поискать другое мерило успеха. Удовольствие от выполняемой работы – половина его, а другая половина заключается в том, что то, что ты делаешь, должно быть важно» [1, с. 247–248]. Как полагает Р. Дарендорф, современные преподаватели должны пытаться воспитывать молодежь не в карьеристской, а в творческой системе координат, прививая им нематериалистические установки творческой самореализации, развития талантов, стремления получать удовольствие от проделанного труда (все это необязательно должно сопровождаться статусным возвышением и материальным обогащением).

Реальную возможность уменьшить риск тотальной прагматизации образования подтверждают некоторые результаты социологических опросов. Так, в исследовании поведенческих установок молодежи постсоветского периода (проведенного в 2006 г.) российский социолог М. А. Ядова выявила группу «новых молодых», для которых «интересная работа важнее высокооплачиваемой» (однозначное решение фроммовской дилеммы «иметь или быть» в пользу последнего). Выбор стратегии «быть» в среде современной молодежи довольно необычен. Так, по результатам массовых опросов, большинство юношей и девушек ориентируются скорее на материальные, нежели на духовные ценности. Ценности «новых молодых», как правило, больше привлекают девушек (67%), либерально ориентированных (55,6%), хорошо образованных (59,3%) и воспитанных в образованных семьях (70,4%)» [4, с. 81]. «Новые молодые», освобождающиеся от прагматических

приоритетов, это и есть тот фундамент, на котором можно строить обновленную образовательную политику.

Список литературы

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы / Р. Дарендорф. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 247–248.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Мысль, 1999. – С. 12, 42.
3. Лисаускене М. В. Поколение next – прагматичные перфекционисты или романтики потребления / М. В. Лисаускене // Социол. исслед. – 2006. – № 4. – С. 112, 114.
4. Ядова М. А. Поведенческие установки постсоветского поколения / М. А. Ядова // Социол. исслед. – 2006. – № 10. – С. 81.

Резюме

У статті розглядається специфіка критичного підходу щодо проблеми прагматизації сучасної освіти, яку було проаналізовано в межах Франкфуртської школи критичної соціології, а також в соціології постмодерну Ж.-Ф. Ліотара.

Summary

The paper considers peculiarities of a critical approach to the pragmatism problem of modern education that has been analyzed by the Frankfurt school of critical sociology and the postmodern sociology of J.-F. Liotar.

УДК 378.362:336.77(477)

И. В. Василенко

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРЕДИТ КАК ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ КОНТРАКТНОГО ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: кредитование, банк, образовательный кредит, платное обучение.

Эффективная система высшего образования является главной предпосылкой процветания экономики любой страны, поэтому крайне важно обеспечить доступность вузов для одаренных молодых людей, не имеющих достаточных средств для поступления. Актуальность данной статьи определена тем, что с каждым годом попасть на бюджетные места в вузах становится все сложнее. К тому же цены на обучение выросли для абитуриентов 2009 года в среднем на 30%. В условиях ограниченности финансовых возможностей государства и расширения платного образования все большее распространение получают альтернативные схемы финансирования обучения в вузах, в частности практика банковского кредитования студентов [8, с. 99–100].

Целью статьи является исследование банковского кредита на образование как перспективной, но пока малораспространенной и популярной формы оплаты обучения в высших учебных заведениях Украины.

Тема образовательного кредита важна не только для студентов, но и для государства в целом, заинтересованном в получении высокопрофессиональных кадров в будущем. Студенческие займы стимулируют спрос на высшее образование, делая его более доступным и помогая преодолеть финансовые трудности, которые могут возникнуть в процессе учебы. Получение кредита на образование мотивирует студента и хорошо учиться, чтобы по окончании вуза найти достойную

работу, и выплатить долг. Таким образом, высшее образование становится более продуктивным [4, с. 135]. Стоит также отметить, что студент, располагая средствами для поступления, будет иметь широкий выбор мест учебы, не будучи зависимым от стоимости обучения. Это может привести к повышению конкуренции среди высших учебных заведений, и, соответственно, к повышению качества образовательных услуг.

После подписания Украиной в 2005 г. Болонской декларации начался процесс интеграции отечественных вузов в европейское и мировое пространство. Реализация этих соглашений и договоров охватывает широкий круг вопросов, связанных со стратегическими ориентирами развития образования в XXI веке.

В национальной системе образования наименее урегулированным, но экономически важным и социально актуальным является вопрос регулирования кредитования обучения. В условиях, когда 67% студентов вузов обучаются на платной основе, возникает опасность коммерциализации учебных заведений, потере управляемости системой образования [3, с. 70]. Следовательно, необходим анализ альтернативного источника финансирования обучения студента, каким является кредит на получение образования.

Образовательный кредит — продукт относительно новый для отечественных банков. Большинство клиентов финансовых структур если и решаются брать ссуды, то для более прозаичных потребностей. Например, приобретения автомобиля, мебели или бытовой техники. Но эксперты финансового рынка отмечают постепенный рост популярности займов на обучение, особенно среди желающих получить второе высшее образование [1, с. 161–165].

В течение длительного времени банки не проявляли интереса к образовательному кредитованию отчасти потому, что не видели в этом необходимости, учитывая государственную поддержку образования, а также потому, что считали высокими или непредсказуемыми риски невозврата кредитов. Кроме

того, эти кредиты считались нерентабельными по причине относительно малого их объема. С развитием розничных банковских сделок и рынка потребительского кредитования, где, как показала практика, можно получать хорошие прибыли, началось переосмысление ситуации. Этот процесс и совпал с новыми тенденциями в сфере образования, где традиционно доминирует сектор государственных образовательных услуг, в частности с коммерциализацией образования, расширением частного сектора и вовлечением Украины в Болонский процесс. Соответственно возросла потребность заинтересованных в получении образования лиц в доступе к кредитам для оплаты обучения.

Образование – всегда выгодная инвестиция. Потенциальная годовая емкость рынка образовательного кредитования в Украине оценивается приблизительно в \$100 млн.

Однако в целом система образовательного кредитования у нас развита слабее, чем автокредитование и даже ипотека.

Специализированные кредитные образовательные программы в украинских банках – достаточно редкий продукт. Так называемые учебные займы большинством банков выдаются под маркой потребительского кредитования, посредством которого заемщиков также ссужают деньгами на проведение ремонта в квартире, приобретение товаров и прочие неотложные нужды. Поэтому статистику спроса на образовательные кредиты привести достаточно сложно, хотя, по мнению аналитиков, их совокупный объем за последний год вырос минимум на 30–35% [2]. При этом основная масса заемщиков искала средства на учебу в государственных высших учебных заведениях. На втором месте – запросы на кредиты от клиентов, которым необходимо оплатить учебу в частных вузах либо колледжах. Случаи кредитования зарубежного обучения пока единичны и рассматриваются в индивидуальном порядке.

Коммерческий банк подходит к вопросу финансирования обучения индивидуально. Единственное ограничение – возраст заемщика, поэтому финансисты отдадут предпочтение

родителям или опекунам, тем, кто является платежеспособным физическим лицом, хотя в определенных случаях (обучение на вечернем или заочном отделениях, в магистратуре или аспирантуре, получение второго высшего образования) студент, который достиг совершеннолетия, может самостоятельно обратиться в банк. При этом он обязательно должен иметь фиксированный и гарантированный заработок, который подтверждается соответствующими документами. Поскольку студент-первокурсник редко может иметь личный доход, из которого можно спокойно и своевременно выплачивать кредит, многие банки требуют залог или поручительство третьих лиц. То есть фактически кредит выдается не студенту, а его гаранту, но впоследствии может быть переоформлен.

На сегодняшний день проблема кредита на образование становится еще острее, если раньше многие банки предлагали кредиты для студентов (Икар-банк, Полтава-банк, Имэкс-банк, «Морской», ПриватБанк, БрокбизнесБанк и другие), то сегодня из-за кризиса от них отказались. По словам банкиров, такие специализированные программы будут действовать вновь не раньше, чем в конце января-февраля 2010 года. Однако в данных условиях существует возможность использовать кредитные ресурсы в форме потребительских (табл. 1) и карточных кредитов.

Следовательно, лишь немногие из банков-лидеров дают так называемые «кэш кредиты» – кредиты наличными – на потребительские нужды, а те из них, кто еще кредитует, страхуют свои риски посредством залога имущества у заемщика, а также установлением немалых процентных ставок и дополнительных комиссий.

Стоит отметить, что данный вид кредитования может быть оправдан, например, если заемщику нужен кредит не на всю стоимость обучения, а на какую-то ее часть. Такого рода кредиты можно получить на протяжении семи-десяти дней наличными в кассе банка, после оформления всех процедур, а целевое использование средств не будет контролироваться

Таблица 1

Список банков, предоставляющих кредиты в наличных средствах для физических лиц

Банк	Название программы	Максимальная сумма кредита	Базовая кредитная ставка	Комиссии и прочие платежи	Срок займа
Укрсоцбанк	Кредит под залог недвижимости	50% от залоговой стоимости недвижимости (не более 150 000 грн)	23% в грн	Единоразовая комиссия за открытие ссудного счета 0,99% от суммы кредита	До 5 лет
ПУМБ	Кредит наличными под залог недвижимости	60% от залоговой стоимости недвижимости (не более 150 000 грн)	2% в грн	Комиссия за оформление кредита 0,99% (минимально 599 грн) + 1% за оформление пакета услуг	От 6 мес. до 10 лет
Форум	Потребительский кредит	До 100 000 грн	28,5% в грн	2% – единоразовая комиссия	До 3 лет – под залог движимого имущества, до 10 лет – недвижимого
ВТБ банк	Потребительский кредит под залог депозита	95% от суммы депозита	% по депозиту +2%	1% – единоразовая комиссия за оформление пакета услуг	На срок депозита, минус 3 дня
Универсал банк	Потребительский кредит под залог недвижимого имущества	до 30% от стоимости обеспечения (не более 150 000 грн)	28,95 % в грн	–	До 7 лет
Выдача кредитов наличными для физических лиц приостановлена: Правэкс-банк, УниКредитбанк, Кредитпромбанк, банк Пивденный, Укргазбанк, Дельта банк, «ОТП банк», «Райффайзен Банк Аваль», Брокбизнесбанк, ПриватБанк, «VAB банк», Альфа-Банк (Украина), УкрСиббанк					

банком-заемщиком. Банк вправе попросить указать в заявлении цель предоставления займа, хотя многие не требуют даже этого.

Оплатить за контрактное обучение можно также, получив карточный кредит, который позволяет использовать имеющиеся на карточке средства, как путем снятия наличных, так и при непосредственном расчете. Принципиальное отличие карточного кредита от классического – возможное отсутствие залога. Кроме того, при получении обычного кредита банк сразу же начинает начислять плату за его обслуживание, а проценты по карточному кредиту начинают начисляться лишь с момента начала использования денег (снятия наличности в банкомате или платежа через POS-терминал). То есть если банк выделил заем в августе, а вуз позволяет оплатить учебу в сентябре-ноябре, то можно начать тратить кредит позже и сэкономить на выплате процентов.

Однако и ситуация с кредитными картами также оставляет желать лучшего. Из двадцати опрошенных ТОП-банков лишь четыре из них дают кредитные лимиты на карты: ПриватБанк, «ИНГ банк Украина», «ОТП Банк», «Райффайзен Банк Аваль». Наиболее подходящими условиями предоставления кредитной линии может считаться ПриватБанк. Для нового клиента в этом банке может быть оформлен кредитный лимит до 500 грн, который увеличивается до 8000 грн в случае открытия в банке депозита [5]. Также для карточного кредита устанавливается льготный период, когда заемщик может погасить задолженность без начисления процентов на сумму долга (такой период устанавливается всеми перечисленными выше банками, за исключением «ИНГ банк Украина»). Для получения такого кредита нужен минимальный пакет документов (паспорт, ИНН, справка с места работы за последние шесть месяцев (последнее требуют не все банки)).

По прогнозам экспертов, такая ситуация на розничном кредитном рынке сохранится до начала 2010 года [7, с. 24], пока же клиентов будут кредитовать лишь те банки, которым

не угрожает введение временной администрации и у которых есть возможность привлечь ресурсы материнских фондов из-за рубежа.

Специалисты по кредитованию часто утверждают, что образовательные кредиты — выгодное капиталовложение и с ними нельзя не согласиться. Вы вкладываете деньги не просто в вещь, которая после ее приобретения падает в цене, что характерно для потребительских кредитов, но в будущего специалиста, который может и будет приносить прибыль.

Из вышесказанного следует, что развитие такого нового банковского продукта, как образовательный кредит, на отечественном рынке приостановилось. Если раньше ряд банков решались на предоставление подобной услуги студентам, то сегодня в результате кризиса в банковской сфере, оттоке депозитов и нехватке кредитных средств эти программы приостановлены. Использование же альтернативных кредитов — кредитов наличными для студентов тоже не представляется возможным, поскольку кредит выдается на сегодняшний момент с обязательным обеспечением в виде движимого или недвижимого имущества, что является для заемщика немалым риском.

Список литературы

1. Буцька О. Ю. Кредитування студентів як джерело фінансового забезпечення діяльності вищих навчальних закладів / О. Ю. Буцька // Акт. пробл. економіки. — 2007. — № 9. — С. 161–168.
2. Галицкая О. Диплом в кредит [Электронный ресурс] / О. Галицкая // Ипотека в Украине. — 2006. — Режим доступа : <http://www.ipoteka.net.ua/2006/11/10/diplom-v-kredit/>. — Загл. с экрана.
3. Новигов В. Финансово-кредитные и институциональные аспекты развития профессионального образования на постболонском пространстве / В. Новигов, П. Левин // Экономика Украины. — 2006. — № 9. — С. 64–73.
4. Прахов И. А. Образовательный кредит: зарубежный опыт и возможности использования в условиях асимметричной информации /

И. А. Прахов, Е. В. Савицкая // *Вопр. образования.* – 2007. – № 1. – С. 133–152.

5. ПриватБанк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.privatbank.ua/>– Загл. с экрана.

6. Харламов П. Как взять кредит на учебу / П. Харламов // *Деньги.* – 2008. – № 26. – С. 17–20.

7. Харламов П. Велели не занимать / П. Харламов // *Деньги.* – 2009. – № 13/14. – С. 20–27.

8. Хольвег Л. Л. Образовательные кредиты – рынок будущего / Л. Л. Хольвег // *Экономика образования.* – 2007. – № 3. – С. 99–103.

Резюме

Дана стаття порушує питання освітнього кредиту як одного з основних джерел фінансування контрактного навчання. Виявлено сутність ринку роздрібних кредитів, що надаються фізичним особам банківськими установами. У вигляді таблиці I підсумовується проведене експрес-дослідження щодо банків, кредитні кошти яких ще доступні для позичальників.

Summary

The article deals with the problems of an educational loan as one of the main sources of financing chargeable education. The essence of the market of retail loans granted to natural persons by banking institutions has been examined. The results of an express research on banks having available credit funds for borrowers are represented in Table I.

УДК 371.3:316.472.47:(372.83)

Б. Б. Гурій

ОСВІТНІ ТЕХНОЛОГІЇ ЯК ФАКТОР ФОРМУВАННЯ СОЦІАЛЬНОГО КАПІТАЛУ

(на прикладі викладання курсу «Розвиток
інформаційного суспільства» для фахівців із соціології)

Ключові слова: освіта, освітні технології, соціальний капітал, інформаційне суспільство, соціолог.

Сучасний стан розвитку української освіти характеризується розробленням та впровадженням новітніх освітніх технологій у навчальний процес, що потребує застосування нових підходів до управління та залучення до традиційної системи навчання і виховання інших механізмів та способів її реалізації. Це зумовлено тим, що даний процес не зводиться лише до збільшення суми знань та розвитку професійної спрямованості майбутніх фахівців, а передбачає досягнення нової якості організації навчально-виховного процесу з урахуванням сучасних підходів до забезпечення діяльності суб'єктів у процесі професійної підготовки [3].

Впровадження нових навчальних технологій в освітній процес можна вважати прогресивним кроком, який не лише підвищує мотивацію до навчання, а й сприяє формуванню соціального капіталу. Освіта як включення в соціальну спільноту інтелектуалів, одна із найважливіших ознак якої – високий рівень навчання, є накопиченням соціального капіталу. Крім того, освіта є ресурсом що сприяє зміцненню єдності нації та розвитку різних елементів громадянського суспільства. Внаслідок передачі демократичних цінностей та культурних норм вища школа сприяє вихованню громадянської позиції, сприяє соціальній згуртованості, робить внесок у державне будівництво. Це, у свою чергу, служить опорою для формування й зміцнення соціального капіталу, тієї суспільної довіри,

яка виникає в результаті впевненості людини у завтрашньому дні, у гарантованій доступності для неї наявних суспільних ресурсів і надійному захисті на випадок кризи. Таким чином, університети та інші ВНЗ стають перехрестям соціального співробітництва, створюють навколо себе атмосферу соціальної довіри, служать розвитку справедливого суспільства. Саме тому важливо забезпечити адекватну і справедливу систему вищої освіти, створюючи нові можливості освіти для всіх верств суспільства, щоб усі громадяни могли максимально брати участь в освітній системі на всіх її рівнях, тим самим сприяючи формуванню соціального капіталу [4, с. 5].

Аналіз наукових джерел свідчить про накопичення значного теоретичного та практичного матеріалу щодо дослідження ролі впровадження освітніх технологій у навчальний процес (В. Беспалько, В. Бондар, Г. Бордовський, О. Гаврилюк, О. Долженко, М. Кларін, Н. Корсунська, І. Прокопенко, А. Слободянюк, Д. Чернилевський, Ф. Янушкевич та ін.) та вивчення соціального капіталу як важливого ресурсу для розвитку українського суспільства (Є. Головаха, В. Степаненко, В. Омелько, А. Бова, Ю. Свеженцева, О. Демків, та ін.).

Проте, незважаючи на досить широке зацікавлення даними проблемами, поза увагою українських дослідників залишається тематика впливу освітніх технологій на процес формування соціального капіталу. Саме тому **метою** нашої статті є аналіз ефективності впровадження нових освітніх технологій у зазначений процес. Зокрема, на прикладі впровадження в навчальний процес курсу «Розвиток інформаційного суспільства» визначається його важливість у якісній підготовці фахівців із соціології в Національному університеті «Львівська політехніка».

Серед науковців, які звернулися до розгляду освіти як важливого чинника формування соціального капіталу, можна виділити Ф. Фукуяму та П. Бурдье, М. Грановеттера та інших. На думку Френсіса Фукуями, соціальний капітал нерідко є продуктом особливого типу освіти. Він наголошує, що «професійна освіта є не просто передачею певних фактів, знань

і методик. Це також процес навчання певних моральних норм, завдяки яким професійні стандарти стають вище власних інтересів професіонала... Перевага, яку дає така освіта, полягає в тому, що вона культивує певні норми, які стають важливим джерелом соціального капіталу» [5, с. 4]. Французький соціолог П. Бурдьє визначив соціальний капітал як сукупність реальних або потенційних ресурсів, пов'язаних із володінням стійкою мережею більш-менш інституціоналізованих відносин взаємного знайомства і визнання – іншими словами, із членством у групі. Автор досліджує систему відтворення класової структури суспільства і водночас аналізує вплив цієї системи на досягнення статусів у суспільстві, зокрема у межах інституту освіти [1, с. 86]. Концепція соціального капіталу М. Грановеттера ґрунтується на тому, що соціальний капітал – це будь-який прояв неформальної соціальної організації, який виступає як продуктивний ресурс для індивіда чи групи. Для студентів тісні зв'язки з групою однокурсників, які працюють над тими ж проблемами, є соціальним капіталом, який сприяє навчанню в університеті [2].

Таким чином, враховуючи важливість освіти як одного з механізмів формування соціального капіталу, необхідно розглядати навчання не лише як процес передачі знання, а ґрунтуватися на тому, що освіта є самостійною цінністю, метою якої є отримання зв'язків та навичок, що будуть базовими для подальшого професійного становлення. Важливе значення в даному процесі належить новим освітнім технологіям, спрямованим на забезпечення надання якісної освіти. Зважаючи на те що механізми і способи підвищення якості освіти – це проблема значною мірою внутрішньоуніверситетська, тому кожен вищий навчальний заклад створює власну систему заходів та технологій, що будуть введені у навчальний процес.

З переходом на нові стандарти освітньої підготовки фахівців у Національному університеті «Львівська політехніка» здійснюється робота щодо формування нової системи інформаційного забезпечення освіти з упровадженням у навчальний

процес новітніх педагогічних технологій. Предметним полем аналізу нашої статті є оцінка важливості впровадження дистанційних форм організації навчально-виховного процесу та введення в навчальний процес для фахівців із соціології курсу «Розвиток інформаційного суспільства».

Підготовка кваліфікованих фахівців із соціології неможлива без засвоєння студентами не лише «класичної» складової соціологічної науки, до якої можна віднести методологію науки, теоретичну та емпіричну соціологію, історію її становлення, усталені соціологічні теорії, але і ґрунтовних знань про модерні виміри сучасного суспільства, зокрема процеси, пов'язані із різними видами суспільних комунікацій, перетворення інформації на один із визначальних чинників функціонування соціуму. Тому цілком виправданим є не лише введення до навчальної програми спеціальності «Соціологія» у закладах вищої освіти України курсу «Розвиток інформаційного суспільства», але і трактування його як одного з базових.

Програму підготовки соціологів та соціальних працівників в університеті «Львівська політехніка» було започатковано з 1999 року. Її запровадження розглядається керівництвом відомого не лише в Україні, але і за кордоном потужного технічного університету як один із виявів гуманітаризації навчального процесу, метою якого є, з одного боку, формування у висококваліфікованих фахівців інженерно-технічного профілю розвинених громадянських якостей, а з другого – пошук шляхів інтеграції вивчення соціогуманітарних та технічних наук, що є одним із актуальних завдань сучасного суспільства. Саме курс «Розвиток інформаційного суспільства», в якому подаються знання про сутність інформації, її соціальну природу, технологічні та суспільні канали її поширення, проблеми побудови взаємовідносин між машинними та людськими системами, на наш погляд, дозволяє успішно розв'язувати ці завдання.

Уже сам факт впровадження даного курсу може розглядатися як один із виявів модернізації українського суспільства

та вітчизняної вищої школи, їх відмови від таких негативних моментів колишньої радянської системи освіти, як схоластичність та надмірна ідеологічна заангажованість.

Пострадянське суспільствознавство, у тому числі українські дослідники, звернулися до аналізу даної проблематики відносно недавно. Це пов'язано з тим, що в термінах «постіндустріальне», «інформаційне» вбачали альтернативу формаційним термінам «соціалістичне» і «комуністичне», а отже, в цьому позначався відхід від нав'язуваних у тодішньому суспільстві ідеологічних догм. У зв'язку з цим проблематику інформаційного суспільства в українській соціології опрацьовано ще недостатньо, а тому і викладачі, і студенти зустрічаються з певними труднощами.

Відносна обмеженість бібліографічної бази курсу в поєднанні з наявністю у студентів п'ятого року навчання певних навичок самостійної дослідницької практики розглядається нами як додатковий імпульс для їх занять навчальними дослідженнями під керівництвом викладачів. Таке проведення студентами самостійних емпіричних досліджень, зокрема в рамках написання рефератів, курсових робіт, дозволяє сформувати належну емпіричну базу для ілюстрації певних теоретичних положень прикладами із життя сучасного українського суспільства і активно використовувати її в навчальному процесі. Тому наукові пошуки студентів зосереджуються на напрямках, які можна визначити як основні та принципово важливі для навчального курсу: специфіка та основні прояви становлення інформаційного суспільства в Україні; соціальна структура інформаційного суспільства, нові виміри соціальної нерівності, зокрема пов'язані із доступом до джерел інформації; вплив Інтернету та інформаційних технологій на формування інформаційного суспільства; специфіка впливу сучасного інформаційного простору на зміну сутності та структури суспільних цінностей, соціально-психологічні аспекти формування інформаційного суспільства; інформаційні війни та інформаційна злочинність, роль засобів масової

інформації як основного з важелів при управлінні всіма суспільними процесами, зокрема масовою культурою; дослідження взаємодії тенденцій глобалізації суспільства та індивідуалізації життя громадян, їх прагнення до замикання в собі, самоізоляції від громади; аналіз переваг та проблем глобального інформаційного суспільства тощо.

Активні заняття студентів дослідницькою роботою не лише дозволяють їм аналізувати проблеми становлення інформаційного суспільства на реаліях нинішньої України, але й побачити дію його механізмів на прикладі із власного соціального оточення, що дозволяє краще реалізувати педагогічні принципи наочності навчання, його прив'язки до буденного життя особистості.

Вивчення даного курсу не повинно обмежуватися лише межами навчальної програми для студентів стаціонарної форми навчання. Швидке «старіння» набутих у процесі навчання знань є саме однією із характерних ознак інформаційного суспільства. Отже, необхідно продовжувати навчання під час подальшої професійної кар'єри, зокрема із застосуванням дистанційних технологій в межах, наприклад, заочної чи дистанційної форм. Навчання на основі мережі Інтернету зможе задовольнити потреби працюючих професіоналів, тих, хто не має можливості відвідувати безпосередньо навчальний процес через зайнятість на роботі, стан здоров'я чи сімейні обставини тощо. Воно також може використовуватися для підвищення ефективності самостійної роботи студентів і в межах традиційних форм навчання: стаціонарної, заочної, екстернату.

Дистанційне навчання насамперед забезпечує:

- неперевершену швидкість оновлення знань, які вибираються із світових інформаційних ресурсів;
- надає можливість оновлювати свої знання протягом усього життя;
- дозволяє без обмежень розширити аудиторію викладача, ігноруючи при цьому географічні і політичні кордони;

- дозволяє максимально наблизитися до спеціальних потреб інвалідів при отриманні ними освіти;
- надає широкий вибір програм для різних категорій людей з різноманітними мотиваціями і цілями.

Активне запровадження дистанційної освіти, що базується на широкому використанні комп'ютерних технологій, у Національному університеті «Львівська політехніка» розпочалося в червні 2005 року із започаткуванням проекту, партнерами в якому стали уряд Японії, Програми розвитку ООН в Польщі та в Україні, Польсько-Японський інститут інформаційних технологій, Національний технічний університет України «Київський політехнічний інститут» та «Львівська політехніка». Основним напрямом дистанційного навчання у «Львівській політехніці» стали комп'ютерні науки, зважаючи на попит на здобуття освіти саме в цій галузі, на більші можливості доступу до відповідних технологій саме абітурієнтів, зацікавлених в отриманні таких професій. Окрім того, брався до уваги і досвід університету, набутий в інших міжнародних проектах, пов'язаних із модернізацією системи освіти в Україні, зокрема канадсько-українського проекту «Реформування соціальних служб в Україні». Одним із його завдань стало саме розширення доступу неповносправних осіб до освіти. Важливою передумовою успішності дистанційного навчання є забезпечення викладачів та студентів відповідними навчально-методичними матеріалами. Їх слід створювати на основі не лише новітніх досягнень наукової думки, але і залучаючи можливості, які відкриваються власне комп'ютерною технікою.

Впровадження нових освітніх курсів та дистанційної форми навчання, що базується на широкому застосуванні сучасних комп'ютерних технологій, можна розглядати як один із виявів модернізації українського суспільства та вітчизняної вищої школи, їх входження у світовий освітній простір та водночас як механізм підвищення соціального капіталу суспільства. Широке застосування нових освітніх технологій є своєрідним викликом викладачам та студентам, які не лише змушені будуть

докласти певних зусиль для освоєння сучасних технологій навчання, але й відкривати в них нові можливості для вдосконалення особистісного підходу до процесу навчання та системи освіти в цілому, що, у свою чергу, сприятиме розвитку тих цінностей та поведінки, які необхідні для формування соціального капіталу.

Список літератури

1. Артамонова М. В. Институциональная трансформация российского высшего образования / М. В. Артамонова, О. В. Богословская, Ю. В. Латов // Экономический вестн. Ростов. гос. ун-та. — 2006. Т. 4. — № 3. — С. 84–90 с.
2. Granovetter M. Getting a job: a study of contacts and careers / M. Granovetter. — Cambridge : Harvard University Press. — 1974.
3. Ковжого С. О. Сучасні освітні технології та методи їх використання в навчальному процесі [Електронний ресурс] / С. О. Ковжого, А. М. Полежаєв, С. А. Тузіков. — Режим доступу : http://www.rusnauka.com/8_NMIW_2008/Pedagogica/28601.doc.htm (використано 08.10.09)
4. Кремень В. Г. Освіта як соціальний капітал / В. Г. Кремень // День. — 2008. — № 8. — 18 січ. — С. 5.
5. Фукуяма Ф. Що таке соціальний капітал? / Ф. Фукуяма // День. — 2006. — № 177. — 18 жовт. — С. 4.

Резюме

Статья посвящена анализу роли внедрения новых образовательных технологий в учебный процесс и выяснению их значения в формировании социального капитала. Воспринимая образование как важнейший элемент развития человеческих ресурсов, автор на примере внедрения в учебный процесс курса «Развитие информационного общества» определяет его важность в качественной подготовке специалистов по социологии в Национальном университете «Львовская политехника».

Summary

The article analyses the part of new technologies in the educational process and their significance in creating the social capital. Regarding education as the most important element in developing human resources, the author on the material of the course «Development of an information society» demonstrates its importance in a high quality training of specialists in sociology at the National University «Lviv polytechnic».

УДК 37.013

Ю. В. Гордзелевская

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: поддерживающее обучение, инновационное образование, инновационное поведение, инновационное сознание.

В постоянно меняющемся мире происходит быстрая трансформация всех сфер жизнедеятельности человека. Образование – не исключение. Оно в широком смысле является создателем культуры, которая направлена на воспитание и обучение личности. Современная образовательная культура по своему характеру является инновационной, то есть она всегда активно откликается на все новое, что происходит в современном обществе. Поэтому изменения в современном образовании необходимы, прежде всего для преодоления существующего в мире «человеческого разрыва». По своей сути он состоит в возрастающей сложности проблем, стоящих перед обществом, и неспособности человека овладеть решением этих проблем.

Такая ситуация возникла в связи с тем, что существующий в мире подход к образованию не отвечает современным потребностям личности. Многие исследователи считают, что существующая в нашем обществе система образования является «поддерживающим обучением», которое основывается на фиксированных точках зрения, правилах, методах, нацеленных на уже известные и повторяющиеся ситуации. Однако «поддерживающее обучение» не позволяет решать наиболее значимые проблемы современности.

В последние годы в мировом сообществе появилась другая тенденция, связанная с переходом на «инновационное образование». Этому типу образования присущи две характерные особенности:

- предвидение, ориентирующее личность на сознательный,

заранее осмысленный выбор долговременных альтернатив его будущего;

– участие, которое предполагает вовлеченность отдельных людей и целых сообществ в процессы принятия важных решений [4].

Обе эти характеристики составляют основу инновационного образования.

Поэтому инновационный подход к образовательному процессу предполагает развитие у учащихся возможностей осваивать новый опыт на основе воспитания творческого и критического мышления, овладения учебно-исследовательской деятельностью, ролевым и имитационным моделированием. С инновационным подходом связана разработка моделей обучения как организации учебно-поисковой, исследовательской деятельности; обучения как организации учебно-игровой, моделирующей деятельности; обучения как организации активного обмена мнениями, творческой дискуссии.

В современной концепции развития украинского образования содержатся идеи перехода от «поддерживающего обучения» к «инновационному образованию». Сравним суть и содержание этих понятий по некоторым основным позициям (табл. 1).

Инновационные процессы в образовании не происходят без опоры на фундамент культуры, прежде всего культуры отечественной, которая также претерпевает определенные изменения.

В этой ситуации учебные заведения, практикующие инновационное образование, становятся субъектами культуры при определенных условиях, а именно они выступают:

– транслятором культуры и ценностей в обществе, то есть проявляют себя как активные субъекты воспитания «социального характера»;

– проводником и источником изменений в жизни общества;

– средством для осуществления диалога культур и ценностей разных народов, социальных и возрастных групп, объединяя людей на основе этических представлений и норм;

Таблица 1

	Поддерживающее образование	Инновационное образование
Постановка целей	не ориентировано на перспективные цели	ориентировано не только на настоящее, но и на перспективу, вырабатывается совместно преподавателями и представителями социума, учитывая особенности деятельности той или иной образовательной системы
Содержание образования	ориентировано на процесс оптимизации передачи нормативного содержания, а также развитие четко определенных умений и навыков (прежде всего учебных)	нацелено на большую самостоятельность педагогов в отборе, структурировании, оптимизации учебного содержания, на осознанный выбор образовательных приоритетов в содержании, основываясь на принятии интересов и потребностей участников образовательного процесса при соблюдении образовательных стандартов
Педагогические приемы и технологии	преобладают технологии простой передачи знаний преподавателя студенту, применение новых педагогических приемов и технологий может носить эклектичный и фрагментарный характер	имеет системный характер и ориентировано на интерактивные технологии, технологии развития исследовательской деятельности студента
Отношения преподаватель – студент	более всего важны опыт и знания преподавателя, образцы поведения, восприятия, отношения	не отрицая ведущей роли преподавателя, предполагает, что отношения строятся на принципах совместного познания внутреннего и окружающего мира, когда студент с помощью преподавателя вступает в активный диалог с познаваемой реальностью
Работа с информацией	строится на уважительном отношении к информации	строится на внимательном отношении к информации, предполагает обучение преподавателей и студентов постановке познавательных и исследовательских задач, самостоятельному осознанному поиску необходимой информации
Определение результативности	ориентировано на определение уровня знаний (особенно предметных), учебных умений и навыков	предполагает целостную многоуровневую систему определения результативности (от студента до уровня образовательной системы), учет не только предметной, но и «надпредметной» (интегрально-личностной) сферы успехов

– создателями условий для творческой активности преподавателей и студентов, которые становятся сотворцами культуры;

– родоначальниками особой вузовской культуры, соединяющей в себе мастерство преподавателя, учебное содержание, методы обучения и воспитания и т. д., содержащей в снятом виде духовные и интеллектуальные ценности, накопленные на протяжении истории развития общества, служащие основой развития детей и молодежи.

Особая роль в инновационном образовательном процессе принадлежит преподавателю. Его компетентность и человеческие качества становятся решающим условием успеха инновационных преобразований современного украинского образования.

Современный преподаватель является субъектом инновационной деятельности. Процесс субъектного развития и существования человека характеризуется способностью личности к самопознанию, к пониманию собственных задач в каждой конкретной ситуации, определению адекватной линии поведения, к анализу ситуаций, постановке целей.

Данные характеристики дают четкое представление о содержании процесса саморазвития преподавателя в инновационной деятельности. В этом процессе преподаватель может быть охарактеризован как субъект самосознания, саморегуляции, общения.

Основными структурными компонентами процесса саморазвития преподавателя являются рефлексивное, регулирующее, развивающее взаимодействия. Развитию именно этих компонентов должно способствовать инновационное образование, в котором протекает жизнедеятельность преподавателя, становление его профессионализма.

Важным аспектом подготовки новаторов является развитие у них инновационного сознания, под которым понимают часть их экономического сознания, включающую интересы, цели, мотивы, ориентации, связанные с осуществлением нововве-

дений. От уровня развития у людей инновационного сознания непосредственно зависит степень их инновационной активности. Инновационное сознание формируется в процессе осуществления нововведений и во многом является результатом накопленного специалистом опыта участия в них. Основополагающую роль в структуре инновационного сознания играет мотивация инновационного поведения.

Мотивация современного человека представляет собой сложную иерархическую структуру, где ключевое положение занимают так называемые смыслообразующие мотивы поведения, в которых проявляется структура потребностей личности, задаваемая системой ценностей. Активное содействие внедрению инноваций оказывают те, чье поведение определяется смыслообразующими мотивами общественно полезной деятельности или личного продвижения в организационной иерархии. В иерархии потребностей новаторов относительно больше актуализированы потребности в самореализации и отождествлении с организацией или сообществом специалистов [1]. Однако в настоящее время приходится говорить о том, что основными движущими силами при внедрении инноваций являются не внутренние мотивы, а прагматические, что подтверждается результатами социологического исследования Ю. А. Карповой, посвященного изучению ценностно-мотивационных аспектов деятельности изобретателей. В иерархии мотивов изобретателей была отмечена тенденция к возрастанию роли материального фактора и снижению собственно внутренней мотивации творчества [2].

В группе изобретателей пенсионного и предпенсионного возраста в качестве ведущего мотива, побуждающего к творческой деятельности, выявлено стремление повысить свой профессиональный престиж в коллективе, подтвердить свою эффективную работоспособность. В группе молодых изобретателей доминирует мотив материального вознаграждения. Занятие творчеством не является для них самостоятельной ценностью, выступая средством упрочения материального

положения. Один из вариантов разрешения сложившейся ситуации предлагает С. Ю. Глазьев [1]. Исследователь отмечает, что актуализация потребности личности в самореализации и отождествлении в форме мотивов общественно полезной деятельности может стимулироваться соответствующей средой, в которой деятельность субъекта получает положительное эмоциональное подкрепление. В этом случае в осознании субъектом самого себя и общественной практики возникает положительная обратная связь, закрепляющая смыслообразующее положение мотивов общественно полезной деятельности. Таким образом, создавая субъекту условия, определяющие ту или иную эмоциональную окраску разных направлений его деятельности, общество может воздействовать на его мотивационную структуру.

Инновационное сознание человека является непосредственным регулятором его инновационного поведения. Инновационное поведение играет важную роль в осуществлении нововведений, способствуя либо не способствуя этому процессу. Высшей формой инновационного поведения является самостоятельная разработка новшеств и их активное внедрение.

Ключевой фигурой в конструировании нового мира является преподаватель вуза, деятельность которого должна способствовать его максимально полной профессионально-педагогической личностной самореализации. Она становится исходным пунктом при переходе от «поддерживающего обучения» к «инновационному образованию», связанному со становлением личностного начала в субъектах культурно-образовательной среды высшей школы.

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. — М. : ВлаДар, 1993.
2. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики / Ю. А. Карпова. — СПб. : Питер, 2004. — 192 с.

3. Косов Ю. В. Тенденции развития образования в современном мире // Проблемы образования в современной социокультурной ситуации / под ред. С. В. Тарасова. – СПб. : Крисмас+, 1996.

4. Последипломное педагогическое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://loo.loiro.ru/index.php?module=articles&action=view&cid=0&id=1>

Резюме

У даній статті основна увага приділяється новим підходам до сучасної системи освіти. Розглянуто характерні особливості «інноваційної освіти». Інноваційний підхід до освітнього процесу представлений в порівнянні з «підтримуючим навчанням». У статті говориться про роль і місце викладача в інноваційному освітньому процесі, у розвитку і формуванні інноваційної свідомості студента, мотивації інноваційної поведінки. Розкрито значення інноваційної освіти як в українській системі освіти, так і у світовій.

Summary

In given article the basic attention is given to new approaches to modern to an education system. Prominent features of “innovative education» are considered. The innovative approach to educational process is presented in comparison with «supporting training». In article it is spoken about a role and a place of the teacher in innovative educational process, development and formation of innovative consciousness of the student, motivation of innovative behaviour. Value of innovative education, as in the Ukrainian education system, and world is opened.

УДК 316.614-056

*О. М. Дікова-Фаворська***ВАРІАТИВНІСТЬ ОСВІТИ:
СПОСОБИ РЕАЛІЗАЦІЇ
ДЛЯ ОСІБ З ВАДАМИ ЗДОРОВ'Я**

Ключові слова: безбар'єрне середовище, варіативність освіти, модель інвалідності, соціалізація, функціональні обмеження здоров'я.

Одним з основоположних принципів сучасної системи освіти є варіативність освіти. Вона сформувалася в результаті усвідомлення суспільством, державою, освітнім співтовариством необхідності подолання уніфікації і одноманітності в освітній сфері. Саме варіативність освіти являє собою перспективний напрям розвитку сучасної системи освіти в умовах трансформації суспільства, плюралістичних підходів до освіти і виховання особи у мінливому соціокультурному середовищі. За своєю суттю вона вирізняється спрямованістю на забезпечення максимально можливого ступеня індивідуалізації освіти. Це здатність системи освіти надавати людям, які навчаються, достатньо великого різноманіття повноцінних, якісно специфічних і привабливих варіантів освітніх траєкторій, спектру можливостей (осмислених і адекватних запитам осіб, які навчаються) вибору такої траєкторії.

Існує безліч *шляхів і способів реалізації ідеї варіативності освіти*: різноманіття освітніх програм і освітніх установ, що їх реалізують; плюралізм і гнучкість навчальних програм, підручників; варіативність і можливість вибору програмно-методичного забезпечення, освітніх технологій.

Вища освіта проголошує сучасні ідеали освіченої людини – наявність інформаційної культури, знання мов, сприйняття культурних цінностей, уміння бути толерантним, узгоджувати власні бажання із суспільним історичним розвитком. Ці напрями успішно розгортаються в інформаційно-пізнавальній сфері

вищої освіти і знаходять своє специфічне втілення у завданнях навчання осіб із функціональними обмеженнями здоров'я, а саме:

- гармонізація відносин особистості людини з вадами здоров'я, яка пізнає світ і формується в ньому, і природи, суспільства, соціальних спільнот через адекватність наукової картини світу;

- усвідомлення мети і завдань людської діяльності щодо перетворення світу, своїх можливостей у здійсненні суспільно значущої діяльності з урахуванням своєї фізичної обмеженості;

- оптимальне програмування інтелектуального, емоційного, нейрофізіологічного розвитку особистості людини з інвалідністю в науково-освітньому просторі через сприйняття, розуміння, засвоєння шляхів наукового, ціннісного пізнання навколишнього світу;

- розвиток суспільної, фахової компетентності особи з функціональними обмеженнями здоров'я;

- використання людиною з вадами здоров'я соціальної інформаційно-комунікативної діяльності для виявлення свого ідентифікованого «Я», її рефлексування щодо своїх особливих потреб;

- оптимізація соціалізації особистості інваліда через структуроване, індивідуальне занурення в культурне, цивілізаційне, соціальне середовище;

- нарощування способів індивідуального виявлення, самореалізації в інформаційно-пізнавальній діяльності, що становить сутність, зміст та організацію вищої освіти; продуктивне освоєння безбар'єрного середовища ВНЗ та усунення перешкод для успішного функціонування з урахуванням своїх особливих потреб;

- навчання людини з вадами здоров'я життю в умовах прогресуючого інформаційного середовища через безперервну самоосвіту, самовдосконалення, напрацювання шляхів творчого, гнучкого, багатоманітного, мобільного виявлення індивідуальності осіб з особливими потребами;

– постійний пошук інформаційного дискурсу на інтелектуальному, емоційному і діяльнісному рівнях процесу навчання; безперервного розроблення індивідуальних стратегій інноваційного проектування, моделювання соціальної діяльності осіб з функціональними обмеженнями здоров'я;

– безперервне морально-культурне порівняння поведінки, стимулів, намірів осіб з функціональними обмеженнями здоров'я з існуючою культурною ситуацією в умовах глобальної трансформації, що допомагає стати на шлях індивідуальної відповідальності за реалізацію їх життєвих стратегій.

Це сприяє як розумінню цінності особи з функціональними обмеженнями здоров'я, так і необхідності дотримання суспільно визнаних культурних норм і цінностей стосовно людей з вадами здоров'я.

Отже, визначивши основні напрями реформи системи вищої освіти стосовно осіб з функціональними обмеженнями здоров'я, можна зробити висновок, що гуманітарний чинник набуває нині першорядного, принципового значення, виступаючи найважливішим джерелом і передумовою системного реформування всіх рівнів освіти і впровадження ідеї безперервної освіти для осіб, які мають вади здоров'я. Міжнародна практика свідчить про те, що чим швидше ізольоване інтерноване виховання дітей-інвалідів зміниться на інтегроване навчання і виховання, тим швидше вони зможуть адаптуватися в житті. Розв'язання даної проблеми передбачає:

1) створення мережі локальних центрів ранньої реабілітації, які будуть максимально наближені до місця проживання дітей. Діяльність цих центрів має здійснюватися в тісному контакті з установами охорони здоров'я і навчальними закладами. При цьому необхідно створювати індивідуальні плани і програми роботи з такими дітьми з урахуванням рівня їх розвитку, можливостей і здібностей. Важливо враховувати, що рання соціальна реабілітація дітей-інвалідів може бути ефективною лише за умови участі в цьому процесі сім'ї дитини;

2) поступову інтеграцію дітей-інвалідів до дитячих дошкільних установ і загальноосвітніх шкіл;

3) ранню соціальну інтеграцію у суспільство [1].

Поняття «*реабілітація*» передбачає повне відновлення правового статусу особистості в суспільстві, тобто це поняття має юридичне значення. Слід відзначити, що за кордоном практично вилучено з обігу термін «інвалід», що перекладається з латинської як «недієздатний». Його використання стосовно «нетипових» людей взагалі вважається порушенням їх прав. У медичному, соціально-етичному розумінні термін «реабілітація» використовується з певним значенням – як комплекс заходів щодо інтеграції інвалідів в суспільство. Одним із найважливіших чинників інтеграції є рівний доступ до освіти як «ліфта» соціальної мобільності.

Здійснюючи роботу із соціальної інтеграції осіб з особливими потребами, необхідно пам'ятати, що в Україні існує чотири *моделі інвалідності*.

Перша з них – *медична* – визначає інвалідність як медичну патологію. У межах цієї моделі дитину віддають до спеціалізованого інтернату і, фактично, позбавляють сім'ї. Це призводить до її ізоляції від суспільства, що, поза сумнівом, відбивається на її соціальному статусі.

Друга модель – *політична* – орієнтована на те, що діти-інваліди розглядаються як меншина, права і свободи якої обмежуються; це викликало активізацію руху за права інвалідів. У контексті даної моделі підкреслюється, що людина з обмеженими можливостями, її сім'я і близьке оточення мають бути головними експертами у проблемі інвалідності і мати можливість здійснити своє пріоритетне право у формуванні державної соціальної політики.

Соціальна модель передбачає можливість для інваліда діяти соціально. Із цією метою створюються державні спеціалізовані служби, розробляються програми для соціальної реабілітації та інтеграції. Недоліком цієї моделі є пасивність об'єкта (інвалід + сім'я) для патронажу і правового захисту. Тому можна розглядати її ефективність тільки в короткостроковій перспективі.

Нарешті, четверта модель – «культурний плюралізм» – характеризує інвалідність як проблему нерівних можливостей. Дана модель розглядає дитину з обмеженими можливостями з позиції громадянських прав, а не з позиції наявності патології. Вона орієнтується на всі можливості ліквідації фізичних і психологічних бар'єрів в соціальному середовищі [1; 2]. Саме сфера соціальної роботи, а не медичний аспект, є головною сферою, де діти з особливими потребами отримують професійну підтримку, захист, допомогу; тут для них створюються необхідні умови для соціальної адаптації, реабілітації та інтеграції у суспільне життя.

Головне завдання освіти полягає в тому, щоб допомогти людині розкрити свій потенціал та здійснити життєві плани щодо повноцінного самодостатнього життя у суспільстві. Освіта для інваліда – це шлях до інтеграції, до отримання економічної незалежності, що дозволяє людині з функціональними обмеженнями здоров'я не бути утриманцем держави та власної родини; це шанс зробити свій власний внесок у розвиток суспільства.

Список літератури

1. Іванова І. Б. Соціально-психологічні проблеми дітей-інвалідів / І. Б. Іванова. – К. : Логос, 2000. – 145 с.
2. Мостіпан О. Державна політика щодо інвалідів: перспективи та пріоритети / О. Мостіпан // Соц. захист. – 2002. – № 11. – С. 13–16.

Резюме

В статті розкриваються можливості варіативності образования в решении проблем самореализации лиц с функциональными ограничениями здоровья, а также изучается потенциал моделей инвалидности в организации интегрированного обучения студентов с учетом их особых потребностей.

Summary

The article addresses the problem of varying education for the self-realization of disabled people. The organization of integrated teaching is discussed proceeding from the disability model and the students' special requirements.

УДК 316.74:[37.05:177.72](477)

В. С. Заярная

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: благотворительность, социально-сетевой анализ, направления анализа социальных сетей, субъекты благотворительности в сфере высшего образования.

Развитие системы образования в условиях непрерывных социальных изменений и формирования новой образовательной парадигмы все больше актуализирует необходимость поиска новых путей развития и механизмов взаимодействия с другими субъектами социума, среди которых особое место занимает возрождение благотворительных практик в образовании.

Однако, несмотря на высокую социальную значимость благотворительности в системе высшего образования, данная проблематика в социологии практически не разрабатывалась.

В основном, изучение этого феномена сводится к анализу проблем установления исторических фактов филантропии и освещению вопросов корпоративной благотворительности, что представлено в работах таких российских и украинских исследователей, как Р. Г. Апресян, О. О. Аронов, О. О. Белоусов, С. А. Куц, С. И. Поляруш, П. В. Уласов.

Тем не менее существует необходимость в поиске теоретико-методологического ключа, который позволит исследовать и проанализировать структуру взаимодействий в системе благотворительности и изучить особенности ее проявления в системе высшего образования.

На наш взгляд, одним из оптимальных методов изучения структуры сложных социальных взаимодействий, позволяющих

оценить специфику благотворительности, является социально-сетевой анализ.

Целью данной публикации является определение возможностей применения социально-сетевого анализа для изучения структуры благотворительной деятельности.

Теория социальных сетей формировалась в социологической науке на протяжении последних десятилетий. Она разработана в исследованиях Фримана, Ноука, Марсдена, Вассермана, Веллмана, Берковица и других. Актуальность сетевого анализа растет, поскольку в настоящий момент нарастающая глобализация общемировых процессов проявляется, прежде всего, в форме сетевизации социальной реальности и субъектов ее определяющих. Одной из первых фундаментальных попыток теоретического осмысления трансформаций в глобальном сообществе в сетевых терминах можно назвать работу М. Кастельса «The rise of the network society» [см. 2, с. 6–8] .

Разработку социально-сетевой теории продолжили российские и украинские социологи В. Радаев, Г. Градосельская, О. Демкив, А. Чураков.

Основанная на традициях структурного анализа, сетевая теория стала одним из оптимальных методов изучения структуры сложных социальных взаимодействий. Это достаточно новое направление, которое используется при исследовании таких явлений, как организационные и межорганизационные поведение и отношения. Однако в современной социологии анализ благотворительности с использованием базовых категорий методологии социальных сетей еще не проводился.

Для социологии новейшего времени благотворительность совсем недавно стала объектом исследования, не говоря уже о том, что данный аспект проявления социального как в образовании в целом, так и в сфере высшего образования в частности пока еще не привлекал внимания социологов. Поэтому в изучении благотворительности есть ряд трудностей, которые делают ее социологический анализ в высшем образовании крайне сложным.

Прежде всего, это отсутствие социологических данных о структуре благотворительности в высшем образовании. Здесь сетевой подход имеет неоспоримое преимущество перед традиционными методами: он представляется наиболее естественным для выражения, описания и упорядочения понятий, когда речь идет о структуре, что позволяет получить первые упорядоченные сведения о неизученном ранее социальном явлении.

Социально-сетевой анализ также помогает лучше понять и описать сложные социальные процессы. Как известно, динамическое описание объекта исследования всегда представляло проблему для социологических, да и большинства экономических исследований. А в настоящее время, когда происходит постоянное изменение всех аспектов социальной жизни в Украине, актуальность количественно-качественного изучения динамических процессов все возрастает.

Во-вторых, изучение структуры благотворительности в сфере высшего образования существенно затрудняет сложность в интерпретации места и роли субъекта и объекта благотворительности. Традиционно высшие учебные заведения рассматривались лишь как объекты благотворительности, тогда как в последнее время положение самих вузов в системе благотворительных практик кардинально трансформировалось. Если раньше благотворительная деятельность характеризовались, в первую очередь, одновекторностью (т. е. образовательные учреждения были объектами благотворительности), то теперь институт образования в целом и высшие учебные заведения в частности не только поддерживают, но и являются инициаторами благотворительных акций, проектов, адресной благотворительной помощи, становясь, таким образом, полноценными субъектами благотворительности. Кроме того, субъекты благотворительности проявляют собственный филантропический потенциал как на макро-, так и мезоуровнях. Так, инициаторами благотворительных акций становятся и международные организации, и органы власти, и бизнес-

структуры, и международные благотворительные фонды, и научные институты. Все чаще меценатами, благотворителями и спонсорами становятся физические лица.

Несомненным плюсом в использовании потенциала сетевого подхода к анализу благотворительности является тот факт, что теория сетей дает возможность оперировать данными на разных уровнях исследования — от микро- до макроуровня, обеспечивает преемственность этих данных [2, с. 10–13]. Социальная сеть — это сложная система взаимодействий социальных акторов и наборов связей между ними. В качестве социальных акторов могут выступать индивиды, социальные группы, организации, города, страны. Под связями понимаются как коммуникационные взаимодействия между акторами, так и связи по обмену различными ресурсами и деятельностью.

В отличие от классических методов анализа, исследующих индивидуальные свойства объектов, основная цель анализа социальных сетей — это исследование взаимодействия между социальными субъектами (акторами) и выявление условий возникновения этих взаимодействий. По словам Вассермана, «сетевой подход исследует образцы связей между индивидами или институтами для того, чтобы выявить, как социальные структуры возникают на основе взаимодействий субъектов и влияют на эти взаимодействия». Таким образом, анализ социальных сетей применяется для анализа структуры взаимодействий социальных субъектов и общностей и должен начинаться с изучения социальных взаимодействий акторов и создания схемы этих взаимодействий. Только после этого можно анализировать связь между структурными позициями акторов и их индивидуальными свойствами.

Такой подход позволит не только более детально изучить саму структуру благотворительной деятельности в высшем образовании, но и проанализировать характер взаимоотношений между субъектами благотворительности: интенсивность обмена ресурсами, вид этих ресурсов, основные мотивы субъектов благотворительности и т. д.

В настоящее время в анализе социальных сетей выделяются четыре направления: структурное, ресурсное, нормативное и динамическое.

Структурный подход акцентирует внимание на геометрической форме сети и интенсивности взаимодействий. Для интерпретации результатов в данном случае используется структурный подход и теории сетевого обмена.

Ресурсный подход рассматривает возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей и дифференцирует акторов, находящихся в идентичных структурных позициях социальной сети, по их ресурсам. В качестве индивидуальных ресурсов могут выступать знания, престиж, богатство и т. д., под сетевыми ресурсами при этом понимаются влияние, статус, информация, капитал [4, с. 111].

Нормативное направление изучает уровень доверия между акторами, а также нормы, правила и санкции, которые влияют на их поведение в социальной сети и процессы взаимодействий.

Динамический подход — новое направление в изучении социальных сетей, акцентирующее внимание на изменениях в сетевой структуре с течением времени.

На наш взгляд, при изучении благотворительности в сфере высшего образования, прежде всего, можно опереться на структурный и ресурсный подходы, поскольку в настоящий момент в анализе этого социального явления наиболее актуальными являются вопросы «Какова структура взаимодействия между субъектами благотворительности в сфере высшего образования?» и «Обмен какими ресурсами происходит в процессе осуществления благотворительных практик в сфере высшего образования?»

Но в процессе разработки этой проблематики можно было бы применить и нормативный подход для изучения характера взаимодействия между субъектами благотворительности, их мотивов, уровня взаимного доверия и т. д.

Таким образом, благодаря специфическим методам анализа социальной среды и разнообразию направлений этого анализа, теория социальных сетей является оптимальным подходом для изучения социальных взаимодействий со сложной структурой, каким является благотворительность.

Дальнейшее изучение проблематики благотворительности в образовании позволило бы оптимизировать систему взаимодействия социальных субъектов в данной области. Однако анализ сложной системы взаимодействия невозможен без детальной проработки его структуры. Социально-сетевой анализ может стать эффективным механизмом построения и изучения структуры благотворительности в системе образования и дать толчок к развитию дальнейших исследований.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Дилеммы благотворительности / Р. Г. Апресян // Обществ. науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 56–67.
2. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / Г. В. Градосельская – М. : Изд. дом «Новый учебник», 2004. – 202 с.
3. Лавренко Л. Я. Благотворительная деятельность в сфере образования: состояние и перспективы / Л. Я. Лавренко // Педагогика. – 2003. – № 2. – С. 28–33.
4. Чураков А. Н. Анализ социальных сетей / А. Н. Чураков // Социол. исслед. – 2001. – № 1. – С. 109–121.

Резюме

У даній статті розглядаються особливості структури взаємодії суб'єктів добродійності в системі освіти. Розкриваються особливості соціально-мережевого аналізу у вивченні доброчинності.

Summary

In the article features of structure of interaction of subjects of charity in an education system are considered. Features of the network analysis studying of charity reveal.

УДК 378.147.016:81'25

В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДАПТИВНЫХ ТЕСТИРУЮЩИХ ПРОГРАММ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ключевые слова: информационные технологии обучения, адаптивные тестирующие программы, этап усвоения учебного материала, профессиональная компетенция переводчика, языковые переводческие упражнения, переводческие умения.

Интенсификация обучения и повышение качества подготовки специалистов продолжают оставаться одной из ключевых проблем педагогики высшей школы в условиях современной реформы образования [4]. Информационный взрыв и ускоренные темпы прироста научной информации ставят перед образовательной средой глобальную проблему – увеличение количества и повышение качества учебной информации при сокращающемся количестве учебного времени, за которое должна быть усвоена эта информация. Одним из путей, обеспечивающих разрешение этого противоречия, является поиск новых педагогических приемов, позволяющих преподавателю компенсировать нехватку аудиторного времени. Такими приемами являются интенсификация учебной деятельности, позволяющая обучаемым получить больший объем учебной информации при варьирующейся продолжительности обучения без снижения требований к качеству знаний, изменение общей организации обучения и переход от групповых форм занятий к индивидуальным, автоматизированным [1, с. 4; 1, с. 26].

Повышение темпов обучения может быть достигнуто путем совершенствования как содержания учебного материала, так и методов обучения.

На наш взгляд, именно информационные технологии обучения позволяют решить в полном объеме данную проблему с учетом двух вышеизложенных требований.

Несмотря на большое количество работ, посвященных проблемам разработки и внедрения современных информационных технологий обучения иностранным языкам [5; 8], анализ положительных и отрицательных моментов таких технологий остается *актуальной* задачей исследователей в области педагогики и методики преподавания иностранных языков.

В связи с этим *предметом* исследования в нашей статье является накопленный в течение трех лет опыт использования адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster в процессе обучения аспекту «Деловая корреспонденция» на английском отделении факультета «Референт-переводчик» Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия». *Цель*, которую авторы ставят перед собой, заключается в анализе эффективности использования адаптивных тестирующих программ.

На кафедре английской филологии нашего вуза ведется работа, направленная на реализацию возможностей использования данной программы как в качестве средства контроля, так и средства обучения на следующих этапах педагогического процесса:

1) на этапе *предъявления учебной информации* адаптивные тестирующие программы позволяют значительно интенсивнее, чем традиционные средства обучения, передавать информацию на большую аудиторию и позволяют студентам варьировать учебную информацию в процессе ее восприятия;

2) на этапе *усвоения учебного материала* студент из объекта обучения превращается в субъект обучения, осознанно участвующий в процессе учебы и самостоятельно принимающий решения, связанные с ним, иными словами, происходит «включение его личностных функций или актуализация его субъектного опыта» [3]. При этом использование адаптивных тестирующих программ для интерактивного обучения вызывает больший интерес к самому процессу обучения и значительно усиливает мотивацию обучаемых [7];

3) на этапе *промежуточного и итогового контроля* программы такого рода позволяют охватить в процессе тестирования большой объем материала и тем самым получить действительно реальное представление о знаниях тестируемого студента. Кроме того, использование тестирования в реальной педагогической деятельности позволяет заметно повысить объективность, детальность и точность оценивания результатов процесса обучения, исключить предвзятое отношение в оценке обучаемого [9];

4) на этапе *самоконтроля* тестирование позволяет систематизировать знания студентов. Кроме того, тесты являются хорошим средством подготовки к рубежному контролю (экзамену или зачету), поскольку помогают обучаемым самостоятельно оценить качество усвоения материала и не требуют постоянного присутствия преподавателя в аудитории;

5) на этапе *коррекции процесса обучения и его результатов* адаптивные тестирующие программы используются с целью контроля остаточных знаний студентов как после окончания изучения курса, так и перед выпускными квалификационными экзаменами.

Помимо уже перечисленных выше положительных моментов, необходимо отметить, что использование адаптивных тестирующих программ на стадии усвоения учебного материала способствует формированию профессиональной технической компетенции переводчика, т. е. комплекса специфических умений и навыков, необходимых для осуществления переводческой деятельности [4, с. 336]. К переводческим умениям, формирующимся на данной стадии учебного процесса, относятся умения, имеющие частный характер и охватывающие отдельные действия, а именно:

1) умение выполнять параллельные действия на двух языках, быстро переключаясь с одного языка на другой при широком использовании полуавтоматической подстановки готовых соответствий. Такое умение частично возникает спонтанно с развитием двуязычия, но его необходимо довести до

профессионального уровня. Развитию этого умения способствует не только изучение переводческих соответствий, но и постоянное двуязычное действие, осуществление переводов не только целых текстов или их фрагментов, но и отдельных лексических единиц;

2) Умение выстраивать синонимические ряды, правильно использовать слова-синонимы в языке перевода (ПЯ), осуществлять выбор между ними;

3) Умение преодолевать трудности, связанные с лексическими, фразеологическими и стилистическими особенностями исходного языка.

Специально разработанный комплекс упражнений в рамках адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster дает возможность сосредоточить внимание обучаемых на выработке вышеперечисленных умений. На данном этапе используются только языковые переводческие упражнения, развивающие умения решать переводческие задачи, связанные с особенностями семантики и употребления определенных типов языковых единиц в ПЯ. В языковых упражнениях в задании указывается языковая единица, значение которой должно учитываться при переводе. Здесь в задачу студента входит перевод изолированных языковых единиц, передача значений указанных единиц в составе высказываний, выбор правильных вариантов перевода высказываний, содержащих определенные единицы. Сюда относятся упражнения на различные виды переводческих соответствий (моноэквиваленты и полиэквиваленты) [4, с. 167], упражнения на особенности отдельных видов свободных и устойчивых словосочетаний в ПЯ и фразеологизмов.

Такие упражнения, составленные в формате адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster, позволяют значительно увеличить эффективность процесса формирования переводческой компетенции у студентов. Программа TeachLab TestMaster предусматривает работу со всеми основными формами тестовых заданий, а именно: закрытая форма, которая представлена в данной программе опциями «Одиночный

выбор» и «Множественный выбор»; открытая форма, представленная в данной программе опцией «Ввод с клавиатуры»; задание на соответствие, представленное опциями «Область на рисунке» и «Соответствие»; задание на установление правильной последовательности (опции программы «Одиночный выбор» и «Ввод с клавиатуры»).

В отношении моноэквивалентов в задачу обучения входит обогащение памяти переводчика набором основных соответствий, без знания которых невозможно осуществление различных видов перевода. Наиболее эффективными при работе с моноэквивалентами являются следующие опции программы TeachLab TestMaster: «Ввод с клавиатуры» (терминологический «диктант»); «Одиночный выбор» (подбор варианта перевода или дефиниции для активных лексических единиц как в изолированной форме, так и в составе высказываний); «Соответствие» (установление соответствия между лексической единицей и ее переводом или дефиницией).

Упражнения, связанные с использованием в переводе вариантных соответствий, предназначены для развития умения выявлять контекстуальные значения слов на основе взаимодействия их словарного значения с лингвистическим или ситуативным контекстом. В данном случае применяются опции «Одиночный выбор» (выбор контекстуального значения слова или его дефиниции на основе взаимодействия его словарного значения с лингвистическим или ситуативным контекстом) и «Ввод с клавиатуры» (замена дефиниции слова в узком контексте его контекстуальным значением).

Для преодоления трудностей, связанных с особенностями употребления в ИЯ некоторых типов свободных и устойчивых словосочетаний, используются опции «Одиночный выбор» (выбор лексической единицы, образующей/не образующей устойчивое или свободное словосочетание с заданной лексической единицей); «Соответствие» (установление соответствия между свободными или устойчивыми словосочетаниями и их эквивалентами в ПЯ); «Ввод с клавиатуры» (ввод лексической

единицы, образующей свободное или устойчивое словосочетание, удовлетворяющее условиям данного узкого контекста).

Эффективность работы пакета TeachLab TestMaster, как и других программ тестирования, прежде всего, зависит от процесса формирования самих тестовых заданий, сформулированных особым образом и удовлетворяющих ряду требований к подбору материала, объему и критериям оценивания.

Отсутствие базовых фоновых знаний в сфере деловой коммуникации может вызывать определенные трудности при переводе текстов данной направленности. Студенты обладают неким минимальным объемом фоновых знаний в данной сфере, однако анализ этих фоновых знаний, проводимый в начале курса «Деловая корреспонденция», ставит под сомнение диапазон и достоверность этих знаний. Для уточнения реальной ситуации среди студентов IV курса были проведены специальные срезы, которые имели форму перевода на русский язык с английского терминологически насыщенных текстов по темам, изучаемым в данном курсе. В качестве материалов для контрольных срезов были отобраны тексты общим объемом до 400 печатных знаков, в которых активные лексические единицы составляли 40–50% от общего числа лексических единиц. Студентам предлагалось выполнить письменный перевод таких текстов за 15 минут. Так, по теме ‘Letters of First Enquiry’ студенты выполняли перевод следующего текста:

Details of what you would like your prospective supplier to forward you should be stated in the enquiry. Before placing an order you will be interested in a catalogue, a price list, discounts, methods of payment, delivery times, and, where appropriate, samples, cuttings or patterns, so that you can make a selection. Sometimes you would probably be invited to visit a showroom, or the supplier would offer to send a sales rep.

Анализ работ студентов проводился путем оценки правильности передачи контрольных лексических единиц. Однако, как видно из предложенного текста, не все термины представляли одинаковую сложность для перевода. С целью выявления причин такой сложности мы провели соответствующий анализ,

предварительно распределив активные единицы на три группы, в зависимости от правильности их перевода во время среза.

Результаты проводимых срезов представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Результаты срезов фоновых знаний
по курсу «Деловая корреспонденция»**

Уровни правильности перевода терминов	Процент правильности перевода
Все термины переведены правильно	35%
Термины, переведенные частично или переведенные не всеми студентами	30%
Все термины переведены неправильно	35%

В первую группу вошли термины, имеющие прямое совпадение по форме с русскими или украинскими соответствиями (*bank, balance*), термины, характеризующиеся относительно высокой частотностью употребления (*account, enterprise, income*), а также термины, имеющие или словарные соответствия, или передаваемые транскодированием (*consignment, price list, transaction*).

Во вторую группу вошли термины, в которых правильно был переведен только один из элементов (*advising bank, profit margin, tertiary industry*), моноэквивалентные термины (*forwarding agent, postal order*) и полиэквивалентные термины (*taxation, asset*).

Третью группу составили термины-аббревиатуры (*BL – Bill of Lading, MV – merchant vessel, FOB – Free on Board*) и термины, имеющие прямые словарные соответствия (*durables*).

Подобный анализ позволил выявить лексические единицы, требующие более тщательной отработки в процессе изучения тем курса «Деловая корреспонденция». Соответственно, при составлении тестовых заданий лексические единицы, вошедшие во вторую и третью группы, в количественном отношении будут превалировать над терминами из первой группы. При работе же с лексическими единицами, вошедшими в первую группу, особое внимание уделяется их употреблению в составе

свободных и зависимых словосочетаний. Помимо этого, проведенный анализ позволяет определить типы тестовых заданий, оптимальных для отработки тех или иных лексических единиц. Так, для отработки терминов-аббревиатур, предпочтительнее всего использовать тестовые задания закрытой формы и задания на соответствия, в то время как для отработки моноэквивалентов, относящихся ко второй группе, оптимальными являются закрытая и открытая формы тестовых заданий.

При этом количество вопросов, соответствующих уровню усвоения учебного материала «Опознавание», сводится к минимуму. Наиболее активно используются вопросы, соответствующие уровням усвоения «Воспроизведение» и «Применение» («Инвариантность»).

Материалом для таких упражнений служат, как правило, отдельные предложения по тематике изучаемой дисциплины, взятые из современной специальной аутентичной литературы, энциклопедических, терминологических и толковых словарей. Однако необходимость использования высказываний, изолированных от контекста, может создать определенные трудности при выполнении заданий. Эти трудности преодолеваются следующим образом:

- во-первых, мы стремимся подбирать предложения, интерпретация которых не нуждается в более широком контексте;
- во-вторых, в случае необходимости, производится небольшая модификация отдельных предложений, уточняющая их содержание, но не нарушающая их естественности.

Как правило, любое упражнение на формирование каждого из вышеперечисленных переводческих умений включает достаточно большое количество заданий, в среднем 30–40 для каждого из уровней усвоения учебного материала («Опознавание», «Воспроизведение» и «Применение»/«Инвариантность»). Это объясняется, с одной стороны, требованиями программы: соотношение количества вопросов, предъявляемых для тестирования, к общему количеству вопросов в тесте должно быть не менее 1:7. С другой стороны, сами вопросы должны

охватывать весь лексический материал темы. Соблюдение этих условий практически исключает желание тестируемого «запомнить» только ответы, вошедшие в тест.

Несомненным преимуществом работы с программой TeachLab TestMaster является возможность для преподавателя самостоятельно изменять настройки пороговых значений для формирования итоговой оценки по пятибалльной системе в зависимости от уровня набранных баллов в процентах. Помимо этого, при формировании оценки преподаватель может учитывать «близость» ответа студента к одному из пороговых значений, скорость выполнения тестового задания, а также «досрочное» завершение тестирования.

Результаты эксперимента, который проводился кафедрой в 2007/08 учебном году, показали, что, по сравнению с контрольной группой, абсолютная успеваемость групп, преподавание в которых курса «Деловая корреспонденция» велось с использованием адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster, возросла на 2%, а качественная успеваемость – на 6,1%.

Постоянный учет и анализ результатов в тестируемой группе и результаты последующей сдачи экзаменов доказали эффективность использования адаптивных тестирующих программ, в том числе и на этапе усвоения учебного материала для формирования определенных переводческих навыков и умений, наряду с этапом контроля.

Учитывая современные тенденции в образовании, ориентированные на использование компьютерных технологий и в полной мере отвечающие реалиям современности, и с целью распространения полученного положительного опыта, на кафедре проводится внедрение адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster по следующим дисциплинам: «Деловая корреспонденция. Контрактное право», «Английский язык. Аспекты: «Грамматика», «Устная практика», «Аналитическое чтение». Начиная с 2008/09 учебного года, с использованием данной программы кафедрой проводится модульное

тестирование студентов, обучающихся по кредитно-модульной системе.

Список литературы

1. Бех П. О. Концепція викладання іноземних мов в Україні / П. О. Бех, Л.В. Биркун // Іноземні мови. – 1996. – № 2. – С. 3–8.
2. Гапонова С. В. Сучасні методи викладання іноземних мов за рубежом / С. В. Гапонова // Іноземні мови. – 1998. – № 1. – С. 24–31.
3. Зайцева Л. А. Использование информационных компьютерных технологий в учебном процессе и проблемы его методического обеспечения [Электронный ресурс] / Любовь Зайцева // Эйдос. – 2006. – 1 сент. (№ 5) – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-5.htm>. – Загл. с экрана.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Кочегарова Л. В. Мультимедийные средства в образовательном процессе: терминология и классификация [Электронный ресурс] / Любовь Кочегарова // Эйдос. – 2008. – 2 апр. (№ 3). – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal/2008/0402-3.htm>. – Загл. с экрана.
6. Кречетников К. Г. Применение компьютерного тестирования для контроля знаний. Мотивационный эффект [Электронный ресурс] / Константин Кречетников // Эйдос. – 2007. – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal/methods>. – Загл. с экрана.
7. Кулешова Г. М. Инновация как новая философия образования [Электронный ресурс] / Галина Кулешова // Эйдос. – 2005. – 10 сент. (№ 20) – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-20.htm>. – Загл. с экрана.
8. Матвиевская Е. Г. Оценка уровня достижений учащихся: проблема создания современного инструментария [Электронный ресурс] / Елена Матвиевская // Эйдос. – 2007. – 30 сент. (№ 3) – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-3.htm>. – Загл. с экрана.
9. Описание и методические рекомендации по пакету тестирования TeachLab TestMaster : электрон. изд. для преподавателей и студентов всех специальностей / Нар. укр. акад. [каф. информ. технологий и документоведения ; сост. В. П. Козыренко]. – Х. : Изд-во НУА, 2003. – 22 с.

Резюме

Статтю присвячено проблемі формування професійної компетенції перекладача з урахуванням сучасних тенденцій в освіті, що орієнтовані на використання комп'ютерних технологій. Використання адаптивних тестуючих програм на етапі засвоєння навчального матеріалу не лише сприяє інтенсифікації навчання, але й допомагає у формуванні професійної компетенції перекладача.

Summary

The article deals with the problem of formation of a translator's professional competence sensitive to modern computer-oriented tendencies in education. Application of adaptive testing programs on the stage of the teaching material acquisition contributes both to the education intensification and the translator's professional competence formation.

УДК 316.74:378

Л. А. Кива

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ ОБНОВЛЕНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: образование, инновация, синергетика, бифуркация, флуктуация, обновление.

Анализ проблем современного образования нередко ведется в духе традиционной классической парадигмы, которая сложилась в последние три столетия. Для нее характерны отраслевая направленность, ориентация на науку и на получение нового знания. Некоторые обновления прежней образовательной модели лишь намечаются и остаются еще крайне малочисленными.

Коренным образом изменившийся за последние годы облик отечественной системы образования сделал чрезвычайно актуальной проблему анализа содержания осуществляемых на практике инноваций, причем с самых разных точек зрения: социокультурной, историко-генетической, психологической и педагогической. Необходимость в таком анализе очевидна: в современных условиях особую значимость обретают задачи, связанные с определением сущности и места предлагаемых нововведений, с изучением причин и факторов, способствующих и препятствующих переходу к инновационному обучению. В поисках ответов на возникающие в связи с этим вопросы весьма полезным может оказаться синергетический подход, во многих отношениях представляющий современную методологическую основу проектирования педагогических систем.

Над исследованием этого круга вопросов активно работают И. Пригожин, Э. Стенгерс, И. Стеклова, З. Абасов. Последние обосновывают применение синергетического метода в науке и образовании, рассматривают инновации как флуктуации,

расшатывающие систему образования и подводящие ее к точке бифуркации, после чего возможно качественное изменение системы образования.

Возможность применения синергетического подхода к решению современных задач образовательно-воспитательного характера требует обоснования. На наш взгляд, его можно провести, исходя из ключевых моментов сущности синергетического подхода. Данный подход используется для рассмотрения систем различного рода. При этом под системой обычно понимают «совокупность взаимосвязанных элементов, которые составляют автономный объект. Система – это определенным образом упорядоченное множество элементов, связанных между собой и составляющих конкретную целостность» [1, с. 125].

Принадлежность образования к числу сложноорганизованных и открытых социальных систем, находящихся в процессе постоянного саморазвития и изменчивости, является несомненной, что и позволяет различным авторам (например, З. Абасов) рассматривать образование именно в указанном ракурсе. При этом основными условиями самоорганизации и саморазвития систем, с точки зрения синергетики, по мнению И. Стекловой [4], являются: наличие флуктуирующих элементов; открытость, обеспечивающая постоянный приток энергии; усиление отклонений от неустойчивых состояний и превышение ими некоторых критических значений; нелинейность системы управления; кооперативное поведение элементов системы. Принципиально важным моментом в синергетическом подходе является работа с категорией «хаос».

С точки зрения синергетики хаос (кризис, неустойчивость, неравновесность) можно рассматривать конструктивно как механизм самоорганизации сложных систем, как один из этапов их развития, подготавливающий почву для перехода к более качественному и устойчивому состоянию.

Рассматривая хаос в конструктивном плане, И. Пригожин и Э. Стенгерс отмечают, что для любой открытой системы характерно стремление к достижению внутреннего и внешнего

равновесия, так как она находится в постоянном развитии. Но принципиальная особенность открытых систем — их состояние неравновесия, неустойчивости, что является основным источником к постоянному движению и обновлению системы, позволяющей ей достичь определенного уровня упорядоченности. Открытым системам изначально присуще противоречивое единство: стремление к упорядоченности сочетается с хаотическим характером процессов, протекающих в них. Здесь просматривается определенный парадокс: хаос — источник порядка, и даже в самом строгом порядке есть место хаотическим процессам [2].

Ситуация, сложившаяся в образовании, полностью описывается терминами синергетики. Она имеет бифуркационные (критические) точки разрушения старых структур и возникновения веера возможностей для перехода системы в новое качество; вероятностное развитие может быть представлено диссипативными структурами как образованиями более высокой сложности, чем разрушаемые предыдущие; она обладает свойствами нелинейности, то есть многовариантностью и непредсказуемостью перехода системы из одного состояния в другое; она неустойчива и сильно неравномерна, флуктуативна, открыта для развития и т. д. [2, с. 3].

На эту сферу деятельности распространяется прежде всего способность к экспорту энтропии путем обмена энергией и веществом с окружающей средой. Например, экспорт энтропии (превращения) проявляется в подготовке и выпуске специалистов с профессиональной подготовкой, учитывающей требования к ним на рынке труда.

При обратимых процессах величина энтропии остается неизменной, при необратимых, наоборот, неуклонно возрастает, причем этот прирост происходит за счет уменьшения «механической энергии». Следовательно, и возникновение множества необратимых процессов, происходящих в образовании, сопровождается тем же — уменьшением «механической энергии», что в конечном счете должно привести к всеобщему «параличу».

Вместе с тем, хотя уменьшение энтропии (ее экспорта), степени хаоса для саморазвития необходимо, не менее важно и его наличие, существование неопределенности, роль которых может оказаться конструктивной.

Образование как открытая система связано с внешней средой, которая оказывает на него влияние и взаимодействует с ним. Говоря о внешних детерминантах развития любой системы (в частности, системы образования), следует отметить, что чем сложнее система, тем большее значение для ее развития имеют детерминанты внутренние, которые в определенный момент могут стать главными факторами, обуславливающими ее изменение, а вот влияние внешних детерминант на систему может становиться все более опосредованным: роль внешних факторов, в основном, сводится к созданию условий и пусковых механизмов, которые усиливают или тормозят внутренние процессы в системе.

В образовании также происходят процессы диссипации (от лат. *dissipatio* – рассеивание) – переход энергии упорядоченного в энергию хаотического движения частиц, что позволяет вычленивать противоборствующие в данный момент силы и тенденции, оценить «хрупкость» системы, ее способность к саморазвитию. В качестве таких сил и тенденций можно обозначить противоречие между традиционной, знаниево-просветительской и инновационной моделями образования. Первая акцентирует внимание на отраслевой направленности, ориентации на науку и на получение нового знания. Вторая направлена на преобразование существующего образовательно-воспитательного процесса на новых началах, обусловленных изменившейся социокультурной и социально-педагогической ситуацией в обществе, а также на способности образования отвечать новым потребностям постиндустриального общества.

Это противоречие, вызванное наличием противоположных тенденций (знаниево-просветительской и инновационной парадигм образования), должно завершиться преобладанием более прогрессивной тенденции (инновационной).

Таким образом, обозначенные выше элементы соответствия и позволяют использовать потенциал синергетического подхода для анализа системы образования.

Объяснение процессов, протекающих в образовании, в русле идей синергетики, содействовало формированию нового подхода «к исследованию и преобразованию образовательной деятельности с непривычной стороны – со стороны внутреннего значения и смысла педагогических явлений, имеющих возможность самоорганизации» [2, с. 3]. В результате рассмотрение образования с синергетических позиций постепенно становится устойчивой тенденцией, свидетельством чему – немалое число публикаций, появившихся за последние годы [см. например, 2; 4].

Анализ современного образования в контексте синергетической парадигмы представляет достаточно убедительные основания для рассмотрения инновационных процессов в качестве своеобразных флуктуаций, расшатывающих традиционную знаниево-просветительскую, сциентистскую модель образования. Как отмечает З. Абасов, «любой инновационный процесс в системе образования с неизбежностью вносит необратимые деструктивные изменения в социально-педагогическую среду, сопровождающиеся разрушением целостных представлений о педагогическом процессе» [2, с. 4].

Синергетическое понимание развития допускает одновременное сосуществование не только противоположных, но взаимодополняющих тенденций (с преобладанием одной из них). Каким окажется путь дальнейшего развития системы образования, с полной уверенностью сегодня предсказать нельзя: он зависит от множества случайных факторов и обстоятельств. В точке бифуркации система образования, как и любая система, особенно чувствительна к малейшим изменениям окружающей среды, а потому в это время она нуждается в «толчке» в сторону наиболее благоприятного для нее пути развития и соответствующего ее внутренней природе.

В настоящее время современное образование находится

в точке бифуркации: идет сложный процесс выбора путей дальнейшего развития из множества предложенных вариантов: лично ориентированного, культуросообразного, инновационного, когнитивного и др. Преодоление точки бифуркации будет означать, что хаос, неравновесность, неустойчивость то есть кризис образования преодолены и возникла новая устойчивая структура, которая во всех своих элементах будет воспроизводиться вплоть до новой точки бифуркации. И эта новая траектория развития системы образования продлится до тех пор, пока новые флуктуации не приведут ее в состояние очередной неустойчивости, а затем и замене новой структурой.

На наш взгляд, инновации как флуктуации, расшатывающие систему образования и подводящие ее к точке бифуркации, необходимо рассматривать в связи с традициями, с которыми они генетически связаны.

Позитивная роль традиции видится, в частности, в том, что сама по себе она выступает средством консервации и стабилизации существующих форм, предохраняя систему от псевдоинноваций. Инновации же, наоборот, направлены на преобразование существующего образовательно-воспитательного процесса на новых началах, обусловленных изменившейся социокультурной и социально-педагогической ситуацией в обществе.

Специфика образования как социального института трансляции социокультурного наследия во многом заключается в том, что оно одновременно обращено в прошлое и в будущее, что подчеркивает взаимосвязь традиций и инноваций. Появление нового (инновация), не имеющего генетических связей с ранее известным (традицией), практически невозможно. Одновременное существование традиций и инноваций в образовании – факт неизбежный и необходимый. В результате синтеза традиций и инноваций как раз и формируется новая образовательная практика.

Такая закономерность взаимоотношений традиций и инноваций наиболее отчетливо проявляется в современном

образовании, охваченном кризисом, углубляющимся системным кризисом общества, противоречивостью происходящих модернизационных процессов.

Инновационные процессы могут быть ускорены или замедлены государственной системой, обществом. Например, 19 сентября 2007 года Кабинет Министров Украины утвердил Государственную научно-техническую и социальную программу «Наука в университетах» на 2008–2012 годы. Эта программа призвана решить современные проблемы в сфере образования и науки, в том числе предусматривается значительное увеличение финансирования образовательной сферы, начиная с 2009 года.

Также Кабинетом Министров Украины было принято распоряжение «Об одобрении концепции Государственной программы прогнозирования научно-технологического развития на 2008–2012 годы» от 13 апреля 2007 г. № 175-р, которое предусматривает создание правовых, экономических и организационных условий прогнозирования научно-технологического развития и обеспечение его проведения на постоянной основе за счет средств государственного бюджета и других источников [5, с. 103].

Принципиальное значение имеет и субъективный фактор. Следует отметить, что в определенные моменты социально-экономического развития он начинает доминировать: он определяется личностью самого новатора, насколько глубоко и масштабно он подходит к решению проблемы; насколько осмысленно он может организовывать и анализировать свой опыт; насколько решительно он проводит свои идеи в жизнь.

На примере одного из ведущих частных вузов Украины – Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» – можно проанализировать определяющее значение доминирования внутренних детерминант. «Народная украинская академия сама по себе возникла как результат многолетнего теоретического поиска большого научного коллектива, как практическое воплощение идеи создания нового

образовательного модуля, реализовавшего на практике принципы непрерывного образования» [3, с. 20].

В целом, развитие системы образования обусловлено взаимодействием внешних (экономических, социокультурных, политических, духовно-нравственных) и внутренних детерминант, где решающую роль играют, на наш взгляд, детерминанты внутренние. В контексте синергетического подхода переход образования от традиционной парадигмы к инновационной является следствием самоорганизации, самодвижения и саморазвития самой системы.

Инновационная тенденция – это способность образования отвечать новым потребностям постиндустриального общества и магистральным направлениям экономического и общественного развития. Реформирование образования может быть успешным, если оно учитывает спрос и потребности в кадрах нового качества в области материального и духовного производства в условиях, когда и в них происходит глубокая трансформация, которая порождается нововведениями.

Идеи синергетики позволяют преодолеть заблуждение педагогического мышления, согласно которому развитие системы образования обусловлено исключительно внешними по отношению к ней факторами (социальными, экономическими, духовно-нравственными), и прийти к пониманию того основного положения, согласно которому развитие образования как сложноорганизованной и открытой системы, ее предрасположенность к созданию новых форм и структур является следствием имманентно присущей ей способности к обновлению и самоорганизации.

Осознание этой мысли должно сформировать у педагогов психологическую готовность к постоянному поиску новых решений в ситуации неустойчивости, неопределенности и нарастающих угроз и вызовов, идущих к нам из будущего; выработать «привычку предчувствия». Такая привычка предполагает способность к прогностическому взгляду на будущее, опережающему отражение действительности на основе знаний

закономерности и тенденций в современном образовании и мире в целом, прогнозирование вероятности наступления тех или иных событий, «выращивание» новых форм жизнедеятельности и выработки новых стилей и новых форм поведения, соответствующих в целом сложившейся социокультурной ситуации в обществе.

Список литературы

1. Барвінський А. Ю. Соціологія : курс лекцій для студ. вищих навч. закл. / А. Ю. Барвінський. — К. : Центр навч. л-ри, 2005. — 324 с.
2. Абасов З. Инновации в образовании и синергетике / З. Абасов // Вестн. высш. шк. — 2007. — № 4 — С. 3—8.
3. Астахова В. И. Формирование научных школ — главная задача частных вузов / В. Астахова // Гарантии качества образования в частных учебных заведениях Украины: возможности, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. семинара лидеров частного образования. — Харьков : Изд-во НУА, 2005. — С. 20—28.
4. Стеклова И. Синергетика в науке и образовании / И. Стеклова // Вестн. высш. шк. — 2002. — № 6 — С. 22—26.
5. Шутенко Л. М. Інтелектуальний потенціал України: сучасний стан та перспективи розвитку / Л. М. Шутенко, В. І. Торкатюк, Н. В. Бібік // Інтелекція та влада : матеріали VI Міжнар. наук.-практ. конф.-семінару кер. ВНЗ, учених-дослідників і представників владних структур із пробл. сучасної інтелігенції. 14 берез. 2008 р. — Х. : Вид-во НУА, 2008. — С. 100—104.

Резюме

У статті дається обґрунтування можливостей аналізу освіти з точки зору синергетичного підходу. Розглянуто інноваційний розвиток освіти як складної і відкритої системи, її схильність до створення нових форм і структур.

Summary

The article substantiates possibilities of analyzing education by way of applying a synergetic approach. Innovation development of education as a complicated and open system, its tendency for creating new forms and structures has been considered.

УДК 378.11/.12:659.443

Л. В. Кисленко

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: паблик рилейшнз, организационные общественные отношения, внутрикорпоративные связи с общественностью в учебном заведении, механизмы корпоративных ПР в вузе.

Современный уровень развития образовательной сферы обозначился включением основной массы украинских вузов в рыночную борьбу за государственный заказ на подготовку специалистов, научные исследования, за средства населения и различных фондов. Залогом успешного существования высшего учебного заведения становится не столько эффективная реализация инновационной образовательной парадигмы, сколько грамотно реализуемая политика перфоманса собственной уникальности путем выработки эксклюзивных репрезентативных атрибутов. Основным инструментом в достижении поставленных целей при этом выступают корпоративные паблик рилейшнз, обеспечивающие реорганизацию системы влияния на внешнее образовательное сообщество и управленческого воздействия на внутреннюю структуру организационных общественных отношений. Направляя основные усилия на выработку единого комплекса символических представлений и убеждений, дискурсивных практик и бихевиоральных установок по отношению к деятельности учебного заведения у всех представителей корпоративной общественности, являющейся носителем уникальной культуры качества вуза, организационные паблик рилейшнз выступают гарантом полной автономии и бесспорного доминирования учебного учреждения в общеобразовательном пространстве. Именно поэтому на сегодняшний день особо актуальным является

исследование методов реализации корпоративных ПР в высшем учебном заведении.

Целью данной статьи является изучение механизмов и способов функционирования внутрикорпоративных связей с общественностью в сфере высшего образования.

Системный подход к феномену общественных отношений, современные концепции и модели, применение разнообразных методик в ПР подробно описываются в работах таких исследователей, как Э. Бернайз, С. Блэк, Г. Брум, Д. Грюниг, Ф. Джефкинс, С. Катлип, Ф. Котлер, А. Сентер, Т. Хант, Р. Харлоу и многих других. Среди отечественных ученых, занимающихся исследованием различных аспектов связей с общественностью, можно выделить И. Алешину, В. Блажнова, Б. Борисова, И. Викентьева, В. Королько, Г. Почепцова, И. Синяву, в частности корпоративных ПР – О. Васильеву, А. Войчак, О. Молостову, Е. Щеглову, И. Яковлева, А. Яновского и др. Изучению концептуальных основ ПР в образовательной сфере посвящены работы Е. Александровой, Е. Михайлиной, В. Олийник, И. Преображенской, Ю. Селезневой, О. Сидорюк.

Анализ социальных особенностей связей с общественностью в управлении социальными процессами, в том числе в образовательной сфере, дал основание рассматривать их как сознательное, плановое и долгосрочное влияние на создание соответствующей внешней и внутренней социально-психологической среды, которая бы способствовала формированию позитивного образа субъекта управления при посредничестве коммуникативно-информационной системы и обратной связи от окружения.

Главной целью системы корпоративных связей с общественностью при этом является выявление, формирование и эффективное удовлетворение потребностей сотрудников вуза, разрешение проблем, обеспечение системного и устойчивого взаимодействия с общественностью, установление двухстороннего общения для выявления общих интересов и достижения взаимопонимания, участие в целеполагании образовательного

учреждения и защита общественных интересов [1, с. 24]. В числе задач внутрикорпоративных ПР в учебном заведении можно выделить следующие направления деятельности: 1) выстраивание корпоративных коммуникаций (единое информационное пространство, взаимопонимание и обратная связь с сотрудниками); 2) обеспечение политики патернализма («открытость» руководства, участие персонала в принятии решений, корпоративное обучение, программа адаптации новичков, повышение мотивации персонала и т. п.); 3) укрепление корпоративной культуры (символика вуза, фирменный стиль, корпоративные легенды, ритуалы, традиции); 4) организация учебных и развлекательных мероприятий (презентации, конференции, семинары, корпоративные праздники и т. д.); 5) формирование фирменного патриотизма сотрудников (приятная рабочая атмосфера, чувство удовлетворения, уверенность в будущем).

Успех деятельности той или иной организации в значительной степени зависит от того, насколько сотрудники этой организации объединены общими целями и общим отношением к своей трудовой деятельности, именно поэтому стратегической целью внутрикорпоративных ПР в высшем учебном заведении является выработка единых ориентаций и установок у всех членов коллектива, мобилизация инициативы сотрудников, стимулирование активности в принятии важных управленческих решений и участия в жизнедеятельности вуза. Выстраивая политику доверия и взаимоподдержки между руководством и внутренней общественностью учебного заведения путем налаживания «открытых» и доступных каналов взаимодействия, корпоративный ПР формирует каркас организационной структуры и основополагающие принципы политики образовательного учреждения, ориентированной на долгосрочную перспективу развития.

Внутриорганизационные публичные рилейшнз создают комплекс разделяемых всеми членами учебного заведения ценностей, представлений, понятий и убеждений, а также

поведенческих норм и артефактов, которые создает вуз по мере преодоления препятствий внутреннего и внешнего характера на пути к успеху и процветанию. Таким образом, вуз приобретает уникальные атрибуты, выделяющие его из общеобразовательного сообщества, обретает функциональную направленность, которая предопределяет совпадение ценностей вуза и его общности, качественное улучшение их совместной жизнедеятельности. Под непосредственным влиянием внутреннего ПР происходит упрочение связей (социальное партнерство) работников с руководством университета, объединение (солидарность) работников всех уровней на основе ценностей, норм и традиций вуза, повышение их ответственности за качество и эффективность деятельности и формирование прочной организационной культуры вуза.

Создание и развитие качественной культуры высшего учебного заведения в рамках корпоративных публичных рилейшнз обуславливает целесообразность поэтапной разработки системы воздействия на внутреннюю общность, когда на каждом этапе формируется базовый аттитюд, последовательно модифицирующийся от уровня к уровню. В основе иерархии такой системы — обеспечение элементарных фиксированных установок, призванных удовлетворять витальные потребности личности. Они представляют собой стереотипную поведенческую готовность реагировать на ситуацию определенным образом. Следующий этап определяет сложные диспозиции, формирующие систему обобщенных социальных установок, включающих социальные потребности и соответствующие социальные ситуации относительно усвоения определенных видов и форм деятельности и соответствующих социальных условий, при которых эти потребности реализуются. На данном этапе социальные установки создаются как реакции на разнообразные социальные объекты, ситуации, либо их свойства. Третий этап включает базовые социальные установки, определяющие общую направленность интересов личности на конкретные сферы социальной активности. На последнем

этапе создается система ценностных ориентаций, которые регулируют социальную активность личности с учетом высших потребностей на почве общесоциальных условий, обеспечивающих или ограничивающих возможности реализации определенных социальных и индивидуальных стоимостей.

Интегрируя выработанные на каждом из уровней социальные представления и установки общественности, такая система внутрикорпоративных паблик рилейшнз обеспечивает формирование базовых диспозиций личности по отношению к деятельности вуза, регулируя конкретные типы ее активности: на первом этапе – непосредственные реакции субъекта на актуальную ситуацию; на втором – систему поступков или поведения; на третьем – реализует направленность интересов в конкретной ситуации; а на четвертом – определяет целостность деятельности личности [2, с. 306]. Взаимосвязи между элементами такой структуры, которые создают различные подсистемы (когнитивную, эмоциональную, поведенческую) и разные уровни (от элементарных фиксированных установок до ценностных ориентаций), можно рассматривать как механизм функционирования внутреннего ПР, обеспечивающий целенаправленное управление поведением личности и объединяющий многообразие потребностно-мотивационных структур субъекта, фиксированных в его социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, собственную активность и действия других, а также готовность действовать определенным образом в конкретных условиях. Таким образом, технологии внутрикорпоративных ПР представляют собой мощнейшие регуляторы социального поведения, основными признаками которого являются осознание, оценка и непосредственно реализация действия.

Система внутриорганизационных паблик рилейшнз создает паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых сотрудниками вуза при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того,

чтобы считать его ценным и передавать новым членам коллектива в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения определенных проблем (паттерн – схема, образец, модель, пример, рамки) [3, с. 152]. Хотя в основе внутреннего ПР и лежит система коллективных, считающихся самоочевидными базовых представлений общественности вуза, тем не менее он проявляет себя и на уровне доступных для наблюдений артефактов (фирменный стиль), и на уровне принятых членами вуза норм и правил поведения.

Повышенное внимание при этом необходимо уделять управлению не только научной деятельностью сотрудников, но и повседневными практиками поведения акторов с использованием методов непрерывного стимулирования социальной активности и повышения заинтересованности внутрикорпоративной общественности в гармоничном развитии образовательного учреждения.

Таким образом, сегодня внутрикорпоративные ПР можно рассматривать как одну из функций управления высшим учебным заведением, способствующую установлению и поддержанию общения, взаимопонимания, расположения и сотрудничества между организацией, ее общественностью и обществом в целом. В свою очередь механизмы организационных общественных отношений в вузе выступают в качестве интерактивных регуляторов социальной активности субъектов образовательно-поведенческих практик, мобилизующих инициативно-мотивационные структуры социальных акторов с целью выработки единой системы диспозиционных установок по отношению к деятельности образовательного учреждения. Знание специфики применения внутрикорпоративных ПР-технологий в сфере высшего образования помогает решать такие важные управленческие задачи, как обеспечение организации информацией о мнении сотрудников относительно данной организации и выработка ответных мер; планирование деятельности руководства в интересах внутренней общественности; поддержка учреждения в состоянии

готовности к различным переменам путем заблаговременного предвидения тенденций.

Грамотно реализуемая внутрикорпоративная ПР-политика учебного заведения обеспечивает формирование морально-этических ценностей и установок его жизнедеятельности, побуждающих потенциал интеллектуальной и духовной энергии человеческих ресурсов на эффективную реализацию миссии вуза.

Список литературы

1. Вифлеемский А. Б. ПР в образовании / А. Б. Вифлеемский // ПР в образовании. — 2003. — № 6. — С. 18–36.
2. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. Методологические проблемы социальной психологии / В. А. Ядов. — М. : Наука, 1975. — 458 с.
3. Макаркин Н. П. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высшего учебного заведения / Н. П. Макаркин, О. Б. Томилин, А. В. Бритов // Университет. упр. — 2004. — № 5–6(33). — С. 152–162.

Резюме

Статтю присвячено вивченню механізмів і засобів функціонування внутрішньо корпоративних публік рілейшнз в системі вищої освіти. Аналізуються методи управлінського впливу на організаційну громадськість в навчальному закладі через реалізацію технологій корпоративної ПР-політики ВНЗ.

Summary

The article deals with studying the mechanisms and methods of the functioning of intracorporate public relations in the higher education system. The methods of administrative influence on the organizational community in an educational institution by way of realizing technologies of corporate PR-policy of a higher school are analyzed.

УДК 37.014.64(091)(477.54)

В. Н. Корниенко

ЭВОЛЮЦИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ УКРАИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: благотворительность, образование, попечительство, финансирование.

В современном обществе образование стало одной из важных сфер человеческой деятельности, от направленности и эффективности которой во многом зависят перспективы развития человечества.

Сегодня все больше осознаются ограниченность и опасность дальнейшего развития человечества преимущественно посредством экономического роста и увеличения технического и технологического могущества. Человек силен знаниями и техническими возможностями, но главное не в силе как таковой, а в том, куда она направлена. В формировании человека значимы не только знания, умения и инновационные технологии, но и те базовые ценности, которые являются системообразующим ядром человеческой целостности. Одна из таких ценностей — благотворительная деятельность.

Понятие «благотворительность» вошло в общественное сознание как гуманистический призыв человека идти на помощь нуждающимся, независимо от религиозной, национальной, расовой, социальной принадлежности или политических и мировоззренческих убеждений. Конструктивным подходом к раскрытию благотворительной деятельности может стать изучение и анализ благотворительности не как отдельного акта выдающейся личности, группы частных лиц, обществ, государства, церкви, а как общественное отношение в рамках гражданского общества к конкретной исторической эпохе.

Давние традиции благотворительности, или, как говорили в старину, «доброхотного деяния», были известны еще в эпоху

Киевской Руси. Каждый нищий, писал летописец, мог прийти на княжий двор и получить там «всякую потребу, питье и явствы». Благотворительность в Украине и России, так же как и во всей средневековой Европе, была сосредоточена в церквях и монастырях. Меры, подобные западноевропейским, были впервые предприняты на Стоглавом соборе (1551 г.). Однако это не дало практических результатов. Вся благотворительная деятельность продолжала существовать под контролем церкви почти до конца XVIII века. Указом от 7 ноября 1775 года «Об учреждениях для управлений губерний» в 40 губерниях Российской империи были созданы «приказы общественного призрения». На них было возложено попечительство о народных школах, сиротских домах. И этим же указом предусматривалось содержание бедняков за счет местных обществ. В 1797 году создается «Ведомство Учреждений Императрицы Марии», с широкой программой благотворительности, которая объединяла государственные деньги и частные вклады.

История украинской благотворительности еще не написана и требует специального изучения и исследования. Несомненно то, что украинские традиции благотворительности на протяжении столетий формировались исключительно на общественных началах и частной инициативе, в отличие от русской, которая довольно долгое время находилась под государственным влиянием.

Революция видоизменила сложившуюся ситуацию. Функции всеобщего благотворителя взяло на себя социалистическое государство. Но в 90-е годы XX века, после распада СССР, образования независимых государств, кризиса, интерес к истории вопроса возродился.

По мнению исследователей А. Адамовского [1], Л. Лавриченко [2], М. Никитина [3] и других, пришло время определить, что в новых условиях является общественно необходимым, и заново установить контакт между обществом и образованием, так как в советский период забота об образовании оставалась прерогативой государства, участие общества в этом процессе

сводилось к организации «шефства» и носило командно-административный характер. Следствием этого стало фактическое отчуждение граждан от решения образовательных проблем и как результат – пассивное потребление.

Анализ архивных документов и литературы позволяет выделить в становлении и развитии истории благотворительной деятельности на украинской территории следующие периоды:

I – IX–XVI вв. – развитие простейших ее видов: дать милостыню; накормить нищего; приютить сироту; дать ночлег страннику; призреть болящего; оказать помощь пострадавшему.

II – начало XVII в. до реформ 1861 г. – происходит зарождение системы государственного призрения в форме учреждений: богадельни; приюты и др., а также учебно-воспитательные заведения, такие как воспитательные дома, пансионы; лицеи; шляхетский кадетский корпус и др.

III – вторая половина XIX в. – начало XX в. – характеризуется новым подходом к разработке и реализации социальной политики государства. Учреждаются благотворительные общества и благотворительные заведения. Все формы призрения становятся общественным делом.

IV – конец XX – начало XXI в. – возрождение деятельности благотворительных организаций и традиций меценатства.

Благотворительность как исторический факт, сложившаяся национальная традиция была основополагающей народной педагогики и социального воспитания. Живущие в Украине люди от рождения до смерти воспитывались на учении богословской нравственности и церковных канонах. Тем самым благотворительность оказалась социальной школой благонравия. Те, кто благотворил, воспитывались, самореализовывались и воспитывали других. Необходимо отметить, что первые образовательные учреждения появились под покровительством церкви: церковно-приходские школы, в том числе дефектологические, и приходские училища, первые детские сады, ясли, прогимназии, гимназии, многие профессиональные училища, школы для взрослых начинали свое существование в домах

частных лиц, постепенно образовав систему народного образования, внешкольного воспитания и культурного просвещения.

До 1861 года благотворительные организации существовали только в восьми городах империи, в их число входил и Харьков. Для создания благотворительного общества необходимо было иметь специальное разрешение русского императора. В 1862 году право на открытие частного благотворительного общества было передано Министерству внутренних дел. Частной благотворительности препятствовал существующий специальный закон, который запрещал открывать благотворительные учреждения до тех пор, пока они не были обеспечены капиталом. Вот почему только очень богатые люди имели возможность воплотить в жизнь собственный благотворительный проект. С возникновением земских учреждений (1864 г.) и учреждений местного управления (1870 г.) простор для гражданской инициативы значительно расширился.

Ситуация коренным образом изменилась в последней четверти XIX в., и особенно в 1890-е годы, когда вопросы о благотворительности стали дискуссионными среди русской общественности. Изменения социальной структуры города, рост маргинальных слоев, обострение социальных проблем и полное бессилие правительства в финансовой поддержке нуждающимся стали главными факторами развития благотворительной деятельности в империи. Произошедшие сдвиги заставили правительство изменить направление своей политики относительно благотворительности и перейти от ограничения частной благотворительности к попытке взять ее под свой контроль. Это вызвало создание в 1892 году правительственной комиссии во главе со статс-секретарем К. К. Гротом [4] для пересмотра действующего законодательства по вопросам правительственного попечения и частной благотворительности.

К началу XX века благотворительная деятельность постепенно приобретает самые разнообразные формы: от строительства домов для сирот, до создания народных школ и частных учебных заведений. В Петербурге, с 8 по 13 марта 1910 г.,

состоялся съезд деятелей государственного и частного попечительства, который определил существование в империи 4 762 благотворительных товариществ и 6 278 благотворительных учреждений. При этом только 25% бюджета этой системы поступало из государственной казны, земств, городских и некоторых учреждений, а 75% – из средств частной благотворительности [5, с. 432, 446].

Такой масштаб благотворительной деятельности в Российской империи и в Украине объясняется активным процессом становления гражданского общества. Невозможность открыто принимать участие в общественно-политической жизни империи, где всякая политическая деятельность имела строго ограниченные возможности, сложные проблемы социально-экономического развития, привело к оттоку умеренной, экономически могущественной и образованной части общества в сферу общественной деятельности. В начале XX в. благотворительность стала неотъемлемым атрибутом гражданского общества, составной частью общественного сознания, которая сложилась в систему солидных обществ, учреждений, обрела статус и организационное строение.

Благотворительная деятельность в послереволюционный и советский период прекратилась, так как ее функции взяло на себя государство.

Возрождение благотворительности начинается в начале 90-х годов XX века, когда Украина стала независимым государством. Широкое развитие эта деятельность получила уже в начале XXI века.

В современных условиях благотворительную деятельность можно представить в виде модели, основные компоненты которой поставлены в определенное соответствие друг другу. В структуру благотворительной деятельности входят такие компоненты, как историко-культурные предпосылки, характеристики содержания, виды и формы деятельности, обуславливающие ее факторы, направления и принципы развития. Они отражают сложные многофакторные явления и процессы

и в то же время имеют собственную очередную предметность, состав и структуру.

Сегодня образовательное попечительство представляет, с одной стороны, особый тип социально-профессиональной деятельности, а с другой — средство образовательной политики, с помощью которого формируется социальный заказ на образование, обеспечивающий согласие между обществом и государством.

Модель становления благотворительной деятельности в совокупности своих функций и характеристик, видов и форм, принципов и направлений является открытой. Дальнейшее развитие культурно-образовательной практики будет неизбежно вести к корректированию и формированию научных представлений о сущности и возможностях благотворительной деятельности в сфере образования.

Список литературы

1. Адамовский А. Теория попечительства / А. Адамовский // Перемена. — 2001. — № 4. — С. 4–11.
2. Лавриненко Л. В. Благотворительная деятельность в сфере образования: состояние и перспективы / Л. В. Лавриненко // Педагогика. — 2003. — № 2. — С. 23–28.
3. Никитин М. Моделирование ресурсного обеспечения попечительства и попечительных советов / М. Никитин // Директор шк. — 2000. — № 8. — С. 17–18.
4. Положение об открытии частных благотворительных обществ // Сб. постановлений по М-ву нар. просвещения. — СПб., 1865. — Т. 3.
5. Труды первого съезда русских деятелей по общественному призрению 8–13 марта 1910 г. — Ч. 2. — СПб., 1910. — 631 с.

Резюме

У статті розглядаються основні аспекти благодійної діяльності: дані про розмір і характер практики благодійності в Україні із зазначенням початкового моменту виникнення, етапів і послідовності її розвитку.

Summary

The article addresses the problems of charities in Ukraine: the scale and character, origin, stages of development and dynamics.

УДК 372.004

Є. А. Подольська

ОСВІТНЯ ПОСЛУГА: ПРОБЛЕМИ ЯКОСТІ ВИЩОЇ ОСВІТИ

Ключові слова: компетентність, консюмеризм, маркетингова стратегія у сфері освіти, менеджмент якості вищої освіти, монетарна свідомість, оніоманія, освітня послуга.

Суттєве розширення освітніх послуг в Україні потребує глибокого наукового аналізу наслідків цього процесу на соціальному та індивідуальному рівнях, зокрема ставлення до освіти в умовах суспільства споживання, риси якого стають усе помітнішими й в Україні. У зв'язку з цим важливо розкрити зміст поняття «консюмеризм», його евристичний потенціал та можливість використання у соціології освіти для осмислення нових освітніх відносин професорсько-викладацького складу ВНЗ і споживачів освітньої послуги. Саме освітній процес сприяє набуттю молоддю особистістю такої автономності і неповторності, завдяки яким вона стає здатною звільнитися від безумовності зовнішніх соціокультурних впливів, самостійно проектувати і планувати свою соціальну поведінку, зважено сприймати гроші і як цінність, і як засіб самореалізації. Як справедливо відзначав В. Г. Кремень, у сучасних умовах потрібно зважати на реальність існування *монетарної свідомості*. У вимірах економічної цивілізації гроші мають особливе, далеко не похідне чи другорядне, як це іноді намагаються сьогодні подати, значення. Більше того, вони перетворилися на компонент світогляду, який все більшою мірою стає монетарним [1, с. 6–9]. Саме проявами монетарної свідомості, а також ставленням до освіти як до інструментальної цінності обумовлюється, на наш погляд, консюмеристський зміст отримання освітніх послуг значною частиною сучасної студентської молоді.

«Консюмеризм» як термін часто означає надмірне споживання. У сучасному світі споживання подекуди стає згубною залежністю, товари втрачають власну цінність, стають лише символом причетності до суспільної групи. Розвивається оніоманія – непереборне бажання щось купувати, не звертаючи уваги на необхідність і наслідки. Ідея про можливість отримання соціальної переваги через споживання породжує у свідомості людини віру в те, що сам акт купування здатний дати більше задоволення, ніж продукт сам по собі. Відбувається деградація особистості, занепад її культури, заперечення необхідності всебічного розвитку. У той же час необхідно відзначити, що суспільство споживання має і такі позитивні риси, як: сприяння зниженню соціальної напруженості за допомогою споживання того або іншого товару, послуги; стимулювання вдосконалення, перш за все, завдяки споживанню у духовній, оздоровчій сферах тощо; високі життєві стандарти як стимул заробляти гроші, наслідком чого є наполеглива робота, підвищення кваліфікації, тривалість навчання.

І все ж таки швидке зростання консюмеризму, у тому числі в українському суспільстві, потребує, на наш погляд, формування культури споживання товарів і послуг, зокрема, здатності споживачів адекватно реагувати на появу різноманітних нових послуг. Моделювання того чи іншого стилю споживання обумовлене як об'єктивними (зовнішніми), так і суб'єктивними (внутрішніми) чинниками. Динамізм суспільних перетворень призводить до надзвичайної рухливості індивідуальних ціннісних систем; завдяки чому можуть змінюватися соціальний статус, стиль життя, у тому числі стиль споживання людини [2].

Сьогодні консюмеризм усе більш активно виявляється й у сфері духовного споживання, яке набуває демонстративного характеру: людина відвідує престижні художні виставки, театральні вистави, отримує освіту в найпрестижніших ВНЗ тощо. Подекуди таке споживання має формальний характер: людина не стільки задовольняє свої духовні потреби, скільки

демонструє свою богомність, свої можливості, у тому числі фінансові, свій соціальний статус тощо. Таке споживання особливо небезпечне в освітній сфері. коли молода людина піклується не про отримання знань, професійної компетенції, а про одержання диплому престижного ВНЗ. На щастя, за сучасних умов це стосується далеко не всіх споживачів освітніх послуг. Більшість з них прагнуть отримати не тільки престижну, а перш за все якісну освіту, споживати якісні освітні послуги.

У цьому контексті при розкритті консюмеристського змісту споживання сучасною молоддю людиною освітніх послуг підкреслюється його двоїстість. З одного боку, усе ще достатньо поширене формальне ставлення до освіти, прагнення отримати диплом, а не знання з обраної професії чи, скажімо, позиція деяких студентів ВНЗ недержавної форми власності та комерційних відділень державних ВНЗ, які вважають, що, сплативши за навчання, вони мають отримувати лише гарні оцінки. З другого боку, майбутні фахівці бажають отримувати виключно якісні освітні послуги, що ставить перед сучасними ВНЗ нагальні завдання щодо кардинального підвищення якості вищої освіти.

Для менеджменту якості вищої освіти дуже важливим є розуміння якості кінцевого результату освітнього процесу, до якого включаються: професійна підготовленість; освіченість; загальнокультурна грамотність; фізичне, психічне, моральне здоров'я випускників.

За своєю суттю менеджмент якості освіти є наскрізним аспектом системи управління ВНЗ, що включає визначення цілей, повноважень, відповідальності, процеси планування, контролю та забезпечення якості за допомогою системи адекватних методів, засобів і видів діяльності, спрямованих на задоволення потреб особистості і суспільства в певній сукупності знань, компетенцій, формування і розвиток здібностей, умінь і навичок отримувати нові знання і ефективно діяти у виробництві, а також в інших сферах суспільного життя.

Сучасні студенти все більшою мірою прагнуть отримати якісну освіту, що дає перспективу кар'єрного зростання; співвідносять вартість освітньої послуги та її результат у вигляді набутих ними компетенцій, знань, умінь і навичок. Освіта зумовлює не тільки знання, вміння і навички людини, але й її особистісні якості, світоглядні і поведінкові пріоритети. Освіта і педагогічний процес мають будуватися з урахуванням вимог економічних запитів сучасної людини. І гроші в цих запитах – не свідчення деградації чи якогось зла, а певне благо. Гроші сьогодні – не лише заробітна платня, а реальна можливість досягти своєї мети, розв'язати ті чи інші проблеми тощо. Ця можливість стала реальною саме сьогодні, в епоху тотального економізму, і не слід замовчувати ту силу, якої набуває людина за наявності грошей. Сила тепер не просто в знанні, а в знанні, серед іншого, як заробити, добути гроші, капітал, багатство [1, с. 10–12].

Споживачі вищої освіти перш за все цінують: а) максимальне скорочення фізичних зусиль, тобто «доступність» або «зручність» отримання очікуваного результату; б) ефективність і економічну усередненість («платити менше – отримати більше»); в) яскраві функціональні «упаковки» навчальних програм, що полегшують вживання «товару», в ролі якого виступають знання та уміння; г) подальшу максимальну комерційну реалізованість отриманих знань.

Уміння не тільки управляти, але й передбачати неможливо без грамотного маркетингу освітніх послуг. Саме *маркетингова оперативна інформація* про ринковий попит на ті або інші види освітніх послуг і оцінка їх якості у ринкових умовах стає найважливішим інструментом управління освітньою установою. Серед *основних завдань моніторингового обстеження ринку освітніх послуг* можна виділити такі: відстеження тенденцій зміни поведінки споживачів освітніх послуг; вивчення установок споживачів; вивчення запитів і очікувань фірм, організацій, підприємств тощо. Таке обстеження дозволяє з'ясувати реальний попит на ті або інші форми освіти, види

освітніх послуг, перспективні форми здобуття освіти, зокрема другої професії, форми підвищення кваліфікації; виявити категорії населення, здатні споживати запропоновані освітні послуги, а також реальну вартість освітніх послуг.

Список літератури

1. Кремень В. Философия образования XXI века : выступление на юбилейной сессии АПН / В. Кремень. – Персонал. – № 1. – 2003. – С. 4–12.
2. Добреньков В. И. Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – Т. 8. Образование и социализация. – М., 2005. – 1052 с.

Резюме

В статье раскрывается консюмеристское понимание образовательной услуги, формулируются основные принципы менеджмента качества высшего образования, определяются основные задачи мониторинга рынка образовательных услуг, формулируются принципы маркетинговой стратегии в сфере образования.

Summary

The article addresses the problem of consumerist interpretation of educational services. The basic principles of management of higher education quality are formulated. The main objectives of monitoring the educational services market and the principles of marketing strategy in the field of education are stated.

УДК 374.016.6:[37.016:811.111](477)

И. В. Тимошенко

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Ключевые слова: модель потребительского поведения, образовательная стратегия, образовательные услуги, рынок образовательных услуг, экономика образования, экономическая теория образования.

Исследование содержания и типов поведения студентов на рынке образовательных услуг в настоящее время, несомненно, может быть отнесено к числу важных и актуальных проблем экономической теории образования. Однако в отечественной науке они до сих пор разрабатываются преимущественно в русле педагогики, философии и социологии образования, в то время как в экономической теории — незаслуженно оказываются на периферии исследовательских интересов ученых.

Это обусловило выбор проблематики настоящей публикации и определило ее главные исследовательские задачи:

- проанализировать основные движущие мотивы выбора студентами вузов и направлений образовательной подготовки;
- выявить основные характеристики поведения студентов на рынке образовательных услуг и на этой основе определить основные типы стратегий поведения студентов в системе образования.

Эмпирической базой работы послужили результаты полевых исследований, выполненных Харьковским гуманитарным университетом «Народная украинская академия» («Студент XXI века», 2009) и Государственным университетом «Высшая школа экономики», г. Москва («Мониторинг экономики образования», 2004–2007) [1–10].

Выявленные в ходе исследований ключевые характеристики поведения студентов в системе образования (причины выбора вуза и направления образовательной подготовки; цели получения образования; представления о профессиональной деятельности после окончания вуза) позволили выделить восемь основных типов стратегий поведения студентов в системе образования [6, с. 62–68].

Стратегия 1. Самореализация в профессиональной сфере.

Стратегия отражает стремление реализовать себя в работе. Она предполагает необходимость получения в ходе образовательной подготовки фундаментальной теоретической базы и выработку навыков самоорганизации. Важным здесь является не формальные характеристики (диплом), а реальные показатели профессионализма. С точки зрения требований к будущей работе главным является не уровень заработка и перспективы карьерного роста, а само содержание работы и возможность дальнейшего профессионального развития. Этот тип стратегии не имеет жесткой привязки к направлению образовательной подготовки и форме собственности вузов. Это стратегия студентов, сосредоточенных на учебе – отличников (23%) и «хорошистов» (19%). Они наименее активны в повседневной жизни (доля студентов с низкой и крайне низкой степенями активности превышает 40%), если речь не идет о возможности получения новых знаний или опыта. Основным проявлением их активности является работа (временная или регулярная), в 41% случаев связанная с получаемой специальностью. С точки зрения материальной обеспеченности они довольно независимы (доля полностью независимых студентов составляет 13,7%, что является наиболее высоким показателем по сравнению с другими группами). Типичные представители студентов, придерживающихся этой стратегии, уверены в уровне своих знаний и чувствуют себя довольно комфортно, даже в случае возникновения сложностей с трудоустройством после окончания вуза. В отличие от других студентов, они, скорее всего, предпочтут дальнейшие поиски интересующей

их работы (20,8%), чем, утратив надежду, схватятся за первое попавшееся предложение.

Стратегия 2. Избегание деятельности (вечный студент).

Стратегия студентов, считающих необходимым продолжить образование, но не потому, что они испытывают в этом объективную необходимость, а в силу того, что они не готовы выйти на рынок труда или просто не хотят этого (работать). Это – так называемые вечные студенты, не очень заинтересованные в дальнейшем образовании, но и не желающие работать. Наиболее типичными носителями данного типа стратегии являются студенты государственных технических (27,1%) и педагогических (21,8%) вузов. Это типичные «тусовщики», ведущие весьма активную жизнь вне вуза (доля студентов с высокой активностью превышает 17,5%), имеющие среднюю (40%) и низкую успеваемость (19%). Это более «мужская», чем «женская» стратегия. Придерживающиеся ее студенты, в основном, отличаются уровнем обеспеченности выше среднего.

Стратегия 3. Направленное развитие. Стратегия студентов, ориентированных на карьерный рост, охватывающая около 10% совокупности. Последователи этой стратегии обладают минимальным уровнем таких универсальных навыков и знаний, как владение иностранным языком, умение работать на компьютере и опыт работы по специальности. В то же самое время представители данного кластера имеют высокий уровень требований к предстоящей работе: им важно иметь хороший заработок и перспективы роста. Пока они еще к этому не готовы, но уже инвестируют в полезные контакты и связи. Главным способом достижения поставленной цели для них выступает направленное развитие за счет получения хорошего диплома и продолжения образования. Так же, как и для Стратегии 1, этот тип стратегии не имеет жесткой привязки к направлению образовательной подготовки и форме собственности вузов. Эти студенты неплохо учатся (более трети – имеют хорошие и отличные оценки) и очень активны во внеучебной жизни (показатели высокой и очень высокой активности

встречаются у чуть более 25% студентов). Как и в случае со Стратегией 1, более 70% студентов, выбравших стратегию этого типа, имеют постоянную или временную работу, которая, в основном, не связана с будущей специальностью (по специальности работают чуть более 34%). При возникновении сложностей с поиском работы по специальности они делают выбор в пользу получения дополнительного образования (повысить квалификацию готовы 28,5%) или даже новой профессии (более 17%). В большей степени эта стратегия является «женской», чем «мужской».

Стратегия 4. Экспертный подход. Характерна для наиболее одаренных и развитых студентов. Конечной целью образования здесь выступает успешная карьера, предполагающая высокий доход. Чуть менее важной характеристикой работы является перспектива самореализации. В процессе получения образования данная группа студентов рассчитывает на формирование высокого статуса, что предполагает инвестиции в диплом, действительно отражающий уровень знаний будущего выпускника. Это стратегия студентов, желающих быть в гуще событий и занимать при этом позицию независимого эксперта высокого уровня. Типичные представители – студенты негосударственных вузов (20,3%), обучающиеся по направлениям экономика, менеджмент, право (35%) и другим гуманитарным специальностям (17%). Такой стратегии придерживается наиболее активная в целом часть студенчества (44,2% активных и 18,2% очень активных студентов). Их активность проявляется как в учебе, так и во внеучебной деятельности. На последних курсах 47% студентов этой группы уже имеют постоянную работу (самый высокий показатель), которая более чем в трети случаев (37,5%) связана с получаемой специальностью. Это студенты, практически полностью посвящающие себя получаемой профессии, 38,3% из них имеют успеваемость выше среднего. Характерным является и то, что родители студентов, выбравших эту стратегию, уделяют значительное внимание образованию своих детей: более 65% родителей интересуются

успехами и проблемами студента в вузе чаще, чем один раз в неделю. Это единственная группа со столь высоким показателем внимания родителей. Стратегия экспертного подхода представляет собой альтернативный вариант Стратегии 1. Ее главное отличие состоит в более высоком уровне требований к будущей работе (важным является не только возможность самореализации, но также пространственно-временные и статусные характеристики работы) и готовности продолжать обучение.

Стратегия 5. Самоопределение в карьере. Главное для этой группы – в будущем сделать успешную карьеру. При этом в ходе обучения основные инвестиции направлены в развитие универсальных базовых знаний и навыков, а также на формирование сети неформальных контактов и связей как в вузе, так и на временной работе. В отличие от стратегии направленного развития (Стратегия 3), этот тип отрицает желание продолжать образование и предполагает поиск себя (самоопределение) в ходе будущей деятельности. Это стратегия самоуверенных людей или людей, имеющих хорошую «страховку» на случай неудач в работе. Главное для них – хороший заработок и перспективы, остальное – вопрос времени. Наиболее типичные носители этой стратегии – студенты «классических» университетов в целом (33,2%), а особенно студенты экономических и юридических факультетов (38%). Значительная доля студентов, выбирающих эту стратегию, имеет успеваемость выше средней (14,3%), высокую (17%) или очень высокую (7%). В целом среди студентов, придерживающихся этой стратегии, чаще, чем в других группах, встречаются очень активные люди (37%). При возникновении сложностей в трудоустройстве эти студенты склонны получать дополнительное образование или повышать квалификацию (32,9%).

Стратегия 6. Воспитание дипломированного специалиста. Наиболее важным в образовании для этой группы является становление профессиональных навыков и качеств, обязательно подтвержденных соответствующим дипломом. Уровень

дохода и престиж не имеют весомого значения, в то время как наличие социальных гарантий и хороший коллектив являются обязательными. Чаще других эту стратегию выбирают студенты педагогических университетов (21%), творческих вузов (16%). В сравнении с другими типами стратегий, эту стратегию выбирают преимущественно студенты с успеваемостью либо выше, либо ниже средней (35,7% и 26% соответственно). Это стратегия самостоятельных и уверенных в себе людей, ведущих довольно размеренный образ жизни. Родители практически не проявляют интереса к успехам детей: 41% студентов этой группы отметили, что родители интересуются их проблемами в учебе реже, чем раз в семестр. При возникновении трудностей с трудоустройством по специальности они предпочтут первый подходящий вариант (17,8% случаев).

Стратегия 7. Инвестиции в «корочку». По внешним проявлениям этот тип стратегии близок к Стратегии 6. Главной целью здесь является получение диплома о высшем образовании, опыт работы и налаживание полезных контактов и связей. Важные параметры в работе — условия труда и хороший рабочий коллектив. Однако главное отличие состоит в высоком уровне требований к перспективам карьерного роста и оплате труда. Стратегия отрицает необходимость профессионального развития, апеллируя к необходимости получения лишь базовых знаний и навыков. Это ставка только на диплом и контакты, которыми удалось обзавестись в ходе обучения. Этот тип стратегии выбирает почти треть студентов творческих вузов (30%) и каждый пятый студент педагогических вузов. Это люди, которые хотели бы работать в комфортных условиях, главным средством в достижении цели они считают диплом о высшем образовании. Причем в данном случае речь идет о самом факте наличия диплома, а не о его содержании. Такую стратегию выбирают преимущественно нерадивые студенты: 35% имеют низкий или крайне низкий уровень успеваемости в вузе. При этом около 80% из них находят работу, почти всегда (74,5% от числа студентов, имеющих работу) не связанную с получаемой

специальностью. В случае возникновения сложностей при трудоустройстве студенты, придерживающиеся данной стратегии, не станут ждать (искать подходящий вариант будут только 10,2%), а пойдут на любую работу не по специальности, не требующую дополнительного образования (55,4%).

Стратегия 8. Профессиональная карьера. В отличие от Стратегии 1, которая предполагает, прежде всего, внутреннее удовлетворение от работы, эта стратегия ориентирована на внешние показатели статуса как образования, так и профессии. В первом случае показателями престижа являются статус диплома учебного заведения, во втором – перспективы роста на рабочем месте и уровень дохода. Отличие этого типа от Стратегии 4 состоит в отсутствии стремления к продолжению образования. Это стратегия людей, чувствующих уверенность в себе «здесь и сейчас» и готовых выйти на рынок труда сразу после окончания вуза. Целью получения образования является всестороннее развитие личности. Это попытка взять максимум от образования с целью в дальнейшем достичь успеха в профессиональной сфере. Эта стратегия является прямой альтернативой Стратегии 5 (самоопределение в работе). Главное отличие – четкое представление о том, каким требованиям должна отвечать будущая работа, а также уверенность в том, что выбранное направление – единственно верное. Эти студенты имеют высокую успеваемость. Родители интересуются их успехами несколько раз в месяц (60% случаев). Более чем в 50% случаев – это независимые в материальном плане люди. При возникновении сложностей с трудоустройством эти студенты до последнего останутся верными выбранному ими направлению профессиональной подготовки: только в самом крайнем случае 11,4% из них пойдет получать новую, более востребованную профессию.

Выводы.

Предпочтение профессии и интересная учеба – основные движущие мотивы выбора студентами вуза и направления подготовки.

В качестве двух наиболее важных целей получения образования для студентов выступают возможность приобретения высокооплачиваемой профессии и практических навыков работы.

Анализ ключевых характеристик поведения студентов позволяет выделить восемь основных типов образовательных стратегий студентов, значительно отличающихся друг от друга.

Данная типологизация может быть определена в качестве важного направления сегментации рынка образовательных услуг и позиционирования на нем образовательных продуктов конкретных вузов.

Список литературы

1. Баранова Т. А. Стратегии получения высшего образования студентами в контексте Болонского процесса (на примере ГУ-ВШЭ) / Т. А. Баранова, Ю. Р. Муратова, Ю. В. Овчинникова // Вопр. образования. – М. : Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2006. – № 1. – С. 328–346.
2. Выбор образовательной стратегии детей: ценности и ресурсы : информ. бюл. № 1 / Мин-во образования РФ, ГУ-ВШЭ, ФОМ. – М., 2002. – 28 с.
3. Калина И. И. Новые образовательные стратегии / И. И. Калина // Вопр. образования. – М. : Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2004. – № 2. – С. 5–11.
4. Образование детей и взрослых: семейные проекты траекторий : информ. бюл. – М. : ГУ-ВШЭ, ФОМ, 2005. – 56 с.
5. Образовательные и экономические стратегии в высшей школе (основные показатели и ресурсы) : информ. бюл. / ГУ-ВШЭ. – М., 2005. – 28 с.
6. Рощина Я. М. Учащиеся на рынке образовательных услуг : информ. бюл. / Я. М. Рощина, Т. Н. Филиппова, К. С. Фурсов. – М. : ГУ-ВШЭ, 2006. – 72 с.
7. Социальная дифференциация и образовательные стратегии российских студентов и школьников : информ. бюл. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – 52 с.
8. Фурсов К. С. Образовательные стратегии студентов российских вузов на этапе выхода на рынок труда: опыт эмпирического исследования / К. С. Фурсов // Вопр. образования. – М. : Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2006. – № 2. – С. 222–240.

9. Экономические стратегии семей в сфере образования детей : информ. бюл. — М. : ГУ-ВШЭ, 2007. — 68 с.

10. Экономические стратегии семей в сфере образования взрослых : информ. бюл. — М. : ГУ-ВШЭ, 2007. — 64 с.

Резюме

У статті досліджено основні рушійні мотиви вибору студентами ВНЗ і напрямів їх підготовки, а також характеристики поведінки студентів на ринку освітніх послуг. Визначено основні типи стратегій поведінки студентів в системі освіти.

Summary

The main motives of students choosing higher educational institutions and fields of training and patterns of students' behavior at the market of educational services were investigated. The main types of strategies of students' behavior in the educational system were determined.

УДК 378.147.016 : 811

А. А. Хильковская

ПРИНЦИП РЕШЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ВТОРОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: комплексный подход, компетенция, иностранный язык как второй язык общения, подход «Task-based approach».

В последнее десятилетие в формулировках целей, которые ставит перед собой образование, появился термин «компетенция» [1, с. 261]. Он прочно обосновался в школьных и вузовских программах, что свидетельствует об осознании необходимости преодолевать разрыв между теоретическими знаниями и умением эффективно решать практические задачи именно в процессе получения образования, а не «когда-нибудь, во взрослой жизни».

В преподавание иностранных языков ориентация на компетенции пришла с появлением аутентичных учебников, с ростом числа желающих сдавать международные экзамены по иностранным языкам и с утверждением восприятия иностранного языка как второго языка общения.

Программа для высших учебных заведений гласит: «Целью преподавания и изучения английского языка для профессионального общения является подготовка студентов к эффективной коммуникации в их академическом и профессиональном окружении. Поэтому типовая программа предусматривает, что коммуникативные языковые компетенции будут формироваться для адекватного поведения в реальных ситуациях академической и профессиональной жизни» [2, с. 8].

Эта цель реализуется в том случае, если и в процессе изучения языка, и в процессе тестирования (как этапа в обучении)

студент решает задачи практического свойства, подобные тем, которые решает в реальной жизни любой пользователь языка. Поэтому современные коммуникативные методики выстраивают любую учебную деятельность вокруг определенной коммуникативной задачи, рассматривая язык как инструмент для ее решения. Именно во время решения этой задачи и происходит обучение.

Этот подход получил в аутентичных источниках название «Task-based approach» – подход, основанный на решении практических задач (Task).

На практике он реализуется в следующих способах организации учебной деятельности:

1. Постановке любой коммуникативной задачи предшествует этап погружения в тему. В жизни сами обстоятельства настраивают нас на восприятие текста: в учебнике истории мы готовы встретить исторические факты, а в инструкции по употреблению лекарства – сколько и как его следует употреблять. На занятии организовать это погружение можно с помощью рисунков, обращения к личному опыту студентов, поиска ассоциаций, связанных с темой, техники предугадывания содержания текста или высказывания.

2. Каждому прочтению или восприятию текста на слух предшествует четкая постановка задачи, для решения которой необходимо прослушать или прочитать данный текст: поиск информации, выяснение коммуникативных намерений говорящего, получение инструкции – любая задача, провоцирующая на активное чтение.

Каждое повторное прочтение или прослушивание требует постановки новой задачи, что позволяет использовать текст и все его языковые нюансы на 100%.

3. Письменные и устные высказывания имеют целью не воспроизведение тех или иных языковых структур, а успешную коммуникацию, то есть решение стоящей перед студентом коммуникативной задачи.

4. Принцип решения практических задач реализуется при выполнении на занятии заданий, цель которых лежит вне языка: найти различие двух рисунков или объектов, найти какой-либо объект или дорогу к нему на карте местности, выбрать гостиницу и туристическую поездку в соответствии со вкусами или требованиями клиента. При решении всех этих практических задач соблюдается условие: один из партнеров коммуникации обладает информацией, которой не имеет другой, что делает ситуацию подобной реальной жизни. Для решения необходима эффективная коммуникация, а значит, корректная передача недостающей информации от одного партнера к другому, умение достигать договоренности путем диалога, убедительно аргументировать свои предложения и т. д.

5. Одной из разновидностей такого типа заданий являются всевозможные лингвистические игры, для победы в которых требуется эффективная коммуникация. В такой ситуации она осуществляется непринужденно и естественно.

Описанные выше способы организации учебной деятельности достаточно популярны в классах, где изучается второй язык общения. Вместе с тем работа методистов и практических педагогов в этом направлении продолжается. В 1996 году вышла книга Джейн Уиллис «A Framework for Task – Based Learning», автор которой считает, что для того, чтобы использовать в полной мере все преимущества принципа решения практических задач, следует перестроить традиционную структуру занятия, например:

P (presentation) – презентация,

P (practice) – тренировка,

P (production) – «продуцирование» = употребление в речи

[3, p. 14].

При такой структуре занятия «новое» в языке сначала презентуется, осваивается в процессе тренировки, и лишь после этого создаются учебные ситуации, в которых студент получает возможность употребить в речи освоенные на занятии языковые явления.

Джейн Уиллис пишет о том, что принцип решения практических задач предполагает иную логику построения занятия, которую она формирует так:

Р (pre-task) – погружения в тему,

Т (task cycle) – собственно выполнение практической задачи,

Л (language focus) – работа над языком, который был использован при решении коммуникативной задачи [3, р. 14].

Именно на последнем этапе педагог совместно со студентами рассматривает и анализирует, насколько адекватной была коммуникация, какие структуры были использованы для успешного решения коммуникативной задачи.

Какие преимущества видит автор в этой структуре занятия?

Во-первых, вовлечение в работу студентов с разным уровнем владения языком, поскольку успешная коммуникация и, как следствие, успешное решение практической задачи может быть осуществлено каждым студентом на своем уровне и в своем темпе, что никак не умаляет ценности достигнутого им результата.

Во-вторых, новые знания приобретаются самым естественным для человека способом – во время решения практической задачи.

В-третьих, столкнувшись с трудностями в решении практической задачи, студент вполне сознательно сможет отнестись к новому языковому материалу как к необходимому «инструменту» для решения практических задач, а значит, успешно освоить его на последнем этапе /L-language focus/.

Подход к изучению второго языка общения, основанный на решении практических задач, меняет не просто формы работы и организации урока, а сам способ обучения, позволяя задействовать в процессе изучения языка те же психологические механизмы, которые действуют в ситуациях реального общения. Такой подход является мощным мотивирующим фактором, а мотивированный студент всегда учится лучше.

К сожалению, принцип решения практических задач не востребован методикой преподавания родного языка и других гуманитарных дисциплин, а развивающиеся интерактивные методики не используют богатый опыт, накопленный в сфере изучения второго языка общения. В этих направлениях есть перспектива для дальнейших исследований и опытов практического применения новых подходов в образовании.

Список литературы

1. Глоссарий современного образования / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. Ю. Усик. — Харьков : Изд-во НУА, 2007. — 523 с.
2. Програма з англійської мови для професійного спілкування / кол. авт.: Г. Є. Бакаєва, О. А. Борисенко, І. І. Зуєнок та ін. — К. : Ленвіт, 2005. — 119 с.
3. A Framework for Task-Based Learning / J. Willis. — Harlow : Longman, 1996. — 186 p.
4. Using Student-Centered Methods with Teacher-Centered ESL / Marilyn Lewis. — Pippin Publishing, 1996.

Резюме

Стаття розглядає метод вирішення практичних завдань, що застосовується під час вивчення іноземної мови як другої мови спілкування, пропонує варіанти організації навчання за цим принципом. Доцільність використання даного принципу обґрунтовується.

Summary

Task-based language teaching is considered. Several ways of structuring the lesson according to this principle are suggested.

The efficiency of this method is grounded.

УДК 37.014

Р. И. Чернолясов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: эффективность, институт образования, образовательная деятельность, оценка эффективности.

Принцип *lifelong education* на сегодняшний день является необходимым атрибутом успешной экономической активности. Изменяющаяся рыночная среда требует от фирм постоянного обновления человеческого капитала и непрерывного развития трудового потенциала каждого участника экономических отношений.

Образование, которое ранее было основным видом деятельности учебных заведений, сегодня переходит в сферу ответственности различных рыночных субъектов. Программы повышения квалификации, тренинги и курсы переподготовки зачастую проводятся организациями, не имеющими отношения к формальной образовательной системе. Это обеспечивает массовость и общедоступность данного вида услуг, однако искажает часть институциональных функций, которые должны обеспечиваться образованием. Возникает необходимость более глубокого исследования вопросов, связанных с оценкой эффективности указанных процессов.

Целью данной статьи является разработка алгоритма оценки эффективности образовательной деятельности, позволяющего определить степень результативности образования как процесса. Объектом выступает образовательная деятельность, осуществляемая на различных экономических уровнях. Предметом – методика оценки эффективности образования, которая может быть в дальнейшем использована в качестве основы для различных прикладных исследований.

В наиболее общем виде любой алгоритм оценки эффективности сводится к трем основным этапам [5]:

- анализ текущего состояния рассматриваемого явления (определение ключевых параметров и показателей, характеризующих особенности различных внутренних процессов);
- оценка результатов (наиболее часто в разрезе плановых и фактических интегральных показателей, а также параметров результативности);
- сопоставление полученных на предыдущем этапе результатов с затратами на их достижение (делаются выводы о степени эффективности).

В зависимости от специфики анализируемого явления в алгоритм могут быть внесены дополнительные коррективы.

На текущий момент времени отсутствует единая теоретическая модель, в полном объеме характеризующая структуру взаимодействия между всеми участниками образовательной деятельности. В рамках экономической теории институт образования обычно рассматривается как система, создающая новые возможности и ресурсы развития для экономики в целом. Основные теоретические концепции описывают эффективность образовательной деятельности с точки зрения взаимодействия какой-либо пары субъектов (институт образования и обучаемый, обучаемый и работодатель и т. д.) (рис. 1).

Это теория человеческого капитала (Я. Минцер, Т. Шульц, Г. Беккер), теория фильтра или credenциализма (Й. Бен-Поэрт, Н. Балуга, Б. Вэйсброд) и производственная функция Кобба-Дугласа (в этом направлении дальнейшие исследования проводились В. Леонтьевым, Р. Солоу, Д. Манком) [4].

Главной особенностью рассматриваемого объекта исследования является сложность количественной оценки получаемых образовательных эффектов. Если затраты на образование еще поддаются цифровой интерпретации, то формализация результатов этих процессов в виде числовых показателей практически невозможна. Ни одна из вышеописанных теоретических

Рис. 1. Экономическая эффективность образовательной деятельности с точки зрения различных теоретических концепций

концепций не дала ответа на вопрос о возможности прикладного измерения результатов образования.

Исходя из этого, единственно верным решением будет попытаться использовать качественный подход к анализу эффективности. Результативность образовательной деятельности может быть оценена по степени достижения определенных целей. То есть сущность рассматриваемого алгоритма будет сводиться к определению того, насколько тот или иной вид образования обеспечивает достижение выбранных целей.

Теоретическим базисом при разработке системы целей должны выступать:

- институциональная структура системы образования и особенности ее взаимодействия с другими экономическими системами;
- миссия и функции образования как социально-экономического института.

Соблюдение этого принципа обеспечит необходимый уровень точности предлагаемого алгоритма оценки.

В рамках текущего анализа образование будет рассматриваться как общественное благо. То есть такое социально-экономическое явление, которое обеспечивает достижение целого спектра положительных эффектов, выгодных как отдельному индивиду, так и обществу в целом.

Безусловно, подобная точка зрения не является абсолютно верной, и некоторые ученые выступают с критикой данного утверждения. В частности, Д. Норт утверждает: «Образовательную систему общества просто невозможно объяснить в узких рамках неоклассической теории, поскольку совершенно очевидно, что значительная часть этой системы ориентирована на инвестирование скорее не в человеческий капитал, а на внедрение системы ценностей в сознание членов общества» [2, с. 54]. Образование может привести к появлению определенных негативных эффектов (например, идеологического характера). Несмотря на это, в рамках алгоритма оценки эффективности первостепенное значение будет иметь степень достижения позитивных результатов.

Учет этих предпосылок обеспечит построение структуры целей, которые будут комплексно и наиболее полно отражать особенности образовательной деятельности как специфического вида активности экономических систем различных уровней.

Структура целей будет представлена в координатной области (аналитической рамке), где ось абсцисс (горизонталь) – вектор времени, ось ординат (вертикаль) – распределение целей в соответствии с уровнями осуществления образовательной деятельности.

Для удобства и простоты трактовки получаемых результатов будут использованы следующие координатные характеристики (рис. 2):

- по критерию временного распределения: кратко-, средне- и долгосрочные цели (или же текущие, промежуточные и институциональные);

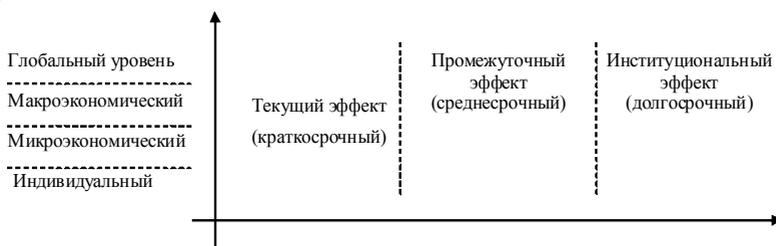

Рис. 2. Система координатных характеристик для последующего анализа

- по критерию уровневого распределения: индивидуальный, микро-, макроэкономический и глобальный уровень осуществления образовательной деятельности (в соответствии с уровнями экономического анализа).

Итоговая матрица целевых установок образовательной деятельности, полученная в результате комплексного анализа рассматриваемой проблемы, представлена на рис. 3.

Для более наглядного отображения логики зависимостей между уровнями целей и временем их достижения было использовано дополнительное графическое выделение, отражающее указанные характеристики через ширину направляющих векторов. Чем больше по размеру данный графический элемент, тем более сложный и комплексный достигаемый эффект, и, соответственно, более длительная перспектива для его возможного проявления.

По мнению автора, представленная структура целей в полной мере учитывает исходные предпосылки и может быть использована как базисная основа в рамках алгоритма оценки эффективности.

Для количественного определения степени достижения перечисленных целевых установок могут быть привлечены экспертные группы.

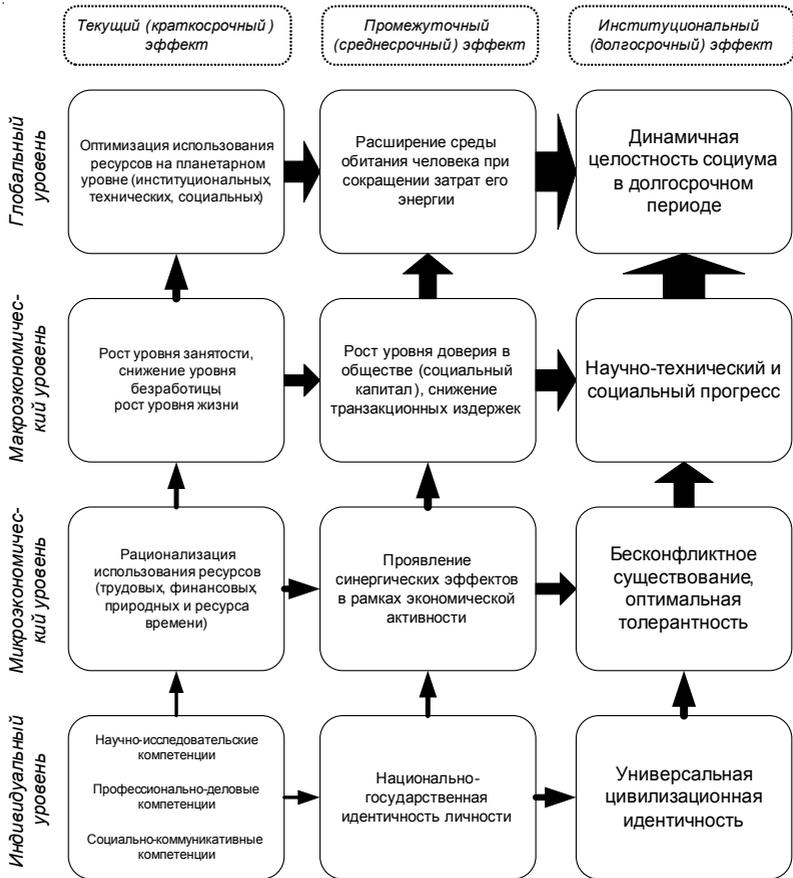

Рис. 3. Матрица целевых установок (эффектов) образовательной деятельности

Чтобы полученные показатели соответствовали действительности, необходимо привлечение экспертов, которые обладают достоверной информацией о специфике оцениваемого вида образовательной деятельности, а также об особенностях системных взаимосвязей между элементами рассматриваемых экономических систем. В качестве дополнительного элемента оценивания возможно использование результатов опроса самих обучаемых и их мнения при расчете промежуточных показателей результативности.

Мнения экспертов, преобразованные в соответствии с базисной шкалой (в баллах), обеспечат возможность количественной оценки результатов образования, которые, в свою очередь, могут быть сопоставлены с затраченными ресурсами.

Сама структура целей может быть использована как на стадии оценки результатов образовательной деятельности, так и на этапе предварительного планирования – при выборе образовательных методик и средств обучения.

Достижение максимально возможного значения эффективности образования возможно при выполнении следующих условий:

- ориентация всего образовательного процесса на достижение спектра перечисленных целей;
- выстраивание используемых образовательных методик в соответствии с этими целями;
- информирование всех участников образовательной деятельности о целях, достижение которых планируется по результатам образовательной деятельности.

Отталкиваясь от вышеизложенных теоретических моментов, можно сделать следующие выводы.

В современной экономической науке до сегодняшнего времени не было выработано единственно верного способа оценки эффективности образования, позволяющего количественно измерить получаемые результаты образовательной деятельности. Основная причина этого, по мнению автора, состоит в неверном выборе подходов, используемых в качестве основы для оценочных алгоритмов.

Если переориентировать анализ эффективности с изучения особенностей взаимодействия между участниками образовательной деятельности на целевые установки самого процесса образования, то мы получим возможность количественно оценить получаемые результаты. В дальнейшем это даст возможность сравнить оценочные величины с понесенными затратами и сделать выводы об уровне итоговой эффективности образования.

Предлагаемый алгоритм оценки эффективности состоит из трех модифицированных этапов. Первый этап связан с изучением мнения экспертов относительно степени достижения предложенной структуры целей. На втором производится трансформация этих качественных оценок в соответствии с определенной балльной шкалой; на третьем – сопоставление оценочных балльных показателей с первоначально понесенными затратами различных видов ресурсов.

Список литературы

1. Андронникова Н. Г. Комплексное оценивание в задачах регионального управления / Н. Г. Андронникова, В. Н. Бурков, С. В. Леонтьев. – М. : Ин-т проблем управления РАН, 2002. – 58 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Фонд эк. книги «Начала», 1997. – 364 с.
3. Радаев В. В. Экономическая социология : курс лекций / В. В. Радаев. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 368 с.
4. Тимошенко И. В. Система образования в зеркале экономической науки : моногр. / И. В. Тимошенко. – Х. : Изд-во НУА, 2005. – 296 с.
5. Чернолясов Р. Роль показателей эффективности в функционировании хозяйствующих систем / Р. Чернолясов // Бизнес-информ. – 2008. – № 6. – С. 45–48.
6. North D. Structure and change in economic history / D. C. North – N.Y., London : W.W. Norton&Company, 1981. – XI, 228 p.

Резюме

Метою дослідження є розробка алгоритму оцінки ефективності освіти. Об'єктом дослідження є освітня діяльність економічних систем різних рівнів. Результатом дослідження стала система цілей, які можуть бути використані в рамках алгоритму, що розробляється.

Summary

The purpose of the research is to develop the algorithm of evaluation the education efficiency. The object of the research is the educational activity of economic systems of different levels. As a result of the research the system of the targets that can be used within the framework algorithm under development has been suggested.

УДК 316.613:378

Н. Г. Чибисова

О ЦЕННОСТЯХ СПЕЦИАЛИСТА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, студенчество, постиндустриальное общество, специалист постиндустриального общества.

Новое, постиндустриальное общество, формирующееся на наших глазах, требует, соответственно, и постиндустриального типа работника, которому будут присущи новые личностные качества.

Цель статьи — выявление изменений, происходящих в ценностной структуре выпускника вуза постиндустриального общества.

Понятие «ценность» выступает в современной науке как одно из наиболее распространенных и исследуемых. В научной литературе зафиксировано свыше 500 разных его определений. Сегодня это понятие стало предметом междисциплинарного исследования философов, социологов, психологов, педагогов.

А. Мейнонг и Дж. Сантаяна рассматривали ценности с позиций психологического подхода, Р. Перри и Дж. Дьюи — в аспекте «натуралистической» аксиологии. С социологических позиций подходили к объяснению ценностей М. Вебер и Э. Дюркгейм. Логико-семантический анализ ценностей осуществляли Дж. Мур и Б. Рассел, Л. Витгенштейн и А. Ричардс, Ф. де Соссюр и Ч. Моррис, Я. Мукарховский и К. Льюис. Глубокий анализ аксиологии был сделан в феноменологической философии Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Гартмана, Г. Шпета, М. Дюфренна. Большое внимание изучению ценностей уделили экзистенциалисты Ж. П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер; в границах теологии — Г. Марсель, Ж. Маритен, Б. Лосский и другие. С марксистских позиций ценности

исследовали Л. Архангельский, В. Василенко, О. Дробницкий, М. Каган, М. Лармин, Л. Столович и др.

В определении ценностей мы будем исходить из аксиологического подхода, сложившегося в современной литературе (М. Каган, Д. Леонтьев, М. Мамардашвили, И. Нарский, Б. Николаичев, В. Сагатовский, А. Титаренко, В. Тугаринов и др.) и позволяющего представить ценностные отношения как субъект-объектные отношения.

Ценность социальна по своей сути и представляет собой субъект-объектный феномен, то есть ценность можно рассматривать как отношения субъекта, носителя определенных социокультурных качеств, и объекта, а также как определенную значимость для субъекта, которая детерминирует его жизнедеятельность.

Тесно связано с понятием «ценность» такое понятие, как «ценностные ориентации». Особый интерес к данному явлению появился у исследователей в 60–70-е годы XX века. Так, изучением «ценностных ориентаций» занимались Р. Кохен, Дж. Лопреато, Дж. Торней, Д. Локвуд, М. Мен, П. Блекберн и другие.

Особое внимание на постсоветском пространстве данной проблеме уделяли А. Здравомыслов, В. Ольшанский, В. Ядов, а также О. Головаха, В. Бакиров, О. Балакирева, В. Лапин, Ю. Левада, Л. Сокурская.

Ценностные ориентации представляют собой ценностные представления, которые детерминируют поступки и действия людей, проявляются в поведении и раскрывают качественное своеобразие жизнедеятельности личности, ее образ жизни [1, с. 26]. Ценностные ориентации характеризуют представления субъекта, которые являются для него позитивно значимыми в соответствии с его индивидуальным жизненным опытом, предпочтениями, принятыми в обществе образцами. Такого рода ценностные представления лежат в основе ориентации субъекта в социальной среде, а также в ее оценивании.

В условиях становления постиндустриального общества наблюдается переход от старой нормативной системы цен-

ностей к новой, постиндустриальной. У молодых людей формируются новые ценности, ценностные ориентации, складываются новые нравственные качества.

Постиндустриальное общество требует высокообразованных работников, так как со сложными техническими и технологическими системами смогут работать только интеллектуально развитые, творческие специалисты. Среди значимых личностных навыков развиты коммуникативные, ибо в новом обществе машины и люди будут сконцентрированы не на отдельных гигантских предприятиях, в границах одного региона или страны, а рассредоточатся по всему миру, и их умение поддерживать взаимоотношения, мгновенно связываться друг с другом в быстро меняющейся реальности приобретает особую ценность. В условиях постиндустриального общества становится иной и динамика развития: все быстро устаревает, человеку в течение жизни приходится несколько раз менять специальность, профессию. А это требует от него и новых качеств, среди которых – решительность, самостоятельность, стремление к новому, умение не только воспринимать информацию, но и организовывать ее на практике. Как отмечал исследователь Б. Братусь, личность находится в переходном потребностно-мотивационном состоянии, «которое не знает своего конкретного пути, не знает себя, но пытается узнать, определить, исходя из наличного, видимого, узнаваемого круга, веера возможных предметов. Идет перебор, увлечение то одним, то другим, но ни один из выборов не окончательный. Напротив, они меняются с необычной быстротой, и пока все возможно и все крайне неустойчиво» [2, с. 19]. Высокая динамика общественной жизни требует от человека быть мобильным, легким на подъем.

Современная действительность порождает и новые формы организации производственной деятельности, среди которых можно выделить проектную деятельность, последняя позволяет специалистам объединяться для создания определенного проекта, после же его завершения трудовой коллектив распа-

дается, а его участники становятся членами иного коллектива и начинают работать над новым проектом. Такая форма организации производственной деятельности требует умения работать в команде, быть толерантным, коммуникабельным.

Постиндустриальное общество требует от человека таких способностей и умений, которые позволяют ему не только качественно осваивать огромные массивы информации, но при этом и критически мыслить, быстро принимать решения, активно действовать в неопределенной ситуации (будь-то экономической, политической, производственной или др.). Сегодня центры принятия решений оказались значительно ближе к производственным коллективам, что вызвало необходимость реорганизовать систему управления производством. Теперь специалист призван быть не только мастером своего дела, но и самостоятельно принимать решения, нести за них ответственность.

Работник постиндустриального общества должен обладать широтой взглядов, воспринимать проблему целостно, независимо от того, какие функциональные действия он призван выполнять на производстве. Особенность современных технологий заключается в том, что ни одна профессия не в состоянии охватить весь технологический цикл. Поэтому постиндустриальному специалисту необходимо не только грамотно, профессионально включаться в определенный цикл, но и видеть его целостно, понимать его цели, задачи, закономерности. Такой подход требует нового мышления, а следовательно, и новых знаний и умений, творческого подхода к решению проблемы.

Таким образом, постиндустриальное общество нуждается в новом постиндустриальном типе специалиста. А такого специалиста призвана готовить новая, постиндустриальная школа, которая будет учить человека не столько воспринимать информацию, сколько находить эту информацию и работать с ней, снабжать его многообразными способами работы с информацией, применять ее на практике, другими словами –

научить человека учиться. И этот процесс обучения в постиндустриальном обществе превращается в постоянный и непрерывный.

Неграмотный человек в постиндустриальном обществе не тот, кто не умеет читать и писать, а тот, кто не умеет учиться. Образование превращается в главный личностный ресурс, в первостепенную ценность человека.

В 2002 году Лаборатория проблем высшей школы при Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА») провела международное исследование, которое дало возможность познакомиться с ценностным миром студентов Польши, Латвии, Украины и Казахстана. Анализ результатов исследования позволил сделать вывод о том, что для студентов этих стран стабильно важными ценностями являются здоровье, счастливая семейная жизнь, наличие друзей [4, с. 143–144]. Мониторинговое исследование 2008 года «Российский вуз глазами студентов», проведенное Московским гуманитарным университетом и Союзом негосударственных вузов Москвы и Московской области, в качестве основных ценностей студенческой молодежи определило материальную обеспеченность, счастливую семью, здоровье, хорошую работу [3, с. 53]. Как видим, набор ценностей у современных студентов приблизительно одинаковый. В то же время исследование ХГУ «НУА» продемонстрировало, что ценностные ориентации студентов, связанные с отношением к образованию, различаются. Для студентов Польши, Казахстана образование выступает более значимой ценностью, чем для украинских и латвийских студентов. Это положение подтверждается тем, что образование как ценность в общей иерархии ценностей отметили от 14,8% до 33,3% студентов. При этом на вопрос: «Является ли образование гарантом успеха в современных условиях?» позитивно ответили от 44,4% до 80,7% студентов. Минимальный разбег между принятием и неприятием образования в качестве ведущей ценности наблюдался у польских студентов (+30%), а максимальный –

у украинских (+60%). Это свидетельствует о том, что у украинских студентов не сформировались стойкие ценностные ориентации на получение высшего образования. Такое положение объясняется, главным образом, экономическими причинами, поскольку сегодня окончание вуза не гарантирует студентам трудоустройство и получение высокооплачиваемой работы. Тем не менее, как свидетельствуют российские социологи, для большей уверенности в успешном трудоустройстве молодые люди стремятся получить высшее образование (51,4%); овладеть иностранным языком (30,4%), компьютером (29,5%), приобрести навыки работы в условиях рыночной экономики (27,7%), получить правовую подготовку (14,6%) [3, с. 52].

Таким образом, высшее образование сегодня выступает для молодых людей значимой ценностью, поэтому его дальнейшее развитие будет способствовать и развитию студенческой молодежи. Насыщение образования ценностями постиндустриального общества будет детерминировать становление у будущих специалистов соответствующих ценностных ориентаций, ценностей, а следовательно, и развитие необходимых для постиндустриального общества личностных качеств.

Список литературы

1. Бакиров В. С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора / В. С. Бакиров. – Х. : Вища шк., 1988. – 152 с.
2. Братусь Б. С. Психология нравственного сознания в контексте культуры / Б. С. Братусь. – М., 1994. – 264 с.
3. Социальные и культурные ценностные ориентации молодежи / Луков В., Гневашева В., Захаров Н. [и др.] // Вестн. высш. шк. – 2008. – № 2. – С.46–56.
4. Чибісова Н. Г. Вищий навчальний заклад як середовище формування цінностей студентської молоді в соціокультурних умовах сучасної України / Н. Г. Чибісова. – Х. : Вид-во НУА, 2004. – 256 с.

Резюме

Нове постіндустріальне суспільство, що формується на наших очах, потребує і нового типу спеціаліста. Цьому спеціалістові будуть притаманні нові ціннісні орієнтації, цінності, особистісні якості. І такого спеціаліста має готувати нова постіндустріальна школа, яка вчитиме людину не лише сприймати інформацію, а й уміти її знаходити, працювати з нею, вчити використовувати на практиці, іншими словами – навчатися.

Summary

A new post-industrial society, which is being formed now, requires a new type of specialist. This specialist will possess new value orientations, values and personal characteristics. This is the type of specialist to be educated by new postindustrial school that will train a person not just to receive information offered, but to find it, work at it, apply it for practical purposes, that is it will train a person to learn.

УДК 378.006.015.5:316

С. А. Щудло

ЯКІСТЬ ОСВІТИ У ВИЩІЙ ШКОЛІ: ВИКЛИКИ СУСПІЛЬСТВА ЗНАНЬ

Ключові слова: освіта, якість освіти, суспільство знань, вища школа.

Сучасне суспільство докорінно змінює підходи до освіти та соціокультурної політики в цілому. Це зумовлено потребою переорієнтації самого суспільного розвитку на розвиток людини, її особистісних та культурних якостей. Ми починаємо все чіткіше усвідомлювати той факт, що у XXI столітті саме Людина є основою будь-якого проекту соціального розвитку. Ці зміни в суспільній свідомості зумовлюються формуванням якісно нового суспільства – суспільства знань, – яке ставить особливі вимоги до особистості.

Проблемам концептуального осмислення інноваційних процесів у сфері освіти присвячена значна кількість праць, зокрема В. Бакірова, Л. Губерського, О. Вишневського, В. Кременя, В. Розіна, В. Скотного та ін. Наукове осмислення реформ вищої освіти здійснено у дослідженнях В. Андрущенко, В. Астахової, Б. Головка, В. Кипеня, Ю. Чернецького та ін. Аналіз постмодернізаційних тенденцій у розвитку інституту освіти знайшов відображення у працях Є. Подольської, Л. Сокурянської, О. Навроцького та ін. Водночас науковий інтерес до дослідження якості освіти як фундаментальної освітньої характеристики знаходиться на стадії становлення. Потребує значно глибшого осмислення взаємозв'язок переходу суспільства до нового етапу цивілізаційного розвитку та зміни освітньої парадигми, вибудованої на засадах підвищення якості освіти, що визначає актуальність нашого дослідження.

Метою даної статті є аналіз чинників забезпечення якості освіти у вищій школі в умовах формування суспільства знань.

У сучасних умовах відбувається становлення нової парадигми освіти, зорієнтованої на підвищення якості освіти. Якщо раніше освіта була спрямована в основному на трансляцію знань, професійну підготовку молоді та її соціалізацію, забезпечувала входження у самостійне життя, то на початку XXI століття вона не може обмежуватися лише цими функціями. Перед освітою постають нові функції та стратегічні завдання, зокрема вона має бути націлена на підготовку іншої особистості – здатної жити в «суспільстві ризику» (У. Бек), креативної, творчої, готової до постійного поповнення знань, включеної в систему «людина – людина».

Сутність сучасних змін, які досі не знайшли глибокого наукового осмислення, полягає в переорієнтації суспільства з виробництва матеріальних послуг на інтелектуальне виробництво – продукування знань та інформації. Усе більше зростає увага до нематеріальних активів людини, особливе місце серед яких належить знанням, освіті. Визначальним в цьому просторі стає людський капітал.

Ця проблема актуалізується у зв'язку з переходом до суспільства знань. Підвищення наукового інтересу до проблематики «суспільства знань» з'явилося кілька років тому. У більшій мірі предметом наукової дискусії ставало інформаційне суспільство, яке, згідно з підходом Е. Тоффлера [1], мало замінити індустріальне. Однак сучасне суспільство все більше набуває рис «суспільства знань (*knowledge society*), тобто соціальної системи, яка будується і розвивається навколо процесів виробництва, розподілу та використання наукових знань, процесів, що конструюють соціальну реальність, її економічні, політичні, ментальні структури, спосіб життя людини» [2, с. 352]. Польський дослідник М. Цеслярчик розмірковує над відмінністю інформаційного суспільства від суспільства знань, розглядаючи останнє як вищий етап розвитку інформаційного суспільства [3, с. 41]. Різницю між двома типами суспільства науковець бачить через різницю між поняттями «інформація» та «знання» (рис. 1). Так, «дані» науковцем розглядаються як

Рис. 1. Зв'язок між термінами: дані, інформація, знання (за М. Цеслярчиком)

сукупність упорядкованих відносно певного критерію знаків, що служать основою для творення інформації чи знань, інформація, у свою чергу, являє собою інтерпретовані у визначеному контексті дані, а наступним етапом є формування знань – інформації, наповненої метою, сенсом та значенням.

Однак швидкі темпи збільшення обсягів інформації ще не гарантують обов'язкової її трансформації у знання. Водночас розвиток знань є також амбівалентним: позитивно, коли знання матимуть творчий характер, однак в епоху комп'ютеризації ми відчуваємо, що домінуючими стають інструментальні знання, які загрожуватимуть нашій культурі і, більше того, навіть існуванню.

У 70-ті роки ХХ ст. теоретики постіндустріального суспільства почали обґрунтовувати тези про перетворення знань, освіти у провідний чинник розвитку виробництва та суспільства в цілому. Перетворення людського чинника на провідну і визначальну продуктивну силу відносно речовинного

чинника відбувається із середини ХХ ст. у зв'язку із зменшенням часового лагу, тобто різниці в кількості років, необхідних для зміни технологій і підготовки кадрів для них. Раніше радикальні технічні зміни в суспільному виробництві відбувалися приблизно за 35–40 років, а тому знань, отриманих у ВНЗ, вистачало майже на все подальше трудове життя фахівця, і для навчання було достатньо в середньому 6–8 років. У сучасних же умовах середній період оновлення технологій і техніки скоротився до 4–5 років, а в найбільш розвинених галузях — до 2–3 років, до того ж необхідність оновлення диктується не стільки фізичним, скільки моральним старінням. Водночас терміни підготовки кваліфікованих працівників зросли до 12–14 і більше років. Найбільш активна розробка моделей економічного зростання з участю людського капіталу припадає на кінець 80-х — 90-ті роки ХХ століття. Це пояснюється швидким розвитком країн, де активно реалізовувалися освітні реформи.

На початку ХХІ століття стає цілком очевидним не лише теоретично, а й з реального досвіду, що знання — це той невичерпний ресурс, який може стати основним чинником розвитку сучасної людської цивілізації. Альтернативи суспільству знань не існує. Від знань залежить не лише економічне зростання, рівень добробуту суспільства, але і якість життя в цілому. У сучасному суспільстві більшість лідируючих в технологічному відношенні економік є економіками, побудованими на знаннях. Практика доводить, що інвестиції в освіту та науку дають більший ефект, ніж інвестиції безпосередньо в економічну сферу. Підтвердженням цього може бути соціально-економічний прогрес країн Південно-Східної Азії — Сінгапуру, Японії, Тайваню, Південної Кореї та ін. «Процес загальноосвітньої підготовки в цих країнах триває 14–15 років, тоді як у США та Україні — 12 років. Суттєво відрізняється у них і частка витрат ВВП на науку, а також їх рівень на одного наукового працівника. Так, у Південній Кореї він становить 4,1% (150 тис. дол.), а в Україні — 0,8% (0,7 тис. дол.)» [4, с. 72].

В той час, як Україна дискутує про «перевиробництво» фахівців з вищою освітою, 97% корейців у віці 25–34 років мають вищу освіту – результат адекватної освітньої стратегії та політики [5, с. 18], – і всі ведуть мову про «корейське чудо». Світові тенденції є такими: від століття до століття збільшувалася кількість років навчання, суспільство крокувало від елементарної писемності окремих груп до початкової освіти більшості, потім – до середньої освіти, у кінцевому рахунку, до поширення вищої освіти. Ця тенденція продовжиться, і вища освіта стане потребою більшості та суспільною необхідністю.

Таким чином, ми спостерігаємо своєрідну інтелектуальну революцію, яка відбувається завдяки переосмисленню ролі освіти, знань та зміни ставлення до інтелектуального потенціалу суспільства. Інвестиції у підготовку кваліфікованих кадрів все більше зростають і перетворюються на високопродуктивні. Однак справа не лише в кількісних показниках. Революція інтелектуалів відбувається на основі нової якості сучасної освіти. У глобальному масштабі проблеми якості освіти постали досить гостро, і пов'язані вони, переважно, зі змістом освіти, актуальністю пошуку нових парадигм вищої освіти.

Формування людського капіталу відбувається в системі освіти і визначається якістю здобутої освіти. Г. Беккер наголошував, що людський капітал формується за рахунок інвестицій у людину, серед яких можна назвати навчання, підготовку на виробництві. Освіта, з позицій концепції людського капіталу Дж. Кендрика, – це втілений в людях неречовий капітал, що включає загальноосвітні та професійні знання. Оскільки функція професійної підготовки покладена на систему вищої освіти, то в епіцентр уваги потрапляє саме професійна освіта. Однак формальні результати освіти людини, такі як наявність диплома про вищу освіту чи кількість років навчання, самі по собі ще не свідчать про якість освіти і автоматично не поповнюють її капітал. Водночас не є свідченням рівня людського капіталу й самі по собі такі макропоказники, як кількість вищих навчальних закладів, ступінь охоплення

населення вищою освітою та ін. На перший план виходить якість освітнього процесу і його результатів.

Якість освіти – це показник розвитку суспільства в певному часовому вимірі, і тому його потрібно розглядати в динаміці стосовно чинників, які визначають його сутність. Ця категорія є багатогранною, відображає різні аспекти освітнього процесу – філософські, соціальні, педагогічні, політичні, демографічні, економічні та інші. Якість освіти трактується в таких вимірах: як суспільний ідеал освіченості людини; як результат її навчальної діяльності; як процес організації навчання і виховання; як критерій функціонування освітньої системи. Системне дослідження якості освіти передбачає вивчення комплексу проблем, які охоплюють: з'ясування сутності базових понять якості освіти (її визначення, структурні компоненти, властивості, критерії і норми тощо); визначення процедур і показників оцінювання якості освіти (як освітнього процесу, як його результату і як функціональної системи); проведення моніторингу та прийняття управлінських рішень з метою забезпечення встановлених норм якості освіти на всіх її рівнях.

Якісною можемо вважати лише ту освіту, яка здатна задовольняти встановлені і прогнозовані потреби як окремої особи, так і суспільства в цілому. На нашу думку, доцільним є тлумачення поняття «якість освіти» як інтегральної характеристики освітнього процесу та його результатів, що виражає ступінь їх відповідності потребам та очікуванням суб'єктів освітнього процесу – від окремого індивіда до суспільства загалом.

Таким чином, кількість і якість вищої освіти в останні десятиліття відіграє все більшу роль у розвитку ефективності та добробуті суспільств, якості життя людей. У названій діаді все більше переважає другий елемент – якість освіти.

Цивілізаційні зрушення зумовлюють якісні зміни самого інституту освіти, серед яких: діалогічність, відкритість, орієнтація на полікультурність у змісті освіти; зміна структури етапів та рівнів формальної освіти тощо. При цьому, на нашу думку, необхідно розрізнити два зустрічних процеси в модифікації

інституту освіти: по-перше, освіта стає засобом розв'язання соціокультурних проблем і проникає в усі сфери суспільної життєдіяльності, по-друге, стає самоцінністю. Ці феномени свідчать про пошук нових форм інтеграції освіти з іншими сферами життєдіяльності. У такій ситуації особлива відповідальність покладається на освіту, яка повинна виконувати смислоутворювальну функцію у суспільстві, визначаючи цінності культури та соціалізуючи їх.

Російський дослідник С. Плаксієв вважає, що «нова якість вищої освіти для XXI століття – це гуманістично орієнтована, соціально відповідальна, розвиваюча освіта, побудована на принципах духовно-етичної домінанти; гармонізації людини з природою через засвоєння сучасної наукової картини світу і концепції «стійкого розвитку»; надання можливості усім суб'єктам для неперервного саморозвитку та самореалізації на базі широкого, фундаментального, відкритого, багатоваріантного навчання, в якому пріоритет надається творчості та інноваціям, і тим самим має випереджувальний, розвиваючий, гуманістичний характер» [5, с. 201].

Отже, з викладеного вище можна зробити висновок, що потреби цивілізаційного розвитку вимагають формування нової парадигми освіти, в основі якої лежить модель забезпечення якісної освіти – зорієнтованої на задоволення встановлених і прогнозованих потреб як окремої особи, так і суспільства в цілому.

Список літератури

1. Тоффлер Е. Третя хвиля [Текст] / Елвін Тоффлер. – К. : Вид. дім «Всесвіт», 2000. – 480 с.
2. Бакіров В. «Суспільство знань» та трансформація вищої освіти / Віль Бакіров // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. У 2-х т. Т. 1. – Х. : Вид. від. ХДУ, 2006. – С. 352–356.

3. Cieńarczyk M. Zjawisko „3z” a społeczeństwo wiedzy / Marian Cieńarczyk // Wiedza, umiejętności, postawy a jakość kształcenia w szkole wyższej / Praca zbiorowa pod redakcją: B. Sitarkiej, R. Jankowskiego, R. Droby. — Siedlce : Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. — S. 39–48.
4. Кір'ян Т. Людський капітал в історії економічної думки / Т. Кір'ян // Економіка України. — № 9. — 2008. — С. 64–73.
5. Плаксий С. И. Высшее образование: желаемое и действительное / С. И. Плаксий. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. — 776 с.

Резюме

Статья посвящена анализу качества высшего образования в Украине. Повышение качества образования рассматривается как условие формирования общества знаний. Переориентация общества из производства материальных услуг на интеллектуальное производство превращает знания в главный неисчерпаемый ресурс развития современной цивилизации.

Summary

The article gives analysis of higher education quality in Ukraine. Improving the quality of education is regarded as a condition of forming a society of knowledge. Reorientation of society from the production of material values to an intellectual production makes knowledge the main inexhaustible resource of the development of the modern civilization.

УДК 378.147157:81

Е. М. Яриз

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: дистанционное обучение, телекоммуникационные образовательные технологии, информационные технологии, сетевой вариант учебного материала, автономный носитель.

Поиски решения проблемы организации эффективного дистанционного обучения иностранному языку непрерывно ведутся во многих странах мира. Наряду с использованием традиционных печатных средств обучения рассматривались возможности образовательных телепередач, видеозаписей, фонограмм и т. д.

Однако главной проблемой дистанционного обучения является не решение технической стороны вопроса, а отсутствие регулярного живого контакта обучаемого с преподавателем. При изучении иностранных языков именно он играет важную роль, несмотря на разнообразные попытки использовать в подобных курсах элементы развлекательности и коммуникативности. Отсутствие эффективной, систематической обратной связи с преподавателем сводит на нет результативность дистанционного обучения. Самые увлекательные образовательные телепрограммы с привлечением носителей изучаемого иностранного языка сами по себе, вне реального учебного процесса под руководством опытного педагога, редко дают ощутимый эффект.

В последние годы в разных странах мира прибегают к использованию компьютерных телекоммуникационных технологий в обучении иностранным языкам на расстоянии. В настоящее время в сети Интернет можно найти в свободном

доступе большое количество курсов дистанционного обучения, однако подавляющее большинство из них все-таки предназначены для самообразования.

Опыт работы лучших университетов Евросоюза говорит о том, что эффективность дистанционного обучения зависит от четырех составляющих:

- 1) эффективного взаимодействия преподавателя и обучаемого;
- 2) применения передовых методик преподавания;
- 3) тщательно подобранных учебных пособий;
- 4) обеспечения обратной связи, позволяющей организовать эффективный контроль навыков и умений обучаемого.

Другими словами, успех и качество дистанционного обучения зависят от организации учебного процесса, содержания методического материала и профессионального мастерства преподавателя.

Современные информационные технологии предоставляют неограниченные возможности в размещении, хранении, доставке и обработке учебного материала любого объема и содержания на любые расстояния. В этих условиях в системе дистанционного обучения на первый план выходят ее педагогическая и методическая составляющие.

Важную роль играют основополагающие принципы, на которых строится курс дистанционного обучения иностранным языкам. Коротко они сводятся к следующему:

- а) в центре процесса обучения находится самостоятельная сознательная, познавательная деятельность обучаемого, его активность в овладении различными видами речевой деятельности, формировании необходимых навыков и умений;
- б) процесс обучения должен быть организован так, чтобы обучаемый мог получать знания там, где это ему удобно;
- в) все участники учебного процесса должны уверенно владеть пользовательскими навыками работы с офисными программами и умением выполнять поисковую работу в сети Интернет. Прежде всего, обучаемый должен хорошо владеть

различными видами чтения, что поможет ему уверенно работать с электронными справочниками и словарями, которые могут находиться в оболочке курса дистанционного изучения иностранного языка, или существовать автономно на различных сайтах.

г) преподаватель должен приложить максимум усилий для вовлечения обучаемого в активную познавательную деятельность.

Многолетний опыт работы отечественных методистов подтверждает вышесказанное и утверждает, что эффективность дистанционного обучения опирается на следующие три закономерности:

1. При овладении любым видом речевой деятельности в основе обучения должны стоять устные упражнения. В условиях дистанционного обучения это достигается благодаря звуковой основе учебного материала либо в сетевом варианте, либо на автономных носителях.

2. Трудно представить овладение иностранным языком без опоры на родной язык, что обеспечивает сознательное, а следовательно, и прочное усвоение учебного материала.

3. Независимо от избранной методики, обучение необходимо строить таким образом, чтобы оно смогло формировать в сознании обучаемого систему языка.

Таким образом, разрабатывая концепцию дистанционного обучения иностранному языку, нужно принимать во внимание, с одной стороны, дидактические свойства и функции телекоммуникаций, а с другой – концептуальные направления дидактической организации познавательного процесса как важного элемента системы образования на современном этапе его развития.

Список литературы

1. Демкин В. Особенности дистанционного обучения иностранным языкам / В. Демкин, Е. Гульбинская // Высш. образование в России. – 2001. – № 1. – С. 127–129.

2. Казанская О. В. Тестирующие программы для использования в сети Интернет / О. В. Казанская, А. С. Русанов, Л. Г. Макаревич // Открытое и дистанц. образование. – 2001. – № 3.
3. Кирилова Г. И. Информационные технологии и компьютерные средства в образовании / Г. И. Кирилова // Educational Technology & Society. – 2000. – № 4(1).
4. Коджаспирова Г. М. Технические средства обучения и методика их использования : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г. М. Коджаспирова, К. В. Петров. – М. : Изд. центр. «Академия», 2001. – 256 с.
5. Кремень В. Г. Дистанційна освіта – перспективний шлях розв'язання сучасних проблем розвитку професійної освіти / В. Г. Кремень // Вісн. академії дистанц. освіти. – 2003. – № 1. – С. 9.
6. Тубалова И. В. О некоторых филологических курсах в системе дистанционного образования / И. В. Тубалова, Т. В. Руденко // Научное и методическое обеспечение системы дистанционного образования : материалы Междунар. конф. – Томск, 2000. – С. 115–118.
7. Полат Е. С. Дистанционное обучение: К теории вопроса [Электронный ресурс]. – @П-2001. – Режим доступа : <http://2001.pedsovet.alledu.ru/news.php?n=135&c=38>
8. Преподавание в сети Интернет : учеб. пособие / отв. ред. В. И. Солдаткин. – М. : Высш. шк., 2003. – С. 164.

Резюме

У статті розглядається проблема використання методики дистанційного навчання у викладанні іноземних мов як однієї з освітніх послуг, що значно прогресує в усьому світі і в Україні. Автор вважає, що для України дистанційне навчання має низку переваг в порівнянні з традиційними формами отримання освіти.

Summary

The article deals with the problem of using distance learning techniques in teaching foreign languages as a kind of education service, which is extensively growing worldwide and in Ukraine. The author believes that distance learning in Ukraine has certain advantages compared with the traditional forms of education.

**Проблеми економіки,
соціології та правові проблеми
управління**

УДК 316.614-056

О. С. Буряк

ТЕНДЕНЦІЇ КУЛЬТУРНОЇ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ: СОЦІОЛОГІЧНИЙ ДИСКУРС

Ключові слова: глобалізація, глокалізація, етноцентризм, ксенофобія, ксеноцентризм, культурні універсалії, культурний плюралізм, ойкумена.

Під впливом глобалізації відбувається глибинна трансформація суспільної свідомості. Процес політичної глобалізації здійснюється паралельно із процесом соціальної глобалізації, взаємопроникнення культур. Поняття націоналізму у цих умовах переходить з етнічного у громадянський стан, тобто мешканець Європейської співдружності може мати громадянство будь-якої з країн та етнічно належати до іншої. Це взаємопроникнення змушує людей співпрацювати і гуртуватися навколо спільних цінностей заради підтримки соціальних зв'язків; у такий спосіб надбудовується міжнаціональна культура, культура загальнолюдських цінностей. Проте це не призводить до втрати самоідентифікації, навпаки, під впливом тиску панівної культури спрацьовує інстинкт самозбереження в культурному плані.

Особливо ця закономірність помічається в умовах діаспори, у межах якої у людей виробляється своєрідний імунітет від негативного впливу масової культури, формується спільна система цінностей та відбувається реабілітація локальних культур. Тому важливо обґрунтувати поняття глокалізації – регіонального сценарію глобалізації, що можна стисло подати в такому вигляді: «*Glocalization = Global + Local*».

На сьогоднішній день абсолютно очевидним стає факт досить вагомій взаємодії глобалізації та національних і етнічних культур. Глобальні та локальні тенденції «в кінцевому результаті є взаємодоповнюючими та взаємопроникаючими,

хоча в конкретних ситуаціях можуть прийти в стан зіткнення» (Роланд Робертсон). В основі глокалізації лежить ідея децентралізованого та «справедливого» світу. Моделі глокалізації розробляються, спираючись на мережеві форми самоорганізації та міжкультурну комунікацію. Глокалізація — це повсюдно поширений варіант глобалізації, що виявляється у здатності основних тенденцій у сфері виробництва та споживання універсальних товарів перетворитися у регіональні форми, тобто підлаштуватися під специфіку локального ринку. У сфері загострення боротьби між транснаціональними компаніями та рухом антиглобалізму глобалізацію слід розглядати як компромісний варіант формування планетарного ринку виробництва та споживання універсальних товарів.

Критики глобалізації звичайно звинувачують її у тому, що вона нівелює та уніфікує всі світові культури. Та все ж більш спостережливі аналітики вже давно звернули увагу на те, що глобалізація уникає тенденції до тотальної одноманітності. Навпаки, із посиленням глобальних процесів зростає їх диференціація — велика кількість локальних культур та традицій начебто отримують «друге дихання». Глобалізація виявляється досить-таки багатоаспектною і багатозвучною, адже навіть такий законодавець світових музикальних мод, як MTV, не може обійтися без різноманітних етнічних композицій стилю «World Music». Сама назва цього стилю — «музика світу» — підкреслює не якусь там всезагальну універсальність, а саме унікальність різноманітних культур, хоча в даному випадку вони не представлені в якомусь архаїчно «чистому» вигляді, а у синтезованому вигляді є справді універсальними, цифровими музичними технологіями. Та все ж таки парадокс залишається очевидним — чим сильніший вплив глобалізації, тим більший попит на всіляку локальну специфіку.

Саме для позначення такого двоїстого процесу англійський соціолог Роланд Робертсон запропонував дуже вдалий термін «глокалізація». Він стверджує, що глобальні та локальні тенденції «взаємопроникають та взаємодоповнюють одна одну, хоча

в конкретних ситуаціях може відбутися зіткнення». Та сценарій зіткнення був актуальним в епоху модерну, коли конфлікт між традиційними локальностями та універсалістськими тенденціями здавався закономірним та очевидним. Сьогодні ж локальні культури усвідомлюють, що вони зможуть зберегти себе та розвиватися лише за умови, якщо будуть відігравати свою особливу роль у глобальному середовищі — ізоляціоналізм їх знищить. За своєю суттю глокалізація не означає буквальної реставрації місцевих властивостей «доглобальної епохи», вона виводить ці особливості з-під опіки національних держав прямо у глобальний світ. Уся світова політика трансформується в процесі глокалізації з *міждержавної у внутрішньоглобальну*.

Більше того, участь у процесі глобалізації на сьогодні — запорука прогресу. Кожна із закритих держав-монархій, які всіма засобами намагаються ізолюватися і не допустити проникнення наслідків глобалізації, тим самим гальмують свій прогрес та розвиток. Фундаменталістські настрої у сьогоднішній світовій спільноті посідають найневигіднішу саморуйнівну позицію. Модернізація та трансформація суспільства в ситуації постмодернізму виступають необхідними умовами розвитку. Питання полягає лише у виробленні правильної позиції та у виборі правильної стратегії. Слід також визнати, що закриті країни з кожним днем починають являти собою потенційну загрозу, оскільки вони не задіяні у світових процесах і налаштовані ворожо, деградуючи при цьому зсередини: знижується рівень освіти, інформованості та мобільності. Тому залучення таких країн до світових процесів є край необхідним.

Культура розвивається, відроджується та інтерпретується, ідентифікується внаслідок спілкування з іншими культурами. Абсолютно безсумнівною є тенденція занепаду та виродження самоізолюваних культурних одиниць. Тому уникнення діалогу з «іншими» — безглузде та неможливе, а страх за зникнення окремої культурної одиниці через спілкування з «іншими» — безпідставний. Процес спілкування, навпаки, змушує людину пригадати та реабілітувати набір своїх національних чи

етнічних традицій, цінностей і матеріальних речей аби достойно презентувати свою культуру перед представниками інших культур. Цей процес можливо простежити на прикладі діаспори. Чинник культури виконує об'єднувальну функцію в умовах іншої країни, та це ніяк не заважає емігрантам спілкуватися і нормально функціонувати у «чужому» суспільстві, звичайно після успішного періоду адаптації. Представники діаспор найчастіше є найяскравішими носіями етнічної культури, у тому числі – мови, та при цьому вони вільно почуваються у співтоваристві представників інших культур за рахунок того, що у них виробилася здатність до інтернаціональної комунікації та склалася міжнародна система цінностей.

Важливо знайти спільні риси, властиві всім культурам, – культурні універсалії. Так, Д. Мердок виділив понад 60 культурних універсалій і довів, що вони існують у кожній культурі. Згідно з ідеями антрополога У. Гуденау, культура включає в себе чотири елементи: поняття, відносини, цінності, правила. На його думку, культура складається із стандартних рішень: «що є»; «що може бути»; «як ставитися до того, що є і що може бути»; «що і як з цим робити» [2].

Факт того, що кожен буде змушений посісти якусь позицію щодо інших культур, у кроскультурному співтоваристві – очевидний. Питання полягає лише у виборі способу та форми адаптації до світової тенденції.

Зустрічаючись з іншою культурою, індивід починає оцінювати нову культуру, а також шукати ідентичні та розбіжні риси. У процесі порівняння різних культурних форм можуть виникати різні тенденції: від край негативно ставлення до чужої культури до розуміння культур такою мірою, в якій вони самі себе розуміють.

Дуже часто ми ставимося до описів неєвропейських культур як до опису екзотичних пригод або до містичних фільмів. Люди з кільцями в носах, чоловіки, які мають десятки дружин, страви з комах – усе це приклади того, що ми вважаємо химерним та нелюдям, звичаями «дикунів». З нашої точки зору,

європейський (західний) спосіб життя уявляється «правильним», а незахідний – дивним або варварським.

Тенденцію судити про інші культури із позиції своєї власної прийнято називати *етноцентризмом*. Це уявлення про те, що будь-який спосіб життя, устрій певної соціальної групи є виключно правильним. Для етноцентризму характерне негативне ставлення до інших народів, до їх культурних цінностей, норм, установок і звичаїв. Етноцентризм не визнає інші культури як рівноправні, а найчастіше вважає їх гіршими в порівнянні зі своєю власною.

Етноцентристські погляди нерідко виявляються у місіонерській діяльності, основу якої становлять спроби повернути «іновірців» до своєї віри. Страх і неприйняття всього іноземного, а точніше – усього чужого, являє собою *ксенофобію*.

Етноцентризм є характерною особливістю діяльності перших антропологів. Вони були схильні до порівняння всіх культур зі своєю власною, яку вважали найпередовішою.

Культурний релятивізм визнає існування інших культур та їх право мати свої системи особливих рис, цінностей, уявлень і норм навіть тоді, коли вони відрізняються від власних уявлень і цінностей. Кожна з культурних конфігурацій – це наслідок унікального історичного процесу, тому говорити про ступінь розвитку тої чи іншої культури – безглуздо, адже їх неможливо порівнювати.

Крім цього, ще існує уявлення *ксеноцентризму*, яке передбачає можливість того, що спосіб життя одних народів визнається за кращий, або більш привабливий, аніж власний.

Яка ж тенденція до оцінки інших культур домінує в період глобалізації? Якої позиції дотримуватимуться представники різних культур під час побудови нових відносин? Чи існують на сьогодні альтернативні пропозиції та практики успішного взаємоіснування різних культур в єдиному глобальному просторі?

Глобалізація перестає бути тільки суспільною тенденцією, вона стає моделлю більш бездоганного устрою всього

людського світу. Теоретичне підґрунтя даного питання можна побудувати на основі поняття «глобальної ойкумени». Це поняття ввів в обіг шведський соціальний антрополог Ульф Ганнерс. *Ойкумена* — це простір постійних культурних взаємодій, взаємопроникнення культур і обміну культурним досвідом [1].

Якщо традиційні культури являтимуть собою замкнені ойкумени, чітко обмежені просторовими і часовими межами, то сучасна культура через високі технічні можливості комунікацій і транспорту є відкритою ойкуменою, що перетинає просторові і часові межі. Тому ойкумена набуває справді глобального характеру: культурні взаємодії і впливи дають про себе знати в масштабі всього людського співтовариства.

Ульф Геннерс виділив чотири можливі сценарії долі глобальної культурної ойкумени: 1) сценарій «глобальної гомогенізації»: повне панування західної (перш за все — американської) культури; усі суспільства стануть більш або менш вдалим варіантом західного способу життя, західних потреб, цінностей, норм, ідеалів та переконань; 2) сценарій «культурного насичення»: периферійні країни поступово, протягом декількох поколінь, відмовляться від своїх місцевих культурних ідей, значень і цінностей на користь домінування культури центру; 3) сценарій «культурної деформації»: крайнє спрощення, збідніння і навіть деградація західної культури в ході її пристосування до периферійних культур. Тут діє двоякий механізм. По-перше, при зіткненні з периферійною культурою починається процес селекції, що знищує вищі цінності, витончені види культури; легко приймається саме поверхневе, примітивне, спрощене (освоєними виявляться, швидше, музика кабаре, ніж Бетховен; любовні романи і трилери, ніж Шекспір) [4; 5; 6].

Інший механізм деформації — це компромісне узгодження культурних впливів ззовні з місцевими звичаями і традиціями. Наприклад, у традиційно авторитарному суспільстві імпорту демократичних інститутів може призвести до суто зовнішньої «фасадної» демократії, ідея свободи слова може обернутися

публічними чварами; 4) «зріюча культурна амальгація» – рівноправний культурний діалог і обмін між центром і периферією, що сприяє загальному збагаченню культур. Зіткнення культур стимулює творчу активність і оригінальність із двох боків: підживлюючись цінностями периферійної культури, культура центру поживавила приховані цінності місцевих культур, в результаті, приймаючи певний стиль і форму ззовні, місцеві діячі культури ніби наповнюють їх конкретним місцевим змістом і колоритом, і як наслідок – люди ніби говорять загальноприйнятою культурною мовою про справи, важливі для їх групи, для їх власної спільноти.

Такий підхід отримав подальший розвиток в концепції ізраїльського соціолога Шмуля Ейзенштадта, який стверджує, що експансія кожної цивілізації призводить до її зіткнення з культурами суспільств, що переважають на тій території, куди спрямована ця експансія [3].

Культура, що наступає, намагається відповісти на виклики тієї культури, яка їй підпорядковується і сама піддається модифікації. Підлеглі ж суспільства не стають при цьому наслідуванням, копією нової пануючої культури, а вибірково ставляться до освоєння якостей і фрагментів, перетворюють, модифікують їх

Список літератури

1. Подольская Е. А. Управление социальными процессами / Е. А. Подольская. – Харьков : Изд-во НУА, 2007.
2. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2005.
3. Eisenstadt S. N. A Reappraisal of Theories of Social Change and Modernization / S. N. Eisenstadt // Social Change and Modernity / Ed. by H. Haferkamp, N. J. Smelser. Berkeley : University of California Press, 1992. – P. 412–430.
4. Hannerz U. Notes on the Global Ecumene / U. Hannerz // Public Culture. 1989. – V. 1. – № 2. – P. 66–69.
5. Hannerz U. The World in Creolisation / U. Hannerz // Africa. – 1987. – V. 57. – № 4. – P. 546–559.

6. Hannerz U. *Transnational Connections: Culture, People, Places* / U. Hannerz. – London : Routledge, 1996.

Резюме

В статье раскрывается влияние глобализации на межкультурные коммуникации, выявляются особенности глобализации, интерпретаций этнических и национальных аспектов в культуре (этноцентризм, ксенофобия, ксеноцентризм и т. п.), показана роль культурных универсалий и ойкумены в утверждении культурного плюрализма.

Summary

The article deals with the influence of globalization on intercultural communications. The author analyses the peculiarities of globalization, the interpretation of ethnic and national aspects in a culture (ethnocentrism, xenophobia, xenocentrism etc.), the role of cultural universals and oikumene in establishing a cultural pluralism.

УДК 331.101.3:658.82

О. А. Гонца

**МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА
КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ
ОБОРАЧИВАЕМОСТИ ТОВАРНЫХ ЗАПАСОВ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СФЕРЫ ТОРГОВЛИ**

Ключевые слова: мотивация персонала, оборачиваемость товарных запасов; сфера торговли.

Управление оборотным капиталом включает в себя комплекс разноплановых задач по привлечению, использованию, распределению капитала для формирования запасов, необходимого уровня денежных средств. Одной из важнейших задач в управлении оборотным капиталом является повышение его оборачиваемости, что способствует уменьшению потребности в денежных средствах для формирования оборотного капитала, уменьшению рисков потери капитала вследствие инфляционной, курсовой, сезонной нестабильности конъюнктуры рынка.

Специфика предприятий сферы торговли проявляется в том, что значительную долю оборотного капитала составляют товарные запасы. Следовательно, в повышении оборачиваемости совокупности оборотного капитала важную роль играют методы повышения оборачиваемости именно товарных запасов. Одним из способов достижения этой цели является экономическое стимулирование персонала, которое позволяет оперативно управлять реализацией товарных запасов, своевременно высвобождать оборотный капитал.

В современной литературе имеет место рассмотрение мотивации персонала как одного из важнейших экономических механизмов, обеспечивающих ускорение оборачиваемости средств, вложенных в запасы предприятия [1]. Однако

предметом исследования данной проблемы в большинстве публикаций является связь между мотивацией персонала и оборачиваемостью оборотного капитала, тогда как способам экономического стимулирования в современной литературе уделено недостаточно внимания. Также характерны рекомендации по использованию различных методов повышения эффективности управления товарными запасами как единого целого, несмотря на неоднородность товарных запасов, их различный уровень оборачиваемости и потребительского спроса [2, с. 102–103]. Такие подходы приводят к неэффективному управлению товарными запасами.

Целью данной статьи является описание экономического механизма повышения оборачиваемости товарных запасов на предприятиях сферы торговли с помощью материального стимулирования персонала, которое базируется на сегментации товарных запасов предприятия.

Одной из особенностей оборота запасов на предприятиях сферы торговли с многономенклатурным ассортиментом является частое «зависание» отдельных номенклатурных позиций. Это связано с изменением спроса, курса валюты, сезонности, появлением товаров-конкурентов. Следствием данного процесса является нефункционирование части оборотного капитала, инвестированного в запасы.

Данная проблема влечет за собой задачу своевременного определения номенклатурных позиций, характеризующихся динамикой снижения спроса, с целью дополнительного материального стимулирования персонала для их реализации.

Одними из наиболее важных показателей, характеризующих конкретную ассортиментную позицию с экономической точки зрения, являются:

1. Уровень спроса на товар в анализируемый промежуток времени. Снижение значения этого показателя говорит об уменьшении интереса потребителя к данному товару, динамике снижения оборачиваемости.

2. Уровень рентабельности капитала, то есть возможность

извлечения прибыли из реализации анализируемой ассортиментной единицы. При уменьшении спроса закономерно снижается рыночная цена товара, и как следствие, уменьшается рентабельность. Процесс ценообразования не является предметом исследования данной статьи, поэтому сделано предположение о формировании рыночной цены с учетом цены конкурентов. Следовательно, снижение рентабельности товара в совокупности с динамикой снижения спроса говорит о необходимости ускорения оборачиваемости данной позиции с целью высвобождения оборотного капитала.

Соотношение уровня спроса и уровня рентабельности каждой ассортиментной единицы дает возможность сформировать такой экономический механизм мотивации персонала, который бы максимально эффективно способствовал ускорению реализации товара и, как следствие, ускорению оборачиваемости товарных запасов предприятия.

Для реализации данной задачи предложена сегментация товара по выбранным критериям (см. рис. 1). Такая сегментация позволяет разделить ассортимент предприятия на три категории:

– категория 1 – наиболее рентабельный товар с высоким и средним уровнем спроса. Данная категория не требует дополнительного экономического стимулирования, а следовательно, заработная плата персонала за реализацию такого

Спрос, %

Высокий	Категория 2	Категория 1	Категория 1
Средний	Категория 2	Категория 2	Категория 1
Низкий	Категория 3	Категория 2	Категория 1
	Низкий	Средний	Высокий

Рентабельность, %

Рис. 1. Сегментация товара

товара должна быть на стандартном, принятом на предприятии, уровне;

– категория 2 – товар со стабильным спросом и уровнем рентабельности. В силу существующей вероятности постепенного снижения спроса и рентабельности появляется необходимость в дополнительном стимулировании. Рекомендуется использовать повышенную оплату реализации такого товара;

– категория 3 – «зависший» товар. Спрос и рентабельность находятся на низком уровне. Уровень оборачиваемости предельно низок. Оборотный капитал, авансированный в данную категорию товара, неликвиден. Рекомендуется применить максимально возможную оплату труда персонала для ускорения реализации такой категории товара.

Таким образом, предлагается разделение товарных запасов предприятия на отдельные сегменты в зависимости от уровня спроса и рентабельности с различной оплатой труда. Для практического использования данной модели необходимо определить способ расчета выбранных критериев с тем, чтобы определить категорию товара. Предлагается осуществлять расчет следующим образом:

1-й критерий – уровень спроса. Методика определения интервалов значений данного показателя такова:

– высокий спрос. Количественная оценка данного показателя недопустима в силу постоянного колебания объемов продаж. Поэтому рассчитывается доля продаж анализируемого товара, которая для попадания в интервал высокого спроса должна быть больше или равна 1% от общих продаж товара за анализируемый период. (В задачу данной статьи не входит обоснование пороговых значений интервалов показателей);

– средний спрос. В данный сегмент попадают такие товарные позиции, доля продаж которых в анализируемый период находится в промежутке от 0,25% до 1%;

– низкий спрос. Соответствует тем товарным позициям, доля продаж которых ниже 0,25%.

2-й критерій – рівень рентабельності капітала. Інтервали значень даного показателя визначаються наступним чином:

– високий рівень рентабельності. Для визначення верхнього порогового значення даного показателя приймається рівень середньої рентабельності по галузі. В даному прикладі верхнє порогове значення показателя приймаємо більше або рівним 30%;

– середній рівень рентабельності. Даний сегмент містить товарні позиції, показники рентабельності яких належать до інтервалу від 3% до 30%;

– низький рівень рентабельності відповідає товарним позиціям, величина показателя рентабельності яких нижче 3%.

В таблиці 1 представлено приклад розрахунку категорії товару на основі наведеної вище сегментації. Низькі значення рівня попиту обумовлені широким асортиментним рядом підприємств (більше 1000 найменувань товару). Категорії попиту і рентабельності визначаються відповідно до встановлених інтервальних значень. Ітогова категорія товару визначається на основі двох критеріїв відповідно до прийнятої сегментації, представленої на рис. 1.

Таблиця 1

Приклад розрахунку категорії товару

Товар	Себе-стої-мость, грн	Кількість продаж за вибраний період, шт	Доля продаж в загальному кількості	Категорія попиту	Ціна, грн	Рентабельність капітала	Категорія рентабельності	Ітогова категорія товару
Товар 1	293	201	0,044	високий	386	0,32	високий	1
Товар 2	3040	53	0,012	високий	3368	0,11	середній	1
Товар 3	1592	37	0,008	середній	1952	0,23	середній	2
Товар 4	307	30	0,007	середній	368	0,20	середній	2
Товар 5	849	20	0,004	середній	968	0,14	середній	2
Товар 6	3015	11	0,002	низький	3557	0,18	середній	2
Товар 7	1227	6	0,001	низький	1447	0,18	середній	2
Товар 8	2628	3	0,001	низький	1745	-0,34	низький	3
Товар 9	571	2	0,000	низький	690	0,21	середній	2
Товар 10	1488	1	0,000	низький	968	-0,35	низький	3

Разделение товарного ассортимента на сегменты позволяет предприятию применять различные уровни оплаты труда в зависимости от итоговой категории товара, а следовательно, полностью задействовать экономический механизм материального стимулирования персонала для ускорения реализации товарных запасов предприятия и высвобождения оборотного капитала. Данная сегментация позволяет также анализировать динамику изменения итоговой категории товара, оценивать перспективы, возможности высвобождения оборотного капитала, авансированного в конкретные товарные позиции.

Итоговым результатом становится ускорение оборачиваемости оборотного капитала, уменьшение потребности в оборотных средствах и повышение уровня ликвидности предприятия.

Список литературы

1. Радионов Р. А. Экономические механизмы, обеспечивающие ускорение оборачиваемости средств, вложенных в запасы предприятия / Р. А. Радионов // Финансовый менеджмент. – 2006. – № 4. – С. 11–25.
2. Фридман А. М. Экономика предприятий торговли и питания потребительского общества : учебник / А. М. Фридман. – 2-е изд. – М. : Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. – 624 с.

Резюме

Статтю присвячено проблемі підвищення оборотності сукупності оборотного капіталу на підприємствах сфери торгівлі. Автор запропонував розділення товарного асортименту на сегменти залежно від рівня попиту та рентабельності і впровадження різного рівня матеріального стимулювання персоналу для прискорення реалізації товарних запасів.

Summary

The article addresses the problem of increasing the working capital turnover in trade enterprises. The author suggests dividing the assortment of goods into segments depending on the demand and profitability level and the implementation of different standards of material encouragement of the personnel for increasing the goods stock selling.

УДК 658.14:338.515

И. В. Гурьева

ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФОНДОВ

Ключевые слова: материально-техническое состояние, основные производственные фонды, техническое развитие, фондоемкость, фондоотдача, фондорентабельность, машиностроение, эффективность, инвестиции.

Анализ показателей фондоемкости (ФЕ), фондоотдачи (ФО) и фондорентабельности (ФР) широко используется при оценке имущественного состояния предприятий, эффективности инвестиций в основные производственные фонды (ОПФ), экспресс-анализе их финансово-экономического состояния, признании предприятий банкротом, а также выдаче аудиторских заключений, принятии инвестиционных решений и др. Результаты такого анализа служат достаточным основанием для выводов о состоянии материально-технической базы, о необходимости обновления ОПФ, принятия решений о техническом перевооружении производства. Традиционно считается положительной динамика уменьшения ФЕ, роста ФО и ФР. Детальное рассмотрение сущности этих показателей позволяет нам утверждать, что значения показателей ФЕ, ФО и ФР могут привести к некорректным выводам о состоянии материально-технической базы предприятий. Обоснование указанного вывода проведем на примере предприятий отечественного машиностроения, производственная деятельность которых характеризуется низкой ФЕ, высокими ФО и ФР, а их материально-техническое и финансовое состояние является неудовлетворительным.

Методика расчета показателей ФЕ, ФО и ФР изложена в современной экономической литературе [1, с. 300–311]. На необходимости анализа указанных показателей при оценке имущественного состояния предприятий и эффективности капиталовложений в приобретение (создание) ОПФ настаивают авторы [1; 2; 3]. Однако в современной научной литературе отсутствует обоснование того, что по значениям таких показателей можно сделать некорректные выводы о материально-техническом состоянии предприятий и эффективности инвестиций в ОПФ.

Цель статьи – исследование сущности показателей ФЕ, ФО, ФР и зависимости их значений от материально-технического состояния предприятия и эффективности инвестиций в ОПФ.

Исследование динамики показателя ФО по предприятиям машиностроительной отрасли позволяет сделать вывод о высоком уровне ФО и стабильном росте значения данного показателя в анализируемом периоде. Так, в таблице 1 представлены статистические данные о динамике этого показателя в группе машиностроительных предприятий за период 2004–2008 гг.

Традиционно считается, что рассмотрение показателя ФО в динамике позволяет сделать вывод о том, насколько эффек-

Таблица 1

**Динамика показателей фондоотдачи предприятий
машиностроения Украины**

Название	2004	2005	2006	2007	2008
ОАО «ВЗОР»	4,9	5,0	8,5	12,7	12,4
ВАТ «Днепропетровский стрелочный завод»	1,7	1,9	2,0	2,1	2,9
ОАО «Крюковский вагоностроительный завод»	11,7	9,3	6,2	8,5	9,5
ОАО «Днепровагонмаш»	12,7	15,7	9,8	11,8	23,0
ОАО «Запорожский механический завод»	6,0	5,9	4,9	6,9	0,8
ОАО «Стахановский вагоностроительный завод»	3,1	3,3	3,9	7,3	8,0

тивны капиталовложения в ОПФ с точки зрения выпуска товарной продукции [3, с. 34]. Как видно из таблицы 1, ФО машиностроительных предприятий Украины находится на высоком уровне. В то же время анализ значения данного показателя может привести к некорректным выводам, поскольку показатель ФО рассчитывается как отношение стоимости выпущенной продукции к среднегодовой стоимости ОПФ, используемых для производства данной продукции [1, с. 300–302], значение ФО увеличивается при росте числителя – стоимости реализованной продукции и (или) уменьшении знаменателя – среднегодовой стоимости ОПФ.

Исследование структуры и состава стоимости реализуемой продукции по данным регулярной информации, подаваемой предприятиями в ГКЦБФР, свидетельствует о постоянном росте себестоимости продукции, но не за счет увеличения объемов производства, а в результате влияния следующих стоимостных факторов: увеличения расходов на поддержание в рабочем состоянии действующих ОПФ и их обслуживание; неэкономичных норм использования сырья и материалов вследствие эксплуатации устаревших станков и оборудования; удорожания сырья, материалов, комплектующих вследствие прогрессирующей в последние годы инфляции и т. д. [4].

При этом среднегодовая стоимость ОПФ при сохранении низких темпов их обновления и росте накопленного износа, что также подтверждается данными Примечаний к финансовой отчетности анализируемых предприятий [4], имеет тенденцию к снижению. При расчете показателей ФЕ, ФР и ФО традиционно используется величина остаточной (балансовой) стоимости ОПФ, что, на наш взгляд, является правильным подходом, поскольку первоначальная стоимость ОПФ характеризует их стоимость на момент приобретения, а не на момент анализа, то есть без учета амортизации. Согласно данным об основных средствах, ежегодно подаваемым предприятиями в ГКЦБФР, современные машиностроительные предприятия зачастую продолжают использовать ОПФ, балансовая

стоимость которых равна нулю, а износ составляет 100% [5]. Остаточная же (балансовая) стоимость характеризует справедливую, а зачастую рыночную стоимость ОПФ в любой выбранный для анализа момент времени, что является, на наш взгляд, более корректным. Среднегодовая стоимость ОПФ в период 2004–2009 гг. имеет устойчивую тенденцию к снижению вследствие увеличения уровня износа при сохранении крайне низких темпов обновления и выбытия основных средств.

Рост стоимости выпущенной продукции (за счет роста себестоимости) при снижении среднегодовой стоимости ОПФ предопределяет высокие значения показателей ФО отечественных предприятий машиностроительного комплекса. Вопреки традиционной трактовке, в данном случае положительная динамика показателей ФО является негативной тенденцией в украинской экономике.

Аналогичные выводы могут быть сделаны в результате анализа динамики ФЕ за пять лет (табл. 2).

Из таблицы 2 следует вывод о том, что на большинстве изученных заводов имеет место тенденция снижения ФЕ производства. Напомним, что ФЕ представляет собой показатель,

Таблица 2

**Динамика показателей фондоемкости предприятий
машиностроения Украины**

Название	2004	2005	2006	2007	2008
ОАО «ВЗОР»	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
ВАТ «Днепропетровский стрелочный завод»	0,6	0,5	0,5	0,5	0,3
ОАО «Крюковский вагоностроительный завод»	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
ОАО «Днепровагонмаш»	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
ОАО «Запорожский механический завод»	0,2	0,2	0,2	0,1	1,2
ОАО «Стахановский вагоностроительный завод»	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1

обратный ФО, и рассчитывается как отношение среднегодовой величины ОПФ к годовой стоимости выпущенной продукции [1, с. 300–301]. Представленный в таблице 2 уровень ФЕ является крайне низким, особенно учитывая, что спецификой машиностроительной отрасли промышленности является именно высокая капиталоемкость и фондоемкость. Традиционно тенденцию снижения ФЕ считают положительной, поскольку производство каждой гривни товарной продукции требует даже более низкой суммы инвестиций, чем себестоимость такой продукции. Однако, если рассмотреть сущность показателей, принимающих участие в расчете ФЕ, становится очевидным, что тенденция, складывающаяся в настоящий момент в отечественном машиностроении, является негативным явлением.

Полезные с точки зрения практики хозяйствования результаты дает совместный анализ показателей общей рентабельности и ФР. Расчет этих показателей в 2004–2008 гг. произведен делением годовой чистой прибыли на себестоимость выпущенной продукции (общая рентабельность – ОР) и на среднегодовую стоимость ОПФ (фондорентабельность – ФР). Результаты расчета таких показателей приведены в таблице 3.

Таблица 3

Динамика показателей фондорентабельности и общей рентабельности предприятий машиностроения Украины, %

Предприятие	Показатель	2004	2005	2006	2007	2008
		ОАО «ВЗОР»	ФР	-54,7	-22,5	113,4
	ОР	-11,2	-4,5	13,4	-0,1	6,2
ВАТ «Днепропетровский стрелочный завод»	ФР	11,6	9,3	7,8	7,9	20,5
	ОР	5,4	4,1	3,3	3,2	7,1
ОАО «Крюковский вагоностроительный завод»	ФР	95,7	125,2	60,1	99,6	151,6
	ОР	6,8	10,7	8,1	9,7	15,9
ОАО «Днепровагонмаш»	ФР	-24,7	2,2	28,0	212,2	350,6
	ОР	-1,9	0,1	2,9	18,0	15,2
ОАО «Запорожский механический завод»	ФР	89,0	59,4	32,9	70,2	13,1
	ОР	14,7	10,1	6,8	10,2	16,3
ОАО «Стахановский вагоностроительный завод»	ФР	306,4	334,5	386,9	729,1	804,0
	ОР	-6,1	1,1	2,9	4,8	6,4

Данные таблицы 3 позволяют определить следующую характерную черту отечественной машиностроительной отрасли: высокие показатели ФР при низких показателях общей рентабельности. Показатели ФР отечественных предприятий машиностроительной отрасли находятся на высоком уровне, и динамика этого показателя в целом является положительной, главным образом, вследствие высокого уровня износа ОПФ (по состоянию на 31.12.2008 г. износ производственных зданий и сооружений ОАО «ВЗОР» составил 64,4%, машин и оборудования – 54,1%, транспортных средств – 83,3%, прочих основных средств – 74,9%; аналогичные показатели по ОАО «Запорожский механический завод» составили: 94,5%, 94,7%, 94,7%, 84,0%, 78,2%; износ машин и оборудования ОАО «ХМЗ «Красный Октябрь» составил 83,4%, ОАО «Красноармейский машиностроительный завод» – 92,2%, износ транспортных средств ОАО «Камянский машиностроительный завод» – 96,5%; износ активной части ОПФ ОАО «Гидросила» составил 85,0% – 90,0%). Кроме того, в производственной деятельности предприятий использованы фонды, накопленный износ по которым составляет 100% [5]. При этом, по данным финансовой отчетности, общая рентабельность названных выше предприятий находится на крайне низком уровне, что свидетельствует об экономической неэффективности их производственной деятельности. Сложившийся возрастной состав основных групп технологического оборудования, высокий уровень его износа, неэкономичность, низкая степень прогрессивности, рост себестоимости, неконкурентоспособность отечественной продукции по цене и по качеству предопределили низкую величину показателя общей рентабельности, и достаточно часто даже его отрицательное значение.

Результаты проведенного анализа показали, что низкие значения ФЕ и высокий уровень ФО и ФР могут являться следствием неоправданно завышенной себестоимости и использования в производственной деятельности физически и морально устаревших, полностью изношенных ОПФ, что

свидетельствует о неэффективности деятельности предприятия. В связи с этим при использовании показателей ФЕ, ФО и ФР в процессе анализа материально-технической базы, имущественного и экономического состояния предприятия, эффективности инвестиций в ОПФ необходимо более детально исследовать сущность показателей, принимающих участие в формировании показателей ФЕ, ФО и ФР, а также дополнительно изучить структуру себестоимости, величину чистой прибыли и состояние ОПФ.

Список литературы

1. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учеб. пособие / Г. В. Савицкая. — 7-е изд., испр. — Мн. : Новое знание, 2002. — 704 с.
2. Касьянов С. И. Реконструкция и техническое перевооружение действующих предприятий: планирование, организация, стимулирование / С. И. Касьянов, А. С. Касьянов. — М. : Экономика, 1984. — 72 с.
3. Техническое перевооружение и реконструкция производства / Н. Г. Чумаченко, Г. А. Ильина, Г. Е. Доленкова и др. ; отв. ред. Н. Г. Чумаченко ; АН УССР. Ин-т экономики пром-ти. — К. : Наук. думка, 1991. — 248 с.
4. Агентство з розвитку інфраструктури фондового ринку [Електронний ресурс] / Система розкриття інформації на фондовому ринку. — Електрон. дан. — Режим доступу : <http://www.smida.gov.ua>, вільний. — Загол. з екрану.
5. Istock: централізована база даних про емітентів [Електронний ресурс] / Запроваджена «Першою Фондовою Торговельною Системою». — Електрон. дан. — Режим доступу : <http://www.istock.com.ua/>, вільний. — Загол. з екрану.

Резюме

У статті досліджено залежність показників фондомісткості, фондовіддачі, фондорентабельності від матеріально-технічного стану підприємств.

Summary

Dependence of assets-output ratio, assets productivity ratio, return on assets ratio values from the technical condition of enterprises is investigated.

УДК 658.562

Н. И. Данько, Е. И. Решетняк

АНАЛИЗ СУЩНОСТИ ДЕФИНИЦИИ «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ» КАК ОСНОВНОГО ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: конкурентоспособность предприятия, конкурентоспособность товара, конкуренция, конкурентное преимущество.

Анализ последних исследований и публикаций показал, что в настоящее время не существует единого определения понятия «конкурентоспособность». Основной причиной, которая обуславливает множественность существующих трактовок этого понятия, являются различные исходные позиции экономистов в зависимости от того, к какому экономическому объекту оно относится — отдельному предприятию, отрасли или всей экономики в целом. Конкурентоспособность — понятие относительное, поскольку успешно конкурирующее на одних рынках предприятие будет совершенно неконкурентоспособным на других.

Авторами классических работ по анализу и оценке конкурентоспособности считаются М. Портер, Дж. Саймон, И. Ансофф, Й. Шумпетер, Ф. Кортлер, К. Прахалада, Г. Хемела, разработчиками теоретической модели исторического развития конкурентоспособности бизнес-единицы являются Р. Пейс и Э. Стефан. Кроме того, известны работы, посвященные вопросам конкурентоспособности предприятия и продукции, Х. Маккея, Б. Карлоффа, Р. Фатхудинова, Г.Л. Багиева, А. Градова, М. Гельвановского, П. Завьялова, В. Тарасевича, А. Юданова. Среди отечественных ученых-экономистов, занимающихся анализом конкурентоспособности, известны работы Б. Губского, И. А. Поддубного, А. Воронковой, Н. Тарнавского, И. Акимова, З. Шершнева, В. Немцова и др.

Отличия в рассмотрении сущности конкурентоспособности различными авторами представлены в табл. 1.

Таблиця 1

Отличия в рассмотрении сущности конкурентоспособности с точки зрения ученых-экономистов

Характеристика конкурентоспособности фирмы	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1. Направленность конкурентоспособности: на внутреннюю эффективность фирмы (Э) или на рынок (Р)	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Э	Э	Р	Р	Э	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р
2. Направленность конкурентоспособности: на потребителей (П) или на борьбу с конкурентами (К)	П	П	П	П	П	П	П	П	К	К	К	К	К	П	П	П	П	П	К
3. Относительность понятия «конкурентоспособность»	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+
4. Связь конкурентоспособности с финансовой устойчивостью	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
	К. Шиборш	Р. Фатхутдинов	Н. Моисев, Ю. Анискин,	М. Ахмадов	А. Глухова	В. Петров	П. Завьялов	К. С. Яшин	Ю. Ф. Врода	В. Трибов и В. Рязинов	И. Н. Герчинова	В. Розанова	М. Гельвановский	Х. Маккей, Б. Карлофф	Т. Горькова и Г. Шаповалов	Г. Батиров	Т. Ф. Рябовой, О. К. Филагова	В. А. Мошнов	Ю. И. Ребрин

Продолжение табл.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
5. Связь конкурентоспособности с целями фирмы	+	+	+	+	-	+	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	+
6. Конкурентоспособность товара – основа конкурентоспособности фирмы	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+
7. Конкурентоспособность – способность реагировать на изменения внешней среды	+	+	+	-	-	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+	+	+
8. Связь конкурентоспособности с потенциалом и используемыми ресурсами фирмы	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	+	+	+
9. Связь конкурентоспособности с наличием у предприятия значимых конкурентных преимуществ	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+
10. Связь понятия «конкурентоспособность» с понятием «качество»	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+

Таким образом, проанализировав существующие дефиниции категории «конкурентоспособность», можно отметить неоднозначность мнений ученых-экономистов. Поэтому требуется обобщение и уточнение этого понятия. Учитывая существующие подходы к определению сущности конкурентоспособности, необходимо иметь в виду, что она должна соответствовать: требованиям идентичности, то есть определение должно точно отвечать внутреннему содержанию категории и ее внешним проявлениям; требованиям системности, то есть все аспекты категории должны рассматриваться во взаимосвязи друг с другом; требованиям аналитичности, то есть обладать качествами использования данной категории как базы для анализа и разработки эффективных стратегий обеспечения конкурентоспособности предприятия.

Анализ литературных источников и мнений ученых-экономистов в ходе изучения данной проблемы позволил выделить основные положения концепции конкурентоспособности, основополагающими принципами которой являются следующие [2]: конкурентоспособность как экономическая категория имеет смысл только в условиях конкуренции; конкурентоспособность является относительной характеристикой и может рассматриваться по отношению к различным уровням управления (экономика в целом, отрасль, регион, предприятие, товар), причем центральным звеном является конкурентоспособность предприятия; конкурентоспособность фирмы зависит от множества факторов, внутренней и внешней среды; конкурентоспособность фирмы имеет направленность как на завоевание предпочтений потребителей продукции, так и на вытеснение конкурентов; конкурентоспособность зависит от целей фирмы; конкурентоспособность – категория относительная, то есть предполагает сравнение с аналогичными предприятиями либо лидером данной отрасли; конкурентоспособность определяется конкурентными преимуществами, которые являются основой конкурентной стратегии.

Таким образом, анализ взглядов различных ученых-экономистов на проблему конкурентоспособности предприятия позволил прийти к выводу, что конкурентоспособность хозяйствующего субъекта – это обобщающий, комплексный показатель конкурентного потенциала предприятия, который характеризует определенное состояние его внутренней среды (потенциальная конкурентоспособность) и реакцию на внешние воздействия (реальная конкурентоспособность, которая подтверждается на рынке и оценивается по различным группам показателей и может характеризоваться таким обобщающим показателем, как доля рынка, занимаемая предприятием). Предопределяя эти категории, можно прогнозировать конкурентоспособность предприятия.

Список литературы

1. Лифиц И. М. Теория и практика оценки конкурентоспособности товаров и услуг / И. М. Лифиц. – М. : Юрайт-М, 2001. – 224 с.
2. Портер М. Э. Конкуренция : учеб. пособие / М. Э. Портер. – М. : Изд. дом «Вильямс», 2000. – 495 с.
3. Управление конкурентоспособностью организации : учебник / Р. А. Фатхутдинов. – 2-е изд. – М. : Эксмо, 2005. – 544 с.
4. Швец И. Ю. Анализ развития теории конкурентоспособности / И. Ю. Швец // Проблемы экономики и управления. – 2005. – № 3. – С. 44–49.

Резюме

У статті проаналізовано існуючі підходи вчених-економістів до визначення сутності конкурентоспроможності, виділено основні відмінності, запропоновано основні принципи до виділення цієї категорії, визначено поняття «конкурентоспроможність».

Summary

The article analyses modern economists' approaches to determining the essence of competitiveness. Fundamental peculiarities have been named, the main principles of distinguishing the category of competitiveness have been suggested, the notion of competitiveness has been formulated.

УДК 339.727.3

Г. В. Довгаль, Е. А. Довгаль

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРЕДИТНЫХ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: глобализация, международные финансовые организации, международные финансово-кредитные отношения, Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития.

Процесс глобализации мировой экономики связан с формированием интегрированных систем международного производства, требующих адекватной финансовой среды с целью последующей активизации международных экономических отношений. Основные функции международных финансовых организаций направлены непосредственно или опосредствовано на развитие мировой экономики в целом и отдельных ее регионов, что обеспечивает эффективное функционирование глобализирующегося мирового хозяйства. В связи с этим возникает задача исследования особенностей финансово-кредитных операций международных институтов, направленных на обеспечение оптимизации функционирования мировой экономики в процессе ее глобализации.

Исследованию проблем влияния международных финансовых организаций на оптимизацию функционирования мировой экономики посвящено большое число научных публикаций. Так, одни исследователи отмечают, что «росту мировой экономики во второй половине XX ст. в значительной мере способствовало также укрепление межгосударственных форм регулирования экономики, в том числе посредством таких институтов, как МВФ, МБРР» [4, с. 75; 5, с. 62]. Другие авторы, характеризуя функции Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), подчеркивают, что они

«должны направлять свою аналитическую и оперативную поддержку на четыре основных сектора экономики: сельскохозяйственный, городскую информационную сферу, экспортный сектор и социальную сферу» [1, с. 33; 3, с. 61]. Еще одна группа исследователей, анализируя проблемы, порожденные глобализацией финансовых рынков, выражает мнение о новом экономическом порядке, который может быть достигнут на рынках капиталов, благодаря исключительно системе международного регулирования [2, с. 17].

В опубликованных трудах, как представляется, недостаточно исследованы аспекты перспективных направлений кредитования мирового хозяйства международными финансовыми учреждениями в условиях глобализации мировой экономики. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать направления влияния международных финансовых организаций на развитие и модернизацию мирового хозяйства и раскрыть особенности страхования долгосрочных международных проектов от финансово-экономической нестабильности.

Важным фактором глобализации финансовой среды стал процесс последующей интернационализации хозяйственной жизни. Интенсификация мирохозяйственных связей, формирование интегрированной сети международного производства нуждались в создании новой системы международных финансово-кредитных отношений, реализацию которых могли бы обеспечить глобальные и региональные финансовые институты. Анализируя деятельность и функции международных финансовых организаций, следует отметить, что в зависимости от цели их создания они в той или иной степени непосредственно или опосредствовано способствуют созданию, функционированию и развитию глобализирующегося мирового хозяйства.

Среди глобальных финансовых организаций, которые опосредствовано влияют на развитие объектов глобализирующегося мирового хозяйства, ведущее место занимает Международный валютный фонд. В соответствии с потребностями

мирового хозяйства МВФ использует самые разнообразные механизмы кредитования, predeterminedенные наличием проблем, которые необходимо решить с целью повышения эффективности функционирования международной экономики в целом и национальных хозяйств в частности. Известно, что основной функцией МВФ является предоставление финансовой помощи странам-участницам, но процесс глобализации мирового хозяйства сопровождается соответствующими изменениями целей и функций данной организации. Кроме предоставления финансовой помощи с целью ликвидации временных дефицитов платежных балансов МВФ использует также и финансовые инструменты для структурной перестройки экономик стран мира. Это, в свою очередь, создает предпосылки для развития национальной экономики и ее включения в глобализирующуюся мировую экономику.

Основную роль в кредитовании и страховании долгосрочных международных проектов играет группа Всемирного банка с соответствующими структурными элементами: Международным банком реконструкции и развития (МБРР), Международной ассоциацией развития (МАР); Международной финансовой корпорацией (МФК); Многосторонним агентством гарантирования инвестиций (МАГИ); Международным центром регулирования инвестиционных споров (МЦРИС).

Непосредственно кредитованием глобализирующейся мировой экономики занимается МБРР. В том числе он финансирует основные элементы международной инфраструктуры: транспорт, связь, энергетическое хозяйство, пути сообщения и др. Именно они характеризуются высокой капиталоемкостью и низкой рентабельностью. В начале своей деятельности МБРР направлял около 70% всех ссуд на развитие международных проектов энергоснабжения и транспортных перевозок, но в последние годы банк расширил сферу кредитования и приоритетными стали программы экономического роста национальных экономик стран-реципиентов

в целом. Важной проблемой кредитной деятельности МБРР является относительно низкая эффективность финансовой помощи, которую получают страны-реципиенты. Так, наивысшие показатели эффективности использования кредитов наблюдаются в Европе, Азии, Ближнем Востоке, самые низкие – в Центральной Африке. Самыми эффективными являются проекты в энергетическом секторе, связи и транспорте. Потому МБРР в настоящее время активно проводит кредитную политику в направлении развития подобных объектов мирового хозяйства. В 2006 г., например, кредиты МБРР беднейшим странам мира, предназначенные для структурной перестройки их национальных экономик и развития инфраструктурных отраслей, составили около 10,5 млрд дол. [9, р. 75].

Структурным элементом Всемирного банка выступает МАР, предоставляющая кредиты развивающимся странам. На протяжении своей деятельности МАР осуществляла кредитование различных сфер национальных экономик. В основном это инфраструктурные отрасли, становление и развитие которых в значительной мере повлияло на экономический рост стран-реципиентов. В 2005 г. кредиты МАР на эти цели составили более 6,7 млрд дол. [8, р. 263].

Традиционной функцией еще одного структурного звена Мирового банка – МФК – является финансирование долгосрочных международных проектов. МФК финансирует проекты во всех секторах экономики. В последний период ее деятельность сосредоточилась на объектах инфраструктуры. Начиная с 1990-х годов МФК предоставляет услуги частным компаниям по управлению финансовыми рисками. Ежегодный объем финансовых обязательств МФК колеблется на уровне 2–4 млрд дол. Если в 1999 г. он составлял 3,6 млрд дол. для потребностей 79 стран, то в 2006 г. – 2,4 млрд дол. для 75 стран [10].

Важнейшим направлением деятельности МАГИ является страхование инвестиционных рисков, коммерческих инвестиционных рисков в развивающихся странах путем предостав-

ления инвестициям гарантий от политических рисков, а именно: экспроприации, военных действий, гражданского неповиновения, нарушения условий контракта, перевода валют и т. п. В первые годы XXI в. спрос на финансирование развития объектов мирового хозяйства резко снизился, а относительная потребность в инвестиционном страховании, напротив, резко возросла. Если в 1999 году МАГИ застраховало политические риски в инфраструктурных проектах на 228,7 млн дол., то в 2008 г. — на 748,6 млн дол. [6]. Такой рост свидетельствует не столько об активизации деятельности инвесторов в финансировании долгосрочных международных проектов, сколько об опасениях частного сектора по поводу нестабильности экономической и политической ситуации в развивающихся странах. Обращает на себя внимание, что большинство долгосрочных международных проектов в отмеченных странах в период кризисных потрясений экономики были законсервированы, и как только началось оживление экономики, они первыми получили инвестирование от этой международной организации. Примером инновационного подхода МАГИ является привлечение к реализации дорогих долгосрочных проектов нескольких стран в отдельных регионах мира. Глобализация и рост темпов развития мировой экономики привели к устойчивому росту числа проектов во многих сферах, реализующихся на интернациональной основе в различных регионах мира. Наибольшее их количество сосредоточено в электроэнергетике, где существует потребность в значительных объемах капиталов при длительных сроках окупаемости. Именно при финансировании таких проектов существует вероятность возникновения различных типов рисков.

Международные финансовые кризисы конца XX — начала XXI века существенно повлияли на финансирование действующих объектов в различных сферах глобализирующейся мировой экономики. В финансовый кризис 1997–98 годов и текущий мировой финансовый кризис втянуты не только глобальные финансовые учреждения, но и региональные.

Значительное место среди региональных финансовых организаций занимает Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Основная цель создания ЕБРР – финансирование рыночных трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы. А в последние годы важным направлением деятельности ЕБРР стало финансирование долгосрочных проектов и программ, связанных с расширением Европейского союза за счет новых стран Центральной и Восточной Европы [7].

Таким образом, кредитная деятельность международных финансовых организаций глобального и регионального уровней направлена на создание, развитие и модернизацию объектов наднациональной производственной инфраструктуры по следующим направлениям: предоставление ссуд для структурной перестройки национальных экономик, являющихся элементами или создающими условия для эффективного функционирования международного производства; кредитование долгосрочных проектов в развивающихся странах с целью их включения в систему глобализующейся мировой экономики; финансирование строительства сети производственных и инфраструктурных объектов регионального и внутриконтинентального значения; модернизацию отдельных элементов наднациональной инфраструктурной системы, в частности, энергетических, транспортных, информационных и других коммуникаций; разработка системы страхования долгосрочных капиталоемких промышленных и инфраструктурных проектов от финансово-экономической нестабильности.

Список литературы

1. Варнавский В. Г. Страхование рисков частных инвестиций в инфраструктурных проектах / В. Г. Варнавский // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2004. – № 9. – С. 32–40.
2. Звонова Е. А. Международное внешнее финансирование в современной экономике / Е. А. Звонова. – М. : Экономика, 2006. – 134 с.

3. Злоказова Н. Е. Расширение ЕС: за и против с позиций его членов / Н. Е. Злоказова // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 2004. – № 1. – С. 61–69.
4. Королев И. С. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / И. С. Королев. – М. : Экономика, 2003. – 250 с.
5. Майер Дж. М. Міжнародне середовище бізнесу / Дж. М. Майер, Д. Олесневич. – К. : Либідь, 2002. – 125 с.
6. Світова економіка: електронні вісті [Електронний ресурс]. – Режим доступу : www.elvisti.com/2009/02/15/biz.shtml.
7. Enlargement argumentaire // *Enlargement Papers.* – 2005. – № 5. – September. – С. 36–48.
8. *International Political Risk Management / Washington D. C. : The World Bank, 2006.* – 320 p.
9. James H. *The end of Globalization from the Great Depression / Harvard University Press, 2007.* – 340 p.
10. World Trade Organization [Electronic resource]. – Mode of access: [html://www.wto.org](http://www.wto.org).

Резюме

У статті розглядаються напрями та основні цілі функціонування міжнародних кредитних інститутів у процесі глобалізації.

Summary

The areas and primary goals of international credit institutions during the globalization process are examined in the article.

УДК 331.101.3

*О. А. Иванова, П. П. Недов***МОТИВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА**

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, персонал, кризис, менеджмент, конкурентоспособность, эффективность.

В современных условиях развития украинской экономики на отечественных предприятиях, ориентированных на производство качественной, конкурентоспособной и востребованной рынком продукции, работ (услуг), на получение максимальной прибыли как одного из существенных источников пополнения бюджета страны, исключительно важную роль играет управление, которое является сферой трудовой деятельности профессиональных менеджеров. Учет влияния кризиса на основании системного подхода ко всем составляющим финансово-экономической деятельности предприятия требует применения особых методов и к вопросам мотивационного менеджмента в условиях неопределенности. В связи с этим менеджмент, рассматриваемый в настоящей статье с позиций экономики труда, по признанию классиков науки управления (Ф. Тейлор, А. Файоль, П. Друкер), представляет собой самостоятельный, значимый, особенный и критически важный вид трудовой деятельности, прежде всего, потому, что именно этот труд в решающей степени обеспечивает успешную деятельность предприятий. Кризисная ситуация грозит компании не только финансовыми проблемами и утратой своих позиций на рынке, но и потерей квалифицированных кадров, без которых преодолеть кризис невозможно. Удержание ключевых сотрудников – одна из основных задач менеджмента на этапе кризиса, и достижение этой цели возможно при своевременном информировании персонала и реализации

адекватной системы мотивации. В этой связи разработка эффективной системы мотивации с использованием комплексного системного подхода и учета кризисной ситуации является важным и значимым этапом менеджмента для предприятия и характеризует основные задачи данной статьи.

Труд менеджеров современного предприятия – это выработка и принятие возможных вариантов и нюансов управленческих решений, так как именно менеджмент определяет стратегию, цели, конкретные средства и пути решения задач организации, от него зависит степень реагирования предприятия на внешние факторы и возможности использования имеющихся преимуществ и перспектив. Осуществляя на практике общие принципы и функции управления, выбирая наиболее оптимальные методы управленческой работы, менеджеры способствуют решению конкретных проблем производства, достижению успеха организации. Главная задача, которую решает служба персонала в этих условиях, – это поддержка антикризисных мер путем эффективной организации взаимодействия руководителей, специалистов и рабочих предприятия. Все это обуславливает актуальность и значимость данного научного направления.

Вопросы трудовой мотивации нашли отражение во многих научных исследованиях на стыке дисциплин: управление организацией, управление персоналом, экономика труда, психология и социология труда. Среди зарубежных исследований к фундаментальным, наиболее значимым и используемым в теории и практике мотивационного менеджмента, можно отнести теорию иерархии потребностей индивида А. Маслоу, двухфакторную теорию Ф. Герцберга, теорию «X – Y» Д. Макгрегора, теорию приобретенных потребностей Д. Макклеланда, модель категорий потребностей К. Альдерфера, теорию ожиданий В. Врума, теорию справедливости Дж. Адамса и комплексную процессуальную модель Портера-Лоулера. Мотивационные теории, будучи использованы в практике управления, показывают, в каком направлении следует

формировать и осуществлять мотивационную политику на предприятиях в конкретных условиях развития. Причем в основу этой политики должны быть положены потребности человека, мотивы и стимулы, воздействующие на трудовую активность.

В работах отечественных ученых и зарубежных специалистов по данному научному направлению – Е. В. Белкина, Д. Д. Вачугова, Н. А. Волгина, Н. В. Грачева, В. А. Дятлова, А. Л. Жукова, Ю. Г. Одегова, В. Д. Ракоти, А. И. Рофе, Г. Э. Слезингера, Э. А. Уткина, Д. Ф. Шавишвили, С. В. Шекшни и других [1; 3] рассматриваются вопросы формирования смыслообразующих мотивов трудовой деятельности, дается типология мотивации, рассматриваются отдельные аспекты реформирования мотивационных отношений. В методологическом плане в работах современных ученых наиболее основательно исследованы вопросы материальных форм мотивации и стимулирования труда работников. Этим, как правило, и ограничивается выявление основных методов мотивации, которые, по мнению ученых, являются наиболее эффективными в условиях рыночных отношений. При этом практически не оговариваются условия финансово-экономического кризиса и возможность реализации их на практике в момент ограниченности ресурсов на предприятии.

Изучение и анализ научной литературы по данному направлению свидетельствует о том, что как в период до перехода Украины к рыночным отношениям, так и в настоящее время проблема мотивации труда остается актуальной и трудноразрешаемой в практическом плане. Что касается мотивации труда профессиональных менеджеров, то здесь специальных комплексных исследований, рассматривающих менеджмент как сферу их трудовой деятельности с позиций экономики труда, крайне мало. Недостаточно разработанной является проблема совершенствования действующих в рыночных условиях систем мотивации и стимулирования труда менеджеров в единстве материальной, социальной и моральной составляющих.

Комплексный системный подход к исследованию мотивации труда менеджеров предполагает анализ этой проблемы в единстве трех составляющих: материальной, социальной и моральной. Между тем в реальной действительности весьма распространенным является мнение о чрезмерно большой цене и значимости материального вознаграждения менеджеров, что по сути дела отрывает цель и средства действующих систем мотивации труда от экономической и социальной эффективности и результативности затрат труда менеджеров. Недостаточная разработанность названных проблем в теоретико-методологическом и прикладном аспектах, а также необходимость совершенствования методов и практики мотивации труда профессиональных менеджеров характеризуют ситуацию в данном научном направлении.

Обобщая ряд литературных источников по проблеме разработки системы мотивации труда и построении эффективного механизма стимулирования персонала, можно сделать вывод, что все последние современные разработки и мнения в этом направлении делятся на ряд групп. Одна из групп [2] включает методы материального поощрения, причем в различных модификациях — как с применением лишь заработка, как основного мотивационного фактора, так и с использованием премирования, бонусных систем, участия в прибыли и других способов материальной мотивации. Как правило, все эти работы посвящены решению проблемы достоверного учета личного трудового вклада работника и распределения заработной платы либо приработка, как на уровне предприятия, так и внутри мелких структурных подразделений предприятия. В настоящее время в условиях кризиса все реже можно говорить о повышении размера зарплаты, увеличении премиального фонда, поэтому материальное стимулирование должно быть подчинено основной ключевой и обязательной аксиоме — связи личного трудового вклада работника с конечными результатами работы предприятия путем выделения центров затрат и центров прибыли внутри организации. В этом

направлении весьма эффективным является построение шкал стимулирования, как отдельного исполнителя, так и коллектива в целом. Причем в условиях кризиса такое решение скорее будет характерно для структурных подразделений и исполнителей, занятых в основном производстве предприятия.

Существует точка зрения, что сама по себе кризисная ситуация способствует мотивации работников и позволяет руководителям предприятий решить большинство вопросов в сфере управления собственным персоналом. Оптимизация рабочих мест, сокращение управленческого аппарата, структурные изменения на большинстве предприятий привели к резкому повышению мотивации сотрудников на добросовестное выполнение служебных обязанностей и удержание существующих условий профессиональной деятельности. Тем не менее даже в этих, так называемых благоприятных для руководителя условиях нередко возникают конфликты с сотрудниками, теряются возможности повышения результативности и эффективности выполняемых функциональных действий. Главная причина такого состояния — демотивация руководителем подчиненных ему сотрудников.

Рассмотрим ряд основных правил, которые должен знать и применять руководитель, желающий, чтобы его сотрудники эффективно выполняли свои функциональные обязанности, а также все приказы и распоряжения руководства. Отправной точкой является то, что сотрудник должен знать и быть готовым получить результат, который от него требуется, любая задача сотруднику должна быть правильно поставлена, и решение ее должно быть проверено в строго установленный срок, оценено по результативности и эффективности. В свою очередь, оценка выполненной задачи должна быть визуализирована, доведена до всего остального коллектива в соответствии со служебным уровнем сотрудника. При мотивации сотрудника на выполнение должностных обязанностей и отдельных задач необходимо использовать в комплексе все основные ее виды.

Осведомленность работников о делах компании и осознание своей роли в ней способствуют росту доверия к руководству и, следовательно, большей поддержке антикризисных мер. Напротив, утаивание информации ведет к появлению слухов и дестабилизирует работу в коллективе. Сотрудникам необходимо предоставить информацию о том, в какой ситуации находится компания, какие действия запланированы менеджментом для выхода из кризиса, какие цели и задачи поставлены перед ними самими. Поэтому одним из разделов антикризисной программы является разъяснительная работа с персоналом. Чтобы обеспечить понимание и облегчить восприятие сотрудниками разъяснительной информации, она должна быть адресной, то есть соответствовать по форме и содержанию той категории и группе персонала, для которой предназначена.

Уделять наибольшее внимание стоит мотивации труда менеджеров среднего звена, специалистам и служащим, которые заняты интеллектуальным трудом, где связь конечных результатов труда и количественных показателей не столь очевидна, и вместе с тем именно этот труд в решающей степени обеспечивает успешную деятельность организации. Для этих категорий персонала весьма характерна внутренняя мотивация и, в свою очередь, ощутимо отсутствие возможностей для творческого роста, плохие взаимоотношения в коллективе, невозможность перехода на более высокий квалификационный уровень. Руководителю предприятия следует учитывать, что мотивация, ценности, потребности сотрудников подвержены изменениям. Изменения могут происходить как по мере развития личности, так и под влиянием внешних условий, зависящих от складывающейся производственной ситуации в организации; от социально-политической и экономической ситуации в стране. Это определяет ситуационный подход к управлению (И. Ансофф, Т. Питерс, Р. Уотермен, Ю. А. Шибалкин и др.) как базовый для осуществления мотивации трудового поведения работников. Однако процесс мотивации

трудового поведення носить целостний характер, що визначає необхідність його здійснення з позицій не тільки ситуативного, але й системного підходу до управління.

Таким чином, можна зробити висновок про те, що ефективна мотивація і стимулювання праці дозволяють отримати ефект не тільки за рахунок економічних механізмів. Орієнтація на людський фактор не вимагає великих витрат і завжди дає переконливі результати. Все це доводить необхідність комплексного підходу до мотивації праці, врахування особливостей зовнішнього середовища, кризової ситуації в економіці і, звичайно, типології мотивації співробітників, що зможе не тільки підвищити кінцеві результати роботи підприємства, але й сприяти виходу з склалогося кризи. Ефективно організований менеджмент повинен забезпечити умови, при яких кожен керівник будь-якого рівня вважав би своєю задачею організацію активного пошуку реальних можливостей підвищення результативності виробництва і роботи підприємства в цілому. Разом з тим система управління повинна мати здатність до достаточного саморегулювання і самосовершенствуюванню, спрямованому на широке застосування нових високоефективних організаційних форм і методів управління, технологій і науково-технічних досягнень.

Список літератури

1. Андрианов А. И. Организация и оплата труда в новых условиях хозяйствования / А. И. Андрианов. – М. : Экономика, 2008. – 114 с.
2. Мордовин С. К. Управление персоналом: современная практика / С. К. Мордовин. – СПб. : Питер, 2007. – 304 с.
3. Самоукина Н. Ф. Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах / Н. Ф. Самоукина. – М. : Вершина, 2008. – 212 с.

Резюме

У статті зроблено порівняльний аналіз підходів до проблеми мотивації працівників підприємства в умовах кризи. Обґрунтовано необхідність комплексного системного підходу до проблеми побудови системи мотивації труда та врахування чинників як внутрішнього, так і зовнішнього середовища.

Summary

A comparative analysis of approaches to the problem of enterprise employees motivation under the crisis conditions is given. The necessity of a complex system approach to the problem of the labor motivation system formation and consideration of the internal and external environment is grounded.

УДК 339.9

Э. Е. Квитка

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ВЗГЛЯДОВ НА ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Ключевые слова: международные экономические отношения, протекционизм, свободная торговля, меркантилистская экономическая школа, классическая экономическая школа.

Исследование истории развития любой сферы общественной жизни, в том числе и экономической, дает возможность всестороннего рассмотрения и ретроспективного анализа происходящего, а также позволяет выявить некие закономерности развития общественных отношений и тем самым обосновать рекомендации по решению проблем, которые имеют место на современном этапе его развития. Кроме того, расхождение интересов отдельных стран и социальных групп обуславливает необходимость согласования и теоретического обоснования различных вариантов экономических политик государств.

Целью данной статьи является исследование исторических особенностей развития международных экономических отношений, изменений в понимании роли государства в экономической жизни общества, попытка определения оптимальных рекомендаций в этой области.

Первой исторической школой, начавшей исследования в сфере международных экономических отношений, стали меркантилисты, попытавшиеся построить систему представлений об общественной организации, базирующуюся исключительно на экономике.

Начало XVI века в экономике стран Западной Европы обозначилось периодом, получившим название «первоначальное накопление капитала», когда феодальная экономическая

система сменяется рыночной, и первые крупные капиталы формируются в сфере торговли и денежного обращения. Поэтому основное внимание меркантилисты сконцентрировали именно на этих процессах.

Меркантилизм в своем развитии прошел два этапа: ранний и поздний.

Ранний меркантилизм основывался на политике денежного баланса, которая заключалась в стремлении оставить внутри страны больше денег, чем вывезти за ее границы. Однако вскоре данная политика проявила свою несостоятельность, поскольку результатом ее проведения явился рост внутренних цен и падение доходов населения.

Поздний меркантилизм базировался на политике активного торгового баланса, то есть на стремлении привлечь в страну больше денег за счет превышения товарного экспорта над импортом. Решение проблемы виделось в развитии экспортного производства, покровительстве отечественным торговцам путем предоставления им льгот и преференций, а также в создании таможенных барьеров на пути иностранных товаров (данная политика впоследствии получила название «протекционизм»).

Что касается роли государства в экономике, то меркантилисты выступали за активное вмешательство государства в экономические процессы. Так, французский меркантилист Антуан де Монкретьен в своей работе «Трактат по политической экономии» подчеркивал, что в области экономики государство должно осуществлять активную политическую деятельность [5, с. 180].

Начиная со второй половины XVIII века теории меркантилистов начали претерпевать серьезную критику – им на смену постепенно стали приходить теории классической школы экономической науки.

«В глазах татар богатство состояло в скоте, как для испанцев оно выражалось в золоте и серебре. Представление татар было, пожалуй, ближе к истине, чем испанцев» [1, с. 420].

В этот период богатство перестает ассоциироваться исключительно с его денежной формой и предстает как результат производственной деятельности в промышленности и сельском хозяйстве. Экономика общества — хорошо отлаженный механизм, управляемый природными законами и не нуждающийся в регулировании со стороны государства. Оно должно лишь поддерживать порядок и гарантировать экономическую свободу [2, с. 18–19].

Действие экономических законов осуществляется через преследование каждым индивидом своих личных интересов — таким образом, происходит выработка оптимальных решений экономическими субъектами. Идеальный вариант — максимум экономической свободы, наилучшей гарантией которой является частная собственность и полнота информации у хозяйствующих субъектов. «Эгоизм — двигатель прогресса» [1, с. 383].

Богатство общества — результат человеческого труда. Вопреки представлениям меркантилистов о деньгах как о воплощении богатства, А. Смит ограничивает их роль выполнением чисто технических операций. Чистый доход — источник богатства нации. Что касается функций государства, то он ограничивал их обеспечением военной безопасности, правосудием и созданием и содержанием общественных учреждений, которые не могут быть выгодными отдельным лицам или небольшим группам [2, с. 37].

Для достижения высшей ступени благосостояния «нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении, все остальное сделает естественный ход вещей» [1, с. 790].

Другой представитель классической школы — Давид Рикардо — разработал теорию международного обмена, важнейшими принципами которой являются: трудовая теория стоимости, экономический либерализм, выражавшийся в требовании свободной торговли («фритредерство»), а также теория «автоматического регулирования платежных балансов» [2, с. 42].

Концепция теории «автоматического регулирования платежных балансов» базируется на количественной теории денег,

утверждавшей, что внутренние цены на товары зависят исключительно от количества денег, находящихся в обращении. При этом не имеет значения, какие это деньги, так как имеет место золотой стандарт, то есть свободный обмен бумажных денег на золото. Если в стране много золота, то цены растут, и в страну становится выгодным ввозить товары из-за границы. Импорт превысит экспорт и в торговом балансе образуется дефицит. Но увеличение импорта влечет за собой отток золота из страны. В результате цены вновь падают, импорт снижается, дефицит исчезает, платежный баланс уравнивается. Если же в стране мало золота, — все происходит в обратном порядке. Но условием такого автоматического регулирования является абсолютно свободное перемещение денег и товаров из страны в страну (что мало соответствует реальности) [2, с. 43].

Д. Рикардо пытался ответить на вопрос, почему возникает необходимость взаимной торговли между странами. А. Смит отвечал, что каждая страна специализируется на выпуске продукции, по которой она имеет абсолютное преимущество. Но проблема в том, что абсолютные преимущества встречаются не так уж часто, поскольку одни и те же товары могут производиться в разных странах. И учитывая данное обстоятельство, Д. Рикардо рекомендует ориентироваться не на абсолютное, а на сравнительное преимущество, которое определяется сопоставлением трудозатрат. Поэтому эта концепция получила название «теории сравнительных издержек».

Что касается понятия свободной торговли (free trade), то оно появилось в английском языке в конце XVI века. Но тогда под «свободной торговлей» понималось какое-либо экономическое действие частного лица, которое не было ограничено существованием монополии для этого рода действий. Например, производство товара, которое составляло ранее исключительное право какой-нибудь привилегированной компании или лица, торговля, открытая для всех, в местности, когда-либо предоставленной одной торговой компании и т. п. Оба эти действия на языке того времени звучали как «свобод-

ная торговля», несмотря на то, что они могли в то же время претерпевать строгую регламентацию и надзор [3, с. 16].

Первым, кто провозгласил какое-либо вмешательство государства вредным для экономической деятельности народов, был Д. Норс. Именно его можно считать первым фритредером. Основные его идеи сводятся к тому, что торговля крайне важна для всего народа, всех наций, и ее утрата становится несчастьем для всего мира, поскольку все нации связаны вместе общими интересами. Также он считал, что правительственные законы не могут определять цены в торговле — они должны устанавливаться сами, а если такие законы существуют, то они создают большие препятствия для торговли и заслуживают осуждения [4, с. 108–109].

Дальнейшее развитие международных отношений в разрезе становления теорий международной торговли сводилось к расширению границ их исследования и поиску новых аргументов для обоснования той или иной теории, основными из которых оставались идеи протекционизма и идеи свободной торговли.

В настоящее время, на рубеже XXI века, международные экономические отношения имеют некоторые особенности — современный уровень межстрановых экономических связей свидетельствует о:

1) трансформации двусторонних МЭО в многосторонние, осуществлении глубокой степени международного разделения труда в мировом хозяйстве;

2) возрастании масштабов и качественном изменении характера традиционной международной торговли овеществленными товарами — из чисто коммерческой она во многом превратилась в средство непосредственного обслуживания национальных производственных процессов;

3) интенсификации и глобализации миграции капитала;

4) активном обмене научно-техническими знаниями, ускоренном развитии сферы услуг;

5) заметном росте масштабов миграции рабочей силы;

б) ускорении и расширении процессов интеграции экономик стран и регионов.

Несмотря на многие противоречия нынешней эпохи, ее основной чертой все больше становится не противоборство, а тенденция к сотрудничеству и взаимопониманию. Общее движение к единому, взаимосвязанному, взаимозависимому и в каждой своей части более развитому и социально справедливному миру – вот основная тенденция мирового хозяйства.

Таким образом, можно проследить исторические особенности развития международных экономических отношений и оценить взгляды представителей различных экономических школ на роль государства в их регулировании.

Концепция меркантилистов не была еще в полной мере научной, так как они затрагивали поверхностный слой экономических отношений, скорее, регистрируя их, нежели анализируя с целью выявления закономерностей. Поэтому они натолкнулись на ряд закономерностей, которые не смогли объяснить, но отметили их наличие. Вмешательство государства однозначно оценивалось как необходимое. Меркантилисты – основоположники политики протекционизма.

Представители классической школы экономической науки впервые отметили ценность не только денежной формы богатства, но и необходимость развития производственной деятельности в промышленности и сельском хозяйстве. Что же касается роли государства в экономической жизни общества, то здесь их мнение кардинально отличается от видения меркантилистов: экономические процессы – природный механизм, которому необходимо самостоятельное развитие и его оптимальное функционирование не терпит вмешательства государства.

Международные экономические отношения прошли длительный путь развития и эволюции, и в настоящее время в науке нельзя отметить однозначное господство какой-либо системы взглядов на экономические процессы и роль государства в регулировании внешнеэкономических отношений.

Начиная с XX века, в отличие от предшествующего периода, исследователи данной сферы пытались найти рациональные зерна во всех существующих теоретических подходах и, исходя из всей существующей информации и выводов, сформировать новую концепцию, которая заключала бы в себе оптимальные рекомендации по реализации всех подходов. Существование постоянной динамики в развитии международных отношений обуславливает перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Список литературы

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; [пер. с англ.; предисл. В. С. Афанасьева]. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с. — (Антология экономической мысли).
2. Лисовицкий В. Н. История экономических учений / В. Н. Лисовицкий. — Харьков: ООО «Р. И. Ф.», 2002. — 320 с.
3. Довгаль О. А. Протекціонізм і лібералізм у процесі глобалізації світової економіки (Питання теорії і методології) / О. А. Довгаль; Нар. укр. акад. — Х.: Вид-во НУА, 2004. — 320 с.
4. Янжул И. Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства / И. Янжул. — М., 1882. — Вып. 2: Период свободной торговли. — 165 с.
5. История экономической мысли: курс лекций. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — Ч. 1 / под ред. И. Д. Удальцова, Ф. Я. Полянского. — 512 с.

Резюме

Стаття присвячена аналізу особливостей історичного розвитку міжнародних економічних відносин та еволюції поглядів на роль держави у їх регулюванні. Автор аналізує існуючі погляди на взаємодію держави та економіки, а також робить висновки щодо теперішнього етапу їх розвитку.

Summary

The article gives analysis of peculiarities of historical development of international economic relations and the evolution of views as to the role of the state in their regulation. The author analyses modern approaches to the problem of interaction between state and economy and draws conclusions concerning the present stage of their development.

УДК 378 (477)

А. И. Квитчастая

СТРАХОВОЙ РЫНОК КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: страхование, страховой рынок, институциональный инвестор, страхование в период глобализации.

Институт страхования известен как одна из древнейших экономических категорий любого общества, необходимый элемент системы экономических отношений и производительных сил. Развитие рыночных отношений, увеличение масштабов общественного производства, усложнение современных производственных отношений, а следовательно, увеличение предпринимательских рисков, а также повышение международных и межгосударственных конфликтов в современных условиях усиливает значимость страхования. Страхование становится неотъемлемой частью экономики государства, а страховые отношения – составным элементом совокупности рыночных экономических отношений. Без страхования, как одного из важнейших институтов развития рыночного хозяйства, невозможно обеспечить расширенное эффективное общественное и индивидуальное воспроизводство, стабильность экономического и социального развития общества.

Исследование экономической природы структурных элементов страхования берет начало в работах представителей разных направлений экономической теории развитых стран мира: А. Смита, А. Маршала, Дж. М. Кейнса. Проблему страхования, как одного из ключевых институтов финансовой системы, изучали многие ученые, такие как Н. М. Внукова, В. А. Щербаков, А. И. Гинзбург, В. В. Шахов и другие. Однако представляется, что уровень разработки проблем остается недостаточным для целостного осмысления необходимости

страхового рынка как важного института экономической системы. Это чрезвычайно актуально, так как в настоящее время идет процесс институализации национального страхового рынка. Несмотря на разнообразие и глубину теоретических разработок системы страховых отношений, финансового состояния страховых компаний и перспектив развития платежеспособного спроса на страховые услуги, лишь немногие работы посвящены исследованию специфики формирования украинского страхового рынка в условиях глобализации.

Актуальность исследования заключается в том, что на формирование, развитие и организацию страховых отношений влияют объективные экономические законы рыночной экономики, внешняя и внутренняя рыночная среда, а также специфические функции страхования. В системе рынков страховые услуги представляют собой элемент инфраструктуры, способствующий повышению эффективности всех сфер предпринимательской деятельности, позволяющий обеспечить наиболее эффективное использование капитала, гарантированную стабильность и предсказуемость в процессе составления бюджета компаний, защиту активов от случайной потери или повреждения, а также защиту интересов акционеров. Поэтому развитие национальной системы страхования является одной из важнейших стратегических задач, особенно для Украины, где практически все виды страховой деятельности характеризуются повышенным риском.

Рыночные преобразования в экономике Украины вызвали коренное изменение роли страховой системы в национальной экономике. Становление и развитие институциональной структуры страховой системы – длительный процесс, способствующий защите имущественных интересов хозяйствующих субъектов, населения и государства в целом.

Новая модель рыночного хозяйствования в Украине должна быть сформирована в результате трансформационных преобразований, модернизации национальных финансовых институтов, что обусловлено не только внутренними

интересами и потребностями страны, но и современными тенденциями развития в условиях глобализации. Глобализация мировой экономики стала важнейшим фактором для всех участников международных экономических отношений. По своим масштабам и последствиям она не имеет аналогов в экономической истории. Глобализация модифицировала мировое экономическое сообщество: из аморфной совокупности взаимосвязанных стран национальные хозяйства трансформируются в целостную экономическую систему, в которой национальные финансовые рынки выступают составными элементами единого глобального рыночного финансового пространства.

На современном этапе развития экономической теории в отечественной и зарубежной научной литературе нет четко определенного подхода, который раскрывал бы вопросы развития системы страхования в условиях глобализации. Также не уделяется должного внимания особенностям функционирования страхового рынка в условиях глобализации и экономико-правовому регулированию деятельности субъектов страхования.

Не нашел должного отображения в научных исследованиях анализ деятельности страховых компаний и организаций в качестве институциональных инвесторов и их роли в общегосударственном инвестиционном процессе.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, необходимо глубокое изучение данной проблемы, которое заключается в определении места и роли института страхования в финансовой системе, а также выявлении особенностей функционирования страхования в период глобализации.

Денежная форма организации страхового фонда обеспечивает выгодную степень его концентрации, маневренности и оборачиваемости не только в интересах внутриотраслевого хозяйственного оборота, но и в целях развития межотраслевых хозяйственных связей. Инвестирование временно свободных средств страхового фонда в стратегические отрасли

и эффективные сферы бизнеса позволяет наращивать их экономический потенциал и соответственно капиталы страховых компаний. Можно сказать, что страхование выполняет три важных задачи: удовлетворение экономических интересов отдельного человека, хозяйственных структур и общества в целом.

Институт страхования осуществляет достаточно широкий спектр функций, через которые можно проанализировать и понять его место и роль в финансовой системе. На наш взгляд, наиболее полно и логично раскрывает функции страхования Н. П. Сахирова, которая характеризует страхование как основной фактор стимулирования производственной активности и экономического прогресса в стране, как условие обеспечения защиты имущества предприятий, организаций и их финансовых результатов [3, с. 20].

Устойчивость страхового рынка обуславливает для предприятия бесперебойность функционирования в любых условиях инвестирования прибыли в производство, а для граждан — надежную защиту личного имущества, дохода, здоровья и постоянного сбережения.

Страхование представляет собой одну из сфер экономики, где аккумулируются значительные денежные средства, направляемые в крупные инвестиционные проекты, программы национального масштаба и отраслевого значения, что раскрывает его стратегический характер и высокий финансовый потенциал. Также обеспечивает возможность сбалансированного управления экономикой путем управления рисками, их предотвращением или возмещением убытков. Эта функция содержит целый комплекс мер (в том числе финансовых) по минимизации возможных ущербов от воздействия стихийных и техногенных факторов.

Страхование воздействует на воспроизводственные процессы в стране. Вкладывая капиталы в наиболее устойчивые и доходные отрасли, оно влияет на структуру общественного воспроизводства.

Из сказанного следует, что страхование сегодня обеспечивает экономические интересы как отдельного человека, так и деятельности общества в целом.

Происходящий сегодня в мире процесс качественного усложнения риска и его глобализация сопровождается крупными финансовыми кризисами. Для решения возникших проблем необходимо учитывать объективные тенденции и закономерности дальнейшего развития страховых отношений, значимость исследования методологических аспектов, которые и предопределили выбор темы исследования.

Глобализацию в экономической литературе принято называть как процесс сближения потребительских предпочтений и универсализацию ассортимента предлагаемой продукции по всему миру, в ходе которого всемирные продукты вытесняют местные. Данный термин используется для обозначения и более общего процесса. Не так уж много товаров и услуг сегодня имеют право называться всемирными и действовать в глобальных категориях покупателей, технологий, издержек, поставок, стратегических союзов и конкурентов.

Приход в страны СНГ международных страховых корпораций, таких, например, как American International Group (AIG), открытие дочерних предприятий со стопроцентным участием, ознаменовало новый этап в процессе глобализации на просторах СНГ.

Финансисты, финансовые директора классических страховых компаний стран СНГ стоят перед сложной задачей сочетания консервативного финансового подхода в оценке эффективности тех или иных управленческих решений с необходимостью разработки и внедрения новых управленческих технологий, таких как бюджетирование, контроллинг, системы управленческого учета, системы сбалансированных показателей и др. Кроме этого, они вынуждены сочетать нашу ментальность с системой управления рисками, которые генерируются в функциональной сфере, во внутренней и внешней среде.

На наш взгляд, глобализация будет сопровождаться рядом изменений в сфере страхования. Глобализация страховой индустрии в странах СНГ приведет со временем к общей для всемирной страховой сферы корпоративной культуре, будут приняты этические кодексы страховщиков. Как крупные институциональные инвесторы, наши страховые компании будут играть все более важную роль в национальных экономиках и в интеграционных процессах в мировую экономику.

Глобализационные процессы будут сопровождаться дальнейшей концентрацией капитала в страховых группах и их слиянием с банковским и финансово-промышленным капиталом.

Со временем изменится структура классического и квази-страхования в сторону значительного уменьшения последней. Часть страховых стандартов обслуживания клиентов будет унифицирована и законодательно закреплена. Повышение уровня жизни неизбежно приведет к повышению и страховой финансово-инвестиционной культуре.

Также возрастет взаимопонимание позиций между страховщиком и страхователем за счет их сближения и повышения общего уровня страховой культуры.

На данный момент в нашем государстве существует ряд проблем, которые существенно замедляют внедрение глобализационных процессов как в экономику, так, в частности, и в сферу страхования. Возможности стремительного развития рынка страховых услуг в Украине ограничены такими факторами, как: низкий уровень доходов в обществе; недоверие к страховщику, которое усиливается низким уровнем платежеспособности страховых компаний; несовершенство не только страхового, но и всего законодательства в целом; несогласованность страхового законодательства с Гражданским кодексом Украины и т. д.; отсутствие государственных преференций на страховом рынке; недостаточное развитие инструментов фондового рынка для эффективного размещения страховых резервов; отсутствие надежных механизмов развития страхова-

ния жизни, медицинского и пенсионного страхования и тому подобное; отсутствие независимой системы подготовки высококвалифицированных специалистов по страхованию и т. п. [6].

Развитие современной мировой экономики, в частности экономики Украины, как системы взаимосвязанных институтов невозможно без института страхования. Страхование как система экономических отношений связана с защитой материальных интересов физических и юридических лиц. Необходимость института страхования вызвана тем, что он дает возможность стабилизировать экономику, так как способствует оттоку денежных средств из обращения, что в результате обеспечивает уменьшение показателей инфляции [5, с. 263]. Сейчас страна, как и весь мир в целом, столкнулась с финансовым кризисом, который проходит не безболезненно и для страхования. Эти процессы повлияли на эту сферу достаточно негативно. Рынок страхования упал на тот уровень, который был 10 лет назад. Сегодня необходимо привести рынок к тому состоянию, в котором он находился до кризиса, но уже с учетом происходящих на данный момент глобализационных процессов. Для этого очень важна поддержка государства, так как оно прямо заинтересовано в стабильном функционировании страхового рынка как одного из ключевых институциональных инвесторов.

Список литературы

1. Гинзбург. А. И. Страхование / А. И. Гинзбург. — СПб. : Питер, 2004. — 176 с.
2. Шахов В. В. Страхование : учебник / В. В. Шахов. — М. : Анкил, 2002. — 408 с.
3. Сахирова Н. П. Страхование : учеб. пособие / Н. П. Сахирова. — М. : Проспект ; ТК Велби, 2007. — 740 с.
4. Страхование: принципы и практика : пер. с англ. Бланд Д. — М., 2000. — 414 с.

5. Нечипорук Л. В. Страхование в системе институциональных механизмов макроэкономического равновесия в Украине / Л. В. Нечипорук // Равновесие в экономической системе переходного типа: предпосылки, механизм управления : моногр. / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. О. Л. Яременко. — Х. : Изд-во НУА, 2004. — 416 с.

6. Базилевич В. Д. Страхова справа / В. Д. Базилевич, К. С. Базилевич. — К. : Знання, 2002. — 206 с.

Резюме

Стаття присвячена аналізу страхового ринку як одного з ключових фінансових інститутів держави в період глобалізації.

Summary

The paper considers the problem of insurance market as one of the main financial institutions of the state during the period of globalization.

УДК 613.83

*О. Ю. Клименко***ОСОБЛИВОСТІ СОЦІАЛЬНОГО ЗАХИСТУ
БЕЗПРИТУЛЬНИХ ДІТЕЙ В УКРАЇНІ**

Ключові слова: соціальний захист, діти-сироти, бездоглядні діти, безпритульні діти, соціальне сирітство, соціальна політика, діти-вулиці, діти, позбавлені батьківського піклування, заклади соціального обслуговування.

Одним із наслідків економічного спаду останніх років стало збільшення чисельності дітей-сиріт та дітей, які залишилися без батьківського піклування. Масове безробіття викликало зростання бідності, яка, у свою чергу, спричинила поширення соціальних хвороб, що призвело до збільшення кількості неблагополучних сімей, в яких насилля над власними дітьми та недбале ставлення до їх виховання стало нормою. Таким чином, економічні та соціальні суперечності, які торкнулися усіх сфер діяльності держави і всіх верств населення, у першу чергу позначилися на найменш захищеній категорії – дітях. Часто не усвідомлюючи і не розуміючи причин життєвих негараздів, діти повною мірою відчувають їх наслідки на собі. Існуючі проблеми деструктивно впливають на соціальні установки, руйнують життєві орієнтири, ускладнюють процес соціалізації дітей. Держава не може не відреагувати на існуючу ситуацію та залишити поза увагою інститут соціального захисту безпритульних дітей. Розбудова нових економічних та політичних засад потребує не лише переосмислення попереднього досвіду, а й вироблення якісно нового підходу до забезпечення дітям нашої країни повноцінного розвитку відповідно до їх потреб.

В Україні справжній науковий підхід до вивчення зазначеної проблеми розпочався лише на початку ХХІ століття, коли було створено інститут соціальних досліджень. В умовах

сьогодення характерна для української науки різноплановість досліджень, на жаль, оминула проблеми розвитку соціального захисту дітей, позбавлених батьківського піклування, хоча для проведення досліджень із зазначеної проблеми є достатня джерельна база.

Вивчаючи проблему дитячої безпритульності, необхідно звернутися насамперед до праць, що дають змогу зрозуміти класову, соціальну, політичну природу соціальних процесів. Серед таких праць певною новизною відзначаються монографії, що з'явилися в останні п'ять років. Загальними проблемами соціального захисту цікавилися такі дослідники російської школи соціології, як М. Блінов, Ю. Ожегов, Ф. Шерегі, А. Єришев, В. Рехкала, Е. Комаров, М. Лисенков [1], а також українські вчені – О. Балакірева, М. Головатий, В. Головенько, І. Демченко, О. Яремко [7] та ін. Проте науковці залишають поза увагою процеси, що впливають на соціальні трансформації. За невеликим винятком у цих працях аналізується соціальна політика, стратегія і тактика. Таким чином, якщо вести мову не про соціальні проблеми взагалі, а про таке цілісне, багатогранне явище, як «дитинство», то фактично на початку ХХІ ст. будь-які комплексні дослідження з цього приводу були відсутні.

Тому метою нашого дослідження є вивчення особливостей соціального захисту дітей в Україні, яке має міждисциплінарний характер та знаходиться на межі декількох дисциплін – соціології, педагогіки, соціальної психології, оскільки стосується питань витоків та феномена сирітства.

На сьогоднішній день в Україні не існує єдиного загальноприйнятого визначення щодо неповнолітніх, які позбавлені сімейного виховання і проживають у середовищі вулиці. У засобах масової інформації, наукових психолого-педагогічних працях, результатах соціологічних досліджень, у діяльності служб, органів і спеціальних установ для неповнолітніх вживаються такі терміни, як «безпритульні», «діти вулиці», «бездоглядні», «бездомні», «діти, позбавлені батьківського піклу-

вання», «соціальні сироти», «неповнолітні групи ризику». Характеристику цих понять можна знайти у працях сучасних російських та українських вчених [7, с. 25]. Зокрема, останні звертають увагу на необхідність з'ясування того, який термін із вищезазначених наразі найбільш повно характеризує українських дітей, які опинилися на вулиці. Для цього слід вдатися до аналізу подібних соціальних явищ у світовій практиці.

Різноманітні міжнародні структури, у тому числі ЮНЕСКО, ЮНІСЕФ, які займаються вивченням стану справ в молодіжному середовищі різних країн, відзначають таку негативну тенденцію, як зростання кількості дітей та молоді, що перебувають у стані соціальної дезадаптації. Про це свідчить і наявність таких маргінальних груп, як «діти вулиці».

Дитячий фонд ООН (ЮНІСЕФ) зараховує до них:

- дітей, які не спілкуються з власними родинами і живуть у тимчасових сховищах;
- дітей, які підтримують контакт із сім'єю, але через бідність, різні види експлуатації та зловживань щодо них проводять більшу частину дня, а інколи й ночі на вулиці;
- дітей-вихованців інтернатів та притулків, які через різні причини втекли з них і перебувають на вулиці.

Це узагальнена характеристика «дітей вулиці», оскільки залежно від соціально-економічних умов в країні ступінь маргіналізації має свої специфічні прояви [6, с. 62].

В Україні здійснюється централізований облік дітей-сиріт та дітей, позбавлених батьківського піклування. Законодавчо визначено обов'язок керівників закладів, де перебувають або виховуються такі діти, щодо надання інформації про вихованців, які залишилися без піклування батьків, до місцевих органів з опіки та піклування з метою усиновлення даної категорії дітей, передачі їх під опіку чи на виховання у сім'ї громадян [2, ст. 12].

Окрему групу дітей-сиріт становлять діти, від яких батьки відмовилися ще в пологових будинках, або, народивши, покинули чи «підкинули» або залишили. Нерідко такі факти,

на думку спеціалістів, спричинені соціально-фізіологічною незрілістю матері, яка народжує дитину, легковажним ставленням до вагітності та її наслідків, намаганням приховати від близьких факт народження дитини, а іноді й глибоким порушенням стану психіки та світосприйняття тощо. Однак найчастіше це пов'язано все ж таки з асоціальною поведінкою. Перерахувати всі можливі причини важко, оскільки вони є надто чисельними. У багатьох випадках відмова від дитини у заявах на ім'я головного лікаря пологового будинку чи відділення, де дитина народжена, пояснюється поганим матеріальним становищем породіллі та її сім'ї. Часто відмовляються від вочевидь хворої новонародженої дитини. З метою допомогти таким матерям усвідомити важливість не тільки самого факту народження дитини, але й її виховання у 1996 році були внесені зміни до Кодексу про шлюб та сім'ю України, згідно з якими батькам, які відмовилися від дитини в пологовому будинку, надається для прийняття остаточного рішення щодо долі дитини термін до двох місяців [3, ст. 101-1].

Виявлення безпритульних, дітей-сиріт та також неповнолітніх, які перебувають у несприятливих умовах, є одним із основних завдань і обов'язків органів опіки та піклування. Стаття 24 Закону України «Про охорону дитинства» поширює такий обов'язок на всіх громадян [5, ст. 24].

У свою чергу органи опіки та піклування це завдання повинні виконувати в координації з іншими зацікавленими органами та службами, тобто кримінальною міліцією у справах неповнолітніх, службою у справах неповнолітніх, закладами освіти, охорони здоров'я, житлово-комунальними органами тощо. Нині завдяки появі кримінальної міліції у справах неповнолітніх серйозних змін зазнає і ситуація з профілактичною роботою серед неповнолітніх. Школа та органи освіти фактично відійшли від роботи із неблагополучними сім'ями. Послабили свої функції у цьому відношенні і дільничні інспектори районних відділів внутрішніх справ. Кримінальна міліція у справах неповнолітніх основну увагу зосереджує на роботі

з дітьми та підлітками, які вже скоїли правопорушення, злочини, тобто на фактах протиправної діяльності, а повноваження щодо виявлення функціонально неспроможних сімей перекладено на служби у справах неповнолітніх.

Керівники закладів, де перебувають, утримуються або виховуються діти, зобов'язані в тижневий термін від того дня, коли їм стало відомо, що дитина залишилася без опіки (піклування) батьків, повідомити про це відділи і управління державних органів виконавчої влади, на які покладається безпосереднє ведення справ з опіки і піклування. Ці органи у місячний термін з дня надходження інформації щодо зазначених дітей та в разі неможливості їх усиновлення, передачі під опіку (піклування) чи на виховання в сім'ї громадян на території даної або будь-якої іншої області України зобов'язані передати цю інформацію до Департаменту з усиновлення та захисту прав дитини при Міністерстві у справах сім'ї, молоді та спорту України для централізованого обліку [4].

При виявленні підкинutoї дитини, безпритульної, бездоглядної, залишеної без батьківської опіки, кримінальна міліція спільно зі службою у справах неповнолітніх зобов'язані скласти акт у трьох екземплярах, провести реєстрацію даного випадку у спеціальному журналі про доставлених дітей. При цьому мають бути вжиті усі заходи щодо розшуку батьків дитини або її близьких родичів, а також щодо тимчасового влаштування дитини (притулок, лікувальний заклад). Один екземпляр акту і повідомлення направляється в орган опіки та піклування, який повинен відразу ж розпочати влаштування дитини. Передусім дитина має бути зареєстрована в органах реєстрації актів громадського стану, для чого необхідно визначити вік дитини.

Вік безпритульного визначається лікувально-контрольною комісією лікувального закладу, куди направляється дитина, або ж судово-медичною експертизою. При реєстрації органами реєстрації актів громадського стану їй присвоюється прізвище, ім'я, по-батькові, запропоновані заявником, дані щодо батьків

записуються також у довільній формі. Вік дитини медична комісія визначає приблизно, виходячи із розумового та фізичного розвитку. Згідно із законом, особа має бути направлена до державної установи із свідоцтвом про народження.

Оскільки у більшості випадків дитина направляється до спеціалізованих установ під вигаданим прізвищем та з приблизно встановленим віком, то пошук її рідними стає неможливим. При виявленні батьками дитини у дитячій установі знову ж таки проводиться експертиза на ототожнення дитини та звернення до суду з приводу анулювання акту запису про народження, або дані про вік, який встановлено.

Усиновлення (удочеріння) є найбільш прийнятною і сприятливою формою виховання дітей, залишених без піклування батьків, за якої дитина в правовому відношенні повністю прирівнюється до рідних дітей, набуває в особі усиновителів батьків та сім'ю.

Іншою формою влаштування дітей-сиріт та дітей, позбавлених батьківського піклування, є передача їх під опіку, піклування. Це одна з найбільш вдалих для розвитку та виховання форм влаштування через те, що дитина проживає у сім'ї, ходить у звичайний дитячий дошкільний заклад, загальноосвітню школу, знає свій родовід. Вона оточена турботою та увагою близьких людей. Практика свідчить, що досить часто родичі дітей, чий батьки померли, позбавлені батьківських прав, перебувають у місцях позбавлення волі тощо, мають бажання залишити дитину в сім'ї. Не всі (переважно це бабусі, дідусі, дядьки та тітки) мають можливість матеріально утримувати таку дитину. Опікун, піклувальник можуть отримувати пенсію за втрату годувальника у розмірі 37 гривень на місяць або допомогу на дитину, яка перебуває під опікою, у розмірі 20 гривень 90 копійок на місяць. Звичайно, на такі гроші дитину утримувати дуже важко. Тому багато людей відмовляються від призначення їх опікунами, піклувальниками, і дитина віддається до державної установи.

Ускладнення з влаштуванням дітей виникають тоді, коли

дитина покинута, батьки її невідомі, або якщо й відомі, то місце їх мешкання не встановлено. Необхідно зробити запити у пологові будинки, органи реєстрації актів громадського стану, органи внутрішніх справ, адресні бюро, тобто проводити роботу щодо встановлення батьків дитини та реєстрації її народження. Процес цей тривалий. На час його проведення дитину потрібно помістити в дитячу установу. Сьогодні єдиною формою тимчасового влаштування маленької дитини є направлення її до лікувального закладу.

За правилами, перебування дитини у лікувальному закладі не може бути довшим, ніж один тиждень. Однак за цей термін неможливо зібрати усі документи про неї і про її батьків, тому дитина може досить довго (до трьох місяців, а інколи до року) перебувати у лікувальному закладі. Тривале перебування дитини в лікарні може негативно позначитися на стані її здоров'я, вона наражається на ризик бути інфікованою від хворих дітей, умови утримання та раціон харчування не відповідають її потребам, а про виховання й говорити зайве.

Тому кращим варіантом тимчасового влаштування дитини до направлення її до дитячого закладу була б, звичайно, передача її під тимчасову опіку в сім'ю, яка прийняла б її, зігріла душу, зняла нервові напруження, яке, безумовно, вона переживає, втративши близьких людей. Така сім'я морально підготувала б дитину до того, що їй доведеться жити в дитячій установі (дитячому будинку; школі-інтернаті).

На жаль, в нашій державі не існує практики передачі дитини у сім'ю опікунів, під тимчасову опіку, а тому безпритульних направляють до дитячого притулку. Дитина може перебувати у притулку до трьох місяців, тобто весь «перехідний період» до віддання її до дитячої установи. Згідно із статтею 66 Цивільного кодексу України, якщо над дітьми, які перебувають у дитячих державних закладах, не встановлено опіку чи піклування, то функції опікуна, піклувальника виконує дитячий заклад [5].

Таким чином, на сьогоднішній день в Україні спостерігається збільшення кількості дітей-сиріт та дітей, позбавлених

батьківського піклування, а існуючі державні заклади, що надають соціальну допомогу зазначеній категорії громадян, не можуть забезпечити дітям умови повноцінного розвитку та виховання через брак коштів та недосконалість існуючої системи, яка функціонує понад 80 років і зорієнтована на колективні форми виховання дітей. Головний принцип такої виховної концепції полягає у наявності розгалуженої структури інтернатних закладів, що фінансуються державою. Тому на сьогоднішній день перед вченими стоять широкі перспективи наукових розвідок щодо пошуку оптимальних технологій соціального влаштування дітей-сиріт та дітей, позбавлених батьківського піклування.

Список літератури

1. Блинов Н. Политическая культура и молодежь / Н. Блинов, Ю. Ожегов, Ф. Шереги. – М., 2002. – 360 с.
2. Про затвердження заходів щодо поліпшення становища дітей-сиріт та дітей, які залишилися без піклування батьків : Указ Президента України від 17.10.1997 р. – № 1159/97 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : // www.rada.kiev.ua
3. Про затвердження комплексних заходів щодо профілактики бездоглядності та правопорушень серед дітей, їх соціальної реабілітації в суспільстві : Указ Президента України від 18.03.1998 р. – № 200/98 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : // www.rada.kiev.ua
4. Про органи і служби у справах неповнолітніх та спеціальні установи для неповнолітніх : Закон України від 24.01.1995 р. – 20/95-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу : // www.rada.kiev.ua
5. Про охорону дитинства : Закон України від 26.04.2001 р. – № 2402-III [Електронний ресурс]. – Режим доступу : // www.rada.kiev.ua
6. Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. – М. : Ярослав. политграфкомбинат, 2008. – 128 с.
7. Яремко О. О. Створення та функціонування прийомних сімей : навч. посіб. для держав. службовців / О. О. Яремко, Л. С. Волинець, Н. М. Комарова. – К. : Укр. ін-т соц. дослідж., 2000. – 128 с.

Резюме

В статье рассматривается существующая в Украине система социальной защиты беспризорных детей, раскрываются ее исторические корни. Автор анализирует методы работы государственных учреждений с детьми улицы, критикует коллективные формы воспитания, обращает внимание на необходимость разработки новых подходов к решению проблемы.

Summary

The article deals with the nowadays Ukrainian system of homeless children social defence and its historical roots. The author analyses the public institutions methods of work with homeless children, criticizes collective education forms, draws attention to the necessity of working out new approaches to solving the problem.

УДК 316:322

Н. В. Кокора

**АМБІВАЛЕНТНІСТЬ СОЦІАЛЬНОЇ РОЛІ
УКРАЇНСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ
МОСКОВСЬКОГО ПАТРІАРХАТУ ЩОДО УЧАСТІ
В ПОЛІТИЦІ СУЧАСНОГО ХРИСТІЯНИНА**

Ключові слова: амбівалентність, українська православна церква Московського патріархату, громадянин, віруючі, миряни, громадянська позиція, політика, політичні процеси, сучасність, християнин.

Серед усіх суспільних інститутів Українська православна церква має найбільшу підтримку громадян. Цей факт постійно підтверджують соціологічні опитування населення впродовж останніх років. Тому проблема, поставлена в даній статті, дає можливість отримати відповіді не лише на питання щодо позиції церковних ієрархів цієї конфесії в оцінці прийнятності громадянської активності мирян. Через експліковані орієнтації церкви в даному питанні ми опосередковано зможемо відповісти і ще на кілька важливих для суспільства питань. А саме, яка міра і змістовне наповнення вкладається церквою в бажану громадянську позицію мирян, і, отже, який ймовірний вплив УПЦ Московського патріархату на суспільно-політичне життя України? Таким чином, питання релігієзнавчого характеру переходить в площину соціального і політичного. Це обумовлює особливу актуальність поставленої проблематики.

Треба одразу зазначити, що науковий інтерес вітчизняних дослідників зосереджений саме на Українській православній церкві Московського патріархату, виходячи з того, що вона представлена найбільшою кількістю православних громад в порівнянні з УПЦ КП і УАПЦ і є найбільшою релігійною конфесією в Україні. А тому УПЦ МП має можливість впливати на різні сфери життя більшості наших громадян.

Розглядом питання відносин церкви і політики в сучасних умовах займалися С. Здіорук [1], Б. Парахонський [2], П. Яроцький [3], В. Бондаренко [4], В. Єленський [5], О. Саган [6], Ю. Кальниш [7]. Ці науковці, у першу чергу, приділяли увагу розвитку державно-церковних відносин в Україні, займалися вивченням питання політизації конфесійного середовища. Проблема досліджувалася в ракурсі участі православної церкви у політичних процесах в країні. Їх доробки є для автора точкою відліку в дослідженні співвідношення та збігу практичної діяльності православної церкви з її задекларованою позицією. Окрім цього, ставимо завдання проаналізувати ставлення УПЦ МП до участі православних християн у сучасній політиці.

Українська православна церква в умовах незалежності української держави постійно демонструє високу динаміку свого зростання. Станом на 2008 рік вона складається з сорока трьох епархій, налічує приблизно десять тисяч дев'ястот громад і становить третину всіх зареєстрованих релігійних громад в Україні [8]. Якщо порівнювати з 2003 роком, то, за даними Держкомрелігій, Українська православна церква Московського патріархату на 1 січня 2003 року мала 10042 громади [9]. Від того часу збільшилася майже на 900 громад. Постійно збільшується рівень присутності УПЦ МП в інформаційному просторі. Українська православна церква та окремі її структурні підрозділи є засновниками 72 друкованих видань, з них 56 газет і 16 журналів. У віртуальному просторі церква представлена 67 інтернет-виданнями. Активно розвиваються зв'язки УПЦ МП з різними світськими засобами масової інформації, завдяки чому вона отримує все більший доступ до світської аудиторії. У свою чергу, українське суспільство отримало можливість дізнаватися про церковне життя з різних інформаційних джерел, а тому і рівень суспільної підтримки церкви є найбільшим серед інших установ і організацій. Якщо проаналізувати результати досліджень, проведених соціологічною службою Українського центру

економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумова за останні п'ять років, то показник сумарної відповіді «повністю довіряю», «скоріше довіряю» на питання «Чи довіряєте ви Церкві?» постійно зростає: 2003 рік – 59,1%, 2004 рік – 59,32%, 2005 рік – 59,45%, 2006 рік – 61,7%, 2007 рік – 63,42%, 2008 рік – 63,5%. Таким чином, можна говорити, що Українська православна церква може безперечно впливати на політичні погляди та громадянську позицію своїх віруючих.

У своїх виступах представники православного духовенства наголошують на тому, що церква не бере участі у політичній боротьбі. Така позиція зафіксована в «Основах соціальної концепції Української Православної Церкви»: «Неможливою є участь церковного Священноначалія і священнослужителів у діяльності політичних організацій, у передвиборних процесах, таких як підтримка політичних організацій або окремих кандидатів, які беруть участь у виборах, агітація і т. ін.» [10, с. 34]. Відповідно до українського законодавства церква відокремлена від держави. Конституція України (ст. 35) і Закон України «Про свободу совісті та релігійні організації» (ст. 3) закріпили положення про те, що релігійні організації не беруть участі в діяльності політичних партій, не надають їм фінансової підтримки та не висувають своїх представників до державних органів влади.

Однак реальна практика свідчить про політизацію церкви. Доктор філософських наук Віктор Єленський вважає, і автор підтримує цю думку, що релігійні організації завжди брали у виборах активну участь, а релігійні діячі – навіть висувалися [5]. Так, починаючи з 1990 року, під час докорінних політичних трансформацій в державі, священнослужителі взяли активну участь у парламентських виборах. З того часу церква часто виступає однією із складових процесу легітимації політичної влади; надаючи не тільки духовну підтримку владі, але і фінансову підтримку тим чи іншим політичним програмам. Так, у 1998 році УПЦ благословила на виборну

боротьбу за мандат депутата Верховної Ради України єпископа Вишгородського, намісника Києво-Печерської Лаври, Владика Павла (Лебеда), який у передвиборчий період у газеті «Голос України» № 48 (1798) від 13 березня 1998 р. заявив: «За бажанням кожний може детально ознайомитися з програмою, що я відстоюю. Вона в мене загальна з Партією регіонального відродження України, що заявлена у виборному бюлетені за № 2...». Тобто священик, що кілька років очолював найвеличнішу у східнослов'янській культурі релігійну святиню, виступає з відкритою підтримкою конкретної політичної сили, точніше «від імені цієї сили».

Напередодні наступних виборчих кампаній до законодавчого органу країни 2002 року, 2006-го і дострокових виборів 2007 року представники найбільших конфесій України публічно заявляли, що висуванці очолюваних ними об'єднань не балотуватимуться кандидатами у народні депутати. З цього приводу УПЦ МП посіла досить виважену позицію щодо участі у виборах своїх офіційних представників. Так, 10 березня 2006 р. конфесії Херсонської області, у тому числі представник Херсонської єпархії УПЦ МП, разом з держобладміністрацією підписали заяву про невтручання у передвиборчий процес. Така тактика була обрана й іншими православними єпархіями. На перший погляд, УПЦ МП дистанціювалася від політики, і це тільки на загальнодержавному рівні. Переймаючись насамперед невирішеністю майнового питання, церква зацікавлена мати власних висуванців у складі міських, обласних, районних, селищних та сільських рад, щоб через них лобювати свої інтереси: «...священнослужителі беруть участь у виборах до місцевих і обласних рад перш за все як відповідальні громадяни Української держави» [10]. Найбільш відомим випадком стало включення митрополита Одеського Агафангела до списку Партії регіонів на виборах до Одеської обласної ради під номером один, а також включення настоятельки жіночого монастиря УПЦ МП ігумені Серафими до списків згаданої партії на виборах до Одеської міської ради

під третім номером [12]. Участь православної церкви під час передвиборчих кампаній виявляється також у проведенні агітації, а саме в натяках в офіційних зверненнях православного духовенства до мирян й у застосуванні методів політичної пропаганди. З цього приводу С. Здіорук відзначає: «Надзвичайно брутальною з точки зору застосування методів політпропаганди священнослужителями видалася президентська кампанія 2004 року. Активно долучилася до цього Українська православна церква Московського патріархату. Однозначно підтримуючи тодішнього прем'єр-міністра В. Януковича, УПЦ МП вдавалася до відвертих наклепів на адресу кандидата від опозиції В. Ющенка» [13, с. 203].

Православне духовенство повністю усвідомлює той факт, що на церковне життя постійно впливають політичні процеси. І з офіційного боку намагається цьому протистояти. Напередодні парламентських виборів у 2006 році, але всього за три тижні до їх завершення, УПЦ МП та інші члени Всеукраїнської ради церков і релігійних організацій підписали під час зустрічі із Президентом України декларацію щодо невикористання авторитету церков і релігійних організацій у передвиборчій агітації. А в грудні 2007 року Українська православна церква провела Собор єпископів, на якому було порушено питання про політизацію церковного життя і пов'язаних з цим негативних наслідків. На ньому, за словами Митрополита Київського і Всея України, «...руководствуюсь пастирськими мотивами, Собор осудил так называемое «политическое православие», указав екстремистки настроенным силам в нашей Церкви на то, что их деятельность вредит церковным интересам» [8]. Але як ми бачимо з вищенаведених фактів, офіційна позиція УПЦ МП – не допускати політизації церковного середовища і не втягувати його у вир політичного протистояння – нерідко має розбіжність з фактичною позицією служителів православної церкви.

УПЦ МП також розуміє, що в сучасних суспільно-політичних умовах не можна зводити позицію християнина до

формули «Церква поза політикою», згідно з якою релігія є суто особистою справою громадянина, а вплив релігійних організацій має бути виключений з політичного і суспільного життя. Пояснити політичну активність церкви можна, виходячи з положень «Основ соціальної концепції Української Православної Церкви»: «...В історії Церкви чимало випадків загальноцерковної підтримки різноманітних політичних доктрин, поглядів, організацій і діячів. У деяких випадках така підтримка була пов'язана з необхідністю відстоювання нагальних інтересів Церкви в крайніх умовах антирелігійних гонінь, руйнівних і обмежувальних дій інославної і іновірної влади» [10, V. 2]. Таким чином, незважаючи на задеклароване, Московський патріархат вважає участь церкви і її священнослужителів у політичній діяльності можливою і допустимою. Водночас миряни заохочуються до активної участі в політичних процесах. Церква вважає, що ніщо не може бути перепорою для участі православних мирян в діяльності органів законодавчої, виконавчої і судової влади, політичних організацій. А якщо політична участь здійснюється з урахуванням віровчення церкви та її офіційною позицією щодо суспільних питань, то таку участь УПЦ МП вважає своєю місією в суспільстві. При цьому УПЦ МП наголошує в «Основах соціальної концепції» на тому, що «Миряне можуть і призвані, виконуючи свій громадянський обов'язок, брати участь в процесах, пов'язаних з виборами до влади всіх рівнів» [10]. Духовні діячі УПЦ розуміють: церква – це не лише Тіло Христове, а й соціальна інституція, що й пояснює тісний зв'язок між релігією і політикою. На думку Протоієрея Діонісія Мартишина, «...справжній християнин не може бути поза політикою як явищем, суспільним для усіх. Істинно релігійна людина повинна впроваджувати свої релігійні ідеали у всі сфери свого буття. Бо інакше Бог буде лише тільки десь глибоко у душі, а на практиці Його зовсім реально не буде у нашому соціумі» [11].

Духовенство УПЦ МП, як і інші лідери релігійних організацій, в сьогоденній Україні рідко використовують

прямі настанови або рекомендації щодо практичних політичних дій своїх вірян. Немає в розпорядженні дослідників достатньої кількості переконливих, документально підтверджених свідчень про політичні настанови УПЦ МП. Загальні декларації щодо лояльності церкви до української влади аж ніяк не свідчать про намагання політично керувати вірянами. Однак непрямі утаємничені, завуальовані організаційні дії окремих церковних діячів простежується за їх наслідками і політичним резонансом, наприклад, похід вірян УПЦ від Києво-Печерської Лаври до будівлі адміністрації Президента України із вимогами звільнити лаврські приміщення від сторонніх організацій. Слід зазначити, що священнослужителі сьогодні мають найбільшу довіру серед представників різних професій, за опитуванням Центру Разумкова у вересні 2006 р., їм повністю довіряють 26,6% респондентів, політикам – для порівняння – 1,9%, а це свідчить про те, що духовні діячі мають великі можливості щодо впливу на соціально-політичні позиції своїх мирян.

УПЦ МП та її духовні представники мають свою позицію щодо «акцій протесту», які проводяться різними політичними силами в Україні. Так, після подій «помаранчевої революції» Ігумен Гавриїл (Рибальченко), настоятель Спасо-Преображенського Новгород-Сіверського монастиря Чернігівської єпархії у статті «Про церковне відношення до влади і політичних акцій» висловив думку, що з позицій політико-ідеологічних та економічних суспільство завжди було і буде поділене на задоволених та незадоволених, на лояльних та тих, хто протестує, а тому Церква не може і не хоче відбирати у християнина та громадянина його право брати участь у суспільному та політичному житті, але при цьому вона закликає його до мудрості і розсудливості.

Позитивно православна церква ставиться й до створення та існування християнських (православних) політичних та громадських організацій, а також до християнських (православних) частин, які є складовою більш широких політичних

об'єднань. Водночас православна церква закликає такі організації радитися з нею і координувати дії у сфері суспільних питань [10, V. 4].

Після здобуття Україною незалежності у 1991 році було засновано першу офіційну політичну структуру – Українську християнсько-демократичну партію, яка стала фундаментом для інших християнських політичних партій, що згодом відокремилися: у 1992 році зі структур УХДП виокремилася Християнсько-демократична партія України. Протягом 1996–1998 років від ХДПУ відокремилися партії Християнсько-народний союз та Всеукраїнське об'єднання християн. У 2003 році – розпочався зворотний процес – процес об'єднання ХНС, ВОХ та УХДП в єдиний Християнсько-демократичний союз. У 1995 році в Україні було зареєстровано Всеукраїнську молодіжну громадську організацію «Християнсько-демократична молодь України», одними з головних завдань якої є поширення в суспільстві ідей християнської демократії, з метою виховання молоді в дусі українського традиціоналізму; сприяння діяльності політичних сил України, що відстоюють ідею реалізації державної політики на засадах християнської демократії. У 1999 році ВМГО ХДМУ ініціювала проведення З'їзду християнської молоді, в якому взяли участь Першоієрархи християнських церков разом з Президентом України і представниками виконавчої влади. На з'їзді обговорювалися питання залучення християнської молоді до соціальних проектів, координації зусиль щодо спільної боротьби з негативними явищами в молодіжному середовищі, питання християнської освіти, капеланства в армії та багато інших.

Протягом 1990-х років на Півдні і на Сході України, саме у тих регіонах, де УПЦ МП представлена більшістю своїх громад, створювалися і реєструвалися громадські організації, що не тільки відстоювали позиції канонічного православ'я, а й виступали з політичними вимогами, зокрема проти інтеграції України до НАТО та Євросоюзу тощо. Наприклад, «За Русь святу і віру православну», «Братство преп. Лаврентія

Чернігівського», Всеукраїнська громадська організація «Єдина Батьківщина», Всеукраїнський народний рух «ЗУБР» («За союз України, Білорусії і Росії»), Духовно-патріотична спілка «Новоросія», «Православна козака дружина України» та ін. Напередодні дострокових виборів до Верховної Ради у 2007 році почала діяти організація «Православний вибір», яка виступала від імені всіх вірян УПЦ МП. Вона запропонувала партіям, прихильним до цієї Церкви, підписатися під їх постулатами, за що вони обіцяли свою підтримку. Важливо окреслити зміст цих постулатів: підтримка канонічної Православної церкви Московського патріархату та захист її єдності з Російською православною церквою; відродження традиційної духовності та моральності в суспільстві; забезпечення дотримання закону про альтернативу ідентифікаційним кодам для фізичних осіб шляхом розробки реального механізму, який би давав змогу віруючим не приймати код або відмовлятися від нього за релігійними мотивами; заборона втягувати Україну в чужі цивілізаційні структури Заходу — НАТО та Євросоюз; надання державного статусу російській мові; здійснення політики, спрямованої на інтеграцію народів України, Росії та Білорусії. Але ці положення не торкнулися таких політично нейтральних позицій, як захист суспільної моралі, запровадження християнської етики в освіті, гарантування повернення екс-церковного майна і т. п. Натомість багато суто політичних вимог, які асоціюються з цілком конкретними політичними силами.

Політичні події в Україні так чи інакше стосуються церкви. УПЦ МП сьогодні повністю усвідомлює, що сучасний християнин одночасно є громадянином своєї держави й мирянином своєї церкви. А тому православна церква посідає позицію активного залучення своїх віруючих до участі в суспільно-політичних процесах держави. УПЦ МП підтримує участь своїх віруючих у виборчих процесах та в політичних акціях, якщо вони не суперечать інтересам самої православної церкви. Позитивно церква ставиться і до громадської діяль-

ності своїх мирян, а саме їх участі в роботі політичних партій, громадських організацій, спілках, суспільно-політичних рухах. Православна церква проповідує мир і співпрацю людей, які дотримуються різних політичних поглядів. Вона вважає за можливе наявність різних політичних переконань серед її єпископату, кліру та мирян. Православні миряни мають свободу вибору й висловлення своїх політичних переконань. Така позиція висловлюється в Соціальній концепції Православної церкви, офіційних зверненнях патріарха, митрополитів та інших уповноважених духовних осіб.

Сьогодні УПЦ МП має можливість впливати на політичну позицію своїх мирян, тому що рівень довіри до церкви і духовенства залишається найвищим серед інших структур і професій в державі, тому що наявні достатньо серйозні організаційні, людські та ідеологічні ресурси та існує інтерес і воля до цього. Ці можливості по-різному використовуються на різних етапах новітньої української історії, залежно від ситуацій та ставок в політичних іграх. Нерідко соціальна роль даної конфесії мала ознаки амбівалентності. Декларована позиція УПЦ МП щодо неучасті православного духовенства у політичній боротьбі часто відрізняється від її практичної діяльності. Ієрархи та священники УПЦ МП беруть активну, проте здебільшого «завуальовану» участь у виборчих процесах та політичних кампаніях в країні, що може трактуватися як підтримка конкретних політичних сил та навіть порушення певних положень українського законодавства щодо церкви.

Список літератури

1. Здіорук С. І. Суспільно-релігійні відносини: виклики України XXI століття / С. І. Здіорук. – К. : Знання України, 2005. – 552 с.
2. Здіорук С. І. Стратегічні аспекти національно-культурної політики України / С. І. Здіорук, Б. О. Парахонський, О. Л. Валвський. – К., 1995. – 447 с.
3. Яроцький Н. Проблеми Церкви в секулярному, плюралістично-ідейному суспільстві / Н. Яроцький // Релігійна свобода. Релігія і Церква

в Україні: уроки минулого і проблеми сьогодення : наук. щорічник. — К., 2003. — № 7. — С. 34–43.

4. Бондаренко В. Релігійне життя в сучасній Україні: стан, тенденції та проблеми розвитку / В. Бондаренко // Наук. зап. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія : зб. наук. пр — К. : КНУ ім. М. П. Драгоманова, 2004. — № 14. — С. 38.

5. Єленський В. Релігія, демократизація та суспільний розвиток у посткомуністичному світі: Україна / В. Єленський // Релігія та суспільство в Україні: фактори змін : матеріали Міжнар. конф. 15–16 трав. 1998 р. — К., 1998. — С. 31.

6. Саган О. Моделі державно-церковних взаємин в світовій історичній ретроспективі / О. Саган // Акт. пробл. держав.-церков. відносин в Україні : наук. зб. — К. : ВІП, 2001. — С. 65–68.

7. Кальниш Ю. Державно-церковні відносини: історія розвитку і сучасна політична типологізація / Ю. Кальниш // Акт. пробл. держ.-церков. відносин в Україні. — К. : ВІП, 2001. — С. 198–200.

8. Православие в Украине на рубеже эпох. Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Владимира [Електронний ресурс] // Вісник УПЦ. — 2008. — № 83. — Режим доступу : http://www.pravoslavyy.org.ua/index.php?r_type=article&action=fullinfo&id=21964.

9. Державна статистика релігій в Україні (дані Державного комітету/департаменту України у справах релігій) [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.risu.org.ua/ukr/resources/statistics/>

10. Основи соціальної концепції Української Православної Церкви. — К. : Інформ.-вид. центр УПЦ, 2002. — 78 с.

11. Політика в житті християнина. Протоієрей Діонісій Мартишин [Електронний ресурс] // Вісн. УПЦ. — 2008. — № 82. — Режим доступу : http://www.pravoslavyy.org.ua/index.php?r_type=article&action=fullinfo&id=21964.

12. Яроцький П. Релігійний фактор у сучасній Україні / П. Яроцький // Людина і світ. — 2004. — № 4. — С. 2–8.

13. Здіорук С. І. Гуманітарна політика Української держави в новітній період / С. І. Здіорук. — К. : НІСД, 2006. — 403 с.

Резюме

В статье рассматривается позиция церковных иерархов Украинской православной церкви Московского патриархата, касающаяся гражданской активности мирян в современных политических условиях.

Исследуется соотношение и совпадение практической деятельности православной церкви с ее задекларированной позицией. Автор также поднимает вопрос о возможном влиянии УПЦ МП на общественно-политическую жизнь современной Украины.

Summary

The article analyses the standpoint church hierarchs of the Ukrainian Orthodox Church activity of the Moscow patriarchy concerning the civil activity of laity under modern political conditions. The conformity of the Orthodox Church practical activity to its proclaimed standpoint is examined. The author raises the problem of a possible impact of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow patriarchy on the socio-political life of Ukraine.

УДК 351.711:332.83

*А. В. Михайленко***ОСОБЛИВОСТІ ІНВЕСТУВАННЯ У БУДІВНИЦТВО
НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ**

Ключові слова: переваги і недоліки механізмів залучення інвестицій у будівництво, оцінки інвестиційної привабливості, оцінки об'єктів інвестування.

На сучасному етапі в умовах дефіциту фінансових ресурсів основною проблемою для будівельних компаній є проблема залучення інвестицій. В умовах кризи з'являється необхідність застосування найбільш приємніших та прозорих механізмів оцінки об'єктів інвестування, що мінімізують ступінь ризику для потенційних інвесторів.

Проблеми інвестування будівництва із застосуванням діючих механізмів – фондів фінансування будівництва (ФФБ), фондів операцій із нерухомістю (ФОН), облігацій досліджували В. Оніщенко, Т. Момот, І. Чалий та інші вчені.

У даному дослідженні ставиться завдання проаналізувати законодавчо закріплені фінансові механізми інвестування будівництва, зокрема розглянути особливості залучення коштів за допомогою ФФБ, ФОН та облігацій, істотні переваги і недоліки вказаних механізмів, подальші шляхи їх застосування.

Функціонування і діяльність ФФБ та ФОН регулюється Законом України «Про фінансово-кредитні механізми і управління майном при будівництві житла і операції з нерухомістю» [1].

У діяльності ФФБ беруть участь такі особи:

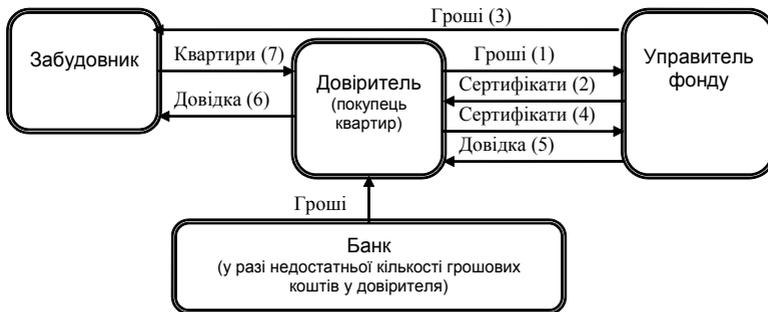

Рис. 1. Схема взаємодії між учасниками фонду фінансування будівництва

Необхідно відзначити, що право на отримання нерухомості підтверджується шляхом укладання договору та свідоцтвом ФФБ, в якому вказуються всі важливі характеристики об'єкта нерухомості а також відомості відносно термінів перерахування інвестиційних коштів до ФФБ.

У випадку, коли інвестор не виконав зобов'язання щодо перерахування коштів до ФФБ, право на отримання об'єкта нерухомості може бути перепродано за ринковою ціною іншому інвесторові, або грошові кошти, внесені за об'єкт раніше, можуть бути повернені управителем у повному обсязі.

Згідно із Законом України «Про фінансово-кредитні механізми і управління майном при будівництві житла і операції з нерухомістю» виділяють ФФБ двох видів:

- вид А – у фонді такого типу основні функції, а саме встановлення поточної ціни, прийняття ризиків у разі недостатності коштів на завершення об'єкта, обов'язок щодо своєчасного введення в експлуатацію бере на себе забудовник;
- вид Б – у фонді такого типу основні функції бере на себе управитель.

Рис. 2. Відмінні риси ФФБ типу А та типу Б

Схема інвестування з використанням ФФБ виду Б найменш ризикована для інвесторів, оскільки:

- ФФБ може створити виключно фінансова установа, до якої ставляться особливі вимоги за розміром статутного капіталу та іншими параметрами;
- управитель здійснює моніторинг забудовника в процесі всього ходу будівництва об'єкта нерухомості;
- у разі виявлення управителем порушень, фінансування будівництва може припинитися. У цьому випадку забудовник повертає всі направлені на фінансування будівництва кошти, а управитель для продовження будівництва має право укласти договір з іншим забудовником.

Але ж у ФФБ типу Б забудовник цілком підпорядкований управителю, виконує функції виключно щодо зведення об'єктів будівництва, не вирішуючи ключові питання маркетингової політики, фінансові питання відносно будівництва об'єкта.

Тому для будівельних компаній пріоритетним видом ФФБ є вид А, який дозволяє контролювати процес будівництва, починаючи зі стадії проектування, на якій вирішуються споживчі якості об'єкта, впливати на цінову політику. Безпосередня вирішальна участь на кожній стадії будівництва

підвищує відповідальність забудовників, призводить до більш жорсткого контролювання процесу будівництва.

Слід відзначити, що при застосуванні ФФБ типу А існують і деякі проблеми правового характеру, пов'язані із взаємодією управителя і забудовника щодо контролювання фінансових ресурсів. Одна з них полягає в тому, що грошові кошти від інвесторів та подальше їх вкладення в об'єкт будівництва здійснює управитель, а ризикує у разі недостатності таких коштів на спорудження об'єкта забудовник. За таких умов має бути чітко встановлений порядок контролю забудовника за спрямуванням коштів на інвестування будівництва.

Розглядаючи діяльність ФОН, необхідно підкреслити, що він значно відрізняється від діяльності ФФБ. ФОН – це інвестиційний фонд, який вкладає гроші безпосередньо в будівництво [2]. Метою вкладення коштів інвесторами є отримання доходу від нерухомості. Тобто управитель ФОН інвестує кошти інвесторів в операції з нерухомістю, отримує дохід від цих операцій і розподіляє отриманий дохід між власниками сертифікатів ФОН. Важливо підкреслити, що управитель ФОН може проводити будь-які операції з нерухомістю на свій розсуд з метою отримання максимального доходу власниками сертифікатів. Фонд операцій з нерухомістю не є юридичною особою і може бути створений виключно фінансовою установою. Саме управитель – фінансова установа, що діє на користь інвесторів, і здійснюючи управління інвестованими коштами, розробляє правила ФОН, інвестиційну декларацію, проводить емісію сертифікатів ФОН та вкладає отримані кошти в будівництво.

Механізм інвестування будівництва із залученням ФОН надає певні можливості для інвесторів і більше відповідає економічному змісту поняття «інвестування», ніж механізм інвестування із залученням ФФБ, оскільки:

– розміщення сертифікатів здійснюється шляхом відкритого або закритого продажу, і власником сертифікатів ФОН може бути будь-яка юридична або фізична особа, яка бажає

інвестувати грошові кошти в нерухомість з метою отримання інвестиційного доходу, без безпосереднього придбання об'єктів нерухомості;

– сертифікати ФОН є цінними паперами і можуть надалі вільно купуватися і продаватися на фондовому ринку, юридичні і фізичні особи мають право купувати і продавати сертифікати ФОН за ринковою ціною і здійснювати з ними будь-які операції, які не суперечать умовам випуску;

– інвестори отримують інвестиційний дохід, який розподіляється між ними як різниця між виручкою від продажу об'єкта нерухомості за ринковими цінами і внесками інвесторів.

Взаємодія ФОН з інвесторами і забудовником відображена на рис. 3.

Для інвесторів схема використання ФОН достатньо безпечна, оскільки операції, які здійснюються ФОН, підлягають страхуванню, а у разі виявлення управителем ФОН ризику порушень умов договору – безпідставного порушення термінів

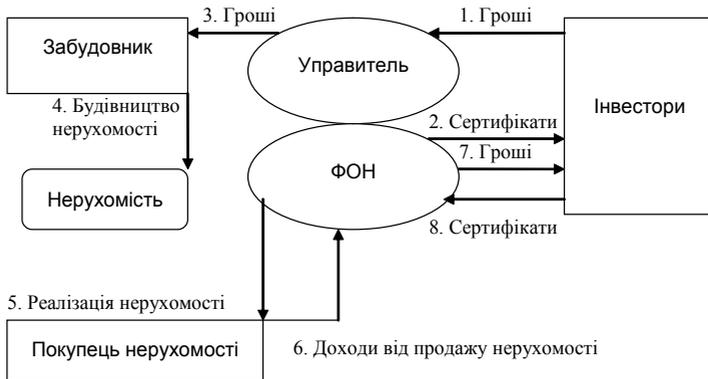

Рис. 3. Механізм інвестування будівництва із залученням ФОН

будівництва, якості об'єкта, що будується, управитель має право припинити фінансування будівництва, вимагати розірвання договору і повернення всіх коштів, направлених на фінансування будівництва. Надалі для продовження будівництва управитель має право укласти договір з іншим забудовником. Крім того, емісія сертифікатів ФОН може бути здійснена при виконанні достатньо жорстких вимог до статутного капіталу управителя ФОН. Тобто загальна вартість сертифікатів ФОН не може перевищувати більш ніж у 50 разів розміру власного капіталу управителя, при цьому загальний обсяг сертифікатів ФОН має бути в сумі, еквівалентній не менше ніж 100 тис. євро. Окрім цього, випуск сертифікатів ФОН здійснюється з обов'язковою реєстрацією їх випуску у Державній комісії з цінних паперів та фондового ринку.

Дотримання цих вимог, посилений державний контроль за випуском сертифікатів дозволить відшкодувати інвесторам у разі виникнення непередбачених обставин вартість сертифікатів.

Однак при використанні ФОН будівельна компанія фактично виконує чітко встановлені і регламентовані договором функції, пов'язані виключно із будівництвом нерухомості. Інвестиційні прибутки, пов'язані із об'єктами нерухомості, отримує управитель ФОН, який надалі здійснює їх розподілення між власниками сертифікатів ФОН. Таким чином, при застосуванні вказаного механізму будівельна компанія — це не основний учасник інвестиційного процесу, а лише допоміжна ланка у будівництві об'єктів. За таких умов постає питання про економічну недоцільність участі будівельних компаній у інвестиційних процесах.

Окрім ФФБ та ФОН, можливо використовувати механізм інвестування шляхом випуску облігацій. Це один із найбільш поширених на сьогоднішній момент механізмів залучення інвестицій.

Випуск облігацій регламентується Законом України «Про цінні папери і фондовий ринок» [3]. В цьому механізмі беруть

участь безпосередньо тільки дві сторони – будівельна компанія і інвестор-покупець квартир. Для залучення коштів в будівництво укладається договір інвестування шляхом випуску безвідсоткових (цільових) облігацій, в якому вказуються умови погашення облігацій товарами або послугами.

Схема взаємодії сторін при застосуванні даного механізму така:

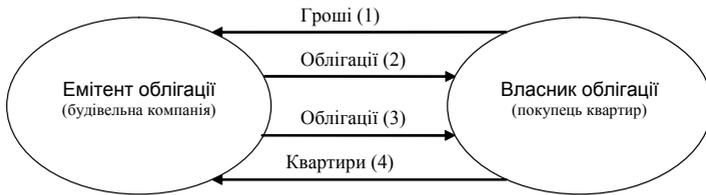

Рис. 4. Взаємодія сторін під час випуску і погашення облігацій

Переваги інвестування шляхом випуску облігацій такі:

- облігації мають право випускати безпосередньо будівельні компанії-емітенти без залучень до даної схеми управителів, що запобігає витрачання коштів на їх послуги у вигляді винагороди;

- розмір емісії облігації не може перевищувати 100% статутного капіталу емітента, що знижує ризик неплатежів за облігаціями у разі форс-мажорних обставин, тобто у разі вимоги емітент може погасити облігації за рахунок статутного капіталу;

- чітко встановлена відповідальність емітента, що підвищує ступінь довіри покупців;

- номінальна вартість облігацій фіксується під час випуску і надалі не може змінюватися;

- облігація може бути продана іншій особі, при цьому покупець облігацій отримує право власності на придбання нерухомості.

Таким чином, якщо на певному етапі інвестор з будь-яких причин вирішив відмовитися від участі у процесі інвестування, він може продати свої облігації та отримати за сприятливих умов інвестиційні прибутки.

Слід відзначити, що на державному рівні також ведеться певний контроль за випуском облігацій, оскільки обіг облігацій здійснюється тільки після реєстрації Державною комісією з цінних паперів і фондового ринку звіту про результати розміщення облігацій і видачі свідоцтва про реєстрацію випуску облігацій.

Але ж в кризових умовах інвестування у будівництво за допомогою вказаних шляхів є достатньо ризикованим для інвесторів, що, у свою чергу, призводить до скорочення фінансування будівництва та згорання будівельних робіт на деяких об'єктах. Тобто інвестор повинен мати можливість проводити оцінку інвестиційної привабливості об'єктів будівництва за чітко встановленими критеріями. За таких умов необхідна розробка системи комплексної оцінки інвестиційної привабливості об'єктів будівництва, яка була б достатньо прозорою, враховувала показники надійності забудовників, управляючих, оцінку безпосередньо об'єкта будівництва та дозволяла потенційним інвесторам проаналізувати перспективи вкладення коштів та вибрати найбільш привабливий варіант інвестування.

Шляхом використання комплексної системи можливо буде провести безпосередній зв'язок між розміром інвестицій, ризиком, який несе інвестор, та інвестиційною привабливістю об'єкта будівництва, яка безпосередньо залежить від класу житла, регіону, в якому розташоване житло, а також від економічних, політичних, демографічних, соціокультурних, екологічних та низки інших чинників, які неможливо не враховувати під час приймання рішення щодо інвестування.

Список літератури

1. Про фінансово-кредитні механізми і управління майном при будівництві житла і операції з нерухомістю : Закон України від 19.06.2003 р. № 978-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.rada.kiev.ua>.
2. Чалий І. Довірче управління коштами в системі фінансування будівництва / І. Чалий. – Х. : Фактор, 2007. – 400 с.
3. Про цінні папери і фондовий ринок : Закон України від 23.02.2006 р. № 3480-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.rada.kiev.ua>

Резюме

В статье рассматриваются проблемы применения, преимущества и недостатки законодательно закрепленных механизмов привлечения инвестиций в строительство. Анализируются пути усовершенствования оценки инвестиционной привлекательности в строительство жилья с целью создания более прозрачных условий для инвесторов.

Summary

The problems of application, advantages and disadvantages of lawful mechanisms of encouraging investments in building are considered in the article. The ways of improving the evaluation of encouraging investments in house building with the purpose of creating most transparent terms for investors are analyzed.

УДК 316

А. Н. Митина

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛА – ЗАЛОГ УСПЕХА СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: приверженность, персонал, организация, лояльность, эффективность руководства.

С конца прошлого века структура организаций стала претерпевать существенные изменения, в основу которых легла необходимость построения максимально отлаженной и легко координируемой, но в то же время достаточно гибкой модели управления. По мнению западных ученых, «начало процессу было положено социальными изменениями, которые возникли задолго до этого и в конечном счете привели к демократизации общества. Прежде всего, это относится к осознанию человеком принципов свободы, проявившемуся не только в политической и социальной сферах, но и в отношении к труду» [2, с. 12].

Сегодня очевидно, что данные принципы распространяются на все элементы социума и имеют свое конкретизированное выражение в современных организациях. Другими словами, «общая цель управления человеческими ресурсами заключается в том, чтобы организация смогла добиться успеха с помощью своих сотрудников» [1, с. 39].

В современном обществе, для которого характерны нестабильность, постоянные инновации, креативные технологии и пр., основополагающим фактором эффективности, на мой взгляд, является персонал организации. Именно персонал – самоотверженный, лояльный, высококвалифицированный, талантливый, инициативный, склонный к инновациям, готовый самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, ориентированный на долгосрочное сотрудничество, формирует успешность организации. И принципиальную роль в этом играет приверженность персонала.

Изучению этого круга вопросов посвящены работы М. Армстронга, М. Портера, Дж. Салансика, Дж. Гринберга, Р. Бейрона, Я. Фитц-енца, Т. Кочана, Л. Дайера и других, которые в первую очередь направляют свой исследовательский интерес на понимание сущности феномена приверженности. Однако утверждать, что данные исследования на сегодняшний день носят завершённый характер и адаптированы к практике управления, в частности в Украине, нельзя. Поэтому целью статьи является дальнейшее исследование сущности приверженности персонала и ее значения для успеха современной организации.

Что же характеризует понятие «приверженность»? Существуют различные определения приверженности. В Оксфордском словаре (The Oxford English Dictionary) сказано, что человек демонстрирует приверженность, если испытывает моральную верность (доктрине или делу).

Согласно определению М. Портера (1974), приверженность связана с привязанностью и лояльностью. Это то, насколько сильно человек отождествляет себя с данной конкретной организацией и насколько он вовлечен в нее. При этом приверженность включает в себя три компонента:

- сильное желание оставаться членом организации;
- глубокую веру в ценности и цели организации и согласие с ними;
- готовность делать значительные усилия во благо организации.

Еще одно, хотя и тесно связанное с предыдущими, определение акцентирует значение поведения в формировании приверженности. Как указывал в этой связи Дж. Салансик (1977), «приверженность – это состояние, при котором действия человека зависят от убеждений, поддерживающих его деятельность и его собственную причастность» [1, с. 267–268]. Здесь, по его мнению, важны три черты поведения: заметность действий, степень неизменности результатов и степень осознанности, с которой человек предпринимает действия.

Приверженность, согласно Салансику, можно усилить и направить «на поддержку организационных целей и интересов». Для этого подходят такие методы, как участие в принятии решений, касающихся деятельности организации.

Сегодня концепция организационной приверженности рассматривает степень сопричастности людей с организацией, а также их заинтересованности в продолжении совместного сотрудничества. «Это важное отношение может совершенно не быть связанным с удовлетворенностью работой. Например, медицинской сестре может действительно нравиться выполняемая ей работа, но не нравится больница, в которой она работает, что заставляет ее заняться поисками аналогичной работы в другом месте» [3, с. 214].

Приверженность работника к организации характеризуется, на мой взгляд, следующими показателями:

- отождествление целей и ценностей организации со своими собственными;
- восприятие организации не в качестве формального института и выполнения должностных обязанностей, а как чего-то большего, эмоционально окрашенного, аналогичного «семье»;
- отсутствие стремления покинуть организацию, даже когда это противоречит личной выгоде;
- способность жертвовать личными интересами во благо организации бескорыстно.

Многие руководители организаций стремятся формировать и развивать приверженность сотрудников всевозможными методами. К таким методам Джеральд Гринберг и Роберт Бейрон относят следующие [3, с. 213–214]:

1. Привнесение в работу радости. Люди испытывают большую удовлетворенность от выполнения не скучной и унылой работы, а той, которая доставляет радость. Несмотря на то что некоторые виды работ являются рутинными по своей сути, некоторую степень веселья можно внести практически в любую профессию.

2. Плата сотрудникам по объективным критериям. Люди, подозревающие несправедливость в подходе организации к оплате труда, скорее всего будут неудовлетворены своей работой. Это относится не только к окладам или почасовой оплате труда, но и к различным дополнительным льготам. В соответствии с теорией ценности, если люди чувствуют, что их труд оплачивается должным образом и им предоставляется возможность выбора из тех или иных социальных льгот, удовлетворенность от работы только возрастает.

3. Поручение людям работы в соответствии с их интересами. Чем сильнее люди ощущают, что выполняемая ими работа позволяет им раскрыть свои интересы, тем большую удовлетворенность они будут от нее испытывать.

4. Избегание монотонной, однообразной работы. Большинство людей не находят удовлетворения в выполнении монотонной и однообразной работы. Согласно двухфакторной теории, люди испытывают гораздо большее удовлетворение при выполнении работы, позволяющей им добиваться успеха путем полностью самостоятельного контроля над тем, как они работают.

Как отмечают ученые, «хотя развивать удовлетворенность работой необходимо постоянно, во время экономического кризиса, когда теряется уверенность и ослабляется моральный дух, а неопределенность завтрашнего дня господствует в умах людей, это приобретает особое значение» [3, с. 214].

Удовлетворенность работой непосредственно влияет на приверженность сотрудников. Не могу не согласиться с эффективностью вышеперечисленных методов в формировании и развитии приверженности в коллективе, так как на собственном опыте наблюдаю ежедневно данные процессы. Причем руководством нашей компании применяются все перечисленные методы, и настолько успешно, что не только сотрудники, проработавшие длительный период времени в компании, но и новички становятся приверженными организации.

В итоге, теоретические конструкции и практический опыт позволяют нам утверждать, что степень выраженности органи-

зационной приверженности зависит не столько от личных особенностей сотрудников, сколько в первую очередь от личностных качеств руководителей компании. Наиболее эффективным является не искусственное формирование руководством приверженности в коллективе, а демонстрация на личном примере, то есть если руководящий состав в действительности привержен компании, то процесс формирования приверженности у сотрудников будет вполне естественным и более эффективным.

Аналогичным образом Я. Фитц-енц утверждает, что «просвещенные руководители борются за то, чтобы выстроить институт продолжительного успеха и стоимости методом приверженности к долгосрочной базовой стратегии. При таком подходе к изменениям относятся как к средству постоянного обновления. Однако изменение должно происходить в структуре и процессах, не меняя стратегической приверженности всех участвующих в деятельности организации. Изменения зависят от включения приверженности в видимое поведение и результаты» [4, с. 73].

При формировании организационной приверженности необходимо учитывать тот факт, что существует несколько ее разновидностей:

- **Продолжительная приверженность** — устойчивость желания человека продолжать свою работу в какой-либо организации по той причине, что он вынужден делать это и не может позволить себе уйти с работы. Сейчас встречается достаточно редко (раньше в системе пожизненного найма).

- **Аффективная приверженность** — устойчивость желания человека продолжать работать в одной организации по причине согласия с основополагающими целями и ценностями компании. Люди, ощущающие высокую степень аффективной приверженности, испытывают желание оставаться в своей компании, поскольку они поддерживают принципы, отстаиваемые организацией, и стремятся внести свой вклад в претворение в жизнь миссии компании.

• *Нормативная приверженность* отражает чувство обязанности оставаться в организации из-за оказываемого на них давления со стороны других людей. Люди, обладающие высоким уровнем нормативной приверженности, придают большое значение тому, что подумают люди об их уходе с работы. Они не хотят разочаровывать своего работодателя и озабочены тем, что их коллеги по работе могут из-за их увольнения составить о них плохое мнение [3, с. 216–218].

Наиболее ценной, устойчивой и эффективной среди перечисленных разновидностей организационной приверженности является аффективная. Поэтому в практической деятельности ориентироваться нужно именно на нее. Также необходимо отметить, что степень выраженности организационной приверженности намного выше в мелких организациях (до 1000 чел.) по сравнению с крупными. На мой взгляд, чем меньше организация, тем легче и естественней функционирует организационная приверженность, так как коллектив более дружен и сплочен.

При формировании приверженности в организации необходимо учитывать факторы, влияющие на нее. Т. Кочан и Л. Дайер (1993) предположили, что взаимной приверженностью управляют следующие принципы:

1. Стратегический уровень:

- поддерживающие организационные стратегии;
- ценность приверженности для высшего руководства;
- эффективное участие человеческих ресурсов в создании стратегий и управлении.

2. Функциональный уровень (стратегия человеческих ресурсов):

- набор персонала, основанный на постоянной занятости;
- инвестиции в обучение и развитие;
- дополнительное вознаграждение, которое усиливает участие, сотрудничество и содействие.

3. Рабочий уровень:

- отбор, основанный на высоких стандартах;

- широкий круг обязанностей и командная работа;
- вовлеченность работников в решение проблем;
- атмосфера сотрудничества и доверия.

Особый интерес представляют и эмпирические исследования приверженности. Например, Перселл с соавторами провели исследование ключевой политики и факторов практической работы, оказывающих влияние на приверженность. В результате выяснилось, что приверженность повышалась, если сотрудники:

- проходили обучение в течение последних 12 месяцев;
- были удовлетворены возможностями карьерного роста;
- были довольны системой оценки показателей труда;
- считали, что менеджеры хорошо управляют и руководят людьми;
- свою работу воспринимали как трудную, но интересную;
- полагали, что их организация помогает им добиться необходимого баланса между работой и личной жизнью;
- были удовлетворены коммуникацией или показателями работы компании.

В ходе опроса IRS (2004) удалось выяснить, что на удовлетворение работников и приверженность влияют пять основных факторов: отношения с менеджером – 63%, отношения с коллегами – 60%, качество работы линейных руководителей – 62%, получение признания за сделанный вклад – 56%, явное и уверенное руководство [1, с. 274].

Необходимо отметить, что уровень развития приверженности в коллективе является индикатором эффективности руководства, так как показывает, насколько хорошо реагируют работники на требования, установленные руководством. Моральные стандарты, которых придерживаются работники, в основном, не являются отражением их индивидуальных особенностей, это, скорее, отражение качества руководства, устанавливающего стандарты деятельности и поведения работников в организации.

Учитывая все рассмотренные выше особенности организационной приверженности, хочу отметить, что процесс формирования и развития приверженности в компании достаточно сложен и трудоемок, но крайне необходим для нормального функционирования компании. Руководителям современных организаций, которые хотят максимально использовать потенциал своих сотрудников, стоит задуматься о степени выраженности приверженности в их компании и стремиться повышать ее.

Список литературы

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг ; пер. с англ. ; под ред. С. К. Мордовина. — 10-е изд. — СПб. : Питер 2009. — 848 с.
2. Малоун Т. У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь / Т. У. Малоун ; пер. с англ. — М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. — 272 с.
3. Гринберг Дж. Организационное поведение: от теории к практике / Джеральд Гринберг, Роберт Бейрон / [пер. с англ.: О. В. Бредихина, В. Д. Соколова]. — М. : Вершина, 2004. — 912 с.
4. Фитц-енц Я. Рентабельность инвестиций в персонал: Измерение экономической ценности персонала / Як Фитц-енц ; пер. с англ.: (Меньшикова М. С., Леонова Ю. П.) ; под общ. ред. В. И. Ярных. — М. : Вершина, 2006. — 320 с.

Резюме

У статті проведено теоретичне дослідження сутності відданості персоналу організації. Здійснено систематизацію підходів до трактування цього феномена та подано його авторське розуміння. Наведено показники відданості персоналу та приклади її емпіричного виміру в сучасних організаціях.

Summary

In the article theoretical studies of the essence of the adherence of personnel is carried out. The systematization of approaches to this phenomenon is realized and its author's understanding are given. Indicators of the adherence of personnel and examples of its empirical measurement in the contemporary organizations are given.

УДК 316.334.3

Д. В. Подлесный

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ОБЩЕСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: глобализация, международные организации, политическая система, национальное государство, транснациональные корпорации, политические режимы, политические идеологии.

В последнее время проблема глобализации приобрела статус одной из наиболее распространенных тем научных исследований гуманитарной направленности. Многогранность и противоречивость этого явления, его огромное влияние на социокультурное развитие современного общества вполне заслуженно привлекают к нему внимание все большего количества отечественных и зарубежных философов, социологов, экономистов. Несмотря на это, можем констатировать, что социально-политической компоненте глобализации в отечественной научной литературе уделяется гораздо меньше внимания, нежели экономической или культурной. А ведь в то же время именно политика является тем всепроникающим социальным феноменом, который оказывает решающее влияние на многие сферы жизни общества.

Естественно, вышесказанное не свидетельствует о том, что социально-политические факторы глобализации не исследовались вообще. В частности, отдельные аспекты проблемы глобализации были освещены во всемирно известных работах С. Хантингтона [1], Ф. Фукуямы [2] и других западных ученых. Нельзя не отметить и большой вклад в разработку этой темы известных российских социологов А. А. Галкина [3], М. О. Мнацаканяна [4]. В то же время в условиях острых научных дискуссий между противниками и сторонниками глобализации так и не было выработано общих подходов

к анализу и оценке проявлений данного процесса в политической сфере. Таким образом, статья представляет собой попытку комплексно и объективно осветить влияние глобализации на политическую систему общества.

Рассмотрение вопроса, которому посвящена статья, целесообразно начать с раскрытия наиболее актуальной проблемы политической глобализации, а именно, соотношения национальное государство – международная организация. Сама суть глобализации теоретически должна предполагать, что по мере нарастания факторов международного значения национальные государства должны делегировать все большее количество своих функций международным организациям. Такой постулат и сейчас продолжает отстаивать западная политология (в частности, известный американский ученый-политолог Э. Хейвуд отмечает, что «политическую глобализацию мы видим прежде всего в растущем значении международных организаций») [5, с. 175]. Однако современные тенденции международных отношений убедительно опровергают эту точку зрения. В этом плане показательными являются условия, сложившиеся вокруг высшей международной организации современного мира – ООН, Генеральная Ассамблея которой формально уполномочена решать наиболее важные вопросы мировой политики – вплоть до проблемы войны и мира. Однако, как показывает практика, надежды, возложенные на эту организацию, столь же несостоятельны, как и межвоенная вера в то, что создание Лиги наций способно предупредить следующую мировую войну. Примером этого могут служить последние военные акции НАТО в Косово или Ираке, которые произошли без соответствующей санкции Генеральной Ассамблеи. Более того, стремясь хотя бы формально поддерживать свой имидж, руководство ООН часто вынуждено идти в кильватере внешней политики мировых сверхдержав, и прежде всего США. Что касается региональных наднациональных политических институтов, в том числе и Евросоюза, то они также не способны скоординировать позицию своих

наиболее влиятельных членов. Достаточно вспомнить тот факт, что Франция и ФРГ, вопреки позиции большинства членов ЕС (в том числе и Великобритании), выступили в роли посредников и признали невыгодный для последних довоенный статус-кво при урегулировании грузино-осетинского конфликта 2008 года.

Такое положение дел побуждает нас, с небольшой оговоркой, согласиться с одним из ведущих современных исследователей глобального лидерства американским политологом Д. Модельски, который утверждает, что «глобальный интерес в основном вращается не вокруг международных организаций, в том числе и ООН, а вокруг лидерства США» [6, с. 133]. Оговорка в данном случае будет состоять лишь в том, что помимо США эта фраза может быть применима к любому из современных центров силы, прежде всего к ведущим странам Западной Европы, Китаю и Российской Федерации.

Таким образом, ведущими акторами мировой политики на данный момент продолжают являться не международные политические альянсы, а все те же национальные государства, обретшие статус сверхдержав. Учитывая же то, что в социально-экономической и культурной сфере глобализация исповедует, соответственно, так называемую неолиберальную экономику и западный образ жизни, круг главных политических субъектов глобализации можно свести к ведущим странам западного мира, и прежде всего к США. Последнее, в частности, подтверждается тем, что США стоят во главе наиболее активной на данный момент международной организации – военно-политического блока НАТО, который только за последние 10 лет провел 5 полномасштабных военных кампаний и принял в свои ряды 12 членов – государств Центральной и Южной Европы. Не стоит забывать и о том, что центральные офисы целого ряда транснациональных корпораций (General Motors, Microsoft, Shell, Mc Donald's и т. д.) располагаются именно в этом государстве. При этом, говоря о транснациональных корпорациях, необходимо сказать, что благодаря такой

распространенной на современном этапе политической технологии, как лоббизм, они стали полноценными субъектами не только экономической, но и социально-политической глобализации. Ярким примером в данном случае может служить то, что последняя иракская кампания НАТО была осуществлена, в том числе, и в интересах ведущих западных энергетических корпораций, имеющих статус транснациональных (Texas oil, British petroleum и др.).

С проблемой выделения главных субъектов политической глобализации тесно связана другая ключевая тема научных исследований данного направления – проблема влияния глобализации на становление и развитие политических режимов современного мира. Известный американский философ, социолог и политолог Ф. Фукуяма в своем широко известном труде «Конец истории» утверждает, что процесс глобализации, связанный с распространением рыночного капитализма, сопровождается всеобщим распространением демократии [2]. Такое мнение неразрывно связано с догмами классического либерализма, согласно которым наличие демократии в обществе зависит от уровня становления в нем рыночных отношений, которые предполагают экономическую, и, соответственно, политическую свободу личности.

Вопреки таким оптимистическим прогнозам на будущее, ряд известных ученых, в том числе и западных, признают, что на современном этапе глобализация может быть не только не сопоставима с распространением демократии, но и нести угрозу установления недемократических режимов в развивающихся странах. Тот же Э. Хейвуд говорит о том, что глобализация может быть враждебна демократии исходя из двух факторов. Во-первых, ведущие транснациональные корпорации располагают гораздо большими властными ресурсами, нежели государства так называемого третьего мира и, таким образом, могут навязывать правительствам данных государств свою волю. Во-вторых, темпы экономической глобализации намного опережают темпы глобализации политической, то есть

международные политические организации на данном этапе не способны контролировать действия соответствующих экономических институтов [5, с. 179–180]. К этому утверждению Э. Хейвуда необходимо добавить и выдвинутый выше тезис о неподконтрольности международным организациям ведущих национальных государств. С этой точки зрения, отдельные аспекты деятельности современных акторов глобализации напоминают мягкое проявление политики колониализма, которое предполагает насаждение в условных колониях марионеточных авторитарных режимов, которые облегчают контроль над их рынками со стороны метрополии. В этом контексте очень актуальным является приведенный А. Галкиным пример относительно, так называемых, цветных революций середины 2000-х годов на постсоветском пространстве, прежде всего «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» в Украине [3, с. 69]. Эти события, прошедшие под лозунгами воцарения демократии и западного образа жизни и официально поддержанные западным миром, и, прежде всего США, привели к полному крушению политических систем этих государств, что обернулось перманентным политическим кризисом в этих странах, одним из рисков которого может стать (и частично уже стало, о чем говорят те же силовые акции против оппозиционных митингов в Грузии) становление на их территории жестких авторитарных режимов.

Как уже упоминалось выше, большой интерес представляет не только институциональный, но и поведенческий аспект политической глобализации, прежде всего, вызванные этим явлением изменения в политическом сознании мирового сообщества, которые находят наиболее яркое отражение в формировании спектра политических идеологий современного мира. Наиболее очевидным влиянием глобализационных процессов на идейно-политические течения является новая идеология — антиглобализм, которая пополнила число специфических отрицательных идеологий, появившихся в XX веке (антифашизм, антикоммунизм, антиколониализм и т. д.).

В то же время, с нашей точки зрения, наиболее важно проследить взаимовлияние глобализации и четырех основных идейно-политических течений современного мира, окончательно сложившихся во 2-й половине XX века.

В контексте глобализационных влияний необходимо вспомнить теорию деидеологизации Д. Белла, который в своей работе «Конец идеологии» утверждает, что с распадом СССР идеологический аспект политической жизни отходит в прошлое [7]. Основаниями для такого вывода стали, во-первых, предполагаемое после распада СССР и роспуска Варшавского блока крушение коммунистической идеологии, а, во-вторых, размытость границ между тремя главными идейно-политическими течениями стран Запада – неолиберализмом, неоконсерватизмом и социал-демократией. Однако, как показал последующий ход истории, выводы Д. Белла оказались преждевременными. Коммунистическая (социалистическая) идеология в различных вариациях продолжает доминировать в целом ряде современных стран, в числе которых присутствует общепризнанная мировая сверхдержава – Китай, и один из крупнейших обладателей и разработчиков нефтяных месторождений – Венесуэла. В то же время и современная глобализация, исходящая от стран Запада, несет в себе целый ряд идеологических постулатов, главными из которых являются воцарение рыночной экономики и демократизация всех сфер общественной жизни. С этой точки зрения, очень актуальна концепция реидеологизации, обоснованная известным американским социологом Д. Истоном, согласно которой тезис о деидеологизации является мифом, маскирующим безраздельное господство в западном мире так называемой, консервативно-демократической идеологии [8].

Наконец, нельзя не отметить и такое влияние процесса глобализации на политическое сознание, как взаимопроникновение культур. С одной стороны, это явление обуславливает культурное взаимообогащение, проявляющееся и в политической сфере, что, в частности, приводит к модернизации

политических систем отсталых государств афро-азиатского региона, для которых характерен патриархально-подданический тип политической культуры. С другой стороны, это явление несет в себе и существенные риски, которые проявляются в столкновении цивилизаций, о неизбежности которого говорит С. Хантингтон [1]. В настоящий момент эти риски проявляются, прежде всего, в двух направлениях. Во-первых, активное и не всегда мирное насаждение ценностей западного общества приводит к сопротивлению со стороны носителей традиционной для конкретных сообществ культуры, и, прежде всего, религиозных конфессий. Одним из основных проявлений такого сопротивления стал исламский фундаментализм, являющийся главным источником международного терроризма. Во-вторых, активные иммиграционные потоки в страны Западной Европы (по состоянию на 2005 г. там проживало 22 млн неевропейцев), при имеющемся дефиците рабочих мест и претензиях мигрантов на занятие равного с гражданами принимающей страны положения, обуславливают рост националистических, расистских настроений. Как следствие, в странах Западной Европы все большее значение приобретает неонацистская идеология, отдельные элементы которой появляются и в программных установках влиятельных политических сил.

Таким образом, в современном мире наблюдается все более интенсивное внедрение глобализационных процессов в политическую сферу жизни общества. При этом мы не можем объяснить политическую глобализацию только лишь перераспределением полномочий между международными организациями и национальными государствами. Во-первых, главными субъектами глобализационных влияний продолжают оставаться не только международные политические организации, а прежде всего ведущие национальные государства и транснациональные корпорации. Во-вторых, это явление затрагивает не только (и не столько) институциональную, но и поведенческую компоненту политической системы, в том

числе политическое сознание и политическую культуру. При этом вместе с несомненными преимуществами, главным из которых является возможность консолидации сил мирового сообщества с целью преодоления глобальных проблем человечества, политическая глобализация несет в себе и целый ряд социальных рисков. Последние прежде всего связаны как с неконтролируемой деятельностью главных акторов глобализации, так и с культурным взаимопроникновением, которое является неотъемлемым следствием этого явления. В то же время данная публикация не может претендовать на статус исчерпывающего исследования темы влияния глобализации на мировую политическую систему. Серьезной дальнейшей разработки требуют все аспекты этой проблемы, поднятые в данной статье.

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Филос. и социол. мысль. — 1996. — № 1–2. — С. 9–29.
2. Фукуяма Ф. Конец истории / Фрэнсис Фукуяма // Вопр. философии. — 1990. — № 3. — С. 134–148.
3. Галкин А. А. Глобализация и политические потрясения XXI века / А. А. Галкин // Полис. — 2005. — № 4. — С. 53–70.
4. Мнацаканян М. О. Глобализация и национальное государство: три мифа / М. О. Мнацаканян // Социол. исслед. — 2004. — № 5. — С. 137–142.
5. Хейвуд Э. Политология / Эндрю Хейвуд. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 525 с.
6. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики / Дж. Модельски // Полис. — 2005. — № 4. — С. 124–142.
7. Белл Д. Конец идеологии / Д. Белл // Социол. исслед. — 1993. — № 9. — С. 87–98.
8. Истон Д. Новая революция в политической науке / Дэвид Истон // Соц.-полит. журн. — 1993. — № 8. — С. 115–128.

Резюме

Стаття присвячена дослідженню проявів глобалізації в галузі розвитку та функціонування світової політичної системи. Автор доходить висновку, що разом із безсумнівними перевагами стрімке та неконтрольоване поширення політичної глобалізації несе й істотні ризики для світового співтовариства.

Summary

The article deals with the problem of globalization telling upon the development and functioning of the world political system. The author comes to the conclusion that alongside to doubtless advantages a fast and uncontrolled extension of a political globalization brings about serious risks for the world community.

УДК 316.072

*Т. В. Подольська***ТЕМПОРАЛЬНИЙ ВИМІР ІДЕНТИЧНОСТІ**

Ключові слова: індивідуалізація, наративна ідентичність, наративний метод, саморефлексія, темпоральність буття, Я-нاراتив.

Розгортання питання щодо персональної ідентичності можна уявити як поступове видозмінення системи координат, що виступає площиною для самовизначення, індивідуалізації. Оскільки наративна ідентичність відображує темпоральність буття, важливо простежити, як в історико-філософському дискурсі відбувалося вплетіння категорії часу щодо аналізу саме людського буття. До того ж доцільно визначити чинники, що сприяли процесу трансформації моральних регуляторів життєдіяльності людини з зовнішнього простору у внутрішню потребу моральної відповідальності в інтерсуб'єктивній площині.

Пропонуються наступні опорні точки історико-філософського аналізу виникнення та розгортання питання персональної ідентичності: використання категорії часу щодо аналізу людського буття; трансформація місцеположення моральних засад індивіда та варіативність розуміння ідентичності на підставі категорій тотожність-відмінність, внутрішнє-зовнішнє, одиничне (єдине)-множинне.

Космоцентричний характер античної традиції свідчить про те, що домінуючою категорією була категорія тотожності, у випадку з окремою людиною – відповідності положенню для громадян полісу, а також намагання досягти розуміння себе як частини лише задля більш масштабної мети розуміння Цілого.

Якщо в античний період соціокультурного розвитку моральні регулятори поведінки залежали від здатності до

розумного самоопанування з метою бути повноцінним «гвинтиком» у величезному незмінному, тотожному механізмові, то в Середньовіччі, як відомо, моральні засади є певною мірою зовнішньо опосередковані, а індивід все ще залишається атомарною одиницею Божого устрою. Шлях від нижчого до вищого (саме у такому напрямку, що є новацією) проходить через наше сприйняття себе як внутрішньої людини. Можна дійти висновку, що така послідовність має призводити до тотожності в контексті поступового наближення до Бога, до трансформації світла Бога у «внутрішнє» світло.

Ідея внутрішнього виміру радикально змінюється в раціоналізмі Р. Декарта, який розташовує моральні джерела всередині людини. Теорія Р. Декарта, панівною силою в якій виступає домінування «Я» у вигляді *Cogito*, повністю нівелює будь-які зовнішні, «ми-відношення» його суб'єкта. Ця нова концепція внутрішнього виміру стверджує самодостатність, автономну здатність не тільки підтримання, але й впровадження Ладу за допомогою розуму.

Ідентичність в теорії Дж. Локка пов'язана з поняттям відповідальності людини за свої вчинки на підставі пам'яті про них. Зародки ідеї темпоральності людського буття спираються на позицію, що свідомість забезпечує тотожність особистості як в теперішній момент, так і в ретроспективі. Найважливішим доробком можна, напевно, вважати розуміння Дж. Локком неабиякого впливу часового чинника, важливості поєднання у свідомості минулого, теперішнього та майбутнього.

В епоху Відродження роль людини підноситься до можливості взяти участь у завершенні Божого творіння та проявити всю повноту космічного устрою. За таких обставин вже людина, яка не пов'язана «путами визначеної природи», наділяється здатністю сама набувати будь-яку природу. Майже повна «загибель архетипів» вплинула на нове усвідомлення часу, яке змінило наше бачення суб'єкта. Тепер він, за Ч. Тейлором, — «це розутілена окрема самість, чия ідентичність конститується в пам'яті. Як будь-яка інша людська істота за будь-якого

іншого часу, він може віднайти ідентичність тільки в оповіді про себе» [4, с. 381].

Якщо стати на позицію щодо розуміння персональної ідентичності, то треба осмислити, чи може вона взагалі мати певні якісні константи, адже саме цей контекст передбачає вплетіння ідентичності в наратив власного життя та диктування проміжних якісних індикаторів подіями, що розгортаються крізь плін життя. Відштовхуючись від соціально опосередкованого досвіду, що міститься в пам'яті, ми його ж й збагачуємо, поглиблюємо фракціями конструювання Я-ідентичності з перебігом часу. Водночас з цим, можна говорити про розширення меж нашої пам'яті, адже вона, постаючи найширшим наративом, може охопити не лише минуле, а й пунктирно окреслити вектори майбутнього розвитку. З усього видно, що проблема ідентичності виникає саме тоді, коли починається переорієнтація розуму з проблем науковчення (Новий час) на культуру та буття людини в культурі.

У своєму обґрунтуванні наративної ідентичності П. Рікер зауважує, що теорія дії та теорія мови мають одну спільну лакуну, а саме – ними не аналізується проблема особистої ідентичності з урахуванням часу. Автор стверджує, що «проблематика особистої ідентичності може бути належно артикульованою лише в темпоральному вимірі людського існування» [3, с. 138]. Для заповнення цієї лакуни вчений пропонує саме наративну теорію, в якій діалектика самості й тотожності досягає свого повного розквіту. Оскільки мінливе буття сучасної людини потребує певного впорядкування завдяки категорії часу, то й тлумачення персональної ідентичності, на наш погляд, неможливе поза часовим орієнтиром. Таким чином, підхід П. Рікера вважаємо вельми актуальним щодо аналізу темпоральності буття людини, що в його теорії знаходить відображення як темпоральність наративу нашого існування.

М. Кастельс, аналізуючи проблему «Я» в інформаційному суспільстві, констатує, що в таких типах соціальних структур

має місце домінування ідентичності як організуючого принципу. При цьому ідентичність розуміється як процес, за допомогою якого соціальний актор впізнає себе та конструює смисли головним чином на підставі даної культурної властивості або сукупності властивостей, виключаючи більш широку співвіднесеність з іншими соціальними структурами [2, с. 43–44].

У контексті визначення ідентичності М. Кастельсом важливо наголосити на декількох моментах. По-перше, цікавим є те, що сама ідентичність (не ідентифікація як процес) розглядається ним як процес, тобто підкреслюється процесний характер ідентичності, а це, у свою чергу, неможливо без урахування темпорального моменту. По-друге, виключення більш широкої співвіднесеності з іншими соціальними структурами відповідає вищезазначеним вимогам філософського осмислення людиною свого персонального буття. Отже, ситуація постмодерну цілком правомірно дає підстави для розробки дещо нових теорій ідентичності, однією з яких, на нашу думку, може стати теорія наративної ідентичності.

З одного боку, звертання до наративу орієнтує соціально-філософський аналіз на вивчення суб'єктивності, оскільки будь-яку історію розповідає індивід та інтерпретує індивідуальна свідомість. З другого боку, зрозуміло, що історія будь-якого персонального буття конституйована певними більш складними структурами, які включають надіндивідуальний розвиток подій, соціальні системи смислів. А відтак, життя отримує раціональне обґрунтування з точки зору цієї більшої структури, оскільки для персони, яка живе цим життям, і для інших людей це життя висвітлюється на тлі цієї більшої структури. Але життя не зводиться до системи смислів, яка його конституювала. «Я» виступає суб'єктом своєї власної персональної історії, що наділена своїм особливим і неповторним значенням.

Отримати доступ до персональної ідентичності та «Я-концепції» можна за допомогою звертання до наративу. Наратив, конструювання правдоподібних розповідей розуміється як один із головних способів отримання доступу до

подій свого життя і до усвідомлення самих себе. Персональні розповіді являють собою події людського життя не як приклади загальних законів, а скоріше як елементи історії, в яких індивідуальний або колективний суб'єкт зазнає змін, що осмислені завдяки його зв'язку з попередніми та майбутніми подіями його життя. Кожна людина може об'єднати своє персональне існування в єдине ціле, розуміючи його як вираження єдиної історії, яка розгортається і розвивається у певному просторовому та часовому проміжку.

Хоча наратив є одним із головних способів самопояснення особистості, це не означає, що за межами аналізу залишаються інші способи самопояснення, і насамперед структурні. Можна відокремити два ключових типи саморефлексії особистості: 1) у структурній саморефлексії (питання «Що є Я?») ми пов'язані з самооцінкою, порівнянням нашого характеру та його рис або із загальноприйнятими нормами, або з тими вимогами, які висувають для досягнення бажаних цілей; 2) у наративній саморефлексії (питання «Хто є Я?») ми осмислюємо і розповідаємо попередні події як поворотні пункти в нашій життєвій історії. Завдяки наративному методу людські дії набувають сенсу та відрізняються від просто фізичних рухів.

Якщо говорити про філософію наративу, то головним її призначенням можна вважати з'ясування значення подій для людського існування. Генетично зумовленим природою наративу, а відтак, апріорним є те, що наративний метод є особливо чутливим до часового модусу людського існування.

Наративна рефлексія, тобто момент самовизнання, осмислення людиною власної долі, завжди має бути начебто вирваним із соціальної субстантивності. Персональне буття людини перебігає в часі, воно темпоральне, але воно не позбавлене історичності в тому розумінні, що саморозуміння передбачає здатність пригадати та сформулювати свою історію і, як це часто трапляється, здатність на її ґрунті бачити своє можливе майбутнє. Спогади своєї власної історії є перш за все проблемою Я-нاراتиву. Отже, наратив виявляється формою

дискурсу, яка належить персональному буттю людини. Порушені самоформативні процеси є порушенням індивідуальної ідентичності, що пов'язано з руйнуванням часової впорядкованості існування і може бути виправлено через переоповідання.

Список літератури

1. Воропай Т. С. В поисках себя. Идентичность и дискурс / Т. С. Воропай. — Харьков : ХГПУ, 1999. — 418 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
3. Рікер П. Сам як інший / П. Рікер ; пер. з фр. — К. : Дух і Літера, 2000. — 458 с.
4. Тейлор Ч. Джерела себе / Ч. Тейлор ; пер. з англ. — К. : Дух і літера, 2005. — 696 с.

Резюме

В статье исследуется персональная идентичность с учетом темпорального измерения как видоизменение системы координат для само-реализации, индивидуализации личности. Нарратив рассматривается как форма дискурса, а нарративная идентичность — как конструирование своей жизни и осознание себя, своей субъектности.

Summary

The phenomenon of a personal identity is analyzed with regard to a temporal evaluation as altering the coordinate system for self-realization, individualization of personality. Narrative is regarded as a form of discourse, and the narrative identity as constructing one's life and assessing oneself as an individual.

УДК 339.137.2

О. Є. Сомова

УДОСКОНАЛЕННЯ ОЦІНКИ РІВНЯ КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ ПІДПРИЄМСТВ

Ключові слова: конкурентоспроможність підприємства, оцінка рівня конкурентоспроможності підприємств, вартісні показники, вартісна оцінка.

У ринкових умовах конкурентоспроможність (КС) набуває великого значення через активне змагання підприємств і їх товарів за споживача. Важливість оцінки рівня конкурентоспроможності визначається необхідністю позиціонування оцінюваного об'єкта відносно конкурентів, а також визначення заходів щодо управління конкурентоспроможністю в напрямку її підвищення. Незважаючи на широке використання, поняття конкурентоспроможності до цього часу продовжує удосконалюватися і набувати нового змісту. Особливо дискусійною і невирішеною проблемою є вартісна оцінка рівня конкурентоспроможності об'єктів, хоча саме вартісні результати найбільш достовірні й придатні для використання.

Зважаючи на це, метою даної роботи є удосконалення оцінки рівня конкурентоспроможності підприємств машинобудування в напрямку розробки методики вартісної оцінки рівня конкурентоспроможності підприємства.

За результатами вивчення літератури було виділено понад двадцять методів оцінки рівня КС підприємства, що базуються на різних концептуальних засадах. Їх порівняльний аналіз показав, що для визначення рівня КС підприємств найчастіше використовують коефіцієнти, які узагальнюють балові експертні оцінки або комплекс техніко-економічних показників, але достовірність оцінки в обох з цих випадків викликає певні сумніви через велику частку суб'єктивізму. У той же час є окремі роботи, де наголошується на можливості та

доцільності використання для оцінки рівня КС підприємства таких об'єктивних вартісних показників ефективності роботи підприємства, як прибуток, рентабельність, чиста поточна вартість тощо [1]. Але розробки методик такої оцінки відсутні, тому в цій роботі визначається завдання розробки методики оцінки рівня КС підприємства на основі вартісних показників.

Для реалізації поставленого завдання було вивчено можливості використання вартісних показників для оцінки рівня КС підприємств. Дослідження показало, що показники прибутку, рентабельності та чистої поточної вартості розглядаються як можливі показники рівня КС підприємств і в класичних роботах М. Портера та І. Ансоффа, і в більш сучасних дослідженнях. Особливо важливою, на нашу думку, є теза М. Портера про КС як наслідок ефективного використання ресурсів, що цілком узгоджується з прийнятим нами визначенням категорії КС підприємства і дозволяє розглядати рівень КС підприємства як один із показників його ефективності [2].

Узагальнення теорій оцінки рівня КС та оцінки ефективності підприємств дозволило висунути гіпотезу, що рівень КС у короткостроковому періоді може вимірюватися прибутком та рентабельністю, у довгостроковому – чистою поточною вартістю та індексом доходності (рис. 1). Зазначимо, що особлива увага має приділятися рентабельності та індексу доходності як відносним показникам, що дають змогу порівнювати дані різних підприємств.

Для забезпечення комплексності дослідження було проаналізовано міжнародний досвід оцінки рівня КС – розрахунку індексу КС бізнесу, що щорічно виконується під керівництвом М. Портера в межах Звіту про світову КС [2]. Вивчення методики визначення цього індексу дозволило запропонувати аналогічний підхід для вартісної оцінки рівня КС підприємств. Вважаємо, що замість показника ВВП на душу населення, використаного в Індексі КС бізнесу як ключовий показник, для оцінки рівня КС підприємств може використовуватися такий узагальнюючий показник ефективності (продуктив-

Рис. 1 1. Вартісні показники, які пропонується застосовувати для оцінки рівня КС підприємств у короткостроковому та довгостроковому періодах

ності) роботи підприємства, як рентабельність. Тоді чинниками моделі можуть бути стандартні показники ефективності фінансово-господарської діяльності підприємства, що традиційно розглядаються при оцінці в якості чинників КС.

За результатами проведеного дослідження запропоновано концепцію вартісної оцінки рівня КС підприємств, що ґрунтується на узагальненні теорії оцінки рівня КС підприємств, визначенні найбільш об'єктивних та інформативних показників рівня КС і вивченні практики оцінки ефективності. Запропонований порядок оцінки представлено на рис. 2.

Основними відмінностями запропонованого порядку оцінки рівня КС у короткостроковому періоді від відомих є об'єктивне визначення чинників КС підприємства та їх вагомості із застосуванням математичного апарату та оцінка рівня КС підприємства вартісним показником, що легко інтерпретується.

Незважаючи на обмеження, що можуть виникати при вартісній оцінці, – не всі підприємства оприлюднюють свою фінансову звітність – вважаємо за доцільне використовувати запропоновану методику для експрес-оцінки рівня КС групи підприємств за наявності їх фінансової звітності та для

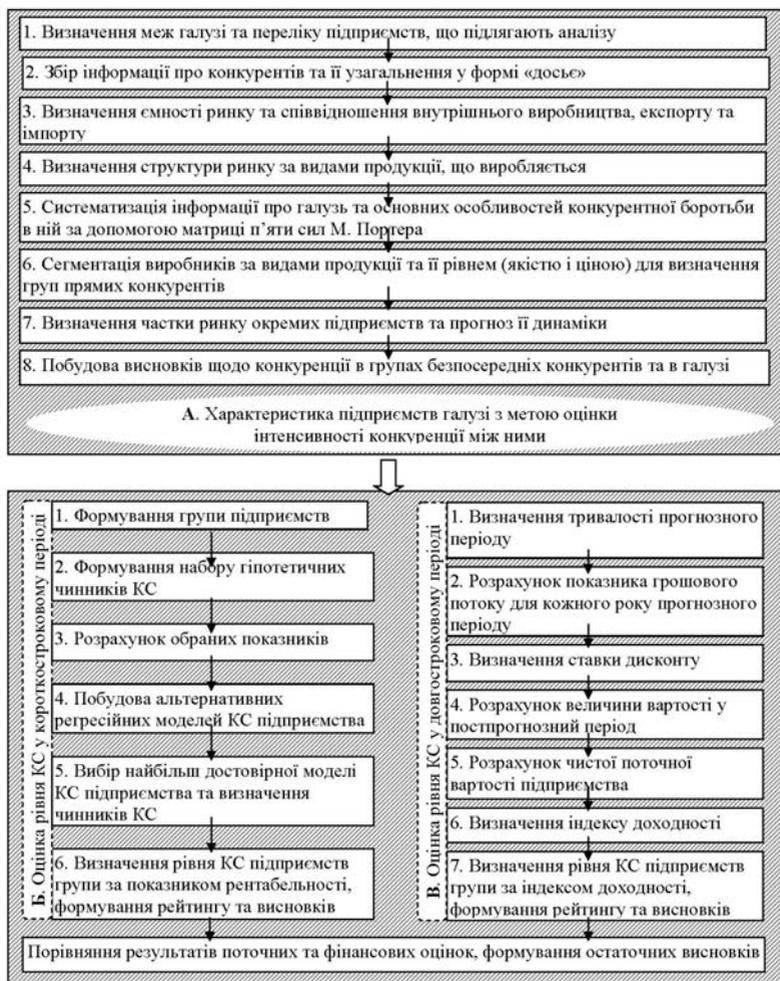

Рис. 2. Запропонована методика вартісної оцінки рівня КС підприємств у короткостроковому (блок Б) та довгостроковому (блок В) періодах з попереднім аналізом галузі (блок А)

глибинних досліджень, що спираються на вивчення грошових потоків підприємств. Запропонована методика вартісної оцінки дозволяє уникнути однобоких висновків щодо рівня конкурентоспроможності підприємств і отримати виважені та обґрунтовані результати. Методика такої оцінки може застосовуватися для підприємств різних галузей промисловості, бо базується на уніфікованій економічній інформації.

Управлінською цінністю запропонованої методики вартісної оцінки рівня КС підприємств є можливість для власника або інвестора більш обґрунтовано формувати стратегію розвитку у конкурентному середовищі і приймати поточні рішення відповідно до визначених ключових чинників КС, сильних і слабких сторін підприємства відносно своїх конкурентів. Крім того, така оцінка, що пов'язує КС підприємства і його ефективність, може використовуватися при обґрунтуванні доцільності залучення приватних інвестицій, державного фінансування тощо для підтвердження сильної ринкової позиції підприємства. На рівні держави найкращим напрямком використання методики є її застосування при визначенні найбільш конкурентоспроможних і тому перспективних для державної підтримки груп підприємств або окремих підприємств. Також доцільно враховувати визначені за запропонованою методикою ключові чинники КС підприємств галузі для формування програм підтримки секторів економіки, що мають стратегічне значення для країни.

Список літератури

1. Оцінка конкурентоспроможності сучасного промислового підприємства : навч.-практ. посіб. для студ. економ. спец. / О. М. Сумець, О. Є. Сомова, Є. Ф. Пеліхов. — К. : Професіонал, 2007. — 208 с.
2. The Global Competitiveness Report 2006–2007 / Michael E. Porter, Klaus Schwab, Augusto Lopez-Claros, Xavier Sala-i-Martin. — Palgrave Macmillan ; New edition (November 14, 2006). — 308 p.

Резюме

В работе обоснована необходимость совершенствования методик оценки уровня конкурентоспособности предприятий в направлении расширения использования стоимостных показателей. Отмечено, что особое внимание должно уделяться относительным показателям – рентабельности и индексу доходности.

Summary

The necessity of improving methods of enterprise competitiveness appraisal by way of extending the employment of value indexes has been substantiated. It is stated that special attention should be paid to comparative indexes, such as long term and short term profitability.

УДК 330.16

*Г. В. Строчкович***МЕХАНІЗМ ВЗАЄМОДІЇ ДЕЯКИХ ІНСТИТУТІВ
НА ОСНОВІ СОЦІАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА**

Ключові слова: корпоративна соціальна відповідальність, проблеми, бізнес-система, ініціативи, соціальне партнерство.

В умовах інноваційної економіки та загострення конкуренції, збільшення кількості екологічних проблем все більше уваги приділяється не тільки досягненню найкращих фінансових результатів підприємствами але й способу їх отримання. Це зумовлюється тим, що діяльність підприємств є основою зростання добробуту всього суспільства.

У розвинених країнах участь підприємств у розв'язанні соціальних проблем або досить строго регулюється у межах чинного законодавства, або виявляється як ініціатива підприємств на основі діючих пільг і т. ін. У країнах пострадянського простору цей процес знаходиться на початковому етапі свого розвитку. Більш активну участь у ньому беруть Росія, Україна, Казахстан. Це зумовлюється деякими спільними особливостями: олігархічний розвиток бізнесу, формування відповідних інститутів, високий рівень корумпованості влади, велика доля тіньової економіки і т. ін. Тому питання збільшення корпоративної соціальної відповідальності підприємств є актуальним.

Метою даного дослідження є аналіз сучасних підходів щодо визначення корпоративної соціальної відповідальності (CSR) підприємств, методик її оцінки. Методикою дослідження є аналіз та узагальнення.

Проблеми корпоративної соціальної відповідальності підприємств досліджуються як закордонними, так і вітчизняними вченими, такими як Р. Вітлі (R. Whitley), Філіп Котлер і Ненсі Лі, І. Ю. Біляєва, М. О. Ескіндаров, О. П. Шихвердієв, О. В. Серяков, О. Лазоренко, Р. Колишко та іншими [1–4; 7; 8].

У світі склалося декілька різних моделей корпоративної соціальної відповідальності, кожна з яких відображає особливості суспільства. Р. Вітлі визначив відмінність між шістьма різними бізнес-системами [6]. Бізнес-системи, на його думку, це «відмітні зразки економічної організації, які змінюються за ступенем і способом координації їх економічних дій, організації і взаємозв'язку між власниками, менеджерами, експертами та іншими службовцями». Ці шість різних бізнес-систем можуть бути описані як фрагментовані (гонконзька), розділені (англо-саксонська), державно організовані (південнокорейська), скоординовані індустріальні райони (італійська), високоскоординовані (Японія) і спільні (континентальна європейська). Відповідно до цього визначаються й особливості CSR. Згідно з цією класифікацією Україна належить до спільної бізнес-системи. Однак як зазначалося на початку статті, корпоративна соціальна відповідальність в Україні перебуває на початковій ступені розвитку. Поряд з цим для якнайшвидшої інтеграції у світовий економічний простір доцільно вдатися до низки заходів: розробити перелік соціальних програм та визначити пріоритетність їх виконання; тестувати перелік розроблених програм на збалансованість інтересів органів влади та підприємств; сформувати комплекс пільг, які надаються підприємствам, що беруть участь у реалізації державних або муніципальних програм; зменшити рівень оподаткування доходів підприємства, які направляються на його соціальні потреби; сприяти за рахунок субсидування з боку держави та підприємств, які звільняють персонал, створенню нових робочих місць; звільнити від оподаткування ту частину доходів підприємств, яка використовується для впровадження енергозберігаючих технологій, та інших заходів з охорони навколишнього середовища тощо. Упровадження всіх цих заходів безпосередньо вплине на рівень розвитку підприємств та всієї країни в цілому.

З 1995 року стало з'являтися безліч стандартів і кодексів корпоративної соціальної відповідальності. М. Макінтош

(М. McIntosh) у зв'язку з цим виділив вісім різних ініціатив: керівні принципи OECD для багатонаціональних підприємств; угоди MOT по практиці робочого місця; Всесвітня Угода ООН; Глобальна ініціатива повідомлення (GRI); Глобальні принципи Sullivan; стандарти ISO; відповідальність 1000; соціальна відповідальність 8000 [8]. Велика кількість аудиторських та консалтингових фірм з усього світу пропонують свої послуги щодо впровадження нових методів управління, які безпосередньо підпорядковані цінностям, що висуває підприємству суспільство. Поряд з цим слід відмітити, що впровадження корпоративної соціальної відповідальності потребує скоріш за все докорінної зміни системи корпоративного управління.

У науковій літературі зустрічається безліч трактувань корпоративної соціальної відповідальності.

Так, Філіп Котлер і Ненсі Лі визначають корпоративну соціальну відповідальність як вільний вибір суб'єкта господарської діяльності на користь підвищення рівня добробуту місцевого співтовариства за допомогою відповідних підходів до ведення бізнесу і надання корпоративних ресурсів [4]. Поряд з цим корпоративна соціальна відповідальність впливає не тільки на добробут місцевого співтовариства, як оточуючого середовища, а й безпосередньо на працівників підприємства та й на соціум в цілому.

О. С. Белокрилова під категорією «корпоративна соціальна відповідальність» розуміє відповідальність, яку інституціоналізовано суспільством підприємству у взаєминах з партнерами, споживачами і працівниками, перед суспільством в цілому, включаючи екологічну відповідальність [1].

Проте корпоративна соціальна відповідальність є однією з найбільших актуальних категорій серед науковців та підприємців. Немає згоди в тому, що підприємства будуть вкладати кошти у заходи, які не дадуть явного доходу, а дозволять отримати тільки непрямий ефект. Тому доцільно, узагальнюючи дослідження багатьох авторів, під корпоративною соціальною відповідальністю підприємств розуміти суб'єктивний

обов'язок відповідати за рішення, які приймаються, а також їх наслідки для соціуму.

Головною ж проблемою є розробка механізму взаємодії відповідних інститутів з метою збільшення корпоративної соціальної відповідальності підприємств. Основою функціонування цього механізму є соціальне партнерство (рис. 1).

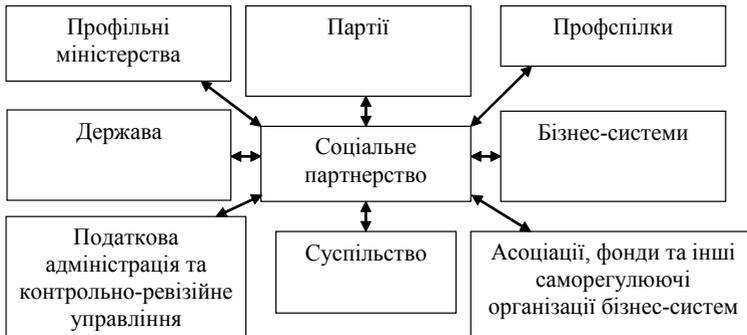

Рис. 1. Механізм взаємодії деяких інститутів на основі соціального партнерства

Таким чином, у процесі функціонування інституційного механізму задіяна держава та бізнес-системи, профільні міністерства та профсоюзи, органи держрегулювання та неприбуткові організації, партії та безпосередньо суспільство на основі соціального партнерства.

У подальших дослідженнях планується розробити методику з оцінки корпоративної соціальної відповідальності.

Список літератури

1. Белокрылова О. С. Императивы институционализации взаимодействия бизнеса и власти в местном социуме [Электронный ресурс] / О. С. Белокрылова ; Интернет-конф. Россия: варианты институционального развития. — Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293251.html>.

2. Корпоративная социальная ответственность [Электронный ресурс] // Сайт Укр. бизнес. – 2009. – 28 апр. – № 17 (162). – Режим доступа : <http://www.expert.ua/articles/16/0/5459>.

3. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект / под общ. ред. И. Ю. Беляевой, М. А. Эскиндарова. – М. : КноРус, 2008.

4. Котлер Филип. Корпоративная социальная ответственность. Как сделать как можно больше добра для вашей компании и общества / Филип Котлер, Нэнси Ли ; пер. с англ. С. Яринич. – К. : Стандарт, 2005. – 302 с.

5. Посібник із КСВ. Базова інформація з корпоративної соціальної відповідальності / кол. авт.: О. Лазоренко, Р. Колишко та ін. – К. : Енергія, 2008.

6. Строкович Г. В. Соціальне партнерство – стратегія розвитку національної економіки / Г. В. Строкович // Упр. розвитком. – 2009. – № 2 (38). – С. 97–99.

7. Whitley R., The nature of business systems and their institutional structuring, in: Whitley R. Divergent capitalisms: the social structuring and change of business systems. – Oxford : Oxford University press, 1999.

8. McIntosh M. e. a. Living corporate citizenship: strategic routes to socially responsible business / M. McIntosh ; Prentice Hall. – London, 2005.

Резюме

В статье исследована актуальность анализа такого явления, как корпоративная социальная ответственность и его трактовка различными учеными; рассмотрены особенности шести бизнес-систем; предложен механизм взаимодействия некоторых институтов на основе социального партнерства.

Summary

The article deals with analysis of corporate social responsibility and its interpretation by various scholars; six business systems are examined, a mechanism of the interaction of certain institution on the basis of a social partnership has been suggested.

УДК 330.341.2

Э. И. Цыбульская

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: государство, глобальная экономика, глобализация, регулирование, институциональные изменения, институциональная среда.

Мировой кризис, поразивший всю экономику, показывает, что мировая экономика достигла такой степени глобализации, что отдельные государства не в состоянии справиться с ним самостоятельно. Таким образом, данный кризис можно назвать первым кризисом глобальной экономики. Глобализация – закономерное следствие взаимовлияния и взаимопереплетения множественности локальных трансформаций в рамках отдельных национальных экономик. Преобразования, происходящие на национальном уровне, накладываются на глобальные трансформации, порождая сложную мозаику взаимовлияния и взаимопереплетения разноуровневых системных переходов. Противоречивая по природе и неоднозначная по последствиям глобализация экономики существенно изменяет пороговые критерии государственности и независимости. Идет речь о значительных трудностях в национально-государственном регулировании, свидетельствующих о неспособности государств трансформировать экономику на национальном уровне в отрыве от мировых хозяйственных процессов и состояния международной конъюнктуры. Глобальная экономика требует глобализации институциональной среды, в которой она функционирует, исследования меры вмешательства государства в рыночный механизм, анализа функций государства в обеспечении трансформации национальных экономик.

В связи с тем что мы имеем налицо первый глобальный кризис, в зарубежной и отечественной литературе отсутствуют исследования, касающиеся меры вмешательства государства в рыночный механизм для преодоления глобального кризиса. Скудны исследования, касающиеся функций государства в обеспечении трансформации национальных экономик в условиях глобализации. Встает острая необходимость восполнить данный пробел. Проблема места и роли национальных государств в современной глобальной экономике является центральной и наиболее дискуссионной в вопросе формирования глобальной институциональной среды, что традиционно ассоциируется со способностью или неспособностью правительства страны разрабатывать и реализовывать независимую социально-экономическую политику. В связи с этим тема данного исследования является актуальной. Анализ отечественной и зарубежной литературы свидетельствует о существовании двух противоположных взглядов на трактование будущего наций-государств в условиях глобализации экономики.

1. Исследователи, которые считают государство «ведущим глобализатором», акцентируют внимание на том, что постиндустриальный прорыв и достижение успехов в глобальной конкуренции невозможны без активной роли национальных правительств. По мнению М. Кастельса, «никакие технологии или бизнес сами по себе не могли развить глобальную экономику. Главными агентами в ее становлении были правительства, особенно правительства стран Большой семерки и их международных институты... Администрация Клинтона фактически была истинным политическим глобализатором» [1]. К такому же выводу приходит Г. Киссинджер, который считает, что глобализация является «просто другим названием продвижения интересов США в мире» [2].

Сторонники рассмотренного взгляда исходят из того, что национальное государство как «основная геополитическая единица современности» [3] модифицирует свои функции,

опираясь на адаптацию национальных производительных сил к условиям глобального рынка и глобальной конкуренции, разворачивающейся на ней. Таким образом, в условиях глобализации государство не исчезает, а, наоборот, активно включается в общую гонку за возможность остаться на гребне волны глобализации и за право брать участие в ее управлении.

2. Сторонники противоположного подхода пишут о «конце эры государства» и полного его отмирания. Обращая внимание на то, что глобализация подрывает национальное государство по трем основным направлениям (разрушение валютных и таможенных границ, создание гибких глобальных рынков и массовая миграция рабочей силы), они делают ударение на размывании и ослаблении регулирующих и контролирующих функций правительств, которые не в состоянии защитить национальную экономику от внешних влияний. Согласно мнению этих исследователей, «национальные государства разрушаются или исчезают» под влиянием сил, «имеющих транснациональную природу», а государственное регулирование превращается на «виртуальную реальность». Создается впечатление, что национальное государство разрушается или исчезает. При этом «разрушающие» силы имеют транснациональную природу. Как только национальные государства превращаются в объект для организации финансовой отчетности и источник эффективных политических действий, «транснациональный» характер разрушительных сил ставит их за плоскость планомерных, целенаправленных и потенциально рациональных действий». Вследствие этого национальная экономика «постепенно превращается в условность, своеобразную статистическую функцию» [3].

Целью данного исследования является переосмысление традиционных концепций государственного регулирования рыночной экономики в условиях глобализации. Задачи исследования:

— исследование меры вмешательства государства в рыночный механизм в условиях глобализации;

– исследование приоритетных функций государства в условиях глобализации.

Современные экономические системы, коими являются национальные экономики, представляют сложные, нелинейные структуры, эволюция которых не может рассматриваться сквозь призму традиционных подходов. Следует иметь в виду, что глобализация не только унифицирует и гомогенизирует мировое экономическое пространство на основе новейших факторов экономического роста, а и обогащает, разнообразит модели и типы экономического развития вследствие трансформации национально-государственного структурирования экономики. Идет речь о том, что:

1) в условиях глобального экономического развития сохраняет свое значение национально-культурный фактор, свидетельством чего является функционирование автономных «этнических сетей отношений», не растворяемых в современной мировой среде;

2) основная масса факторов и стимулов мировой хозяйственной эволюции, как и раньше, формируется в рамках конкретных национальных экономических моделей и не компенсируется механизмом глобального регулирования;

3) успехи, которых достигли отдельные страны в глобальной экономике, непосредственно связаны с их способностью превратить свои национально-цивилизационные особенности в мощный фактор глобальных конкурентных преимуществ.

Осмысление нелинейности и сложности взаимодействия общих закономерностей и специфических особенностей развития трансформационных экономик способствовало эволюции представлений о «размывании» государства в условиях глобализации. Пришло понимание того, что в рамках формирования общепланетарного единства необходимы специальные меры по обеспечению дееспособности и социальной эффективности национальных государств [6]. Это способствовало формированию концепции «nation – building», обосновывающей необходимость строительства новых или трансформации

существующих государств таким образом, чтобы их правящие режимы и элиты были с самого начала ориентированы на глобализационные процессы.

Процесс глобализации не «отменяет» государство, а усложняет, дифференцирует, наполняет новым смыслом его функции, «встраивая» национальную экономику в более сложные структуры общепланетарного уровня. Будучи глубоко «вмонтированным» в структуру социальной системы, государство в трансформационной экономике является «внешним» упорядочивающим и гармонизирующим фактором глобальных и локальных социально-экономических преобразований. Государство формирует национальную модель социально-экономических преобразований и обеспечивает ее реализацию в условиях глобализации мировой хозяйственной среды. По мнению М. Кастельса, сетевая глобальная экономика не обозначает смерти национальных государств [1]. Таким образом, национальное государство сохраняет свое значение, несмотря на то, что ему приходится действовать в глобальном вихре информационных потоков [7].

Переосмысление традиционных концепций государственного регулирования рыночной экономики в условиях глобализации приводит к таким выводам:

1. Глобализация выдвигает повышенные требования к общественному сектору, в орбиту которого втягиваются так называемые международные общественные блага. Отсюда следует вывод: глобализация способствует усилению государства, поскольку более открытая экономика становится более нестойкой и неравновесной. Однако такое усиление происходит не за счет роста количественных показателей (наращивания государственных расходов), а вследствие улучшения качества государства как регулятора и поставщика общественных благ.

2. Глобализация выдвигает повышенные требования к качеству институциональной среды. Идет речь о том, что при слабых институтах (господстве коррупции, несовершенстве

законодательной базы, неблагоприятного инвестиционного климата) становится невозможным процесс гармоничной интеграции национальной экономики в мировую хозяйственную среду. Прилив иностранных инвестиций в страны с плохим инвестиционным климатом приносит больше ущерба, нежели выгод:

- имеет место своеобразный самоотбор инвесторов: если инвестиционный климат неблагоприятный, в страну идут иностранные инвесторы, ориентированные, главным образом, на быстрокупаемые, и /или «ресурсные» проекты, в которых выгоды от передачи технологий в лучшем случае ограничены;

- иностранные инвесторы не реинвестируют прибыль в странах с неблагоприятным инвестиционным климатом, поэтому со временем отток прибылей начинает превышать начальный прилив инвестиций;

- исследования подтверждают, что способность страны «переварить» прилив иностранных инвестиций зависит от уровня развития ее инфраструктуры и ее институционального потенциала [8].

3. Влияние глобализации на отдельные страны определяется комплексом противоречивых факторов, в том числе местом нации-государства в международном разделении труда, в отдельных властных блоках, ее позицией в международной системе законодательства, ее взаимоотношения с основными международными организациями. Не все государства одинаково интегрированы в мировую экономику. В связи с этим в одних странах национальная политика чувствует мощное влияние глобальных процессов. В других странах приоритетными могут оставаться региональные и национальные силы. При включении национальной экономики и ее отдельных составляющих в глобальную систему мирового хозяйства первоочередное значение приобретает умение маневрировать интеграционными формами союзов и способностью быстро создавать новые объединения и альянсы.

Таким образом, глобализация экономики заставляет перейти

от исследования меры вмешательства государства в рыночный механизм, к выявлению меры участия государства в обеспечении внутренних и внешних условий для трансформации национальной экономики. По нашему мнению, в условиях глобализации приоритетными становятся такие функции государства:

1. Определение и реализация стратегических национальных интересов, формирование национальной модели социально-экономического развития, способной обеспечить органичное включение экономики страны в транснациональные воспроизводящие циклы.

2. Содействие институциональным изменениям, направленным на утверждение общецивилизационных основ социально ориентированного рыночного устройства. Идет речь о придании импульса возникновению и развитию институтов, которые в дальнейшем будут подчинены эволюционному закону их конкурентного отбора. В этих обстоятельствах процесс институциональных изменений инициируется с микроуровня, приобретает революционный характер и усложняется вследствие обострения проблем совместимости нововведенных формальных институтов с унаследованной от предыдущей системы структурой экономики, неформальными ограничениями, а также механизмом защиты существующих норм и правил. Общеизвестно, что уровень оптимизации новой институциональной основы в переходных условиях определяется качеством выбранной стратегии реформирования, которая, в свою очередь в значительной мере зависит от эффективности государства [9].

3. Укрепление национальной конкурентоспособности, стимулирования инновационного развития, «выращивание предприятий – национальных лидеров, конкурентоспособных на мировом рынке» [10], отстаивание интересов конкурентоспособности страны путем лоббирования интересов «своих» производителей в международных трендах, участия в международных дебатах по вопросам принципов и правил мировых

хозяйственных отношений, влияния на текущую деятельность международных экономических организаций.

4. Создание условий для привлечения иностранных инвестиций на основе привлекательного инвестиционного климата, стабильного законодательства, четко определенных прав собственности, взвешенной налоговой и устойчивой финансовой системы, емкого потребительского рынка, стабильных растущих доходов населения, квалифицированных кадров.

5. Защита национальной безопасности, предупреждение финансовых спекуляций, контроль за ключевыми ресурсами и отраслями экономики с целью противодействия негативным проявлениям глобализации, защиты от бедности и обнищания, международной преступности и терроризма.

Таким образом, процесс глобализации не «отменяет» государство, а усложняет, дифференцирует, наполняет новым смыслом его функции, «встраивая» национальную экономику в более сложные структуры общепланетарного уровня.

Государство в трансформационных обществах в условиях глобализации призвано выполнять роль формирующей силы, «направляющего вектора» социально-экономических преобразований, задавать необходимые параметры для их успешной самоорганизации, саморазвития, способствовать институциональным изменениям, адекватным глобальной институциональной среде, укреплять национальную конкурентоспособность.

Государство в условиях глобализации должно удерживать баланс между степенью открытости национального рынка и экономики и их способностью продуцировать конкурентный инновационный продукт.

Список литературы

1. Кастельс М. Постиндустриальный мир и Россия / М. Кастельс. – М., 2000. – 235 с.
2. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер. – М., 2000. – 315 с.

3. Huntington S. P. The Change to Change // Comparative Politics in the Past-Behaviral Era / S. P. Huntington ; ed. by A. Contoryand, A. Ziegler. – Colorado Lynne Rinner, 1988.
4. Wright G. H. von. The Crisis of Social Science and the Withering away of the Nation State / G. H. von Wright. – Associations, 1997.
5. Сильвестров В. О глобальной модернизации миропорядка / В. Сильвестров // Общество и экономика. – 2004. – № 5–6. – С. 221–238.
6. Conflicts in the 21st Century. – Roma : Aspen Institute Italia, 2002.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер ; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной ; под ред. Е. Л. Вартановой. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 267 с.
8. Гражевська Н. І. Економічні системи епохи глобальних змін / Н. І. Гражевська. – К. : Знання, 2008. – 431 с.
9. Постсоветский институционализм : моногр. / под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. – Донецк : Каштан, 2005. – 568 с.
10. Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / под ред. В. П. Колесова. – М. : Экон. МГУ: ТЕИС, 2002. – 350 с.

Резюме

Статтю присвячено питанням місця та ролі держави в умовах глобальної економіки. Автор аналізує існуючі точки зору на трактування майбутнього держав в умовах глобалізації економіки.

Summary

The article deals with the problems of place and role of the state under the conditions of a global economy. Various approaches to the prospective future of states under the conditions of economy globalization have been analysed.

УДК 339.137: 339.5

В. Г. Яременко, О. Л. Яременко

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДОВЕРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Ключевые слова: доверие, институты, эволюция, информационная асимметрия, обратная связь.

Равновесие социально-экономических систем зависит от уровня доверия между их основными субъектами. На микроуровне субъекты используют доверие в качестве инструмента снижения трансакционных издержек. На макроуровне в стабильных системах доверие является предпосылкой снижения рисков и издержек функционирования экономики в целом. Снижение уровня доверия свидетельствует о нарушении равновесия, которое должно быть восстановлено либо путем перегруппировки существующих технологий, ресурсов и структур, либо путем создания новых. Это обстоятельство позволяет оценить эволюционный потенциал доверия и выработать более или менее целостные представления о возможностях и издержках его использования в качестве фактора структурных и институциональных реформ.

В литературе показано, что доверие является элементом специфического механизма принятия рыночных решений в условиях неполноты информации или асимметричной информации [См.: 2; 5]. Неизбежная информационная недостаточность приводит к тому, что любое рыночное решение субъекта о сделках включает в себя и фактор ожиданий [5, с. 229]. Эти ожидания вводят множество альтернативных решений субъекта в зону неопределенности и риска, когда приходится полагаться на платежеспособность и честность контрагента, иначе говоря, *доверять* ему.

При этом отнюдь не любое сотрудничество в неопределенной среде обуславливается доверием [См.: 1]. Позициони-

рование доверия среди других форм и оснований кооперативного поведения свидетельствует о его специфической экономической природе, или, говоря иными словами, доверие — это особый феномен экономической реальности, который подлежит оценке с позиций принятых методов теоретического моделирования. В то же время вопрос о доверии и развитии как взаимосвязанных социально-экономических феноменов ставится достаточно редко.

Наша статья посвящена обзору возможностей трактовки доверия в координатах микроэкономической модели рационального выбора и применении такой трактовки к анализу основ эволюции социально-экономических систем. При этом некоторые важные аспекты этой проблемы будут только намечены или зафиксированы для целей последующего более детального теоретического анализа.

С точки зрения ситуации рационального выбора из нескольких альтернатив, субъект, принимающий решение, не может допускать неопределенность выше какого-то привычного уровня. Если же решение все-таки должно быть принято, то доверие выступает как один из доступных данному субъекту инструментов ограничения (снятия) неопределенности. Не случайно некоторые ученые трактуют доверие как стратегию сокращения сложности и инструмент решения проблемы информационного дефицита в ситуации принятия альтернативного решения [См.: 4].

Доверяя, субъект выбора формирует *внутреннюю* определенность относительно принятия решения в условиях сохранения существенной *внешней* неопределенности [4]. Иначе говоря, решение о доверии — это решение о принятии риска: «Акт доверия — особый способ приспособления к риску, реакция на риск» [7].

Внутренние основы доверия субъекта к внешним факторам предполагают наличие системного единства между ценностями субъекта, с одной стороны, и институтами, технологиями и ресурсами — с другой. Превращенными формами такого

ценностного отношения субъекта к внешним факторам выбора выступают доступность, допустимость, привычность, предпочтительность. Каждая из этих превращенных форм ценностных основ рационального выбора включена в механизм актуализации доверия. Недопустимые, недоступные, непривычные альтернативы не могут стать предпочтительными и потому не нуждаются в механизме доверия.

Критерий *доступности* в системе факторов доверия предполагает наличие затруднений и издержек для получения доступа к данной альтернативе. Если уровень этих издержек высок, то альтернатива может быть исключена из числа реальных. Одним из способов снижения этих *издержек доступа* и выступает доверие, то есть отказ от какой-то части проверочных (оценочных) процедур для включения альтернативы в число доступных. Чем менее доступна альтернатива, тем больше доверия требуется для того, чтобы она перешла в разряд реальных.

Оценка *допустимости* рыночной альтернативы является первичной ценностной проблемой, которая порождает потребность в доверии. Субъект допускает, что оцениваемая альтернатива не выходит за пределы его ценностного ареала. *Допущение ценностного соответствия* в условиях отсутствия всей необходимой информации есть исходная форма доверия [См.: 1]. В результате оцениваемая альтернатива попадает в разряд реальных конкурирующих альтернатив.

Привычность альтернативы порождает высокий уровень позитивных ожиданий, что дает возможность автоматического принятия решений. Доверие как выражение степени привычности в данном случае носит *фоновый характер*. Но в то же время все, что способно *нарушить привычность* альтернативы, может вызвать потребность в актуальном доверии, в том числе и путем возврата к оценке допустимости и доступности. Причиной этого могут быть как естественные флуктуации рынка, так и изменения, лежащие на стороне контрагентов, их предпочтений и интересов.

Основным носителем рыночной информации о *доступных*

альтернативах выступают рыночные цены. Рыночные цены являются *объектом доверия*, поскольку включают в себя значительный массив неявной, неполной и асимметричной информации, которая нуждается в оценке и интерпретации. Чем более сложными и дифференцированными являются кооперационные связи (система разделения труда), тем больше информации записывается в форме рыночной цены.

Оценка альтернативы как недоступной дается, прежде всего, на основе оценки ценовой информации. Обычно это выглядит как установление верхнего ценового барьера: слишком высокая цена делает ненужными все последующие оценки. В то же время нельзя исключить и нижний ценовой барьер, который может иметь силу для товаров престижного потребления. Факторы моды, демонстративности, ажиотажа могут служить выражением компенсирующей роли доверия, которая позволяет при определенной величине давления преступать верхний ценовой барьер доступности. В этом случае имеет место изменение наклона кривых безразличия, что при фиксированном доходе может нарушать равновесие потребителя.

Доверие всегда позиционировано в системе координат деятельного субъекта. Оно прямо или косвенно связано с его потребностями, интересами, доходами, контрагентами и конкурентами. Важным обстоятельством, влияющим на роль доверия в принятии решений, является тот факт, что часть необходимой ограничивающей и критериальной (ценностной) информации задается в виде институтов. Эта информация является частью скрытой, частью фоновой. Актуализируется она, как правило, в случае серьезного отклонения направленности решений от институционально-ценностного вектора, что ухудшает общую согласованность, приводит к конфликтам. Для потребителя это может выражаться в том, что его личная оценка достигнутой полезности может ухудшаться при формальном увеличении объема потребляемых благ. Чаще всего это связано с внутренним ценностным конфликтом, который переживает субъект, действующий вопреки предписаниям институтов и собственных критериев.

Существует точка зрения, согласно которой рациональный выбор осуществляется за пределами институционально-ценностных ограничений, а институциональное поведение — за рамками рационального выбора. Такому раздвоению экономической реальности соответствуют два разных типа субъектов — *homo economicus* и *homo institutus* [См.: 3, с. 65–71]. По нашему мнению, с такой точкой зрения можно согласиться, лишь считая эти типы идеальными, необходимыми в качестве теоретических инструментов моделирования хозяйственного поведения людей в различных ситуациях и системах.

В реальности даже самый рациональный (эгоистический) тип субъекта не может обходиться без доверия. В противном случае он станет аутсайдером или банкротом. Ведь он будет вынужден затрачивать дополнительные ресурсы и усилия для гарантий и страхования всех своих рыночных решений. А пользоваться ощутимыми экономическими преимуществами доверия можно, лишь разделяя и признавая институционально-ценностные ограничения. С другой стороны, *homo institutus*, даже оставаясь на позициях исключительно ценностного поведения, *обязан* осуществлять рациональный выбор, который прямо связан с ценностями личной свободы и ответственности. В противном случае он не сможет самостоятельно отвечать за последствия своих ценностно ориентированных хозяйственных решений.

Поэтому более корректно с теоретической точки зрения можно говорить об *устойчивом преобладании* одной из составляющих в актуальных оценках и критериях разных хозяйствующих субъектов. Но даже в этом случае возможны переходы субъектов из одной категории в другую, в особенности в условиях существенных изменений институциональной среды, в которой принимаются решения.

Непосредственным связующим каналом установления доверия между продавцом и покупателем выступает рыночная равновесная цена. Наиболее ярко содержательная связь рыночной цены и доверия проявляется в такой, казалось бы,

частной рыночной ситуации, как цена на *олигополистическом* рынке. В этом случае доверие само по себе является инструментом образования олигополистических структур и раздела рынков. Даже при отсутствии формального сговора динамика рыночного предложения и рыночных цен могут сигнализировать продавцам о выгоде следования скрытой олигопольной практике. В свою очередь, уменьшение доверия по любым причинам быстро приводит к саморазрушению олигополистических структур. Попытки компенсировать зыбкость личного (неформального) доверия участников олигополистических структур созданием скрытых квази-институциональных регуляторов облегчают их обнаружение и борьбу с ними со стороны антимонопольных органов государства.

Доверие как социально-экономический феномен следует рассматривать двояко: как доверие, которое субъект имеет по отношению к другому субъекту; как доверие, которое субъект получает от других субъектов. Как и любое отражение, отраженное доверие не совпадает с отражаемым объектом. Эта рефлексивная природа доверия уже сама по себе предполагает существенные несовпадения, разрывы и провалы, поэтому так называемая «экономика доверия» представляет собой только часть, хотя и весьма важную, экономической действительности.

Доверие является фактором принятия решений субъекта и поэтому влияет на совокупный уровень полезности. Оправданное доверие повышает уровень полезности, а неоправданное – снижает. Поэтому доверие необходимо рассматривать еще и как процесс обмена, который является составной частью более широкого процесса кооперации, сотрудничества и конкуренции в рыночной экономике.

Как часть процесса кооперации доверие связано с ресурсным измерением хозяйственной деятельности рыночных субъектов. Если оно само представляет собой особый вид экономического ресурса, то может быть включено в систему его бюджетных ограничений. Исчерпание доверия может означать слишком высокий уровень неопределенности, которая

не может быть компенсирована позитивными ожиданиями субъекта. Это вынуждает субъекта упрощать свою рыночную позицию, уходить на те сегменты рынка, где ситуация является более простой и подконтрольной.

Доверие оказывает серьезное влияние на уровень эластичности спроса и предложения по ценам и доходам. Доверие способствует смягчению бюджетных ограничений до тех пор, пока оно оправдывается. Поскольку доверие включает в число своих детерминант и неэкономические социально-психологические и моральные факторы, в экономический процесс вводятся дополнительные источники неопределенности.

В то же время сам по себе факт смягчения бюджетных ограничений способен порождать эффект, схожий с эффектом возрастания доходов. Следствием может быть нарушение Парето-оптимума. Это дает основания для предположения о возможном негативном влиянии фактора доверия на равновесие в экономике: чрезмерное ослабление уровня требовательности со стороны кредиторов порождает дополнительные «незаработанные» возможности у некоторых заемщиков, что ставит в худшее положение добросовестных субъектов.

Ожидания потребителей относятся к числу неценовых факторов спроса. Через ожидания мы можем включить доверие в число факторов, влияющих на уровень спроса и предложения. Неустойчивость рыночного предложения вызывает снижение доверия у потребителей со всеми вытекающими последствиями для доступности, допустимости, привычности и предпочтительности. Наиболее болезненно это может сказываться на инновационных альтернативах.

Доверие консервативно, поэтому фактор доверия повышает рыночный порог для инноваций. Это способствует ценностно-институциональной селекции инноваций, потому что шанс пробиться на рынок выше у тех инноваций, которые минимально конфликтуют с ценностными основаниями доверия, принятыми в данной системе.

Тем самым доверие может быть включено в число входных

барьеров, которые способствуют дискриминации. Дискриминационное ценообразование также может быть построено на дифференцированном и ограниченном доверии. Доверительные отношения между продавцом и покупателем являются еще одним инструментом раздела рынков, позволяющим обходить антимонопольные правила, установленные государством.

Доверие в большей степени зависит от неэкономических факторов (социально-психологических, политических, моральных, этнических), поэтому способно усложнять картину распределения ресурсов в сравнении с ее исходной рациональной моделью. Склонность доверять политико-институциональной и культурно-этнической среде имеет прямое отношение к такому особому классу решений субъектов, как инвестиционные.

Максимизация полезности субъекта может им откладываться во времени, если он доверяет: «Эмпирика доверия может быть синхронной и асинхронной, даже дискретной. Это означает, что ответная реакция на первые фазы коммуникации доверия может последовать с большим опозданием, либо, наоборот, с опережением первой и второй фазы» [2]. Инвестиции могут служить наглядным выражением такой отложенной максимизации. Субъект, который доверяет, способен распределять и использовать свои ресурсы и способности во времени, поэтому он является в большей степени свободным. Доверяя и инвестируя, субъект выходит в новое измерение максимизации полезности своих хозяйственных решений – с точки зрения ресурсов, процесса и результата.

Возможность выбора доверия обязательно предполагает *свободу* выбора доверия. Роль инвестирования в этом механизме двояка.

С одной стороны, механизм оптимального распределения ресурсов не может работать эффективно, если в нем нет инструмента оптимизации временных предпочтений, позволяющего распределять ресурсы не только в пространстве, но и во времени. В результате возникает потребность в расширенном за пределы текущего временного горизонта доверии. Инструмен-

том формирования длительного (расширенного) доверия выступает *свобода субъекта во времени*.

С другой стороны, именно свободный выбор доверия обеспечивает экономике использование в числе критериев и ограничений рационального выбора *временного ресурса*. Это не означает, что в несвободной экономике не может быть инвестиционной деятельности. Просто в этом случае субъект свободного во времени распределения ресурсов (государство) является одновременно и источником несвободы для всех нижестоящих субъектов (чаще всего речь идет о командной экономике в ее различных исторических вариантах — от азиатского способа производства до государственно-монополистического социализма).

Отказ от свободы и ответственности (прямой или завуалированный) неизбежно означает нарушение или обман доверия. Из-за этого исчезают основания длительного расширенного доверия, что подрывает, прежде всего, инвестиционные процессы в хозяйственной системе.

Современный глобальный финансовый кризис явился результатом эрозии доверия, вызванной ценностно-институциональной деградацией важных сегментов финансового рынка: «Финансовые проблемы, беспокоящие сегодня мировую экономику, могут быть сведены, хотя и не до конца, к простой ситуации: тот, у кого есть деньги, предпочитает держать их при себе, а не инвестировать. Не вкладывать их в акции, не давать займы, не покупать на них недвижимость. И владельцев денежных средств можно понять. За последние годы крупнейшие в мире аудиторские и рейтинговые агентства, банки и страховые компании продемонстрировали свою ненадежность, а то и откровенную склонность к мошенничеству. Как можно доверять кровно заработанные деньги в управление людям, которые идут на неоправданные риски, фальсифицируют отчетность, да еще выписывают себе фантастические бонусы?» [1], — справедливо отмечают аналитики, характеризуя разрушительные последствия потери доверия для глобальных финансовых рынков.

Обязательной предпосылкой выхода из современного финансового кризиса является восстановление инвестиционного уровня экономической свободы субъектов за счет обеспечения ее необходимыми институциональными инструментами доверия.

С точки зрения критериев адаптивности и развития доверие способствует более быстрым решениям субъектов и устойчивым ожиданиям. Такие рынки более адаптивны на коротких интервалах. В то же время чрезмерная роль фактора доверия способствует консервации и сегментации рынков, в результате чего могут накапливаться существенные отклонения и диспропорции. В обычной ситуации чрезмерное доверие подвержено естественной эрозии в силу большого количества стохастических факторов, влияющих на доступность, допустимость и предпочтительность рыночных альтернатив, оцениваемых субъектами, принимающими решения.

Действие таких факторов постепенно приводит к тому, что доверие становится либо необоснованным, либо неактуальным, что вынуждает субъектов использовать стандартные алгоритмы получения, интерпретации и использования рыночной информации. В то же время усиливается роль личной ответственности субъектов, снижаются ценностно-институциональные барьеры для инновационных альтернатив на фоне усиления роли трансакционных и ценовых барьеров. Это способствует инновационному скачку и одновременно снижает социальную ценность институционального (предсказуемого) поведения, что может быть охарактеризовано как обязательная предпосылка существенных изменений в социально-экономической системе.

Хотя в условиях сжатия пространства доверия общий текущий уровень полезности имеет тенденцию к снижению, на среднесрочном интервале этот уровень может повыситься за счет позитивных изменений в предпочтениях и доступности альтернатив. После этого перехода создаются предпосылки для возобновления роли доверительных процедур при подготовке и принятии решений.

Таким образом, доверие можно охарактеризовать как имманентный элемент механизма рационального выбора, позволяющий принимать и реализовывать рыночные решения в условиях неполноты или асимметрии существенной информации. В разных ситуациях доверие может выступать для субъекта, принимающего решения, как фон, как ресурс или как инструмент, задействованный в процессе максимизации полезности выбора. Последовательными внутренними моментами доверия выступают доступность, допустимость, привычность и предпочтительность рыночных альтернатив.

Ценностно-институциональные и транзакционные эффекты доверия, позволяя субъектам использовать его в качестве инструмента реализации широкого круга рыночных задач, в частности, инвестиций, конкурентной борьбы, раздела рынков, придают доверию статус инструмента эволюции социально-экономической системы. Субъекты используют этот инструмент в своих целях, но одновременно и неосознанно включаются в процесс более высокого уровня – эволюцию.

Целостная системная координация функций эволюционирующей экономики имеет информационную природу. Доверие как имманентный информационный механизм рынка играет в этом далеко не последнюю роль. Вектор доверия может быть направленным как внутрь определенного социума, так и вовне. В стабильной социально-экономической системе внутреннее доверие входит в число своеобразных «иммунных сил» социального организма, которые защищают его от несанкционированного проникновения чуждых субъектов и информации извне.

Причина этого заключается в том, что доверие обеспечивает такой уровень экономии транзакционных издержек, который недоступен для внешних субъектов, для чужих. Формула «свои люди – сочтемся» выражает специфический образ хозяйственных действий, присущих локализованной самодостаточной системе, в которой доверие обеспечивается механизмом опознавания «свой – чужой». Внешние связи и критерии в такой хозяйственной системе играют комплементарную функцию.

Если же доверие направлено преимущественно во внешний мир, то социум утрачивает функциональную самодостаточность. Из-за этого внутри растут трансакционные издержки, падает эффективность использования ресурсов, ухудшаются условия удовлетворения потребностей. Внешние факторы начинают играть решающую роль в равновесии системы, а внутренних процессов, функций и ресурсов для поддержания равновесия уже не хватает. К ним переходит роль комплементарного фактора системы. Возникает ситуация, когда внутренний хаос ограничивается и компенсируется лишь внешним давлением и ресурсной подпиткой.

Однако вектор эволюции системы как целого в конечном итоге определяется соотношением ее энергетических (ресурсных) и информационных потребностей и ее информационных возможностей. Эффективное восприятие и использование внешней и внутренней информации как снятие неопределенности (уменьшение степеней свободы для ее элементов) является условием сохранения системы. Слишком много денег, информации и ресурсов могут породить процесс внутреннего разогрева, который постепенно приводит к системным сбоям.

Но чем дольше поддерживается равновесие за счет внешних факторов, тем больше существование системы утрачивает экономическую целесообразность для ее участников. Современный кризис американской промышленности может служить достаточно впечатляющей иллюстрацией этого тезиса. Тенденция к возрастанию хаоса имеет место, если энергии (информации, денег) извне поступает слишком много по сравнению с возможностями ее усвоения. К. Маркс говорил: «Высокий уровень промышленного развития нации имеет место до тех пор, пока для нее главным является не прибыль (Gewinn), а добывание (Gewinnung)».

Перегретая система либо гибнет, либо переходит в новое, более высокое качество. Источники хаоса и порядка либо взаимно локализируются в пространстве и времени, либо охватывают одни и те же звенья (участки, зоны) экономики. Если

имеет место взаимная локализация энтропийных и антиэнтропийных процессов, то накопленный хаос может внезапно прорваться в остальную систему и разрушить (полностью или частично) накопленный в «тепличных условиях» изоляции порядок. Если же процессы обоих типов наблюдаются в одних и тех же звеньях, то развитие будет более медленным, однако формирующийся порядок будет более крепким, а у системы появится больше шансов для относительно плавного перехода. Современный глобальный кризис способствует устранению барьеров между источниками хаоса и порядка, что можно рассматривать как исторический шанс для перехода глобализации на траекторию более медленного и стабильного развития.

Доверие является косвенным выражением уровня институционального порядка, присущего данной хозяйственной системе. В зрелой системе нарушения порядка, вызванные текущими флуктуациями среды, преодолеваются за счет перекрываемых зон ответственности, в пределах которых институты могут замещать друг друга. Поэтому текущие шоки и колебания не требуют от субъектов отказа от доверия, что может быть охарактеризовано как принцип презумпции доверия. Благодаря этому принципу стабильное доверие может существовать на подвижной динамичной основе.

Но как только масштабы институциональной субституции перестают соответствовать масштабам институциональных разрывов, то субъекты вынуждены отказаться от безусловного доверия в пользу полноценных процедур узнавания, идентификации, проверки, выбора формы и масштабов гарантий. Трансакционные издержки возрастают, растут риски рыночной специализации, увеличиваются страховые запасы, падает эффективность использования ресурсов. Институционально обусловленное сужение пространства доверия становится дополнительным фактором кризисного падения экономики.

При этом может возникнуть сильная негативная обратная связь между институтами, доверием и эффективностью, что придает кризису системный характер. Отсутствие доверия

парализует многие институты. Низкая эффективность экономики подрывает функциональную эффективность государства. Вследствие этого пирамида доверия теряет свои фундаментальные основы сложного социального порядка, и общество вынуждено перейти на более низкий уровень равновесия за счет национальной гармонии и справедливости. Тогда быстро развивается институциональная недостаточность, которая поражает и институциональные основания системы. Потребность в институциональном порядке становится самой острой и определяющей в функционировании социально-экономического организма. Институциональные интервенции в таком обществе принимают массовый характер, однако никто не даст гарантии, что имплантация чужих институциональных органов не вызовет реакции отторжения.

Активную роль в таких кризисных процессах могут сыграть не сами нарушенные функциональные связи, а фундаментальные структуры, отражающие прошлое системы в виде ее генетического основания. В смысле ведущей (самой острой) потребности кризисная система более «институциональна», чем функциональна. Эти фундаментальные структуры могут служить при определенных условиях точками кристаллизации новых институтов. Благодаря этому в переходных состояниях прошлое системы актуализируется, становится реальным участником развития событий.

Таким образом, динамика доверия выражает присущие данной экономической системе способы и инструменты снятия информационной асимметрии хозяйственных обменов. Если эта миссия выполняется удовлетворительно, то система является равновесной. Если же доверие не может выполнять миссию инструмента снятия неопределенности, то система вынуждена формировать новые институциональные инструменты и механизмы, то есть эволюционировать и переходить к новому уровню равновесия. Восстановление оптимального уровня доверия может рассматриваться как критерий завершения перехода.

Список литературы

1. Бабич Н. Кризис как наказание безбожникам: неполиткорректная гипотеза [Электронный ресурс] / Н. Бабич. – Режим доступа : http://www.kapital-rus.ru/strateg_invest/element.php?ID=7248.
2. Гельфанова С. В. Доверие как феномен культуры [Электронный ресурс] / С. В. Гельфанова, В. Н. Лавров. – Режим доступа : <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=1896>.
3. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. – М. : Наука. 2004. – 240 с.
4. Мышляева Т. В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу [Электронный ресурс] / Т. В. Мышляева. – Режим доступа : [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1\(5\)/34.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/34.pdf).
5. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики / Ж. Сапир. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.
6. Сергеев В. М. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей / В. М. Сергеев, А. С. Кузьмин, В. Д. Нечаев и др. // Полит. исслед. – 2007. – № 2. – С. 8–17.
7. Столяр В. Ю. Доверие как инструмент управления глобальным риском [Электронный ресурс] / В. Ю. Столяр. – Режим доступа : ftp://lib.herzen.spb.ru/text/stolyar_38_82_p330_336.pdf

Резюме

У статті розглянуто економічну природу довіри та її роль у функціонуванні та розвитку господарських систем. Обґрунтовано висновок, що динаміка довіри відображає притаманні даній системі засоби та інструменти зняття інформаційної асиметрії господарчих обмінів. Доведено, що відновлення оптимального рівня довіри в економіці є критерієм завершення перехідного процесу.

Summary

The economic nature of trust and its part in economic systems functioning and developing is considered. The conclusion about trust dynamics reflecting the means and instruments of removing the informational asymmetry of economic exchange contracts has been grounded. It has been substantiated that restoration of an optimal level of trust in economy is a criterion of the completion of a transition process.

**Проблеми лінгвістики,
лінгводидактики,
літературознавства
та перекладу**

УДК 821.111-32:94”1914/1918”

Jane Mattisson

**FICTION: A COMPLEMENT TO DOCUMENTARY
ACCOUNTS OF WAR**

Key words: World War One, novel, representation, human understanding, academic research.

This article discusses an important feature of popular literature in Europe, namely the prevalence of war as both a setting and a subject. Why is war such an important feature of modern novels in English? How do such novels contribute to our understanding of war, and what does it mean to be a human being in time of war? Why do modern novels about war receive such scant recognition from Academia? These questions form the basis of this article, which has as its focus World War One, a war which had profound consequences for the Ukraine as well as Western Europe, and one which has given rise to a large number of novels in English, especially from the British Expeditionary Forces countries, i.e. Britain, Canada, Australia, India and South Africa (the majority are published in Britain or feature British soldiers). I argue that by understanding the process of representation of war in fiction, scholars can appreciate the special contribution that novels make to our understanding of the consequences of war for human beings. For reasons of space, one particular contribution is singled out for special treatment, namely the moral concerns of individuals and how these affect the chances of survival. This is the subject of my ongoing research into the popularity of modern English literature on World War One, which discusses over eighty novels published in English over the past forty years. Only a few references to novels can be given here.

The following discussion is based on the principle, eloquently expressed by Paul Fussell, that ‘life feeds materials to literature while

literature returns the favor by conferring forms upon life' (*The Great War and Modern Memory*, p. ix). World-War-One novels are important sources of knowledge not only about the past; they also indicate values and concerns which are important today. I begin with a short review of the impact of World War One. This is followed by a brief introduction of recent research on the representation of war, focusing on the work of Paul Fussell, Sebastian Faulks, Tim O'Brien, Evelyn Cobley and Robert L. O'Connell. I hope to demonstrate that there is a need for a change of attitude among scholars towards modern fiction about war. While the classics must remain an important area of study for academics, we must also turn our attention to the novels which are popular with the reading public. Academic research on the subject is limited¹. Attention has been focused on memoirs, autobiographies and documentary accounts, which have traditionally enjoyed a higher status as literature and as sources of historical knowledge. It is my hope that this situation will change in the near future.

The impact of World War One

Of the 3.75 million Ukrainian participants in World War One, 1.5 million died as a direct result of the War or the Russian Revolution of 1917. The Treaty of Versailles (1919) gave away Ukrainian land to Poland, Romania, Czechoslovakia and the Soviet Union. Nearly ten million people throughout the world died on the battlefield or in hospital as a result of World War One. As Jeff Shaara points out, this amounts to five thousand deaths per day throughout the war (*To the Last Man*, p. 840). Fifty-seven countries participated. The map of Europe was drastically altered by 1919.

In accounting for the British fascination for World War One, Richard Holmes points out that it saw more men serving than any other conflict in British history. 'The first day of the Battle of the

¹ A notable and recent exception is the doctoral thesis by Esther MacCallum-Stewart, 'The First World War and Popular Culture'. Unpublished thesis. University of Sussex, 2005. The thesis may be ordered at <http://www.bl.uk/>

Somme is still the bloodiest in British history, and 1914–18 was the only time in history when the British army confronted the main power of a major continental adversary in a war's main theatre for the whole of the conflict's duration' (*Tommy. The British Soldier on the Western Front 1914–1918*, p. 11).

Writing at the end of the previous century, Sebastian Faulks, best-selling author of the World-War-One novel *Birdsong* (1994), reflected that war had become an important setting for serious contemporary fiction. The 'hideous collisions of metal and flesh' give rise to repercussions and 'social eddies' of special interest to modern writers intent on exploring human nature and its strengths and limitations (Introduction to *The Vintage Book of War Stories*, pp. ix-x). War shows the extremes of the human condition. Difficult and life-determining choices must be made in a situation where the present day may be the only day left. Such choices evoke profound emotional responses. Writers of fiction are not concerned with factual but emotional accuracy. History books often tell a wider, national story, the course and results of major battles, the development of technology, and the state of the nation; fiction brings the individual to the fore. As Richard Holmes observes, history books 'often lose sight of the men who actually fought the war' (*Tommy*, p. xxiii). In the final novel of Anne Perry's World-War-One quintet, for example, Schenckendorff observes, '[i]ndividuals matter . . . Moments of joy, a man's victory over the darkness within himself, a perception of beauty, whether it is of the eye or the mind' (*We Shall Not Sleep*, p. 236). Schenckendorff's observation applies to all the novels included in my research; it is also one of the primary reasons why novels on war deserve serious attention from academics.

As Robert L. O'Connell argues, 'the shock induced by the Great War was sufficient to cause a radical disjunction between thought and action, a schism of fundamental significance not just for the future of warfare but also in determining the context for the whole complex of economic, technological and political changes that were transforming human existence' (*Ride of the Second Horseman. The Birth and Death of War*, p. 236). World War One created a

crisis of the spirit and called into question the basic direction of Western civilisation (Robert L. O'Connell, *Of Arms and Men. A History of War, Weapons and Aggression*, p. 242). This crisis begs several questions: What defines a civilised society? How could the qualities of civilisation be maintained in time of war? Does war necessarily give rise to a new set of values? What happens to the individual in a crisis of the spirit?

The first few weeks of the War put an end to pre-war innocence. Dreams of bravery, patriotism or pure adventure were replaced by the harsh reality of the battlefield and the casualty station. Few if any were prepared for what they were to see and experience. The narrator of David Malouf's *fly away peter* (1999) describes the situation as follows: 'Jim saw that he had been living, till he came here, in a state of dangerous innocence. The world when you looked from both sides was quite other than a placid, slow-moving dream, without change of climate or colour and with time and place for all. He had been blind' (p. 107). Innocence is dangerous because it leads to false expectations. War is 'the other side' of existence, where there is neither time nor place for all. What determines survival is a mixture of luck, skill, strong and reliable comrades, and a trust in something that transcends the present situation; the latter may take the form of a code of values, a philosophy or religious belief.

World-War-One novels employ many of the conventions of the realist discourse used by documentary writers; at the same time, they are based on the fundamental assumption that 'art is capable of reproducing a more complex and more deeply felt reality than is possible through a documentary insistence on factuality' (Evelyn Cobley, *Representing War. Form and Ideology in First World War Narratives*, p. 12). The novels make no pretence to provide objective, detailed or coherent accounts of a particular battle or period of the war; neither do they argue for a particular view or interpretation of the war, as do many of the accounts of survivors. Instead, they are flashes of reality, intense in their detail and subjective in their insights. They provide something of the immediacy of the photograph, where the lens is trained on one or just a few

individuals at a specific point in time and in a restricted context.

No representation of the war experience is able to reproduce reality as such. However documentary or autobiographical an account may be, it will only ever be one war story among other war stories. Since reality is inaccessible and even unnameable, all narrative renderings *produce* rather than *reproduce* the war experience (My italics. Evelyn Cobley, *Representing the War*, p.15). Not even the memoirs or autobiographies of participants in World War One can make the complex, multilayered experience of war accessible. There is no name for some of the horrors that took place; these remained locked in the memories of those taking part, and have died with them.

There is an assumption among historians that signs are motivated by an historical event, place etc. which is independent of the literary text. While Hayden White has demonstrated in *Metahistory* that historiography uses narrative and rhetorical strategies similar to the devices of fiction, it has become increasingly obvious that the assessment of historical facts is highly problematical. While I am conscious of this debate, it is not my purpose to argue for the historical accuracy – or otherwise – of World-War-One novels. Rather, I am concerned with works of art which treat a limited aspect of the War, and where the writer enjoys the benefits of distance – physical and emotional – from the events which form the inspiration and context of the story told.

Whether a story is 'true' or not, it is difficult to separate what is verifiable from what seemed to take place. Tim O'Brien, American novelist and veteran of the Vietnam War, expresses this as follows:

In any story, but especially a true one, it's difficult to separate what happened from what seemed to happen. What seems to happen becomes its own happening and has to be told that way. The angles of vision are skewed. When a booby trap explodes, you close your eyes and duck and float outside yourself. When a guy dies ... you look away and then look back for a moment and then look away again. The pictures get jumbled; you tend to miss a lot. And then afterward, when you go to tell

about it, there is always that surreal seemingness, which makes the story seem untrue, but which in fact represents the hard and exact truth as it seemed ('How to Tell a True War Story', in Paula Geyh, et. Al, eds. *Postmodern American Fiction: A Norton Anthology*, pp. 174–183, pp. 175–176).

World-War-One novels represent another kind of truth: a truth which is based on sound historical research but which has been reformed into a personal narrative with the aid of the imagination and in response to current interests and values. Like the soldier, the author of World-War-One novels must also 'miss a lot', but unlike the soldier, s/he is not troubled by jumbled pictures which may cloud the vision. There is no trauma, no fear of failing to tell 'the hard and exact truth'. The angles of vision are those determined by the writer and subsequently identified and interpreted by the reader of fiction.

The author and the reader of modern World-War-One novels thus exercise considerable power over the literary text: the author, over its formation, and the reader, over its interpretation. The majority of the actors in World War One, however, were pawns in a game whose rules were set and interpreted by others. Apart from a few commanding officers and officials, there were few who had any insight into the causes and course of the war or any influence over their destiny. Paul Fussell argues that World War One saw the emergence of the modernist anti-hero, 'the man things are done to or the person whose power of action is severely restricted. The victim of mass conscription and military discipline is a version of Kafka's Gregor Samsa, Hemingway's Jake Barnes, Eliot's Prufrock, or Beckett's Krapp' (*The Norton Book of Modern War*, p. 23). The chances of being killed or wounded were extremely high at all levels and in all positions. Survival depended on a degree of luck and on finding a means by which to cope with the chaos, destruction and futility of the situation.

World-War-One novels contain a disproportionately large number of soldiers, nurses etc. who survived the war. This is a literary necessity, of course: on a very basic level, characters must

live sufficiently long for their story to be worth telling. But it is not as simple as that: the survivors have learned an important lesson that is as relevant today as it was one hundred years ago, namely for life to be worth living, one must identify and adopt a set of values which makes sense of and gives meaning to our daily existence. These values are also important in death: if luck is against you, the knowledge that you have acted true to your principles may be of some comfort. Many of the fictional survivors of World War One whose stories are told in modern novels leave the war stronger than when they entered it and are as such sources of inspiration to the reader. They are not necessarily happy or successful but they know what they believe in and why. In most cases, this knowledge stimulates a renewed desire to live.

The true war story is intensely personal. It neither generalises nor analyses. It is not concerned with the regiment, the village or the family. It is, as already indicated, the individual who is the centre. For this reason, a war story has a special power to make the reader believe:

True war stories do not generalize. They do not indulge in abstraction or analysis. For example: War is hell. As a moral declaration the old truism seems perfectly true, and yet because it abstracts, because it generalizes, I can't believe it with my stomach. Nothing turns inside. It comes down to gut instinct. A true war story, if truly told, makes the stomach believe (Tim O'Brien, 'How to Tell a True War Story', p. 179).

The war story is a powerful complement to first-hand experience. It is no coincidence that the popularity of 'true' war stories is growing at the same time as another, related, industry is expanding, namely the war tourism industry. Tourists travel in ever-growing numbers to the battlefields of Flanders and France to visit World-War-One cemeteries and monuments (Marian Eide, 'Witnessing and Trophy Hunting: Writing Violence from the Great War Trenches'). The industry is also represented in fiction: Madden in Rennie Airth's *River of Darkness* (1999), for example, returns to a battlefield in France; and Gordon Mackenzie revisits the Picardy

region of France in R. H. Mowatt's *Severed Branch. A Novel* (2006). Eide asks herself '[w]hy so many people ... pursue the Great War as a kind of obsession: wanting to visit those fields, photograph the trenches, read the poetry that testifies to horror, witness that which cannot be expressed' ('Witnessing and Trophy Hunting', p. 86). She concludes that there is an absolute need, which cannot be fulfilled, to establish 'survival in the face of profound destruction' (p. 100). Eide argues that the canonical war poems are trophies rather than expressions of violent experiences. Readers collect them in the same way as visitors to the Front collect souvenirs. World-War-One novels, on the other hand, are neither trophies nor souvenirs. They do not offer analyses or explanations but they do engage the attentive reader in a process of negotiation which provides important insights into methods of survival in the face of profound destruction. It is for this reason that Gerald Brennan M. C., author of *The Spanish Labyrinth*, could tell the historian Sir Raymond Carr: 'You can't get at the truth by history; you can only get it through novels' (quoted in Hugh Cecil and Peter Liddle, eds., *Facing Armageddon. The First World War Experienced*, p. 805).

Survival, values and belief

Since war is a time of confusion and ambiguity, all those involved must work in what crime writer Jacqueline Winspear, the author of the Maisie Dobbs sextet,² describes as 'grey zones'. This truth is borne out by war veterans such as the earlier mentioned Tim O'Brien, who argues that

For the common soldier, at least, war has the feel – the spiritual texture – of a great ghostly fog, thick and permanent. There is no clarity. Everything swirls. The old rules are no longer binding, the old truths no longer true. Right spills over into wrong. Order blends into chaos, love into hate, ugliness into beauty, law into anarchy, civility into savagery. The vapors suck

² Jacqueline Winspear is currently completing a seventh novel on Maisie Dobbs, a female detective who makes it her life's mission to investigate crimes directly related to World War One.

you in. You can't tell where you are, or why you're there, and the only certainty is absolute ambiguity' ('How to Tell a True War Story, p. 181).

War is described here in 'spiritual' terms, and belongs to a realm where truth is no longer true, right is no longer right and the boundary between good and evil is shrouded in a thick mist which allows one to enter but not to exit. If you do not know who you are or 'why you're there' only ambiguity can result. As the fictional characters discussed in my research demonstrate, however, the potential exists to negotiate a way out of the mist: you cannot be certain that you will not be killed, but you can be sure of what you believe in, and you can hold on to this. This is perhaps all the more remarkable given that army training was designed to foster obedience and squash individuality and independent thinking.

There were at the beginning of the twentieth century no new codes or philosophies with which to replace the old ones. Survival depended to some extent on luck but also on creating an ethical basis which provided comfort, security and a rationale. It is this ethical/spiritual basis which modern World-War-One novels illustrate so clearly. Every year sees the publication of several World-War-One novels in English. Many of these are written by well-known authors³ and become bestsellers. They are an important source of historical and cultural knowledge; treasures to be valued and studied. Together, novels and documentary accounts tell a more complete story, a story which continues to fascinate us as it challenges our understanding of what it means to be a human being. World-War-One novels deserve to take their place in Academia as a bona fide field of research and a subject worthy of study at school, college and university.

³ These authors include: A.S. Byatt, *The Children's Book*. (London: Chatto & Windus, 2009); Bruce Chatwin, *On the Black Hill* (London: Vintage, 1998); Timothy Findley, *The Wars* (London: Faber & Faber, 2001); Doris Lessing, *Alfred and Emily* (New York: HarperCollins, 2008); Jane Urquhart, *The Stone Carvers* (London: Penguin, 2003); and Penny Vincenzi, *No Angel* (London: Orion, 2000).

References

1. Airth Rennie. *River of Darkness* / Airth Rennie. – London and Basingstoke : Macmillan, 1999.
2. Brenan Gerald. In Hugh Cecil and Peter Liddle / Brenan Gerald. – *Facing Armageddon*. – P. 805.
3. Byatt A. S. *The Children's Book* / A. S. Byatt. – London : Chatto & Windus, 2009.
4. Cecil, Hugh. *Facing Armageddon. The First World War Experienced* / Cecil Hugh and Peter Liddle (eds.). – London : Lee Cooper, 1996.
5. Chatwin Bruce. *On the Black Hill* / Chatwin Bruce. – London : Vintage, 1998.
6. Copley Evelyn. *Representing War. Form and Ideology in First World War Narratives* / Copley Evelyn. – Toronto : Toronto University Press, 1993.
7. Eide Marianne. 'Witnessing and Trophy Hunting: Writing Violence from the Great War Trenches'. *Criticism* / Eide Marianne // Winter 2007. – Vol. 49. – No. 1. – P. 85–104.
8. Faulks Sebastian. *Birdsong* / Faulks Sebastian. – London : Vintage, 1994.
9. Faulks Sebastian. *The Vintage Book of War Stories* / Faulks Sebastian and Jürg Hensgen (eds.). – London : Vintage, 1999.
10. Findley Timothy. *The Wars* / Findley Timothy. – London : Faber & Faber, 2001.
11. Fussell Paul. *The Great War and Modern Memory* / Fussell Paul. – Oxford : Oxford University Press, 1975.
12. Fussell Paul (ed.) *The Norton Book of Modern War* / Fussell Paul (ed.). – New York : W.W. Norton, 1991.
13. Geyh Paula et al. (eds.). *Postmodern American Fiction: A Norton Anthology* / Geyh Paula et al. (eds.). – New York : W.W. Norton, 1998.
14. Holmes Richard. *Tommy. The British Soldier on the Western Front 1914–1918* / Holmes Richard. – London : Harper Perennial, 2005.
15. Lessing Doris. *Alfred and Emily* / Lessing Doris. – New York : HarperCollins, 2008.
16. MacCallum-Stewart Esther. 'The First World War and Popular Culture'. Unpublished thesis / MacCallum-Stewart Esther. – University of Sussex, 2005.
17. Malouf David. *Fly away Peter* / Malouf David. – London : Vintage, 1999.

18. Mowatt Andrew R. H. *Severed Branch* / Mowatt Andrew R. H. – Lincoln, NE : Universe, 2007.
19. O'Brien Tim. 'How to tell a true war story'. In Paula Geyh, et al. (eds.) / O'Brien Tim // *Postmodern American Fiction : A Norton Anthology*. – P. 174–183.
20. O'Connell Robert L. *Of Arms and Men. A History of War, Weapons and Aggression* / O'Connell Robert L. – Oxford : Oxford University Press, 1990.
21. O'Connell Robert L. *Ride of the Second Horseman. The Birth and Death of War* / O'Connell Robert L. – Oxford : Oxford University Press, 1997.
22. Perry Anne. *We Shall Not Sleep* / Perry Anne. – London : Headline, 2007.
23. Shaara Jeff. *To the Last Man. A Novel of the First World War* / Shaara Jeff. – London : Bantam Books, 2004.
24. Urquhart Jane. *The Stone Carvers* / Urquhart Jane. – London : Penguin, 2003.
25. Vincenzi Penny. *No Angel* / Vincenzi Penny. – London : Orion, 2000.
26. White Hayden. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe* / White Hayden. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1973.
27. Winspear Jacqueline. *Among the Mad* / Winspear Jacqueline. – New York : Henry Holt, 2009.
28. Winspear Jacqueline. *An Incomplete Revenge* / Winspear Jacqueline. – New York : Henry Holt, 2008.
29. Winspear Jacqueline. *Birds of a Feather* / Winspear Jacqueline. – London : Penguin, 2004.
30. Winspear Jacqueline. *Maisie Dobbs* / Winspear Jacqueline. – London : John Murray, 2004.
31. Winspear Jacqueline. *Messenger of Truth* / Winspear Jacqueline. – London : John Murray, 2006.
32. Winspear Jacqueline. *Pardonable Lies* / Winspear Jacqueline. – New York : Henry Holt, 2005.

Резюме

У статті обговорюються сучасні, тобто написані після 1970 року розповіді про Британські експедиційні війська. Розуміння процесу зображення війни в художній літературі дає можливість оцінити

особливий внесок розповідей в наше сприйняття наслідків війни для людей. У статті наводяться докази на користь того, що розповіді про Першу світову війну належить розглядати як широке поле дослідження і предмет, достойний вивчення в середній та вищій школі.

Summary

The article discusses modern, i.e. post-1970 novels featuring the British Expeditionary Forces. By understanding the process of representation of war in fiction scholars can appreciate the special contribution that novels make to our understanding of the consequences of war for human beings. The author argues that novels about World War One should be regarded as a bona fide field of research and a subject worthy of study at school, college and university.

УДК 821.111-32.09 Вульф

Jane Mattisson

**‘KEW GARDENS’:
A KINETIC APPROACH TO LITERATURE**

Key words: Past, present, kinetic, process, chaotic.

The publication of Virginia Woolf’s ‘Kew Gardens’ in 1919 was not only a turning point in the history of the Hogarth Press, it placed Virginia Woolf firmly among the ranks of the most talented writers of the time. The story is an excellent example of Woolf’s vision of the nature of literature as an art which looks backwards and forwards and whose primary function is to construct the present¹. ‘Kew Gardens’ is based on a conflict between passivity and motion, the visitors constantly moving between past and present as they stroll. The story demonstrates that while the human and natural worlds may share a common space, they do not fuse². Similarly, while the past and the present regularly enter each other’s space, they never combine. The present is thus characterised by multiple opportunities and disorganisation.

For Woolf, art was a process rather than a property with fixed meanings. ‘Kew Gardens’ celebrates the chaotic nature of knowledge,

¹ Gabrielle McIntire argues that in Woolf’s fiction the backward glance re-affiliates the present with the past, bringing the latter into the spectrum of contemporary experience. The past grants life to the present. See *Modernism, Memory and Desire. T.S. Eliot and Virginia Woolf* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), p. 210.

² John Oakland argues that the main theme of ‘Kew Gardens’ is fusion, whereby individual activity is given coherence and order. The animate and inanimate elements of the story are, he suggests, fused, their sounds stretching beyond the earth ‘to a further universal fusion and identification’ (‘Virginia Woolf’s Kew Gardens’, *English Studies*, 1987, 3, pp. 264–273, p. 273). The present article demonstrates that there is no such fusion.

which on the one hand resists analysis and on the other demands the receiver's active participation. This apparent contradiction provides scope for the reader's imagination as s/he participates in a kinetic experience of reading in time. The reader's attention shifts constantly from the beauty and fascination of nature to the lives of the various characters. As the visitors walk, they apparently see very little, and never touch the flowers. There is no reference to scent, otherwise so strong in July. While the visitors remain apparently unaware of the beauty of the flowers, they must breathe in their scent; the one sense that the visitors cannot control is never mentioned in 'Kew Gardens' because man and nature are destined to remain separate.

Virginia Woolf believed that people have a dual existence: an external, public life of conventional activity, and an internal, private life of hidden meanings (John Mepham, *Virginia Woolf*, p. 71). Woolf described the proper subject of fiction as the examination of an 'ordinary mind' on an 'ordinary day' as it receives a multitude of impressions ranging from the trivial to those sharply engraved in steel ('Modern Novels', *Times Literary Supplement*, April 1919). These impressions are like atoms which arrange themselves differently from day to day and year to year (Leonard Woolf, *Collected Essays*, vol. 2, p. 106). What are the impressions that are arranged in 'Kew Gardens', and how are they perceived by the reader? To answer this question it is necessary to consider the nature of the reading process as defined by Woolf herself.

Woolf advocated active reading practices to stimulate and liberate the reader's thought processes. These processes both engage with and resist the text. Susan Stanford Friedman, for example, has shown that the narrative of *The Voyage Out* is pedagogical as it is 'motivated by the protagonist's education into the ways of the adult world'; reading has become a trope for education, a process in which the reader is invited to share ('Virginia Woolf's Pedagogical Scenes', p. 105); Woolf's experimentalism 'compels self-reflexivity about how we read' ('Virginia Woolf's Pedagogical Scenes', p. 103).

In an article in *The Athenaeum*, Virginia Woolf argues for the importance of doing one's reading with one's own eyes, of trusting oneself before the critics ('The Anatomy of Fiction', May 16, 1919, p. 331).

Woolf's approach to reading was kinetic and dialogic, thereby anticipating reader-response criticism and the poststructuralist emphasis on reader activity as a means of 'producing' the text³. Woolf's process-oriented view of reading emphasises the nature of art as an activity rather than a property⁴. For Woolf, reading was above all an interactive process between the text of the book and the text of the self. Our understanding of the text is, she argued, strongly influenced by our expectations, as well as by when and how many times we read the text. The experience of reading is a kinetic journey in time.

While the journey in Woolf's fiction is often a trope for reading, the emphasis is on movement rather than destination. Melba Cuddy-Keane argues that the journey metaphor serves to emphasise Woolf's process-oriented approach, while the rambling movement of her characters expresses her resistance to the categorical organisation of knowledge (*Virginia Woolf, The Intellectual*, pp. 120-1). Such an approach highlights the provisional and partial nature of the construction of the present.

Mental agility and flexibility are required of the reader of 'Kew Gardens' as s/he must shift from a conventional realist reading to a more modernist self-reflexive one. The effect of the story relies on what J. Hillis Miller calls 'a certain performative use of language' which exceeds the 'referential or mimetic dimension' as the reader brings previous experience and imagination to bear on the text

³ For a detailed discussion of Woolf's anticipation of later theory, see Melba Cuddy-Keane, *Virginia Woolf. The Intellectual, and the Public Sphere* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), ch. 3, pp. 117–193.

⁴ For a discussion of Woolf's definition of the reading process, see Pamela Caughie, *Virginia Woolf and Postmodernism: Literature in Quest and Question of Itself* (Urbana: University of Illinois Press, 1991), p. 179.

(‘Cultural Studies and Reading’, *ADE Bulletin*, 1997, p. 18). This experience changes to a greater or lesser degree with each new reading.

Woolf sought what she termed ‘plasticity’ and ‘elasticity’ in her fiction. She advocated that the reader adopt the same flexible approach to reading. This creates unruliness, rendering analysis problematic. Woolf’s description of the reading process is instructive and will thus be quoted in full:

reading, you know, is rather like opening the door to a horde of rebels who swarm out attacking one in twenty places at once – hit, roused, scraped, bared, swung through the air, so that life seems to flash by; then again blinded, knocked on the head – all of which are agreeable sensations for a reader (since nothing is more dismal than to open the door and get no response), and all I believe certain proof that this poet is alive and kicking” (In Hermione Lee, *The Hogarth Letters*, p. 231).

For Woolf, the chaotic nature of the text is its life. It is personal and emotive. It is the reader’s task to respond with the aid of the imagination and the associative powers of the unconscious mind, combining these with a willingness to accept the text’s rich pluralities of affect at different stages in one’s life.

Leonard Woolf describes ‘Kew Gardens’ as almost perfect: its ‘rhythms, movement, imagery, method’ are such, he claims, that it could only be written by Virginia Woolf.⁵ Hermione Lee argues that ‘Kew Gardens’ has special qualities which mark a new, modernist, trend in her writing: there is a ‘humming, hazy impressionism’ emphasised by ‘spots of colour’, ‘disembodied “wordless voices”’ and a ‘sense of suspended time’ (*Virginia Woolf*, p. 375).

In ‘Kew Gardens’ most of the characters are ‘wordless’. Where words occur, they act as a barrier between past and present, and between man and nature. The ponderous woman, for example, looks at the flowers through a veil of falling words. The flowers themselves

⁵ See Leonard Woolf, *Downhill all the way. An autobiography of the years 1919 to 1939* (London : The Hogarth Press, 1967), pp. 59–60.

remain passive, 'cool, firm, and upright' ('Kew Gardens', p. 205).⁶ As the words fall over the woman, she sways backwards and forwards, focusing on the flowers. What does she see? What is she thinking? The reader can only imagine but suspects that it is something or someone from her past. Her dialogue with her companion is described as 'complicated'. For the reader, it is incomprehensible. Perhaps some of the people mentioned are already dead; they may even be victims of the First World War. The narrator provides no answers; instead s/he weaves a thin texture of story which stimulates the reader's imagination and resembles the 'thin crackling' undergrowth in which the snail finds himself (p. 203). You never know when the texture will crack, but to hide under it can only bring darkness.

The uncertainty of the present is demonstrated from the beginning of the story as the narrator seems uncertain of how many flowers and what varieties there are in the oval-shaped flower-bed. They are dependent on the wind for motion and to spread their pollen. Their static beauty is forced on the visitors by the breeze, which flashes colour into their eyes. Neither the plants nor the visitors need make any effort. This is part of a cycle, pre-ordained by nature.

While the pollination process follows a natural pattern established from the beginning of time, the movements of the visitors are straggling, irregular and unplanned. They resemble the 'zig-zag' movements of the blue and white butterflies present in the flower-bed and the gardens at large.

The first couple to appear, Simon and Eleanor, walk aimlessly because their thoughts are in the past rather than the present. As Simon keeps a distance between himself and his wife, the narrator explains that this has a purpose even if it may also be an unconscious tactic; the aim is 'to go on with his thoughts' (p. 202), all of which relate to the distant past. These reflections occur while Simon is in motion, but they can lead nowhere because Lily's refusal to marry

⁶ All references to 'Kew Gardens' are taken from *The Penguin Book of English Short Stories*, edited by Christopher Dolley, 1967, pp. 201–207.

him fifteen years ago is irreversible. The reader wonders if Simon's life would have been happier or richer if he had not married Eleanor. Simon's thoughts are given precedence over the beauty of the gardens, a quality to which Simon himself remains completely oblivious.

Eleanor, on the other hand, relates her memories of the past to the gardens: the present is made up of the remains of the past, symbolised by the trees in the garden, under which the ghosts of previous visitors still remain. These are the ghosts of 'one's happiness, one's reality' (p. 202), Eleanor tells Simon. The present is fragile, just like the butterflies and flowers. The sudden movement of drawing together the family destroys the mirage, and marks the end of the characters' reflection on their past. Somewhere in the contrast of sunlight and shade, the family quickly disappears, leaving the stage to the snail.

The snail is a passive observer of the visitors. His movements are infinitesimal, but he sees – unlike the strolling visitors. The snail allows himself to be covered in the red, blue and yellow pollen of the flowers; like the reader, he becomes immersed in the beauty of the garden. He is in no hurry, and he is susceptible to the minutest crackle in the thin texture of the undergrowth.

The father and son who enter the snail's field of vision once Simon and Eleanor have retreated cause the reader to reflect on the relations between words and the past and present. The father's preoccupation with the spirits of the dead is intensified by a strange monologue, of which the reader is given only one short snippet. This preoccupation haunts the reader and continues to baffle with each new reading. The narrator's explanation that the father is describing the spirits' experiences in heaven is poor preparation for the father's sudden reference to the First World War. Neither can the reader understand the sudden shift in the father's monologue to a small machine at the end of a bed. Is this some kind of device to conjure up the spirits of the dead? Is this why the father mentions widows in black? Perhaps they are war widows. And this is perhaps why the father suddenly rushes after a lady dressed in 'purple black' (p. 204).

While the tipping of a flower by the son's walking stick brings the father back to the present, the same flower almost immediately sends the father back into the past, as he dreams about Uruguay, a country he had visited 'hundreds of years ago' (p. 204). Is the father in another world, inhabited by the spirits of his ancestors? The father's past can never become part of the present because it is not his own experience. The deranged father appears to see the flower, and yet he does not. He is blinded by images, memories, and senseless words which belong to another time. The father and the flower are fixed in a point of time which covers only a few minutes in the present, but centuries of the past.

Couples continue to appear in the gardens, passing the oval flower-bed with 'the same irregular and aimless movement' (p. 206). As they dissolve in a heat haze, the garden is filled with wordless silence – which is not, however, silence: an aeroplane drones in the sky, and the noise of the city outside the gardens infiltrates the peace. Apart from the sudden appearance of the aeroplane, the scene is motionless as people languish in the intense heat. Voices are without words but the modern world outside the gardens is full of sound. The city outside is a fusion of parts, 'Chinese boxes all of wrought steel turning ceaselessly one within another' (p. 207).

As the young couple approach the café, Trissa fails to see what is around her and her mind is filled with images from the past: orchids, cranes, a Chinese pagoda and a 'crimson crested bird' (p. 206). The present has ceased to exist. The image of the crimson bird reminds the reader of the narrator's earlier comment that words have 'short wings for their heavy body of meaning' (p. 206). Whose are, one wonders, the wordless voices under the trees? Our ideas change and develop with each new reading.

As the voices in the final sentence cry aloud, they are smothered in petals. As inevitably as petals will drop, the visitors to the gardens will return to their homes. If they return to Kew Gardens, they will be changed, and the flowers will not be the ones they passed by earlier with so little thought. The world of the gardens is fragile, just like the text of the story itself. The reader can wander in the

gardens many times, and at many different points in his/her life; the 'present' of the garden is constantly reconstructed in the reader's mind because the meaning the words bear is extremely delicate and highly susceptible to new experiences. The natural and the human worlds can never fuse because they take new forms every time they meet. The Chinese boxes fitting into one another can only exist outside the boundaries of the gardens. As the visitors move between past and present, they fail to appreciate the beauty around them. This is their tragedy, but it can also become the reader's salvation: we can learn to appreciate the beauty of nature and the text by revisiting the story and allowing our imagination to work on the images and textures as part of a kinetic experience of reading in time. The text, for all its fragility, remains constant. It is we who can – and indeed must – change.

Works cited

1. Caughie Pamela. *Virginia Woolf and Postmodernism: Literature in Quest and Question of Itself* / Caughie Pamela. – Urbana : University of Illinois Press, 1991.
2. Cuddy-Keane Melba. *Virginia Woolf. The Intellectual, and the Public Sphere* / Cuddy-Keane Melba. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
3. Dolley Christopher (ed.). *The Penguin Book of English Short Stories* / Dolley Christopher (ed.). – Harmondsworth, Middlesex : Penguin, 1967. – P. 201–207.
4. Friedman Susan Stanford. 'Virginia Woolf's Pedagogical Scenes of Reading: The Voyage Out, The Common Reader, and her "Common Readers"' / Friedman Susan Stanford // *Modern Fiction Studies*, 38. – 1992. – P. 105–118.
5. Lee Hermione. *The Hogarth Letters* / Lee Hermione. – Athens : University of Georgia Press, 1987. First published in 1933.
6. Lee Hermione. *Virginia Woolf* / Lee Hermione. – London : Vintage, 1997.
7. McIntire Gabrielle. *Modernism, Memory and Desire. T. S. Eliot and Virginia Woolf* / McIntire Gabrielle. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
8. Mephram John. *Virginia Woolf. A Literary Life* / Mephram John. – Basingstoke : Macmillan, 1991.

9. Miller J. Hillis. 'Cultural Studies and Reading' / Miller J. Hillis // *ADE Bulletin*, MLA Publications, 117 (1997). – P. 15–18.

10. Oakland John. 'Virginia Woolf's Kew Gardens', *English Studies*, 3, 1987. – P. 264–273.

11. Woolf Leonard (ed.). *Collected Essays*, vols. 1–4. – London : Hogarth, 1966–67.

12. Woolf Leonard. *Downhill all the way. An autobiography of the years 1919 to 1939*. – London : The Hogarth Press, 1967.

13. Woolf Virginia. 'Kew Gardens'. In Christopher Dolley (ed.), *The Penguin Book of English Short Stories*, pp. 201–207. First published in 1919. Also available at <http://digital.library.upenn.edu/women/woolf/monday/monday-07.html>.

14. Woolf Virginia. 'The Anatomy of Fiction', *The Athenæum*, May 16, 1919. – P. 331.

Резюме

Стаття присвячена творчій діяльності англійської письменниці і критика Вірджинії Вульф (1882–1941), чії експерименти з літературною технікою дають підстави зарахувати її до представників літератури «потoku свідомості». Автор статті аналізує оповідання «К'ю Гарденс» і доходить наступних висновків: «К'ю Гарденс» стало поворотним пунктом в літературній кар'єрі Вірджинії Вульф. Щільно спресована тканина тексту і образи твору вимагають від читача повернення до тексту багато разів для реалізації кінетичного досвіду читання в часі. Текстура розповіді крихка, вимагає фантазії і уважного читання. «К'ю Гарденс» – це парадоксальний світ прихованої краси та змісту для тих, хто готовий їх шукати.

Summary

The article deals with the creative activities of the English novelist and critic Virginia Woolf (1882–1941) whose experiments with literary technique give grounds to place her among representatives of «stream of consciousness» literature. The author of the article analyses the story «Kew Gardens» and arrives at the following conclusions: «Kew Gardens» was a turning point in Virginia Woolf's literary career. Its tightly woven text and images demand that the reader returns to the text many times as part of a kinetic experience of reading in time. The texture of the narrative is fragile, requiring imagination and careful reading. «Kew Gardens» is a paradoxical world of hidden beauty and meaning – for those willing to see.

УДК 821.111-1'255.2

А. А. Ивахненко

ОБРАЗ СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ДИКИНСОН: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ В ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: поэтический перевод, Эмили Дикинсон, образ смерти, образ успеха, передача образов, воссоздание образной системы

Объект нашего исследования – передача образов, характерных для творчества Эмили Дикинсон, во время перевода на русский язык, *предмет* – передача образа смерти, *материалом* послужили ее стихотворения № 67 и № 1065. *Актуальность* исследования подтверждается рядом работ, посвященных творчеству американской поэтессы, а *новизна*, на наш взгляд, состоит во всестороннем анализе образа смерти в английском и русском текстах произведения. *Перспективным*, на наш взгляд, может стать анализ воссоздания образной системы Э. Дикинсон на русском языке.

Success is counted sweetest	Not one of all the purple Host
By those who ne'er succeed.	Who took the Flag today
To comprehend a nectar	Can tell the definition
Requires sorest need.	So clear of Victory

As He defeated – dying –
On whose forbidden ear
The distant strains of triumph
Burst agonised and clear! [7]

1. Форма. Стихотворение состоит из трех четырехстиший. Использованный размер – трехстопный ямб с пиррихиями, система рифмы abcb. Автор применяет свойственное ему написание значимых слов с большой буквы.

2. Содержание. Первая же фраза, открывающая данное произведение, на первый взгляд парадоксальна: автор утверждает, что «Успех слаще всего для тех, кто никогда его не достигает».

Весь последующий текст лишь разворачивает эту мысль. Как известно, американское общество издавна диктует своим согражданам стремление к успеху, с той лишь небольшой оговоркой, что понятие «успех» (или, как сейчас все чаще говорят, «успешность») несколько меняется с течением времени: так, если во времена Эмили Дикинсон единственным достижением для женщины считалось удачное замужество, то теперь этого уже недостаточно. Вообще, согласно словарю С. И. Ожегова [6], «успех» означает «хороший результат», «общественное признание», «удачу в достижении чего-нибудь». И потому стремление достичь этого хорошего результата или добиться общественного признания вполне понятно: что может быть лучше, чем быть довольным своей работой или получить всеобщее восхищение? Однако здесь следует учитывать, что Э. Дикинсон воспитывалась в пуританской семье, что не могло не повлиять на ее характер. В исследовательской литературе пуритане описываются следующим образом: «Джон Гере в своем трактате “Характер старого английского пуританина или нонконформиста” (1646 г.) писал: “Всю свою жизнь пуританин проводит в битве, в которой Христос – его командир, его оружие, его молитвы и слезы. Крест – его знамя, а его девиз – *vinci qui patitur* (“тот, кто страдает, побеждает”)» [5]. Л. А. Асланов в своей книге «Культура и власть» [1], ссылаясь на Г. Хилла, отмечает следующее: «Пуритане объявили главным из всех жизненных устоев труд, заявив, что будут спасены только души деятелей, творцов материальной жизни и не за их труд, а их трудом. Труд спасает душу». И хотя после возвращения из колледжа Эмили Дикинсон почти не появлялась в церкви, семейное воспитание и окружение, несомненно, оказало свое влияние на ее мировоззрение (достаточно проследить тематику ее стихов, в подавляющем большинстве которых так или иначе заходит речь о Боге), а потому можно предположить, что для нее интерес представлял не столько достигнутый успех, сколько сам процесс его достижения.

Любопытным представляется нам развитие понятия «успех»

в данном стихотворении. Так, в первой строфе он сравнивается своей сладостью с «нектаром» (*nectar*), относя нас к древнегреческой мифологии, согласно которой нектар – напиток богов; а во второй и третьей строфах при описании успеха поэт уже использует параллель с битвой, приравнивая, таким образом, успех и победу. Однако оба эти понятия вполне коррелируют: как пишет в своей диссертации Т. М. Гордиенко, «в сравниваемых языках идиомы, вербализующие концепт «успех», в одинаковой мере могут объединяться в такие тематические группы, как <...> “успех как победа”» [2, с. 6]. К тому же, в творчестве Э. Дикинсон немало стихотворений, посвященных войне и смерти на поле брани – например, стихотворение 126 (*To fight aloud, is very brave*), – и потому такое развитие сюжета – вполне в стиле поэта. Но кто же они в данном случае, эти воины, участвующие в битве, и за что они сражаются? В тексте они названы *the purple Host* («пурпурный сонм»). Следует отметить, что «пурпур» – цвет, ассоциирующийся с одеяниями христианских епископов и кардиналов; также это цвета одежд древнеримских императоров. Согласно христианскому вероучению, «царем царей» считается Христос; таким образом, можно сделать вывод, что «пурпурный сонм» Эмили Дикинсон – не что иное, как «Христово воинство». Под этим углом зрения становится ясно, что «победа», о которой говорит автор, – это победа над смертью.

В последней строфе описывается состояние павшего воина, который, умирая, слышит «агонизирующую и светлую мелодию триумфа». На наш взгляд, этот оксюморон подтверждает выдвинутое нами предположение: описанная в тексте ситуация прекрасно иллюстрирует евангельское выражение «смертию смерть поправ».

Таким образом, в оригинале стихотворения мы обнаружили следующие образы: *неизведанный успех как сладость; бог-воин; поражение как победа; боль=радость; успех=смерть*.

Теперь посмотрим, как эта система образов была воссоздана (и воссоздана ли вообще) в переводе А. Гришина.

Успех всегда так сладок, Не ведавшим его. Постигнуть вкус нектара Лишь страждущим дано.	Никто в пурпурном Воинстве, Поднявшем Флаг с земли, Не может смысл Победы Точней определить
--	--

Чем тот – сраженный – Воин,
Чей угасает слух,
К кому летит в агонии
Триумфа дальний звук! [7]

1. Форма. Стихотворение состоит из трех четырехстиший. Использованный размер – трехстопный ямб с пиррихиями. Система рифмы *abcв*. Как видим, формальные характеристики первичного текста А. Гришин сохранил. Особенности правописания Э. Дикинсон (заглавная буква в некоторых, по ее мнению, значимых словах) также передана.

2. Содержание. Первое, что хотелось бы отметить, – стиль целевого текста. Он получился достаточно возвышенным благодаря ряду архаичных лексем, использованных переводчиком, а именно: *ведавший, постигнуть, воинство, сраженный*. Вообще, русский вариант практически дословно передает английский, ср.: *Успех всегда так сладок* и *Success is counted sweetest; Никто в пурпурном Воинстве* и *Not one of all the purple Host; Чем тот – сраженный – Воин* и *As He defeated – dying*, соответственно. Разумеется, стопроцентно воссоздать текст оригинала на языке перевода невозможно, изменения на лексическом уровне неизбежны, и данный случай не исключение (одно слово *сраженный* вместо двух *defeated – dying* и два-три других, аналогичных момента); однако жаль потерянного повторения определения *clear*: в оригинале оно относится как к *definition of Victory*, так и к *distant strains of triumph*; в переводе же *clear* присутствует лишь в одном из своих значений и относится к определению Победы, в то время как *звук триумфа* остался лишь *дальним*. Не передана также еще одна особенность последней строфы, но «вину» за это, скорее, следует возложить на естественную разницу между языками: в английском использовано выражение *strains of triumph*, которое

можно толковать двояко — как «мелодию» или «напевы» триумфа и как «стихи» последнего. Второй вариант значения особенно заманчиво использовать для анализа, поскольку здесь видится намек на роль поэта (т. е. Э. Дикинсон?) в победе над врагом (соблазном?).

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод сохранил всю систему образов данного стихотворения, и в первую очередь — тождество успех = смерть.

Следующее стихотворение, также посвященное теме смерти, — № 1065 (*Let down the Bars, Oh Death*).

Let down the Bars, Oh Death —	Thine is the stillest night
The tired Flocks come in	Thine the securest Fold
Whose bleating ceases to repeat	Too near Thou art for seeking Thee
Whose wandering is done —	Too tender, to be told. [7]

1. Форма. В данном произведении две строфы по четыре строки каждая; использованный размер — трех- и четырехстопный ямб с пиррихиями; система рифмы abcb. Оформление произведения традиционно для Эмили Дикинсон: все две строфы представляют собой одно предложение, использованы тире и применено написание значимых, с точки зрения автора, слов с большой буквы.

2. Содержание. Если в предыдущем стихотворении смерть предстала читателям как синоним успеха, то здесь она парадоксальным образом отождествляется с загоном для скота, что становится ясно уже с первых строк первой строфы: *Let down the Bars, Oh Death — / The tired Flocks come in*. Однако если обратиться к христианской символике, становится ясно, что подобное отождествление вполне оправданно: ведь если Христос говорил о верующих как о своей пастве, а о себе как о «пастухе» (кстати, сбившихся с пути истинного до сих пор называют «заблудшими овечками»), — то образ, использованный Эмили Дикинсон, уже не кажется таким необычным. Но этот образ не единственный в тексте: смерть также предстает как покой для тела и мятущейся души человека, как

место, где больше не будет причин для жалоб (*bleating ceases to repeat*), откуда не захочется уходить (*wandering is done*). Вообще, идея смерти как благодатного покоя — одна из центральных идей христианства: «Душа праведного при смерти ликует, потому что после разлучения с телом желает войти в покой» [3]. Автор подчеркивает усталость человека от жизненных невзгод (*The tired Flocks*), желанность отдохновения, даруемого смертью (*Thine is the stillest night*), надежность и безопасность ее «загона» (*Thine the securest Fold*), близость (*near Thou art*) и нежность (*tender*) смерти. Исследователи давно замечали, что для Эмили Дикинсон тема смерти чрезвычайно близка и встречается в целом ряде стихотворений; однако именно стихотворение № 1065, на наш взгляд, наиболее полно и недвусмысленно передает отношение поэтессы к смерти. Образ смерти здесь предстает в двух ипостасях: во-первых, как уже было замечено, в качестве загона для скота, то есть некоего места; а во-вторых, владельца этого загона, который открывает ворота, впуская овец, заботится о безопасности отары, нежно ухаживает за животными.

Таким образом, в оригинале данного стихотворения смерть предстает в образе желанного отдохновения и покоя, а также в образе некоего высшего Существа, этот покой дарующего.

Теперь посмотрим, как этот образ был воссоздан (и воссоздан ли вообще) в переводе А. Гришина.

Открой Ворота, Смерть —	Твоя спокойна ночь,
Измученным Стадам	Твой безопасен Кров
Окончен путь, их голоса	Близка Ты — чтобы не искать,
Смолкают навсегда —	Нежна — превыше слов [7].

1. Форма. В переводе две строфы по четыре строки каждая; использованный размер — трех- и четырехстопный ямб с пиррихиями; система рифмы *abcb* (одна неточная — *Стадам/навсегда*). Оформление целевого произведения передает особенности, характерные для Эмили Дикинсон: все две строфы представляют собой одно предложение, использованы тире

и применено написание значимых, с точки зрения автора, слов с большой буквы (*Bars, Death, Flocks, Fold, Thou, Thee* – и *Ворота, Смерть, Стадам, Кров, Ты*, соответственно).

2. Содержание. Прежде всего, хочется отметить, что в этом переводе, как и в предыдущем, текст оригинала передан достаточно точно (ср.: *Let down the Bars, Oh Death* и *Открой Ворота, Смерть*), а иногда и абсолютно точно (*Thine is the stillest night* и *Твоя спокойна ночь*). Однако некоторые изменения все же были внесены в текст. Это в первую очередь касается архаичной формы местоимения «ты» и его производных форм в оригинале (*Thine, Thou, Thee* – кстати, такая форма подчеркивает древность смерти, а также может вызывать ассоциации с текстом Библии), переданных обычными *Твоя, Твой, Ты*. В той же, первой, строфе А. Гришин внес некоторые изменения в текст, а именно: определение *tired* было передано более сильным определением «измученный», в то время как с *bleating ceases to repeat* все произошло с точностью до наоборот: переводчик использовал более нейтральное выражение *голоса смолкают навсегда*. Опять-таки, *wandering* («странствия», «скитания») и *путь* не совсем равнозначны в стилистическом отношении. Однако если рассмотреть стиль всего целевого текста, то можно увидеть, что он выдержан достаточно точно: если в одном месте использована более нейтральная лексика, то в другом – более возвышенная; также для создания соответствующего стиля применяется инверсия и несколько архаичная лексика (*смолкают, кров, превыше*).

Перейдем к анализу образа смерти. В первой строфе целевого текста, как и в исходном, проводится параллель между смертью и загоном для овец. Смерть – это конец пути, конец жизненной муке. Однако если у Э. Дикинсон заканчивались «блуждания» и «жалобы», то у А. Гришина «умолкают голоса» и «оканчивается путь». Вообще, можно посмотреть на эту строфу с точки зрения отношения разных направлений христианства к «жизненному пути»: для православия характерно представление о жизни именно как пути от рождения к смерти,

т. е. достаточно прямолинейное. Для Э. Дикинсон же (возможно, в связи с ее принадлежностью к другой ветви христианства) жизнь — это «блуждания», т. е. путь не целенаправленный и не линейный, а, скорее, похожий на известные скисания евреев по пустыне под предводительством Моисея. Во второй строфе интерес вызывают последние две строки: *Too near Thou art for seeking Thee / Too tender, to be told* и *Близка Ты — чтобы не искать, / Нежна — превыше слов*, соответственно. В оригинале использованы инфинитивные конструкции в сочетании с герундием, в переводе — придаточное предложение причины и определение, выраженное наречием с существительным. Такая конструкция, с одной стороны, естественно выглядит в русском тексте, с другой — точно передает содержание оригинала. Еще один «плюс» такого перевода — возвышенность использованного стиля. Таким образом, образ смерти, как нежного и заботливого хозяина, в переводе сохранен.

В переводе данного стихотворения переводчик тоже сохранил особенности образной системы Э. Дикинсон (смерть — покой, смерть — загон, смерть — нежность, смерть — заботливый хозяин).

Проведенный анализ оригиналов и переводов позволяет нам сделать следующий вывод: А. Гришин сохраняет систему образов Э. Дикинсон, передает стиливые особенности ее произведений, при необходимости вводит архаичную лексику, выделяет формальные характеристики исходных текстов. При этом его переводы естественно входят в литературную полисистему русскоязычной культуры, так как используют культурные архетипы последней. *Перспективным*, на наш взгляд, может стать анализ воссоздания образной системы Э. Дикинсон на русском языке.

Список литературы

1. Асланов Л. А. Культура и власть [Электронный ресурс] / Л. А. Асланов. — Режим доступа : <http://www.kara-murza.ru/vlast/KulturaVlast.html>.

2. Гордиенко Т. Н. Идиоматическая представленность концепта «успех» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Т. Н. Гордиенко. – М., 2008. – 22 с.
3. Духовные стороны христианства : энцикл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://serafimov.narod.ru/temmat/smert.html>.
4. История одежды и костюма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://suit-history.org.ua/rome.html>.
5. Пакер Дж. И. Кто такие пуритане и почему они нам нужны [Электронный ресурс] / Дж. И. Пакер. – Режим доступа : <http://www.reformed.org.ua/2/54/Packer>.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.ru/slovo/56249.html>.
7. Эмили Дикинсон. Стихотворения [Электронный ресурс] / Эмили Дикинсон. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi2.txt>.

Резюме

У статті аналізується образ смерті у віршах Е. Дікінсон і його передача російською мовою А. Грیشиним. Знайдено наступні тотожності: смерть – успіх, смерть – загін для скоту, смерть – ніжність. Робиться висновок про використання А. Грیشиним архетипів російської культури.

Summary

The article deals with the image of death in E. Dickinson's poems and its rendering into Russian by A. Grishin. The following equalities have been found: death = success, death = fold, death = tenderness. The author comes to the conclusion that the translator used several archetypes of Russian culture.

УДК 821.161.2-01:22

*Р. С. Мариняк, І. І. Казимир***БІБЛІЙНИЙ СЮЖЕТ І ЙОГО ІСТОРІОСОФСЬКА
ІНТЕРПРЕТАЦІЯ У ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ**

Ключові слова: аксіологія, інтенція, лірична медитація, псалом, аберація християнства.

Мистецтво по-новому ставить питання про місце людини у світі, який змінився і продовжує інтенсивно змінюватися, і це, безумовно, відбивається у світоглядно-художніх пріоритетах літературного твору. Міфопоетичний мотив кінця світу в сучасній українській прозі, інваріантний мотив гріхопадіння в постмодерністському тексті, мотив порятунку людства в сучасній «альтернативній» прозі стали об'єктом дослідження в монографії О. Турган і Т. Гребенюк [9]. Питання моральної та психологічної констант людської природи, сенсу історії, ролі інтелекту і віри, абсурду чи змістовності життя також активно досліджуються сьогодні на матеріалі вітчизняних і зарубіжних художніх текстів (Г. Костенко, О. Алєєв, А. Злобін, А. Нямцу та ін.). Однак, на думку Г. Костенко, «дослідження релігійно-філософської тематики в поезії навряд чи й починалися» [4, с. 1]. Правда, діяльність відкритого в 1990 р. Всеукраїнського науково-дослідного центру «Біблія і культура» (Чернівці) спрямована на вивчення поезики біблійних сюжетів, семантично-образних шарів у прозі з релігійно-філософською проблематикою тощо. Звідси актуальність дослідження поезій з біблійною сюжетикою у творчому доробку Т. Шевченка й Л. Костенко є більш ніж виправданою.

У статті передбачається здійснити порівняльний аналіз біблійних текстів із текстами віршів, які містять суголосну тему, й довести думку про аберацію християнських ідей в культурному просторі й набуття останніми рис загальнолюдської аксіології.

Християнська культурна традиція, зокрема євангельська, посідає в художній літературі й образотворчому мистецтві вагоме місце. «Ніхто не зможе і не зуміє заперечити значущість Христа як художнього образу, — писав В. Горський. — З Ним, отже, рахуватися, з Ним зустрітися обличчям до обличчя мусить тепер кожен художник, який претендує на хоч якісь вагомні завдання в мистецтві. Одне з двох: або це не є образ Досконалої Людини і тоді художникові належить розв'язати серйозне завдання — накреслити образ «іншої», більш досконалої, ... або життя цієї Людини є достеменно геніальним, образ людського життя, взагалі — «образ образів» [2, с. 230]. Та поряд з образом Месії в драматичних, філософічних, медитативних дійствах, створених митцями, вагоме місце посідають і такі дійові особи, як Богородиця та Іоан Хреститель. З ними поруч виступають апостоли, Пілат, Ірод, Саломея. У кожного з них своя роль, більша чи менша, — «вона визначається не близькістю до Ісуса, а позицією автора, євангельський персонаж повинен відповідати певним мистецьким завданням письменника» [2, с. 277].

Л. Костенко у своїй творчості також не залишає поза увагою Святе Письмо, яке, на нашу думку, є для автора не лише твором теологічного характеру, але й джерелом християнських сюжетів, образів, символів, переосмислених і трансформованих у сучасні виміри. Тобто можемо використати поняття інтенції — енергії творення можливого світу, інтенції, яка в сукупному вияві з мистецтвом дістає назву «тотожності в майбутньому» [2, с. 87]. Вірші Л. Костенко, у яких використано євангельські мотиви, цікаві тим, що поетеса в них не здійснює детального переспіву певного сюжету, не будує поезію на хистких паралелях асоціативності, а чітко вимальовує епоху, створює власний, інтенціональний світ, залишаючись нашою сучасницею й водночас ніби змальовуючи євангельські події поглядом очевидця.

Точкою відліку, з якої поетеса починає аксіологічний аналіз Святого Письма, стає біблійна історія, пов'язана зі смертю Іоана

Предтечі. Можливо, Л. Костенко звернулася до образу пророка через необхідність підкреслити факт гармонійного поєднання у світогляді українства язичницької та християнської морально-етичних настанов. Таке поєднання наявне в біблійному дискурсі (гармонійна єдність Старого й Нового Заповітів здійснена через постать Іоана Предтечі).

У вірші «Був Ірод і була Іродіада...» [6, с. 363] увага поетеси з першого погляду зосереджена на постаті Саломеї, її танці та врученні гостям голови Іоана Предтечі. Щодо постаті пророка, то тут йому присвячено один рядок: «А що була то голова Предтечі, / То що у тому тямилу вона» [6, с. 363]. Але саме процитований рядок концептуально важливий, примушує читача самостійно працювати: згадати біблійну розповідь і трансформувати її в сьогодення, здійснивши оцінку з позицій моральних настанов особистого світобачення.

Іван Хреститель – останній у галереї пророків – передвісників приходу Месії, він стоїть на межі Старого й Нового Заповітів, чим, за християнською традицією, визначається його велич і обмеженість цієї величі («Із народжених жонами не поставав більший за Івана Хрестителя; але менший в царстві небеснім більший за нього») (Матф. 11, 11). Сама його віра в месіанство Ісуса не вільна від невпевненості; вже в розпалі проповіді останнього пророк ставить йому через своїх учнів запитання: «Чи ти той, котрий має прийти, чи чекати нам іншого?» (Матф. 11, 2–3). Отже, він – пророк, не позбавлений сумнівів на дорозі до істини.

Як ревнитель праведності Іван Хреститель виступив зі звинуваченням Ірода Антіпи, тетрарха Галілеї, який забрав у свого брата дружину Іродіаду й одружився з нею ще за життя колишнього чоловіка, порушивши тим юдейські звичаї. Однак Ірод не наважувався вбити Предтечу, боячись його популярності (Матф. 14, 3–5; Мк. 6, 17–20). Одного разу на бенкеті його падчерка Саломея (в Євангеліях її ім'я не названо) за красиво виконаний танець «семи покривал» просить як дарунок голову Івана Предтечі і віддає її на глумління Іродіаді

(саме за її навчанням Саломея просила такий дарунок). Отже, Іван зображений як велична постать; навіть всесильний тетрарх відчуває перед ним ірраціональний жак. Щоб наше твердження було зрозумілим, вдаємося до промовистої паралелі. Г.-Г. Гадамер розпочав свою працю «Що є істина» з роздуму над діалогом Понтія Пілата й Ісуса Христа під час суду. Думка обертається навколо спроби осягнення Пілатом істинності твердження Месії, що він – Істина. Філософ робить висновок: для прокуратора істиною є римська світоглядна настанова, тому слова Христа принципово не можуть бути осягнуті ним як одкровення. Понтій Пілат – дитя свого часу, відтак розуміння істини для нього спричиняється культурними й світоглядними настановами його епохи [3].

Не осягає глибинності власного злочину і не чує істини в устах Іоана Предтечі й Ірод Антіпа, керований етосом галілейського суспільства. Але маємо досить промовистий факт: тетрарх протривівся вбивству пророка. Л. Костенко не схильна вибачати Іродові його злочин (у вірші читаємо пояснення дій Саломеї: «Так цар велів» [6, с. 363]). Це може бути пояснено таким чином: в історіософії поетеси іманентна ознака психіки – її константний характер, причому ця риса лінійна й спадкоємна. Митець на цій підставі знань про психіку досліджуваного персонажа й описувану епоху може дати об'єктивну оцінку дій і помислів героя. З таких позицій у вірші відтворено особисте розуміння поетесою даного біблійного факту. Для Л. Костенко Предтеча – уособлення вершин християнського етосу, тоді як Саломея і її родина – символи гріховності як помислів, так і фізичного існування. Трансформована в сьогодення, ця біблійна історія має ознаки євангельського натхненного слова, тут присутня істина, а не банальні повчання чи пересторога: Саломея є втіленням несвідомого життя маріонеток і повинна у XXI столітті стати образом-пересторогою.

Дещо осібно стоять «Давидові псалми» Л. Костенко – три вірші, які свідчать про закоріненість уваги поетеси у світ

біблійної міфопоетики. Давидові псалми, вміщені у Псалтирі, за змістом – ліричні виклади його життя і тематично діляться на псалми про помазання Давида Самуїлом, про перемогу Давида над Голіафом, про переслідування Давида Саулом, про гріх з Вірсавією та спричинене цим повстання синів Авессалома й Адонії, а згодом – і втечу з Єрусалима, а також про війни, ведені Давидом, перенесення Ківоту Заповіту, побудову храмів, про дані Давидом обітници Богові тощо [8].

У Ліни Костенко у збірці «Вибране» (1989) вміщено переспіви 1-го, 16-го та 22-го псалмів Давидових під назвою «Давидові псалми». Поетеса обрала для переосмислення пісні, увагу в яких зосереджено на війні Давида, яку він вимушений був вести з сіроаммонітянами (Псалом 1), на переслідуванні Давида Саулом (Псалом 16) та на втечі Давида з Єрусалима від гніву Авессалома. Цікаво, що в Т. Шевченка значно більше за кількістю переспівів з Давидових псалмів (всього 10), однак тематично вони, так чи інакше, обертаються навколо окреслених трьох тем.

Так, Псалом № 1 переспівається в обох авторів. Ця пісня вважається вступом до Псалтиря, містить загальні виклади про долю праведників і нечестивих. Давид, який веде вимушену війну, закликає всіляко ухилятися від зла, нагадує про обов'язкову кару за злочини: той, хто сповідує Закон Бога, блажен, як дерево, посаджене біля води, листя якого не в'яне, тоді як нечестиві будуть, як пил, розвіяний вітром, стерті з лиця землі.

В інтерпретаційному, по-історіософськи переосмисленому викладі Л. Костенко Давидове повчання обростає реаліями соціалістичної дійсності, не втрачаючи початкової ідеї: «І хто всіляким ідолам і владам / ладен кадити херувимський ладан, / той хоч умре з набитим гаманцем, – / душа у нього буде горобцем» [6, с. 216]. У Псалтирі псалом складається з 12 рядків; Т. Шевченко розширив його до 20, принципово не змінивши текст пісні, лише стилізувавши під сучасне звучання; у Л. Костенко псалом нараховує 28 рядків і сприймається як сучасна подія, тобто це швидше алюзія до 1-го Давидового псалма.

Аналогічна ситуація і з Псалмом № 16: оригінал складається з 30 рядків, у Л. Костенко – 6. Цей псалом Давида присвячено його роздумам і молитвам до Бога під час переслідувань Саулом. Давид скаржиться на злобу ворогів, просить Господа врятувати його від гніву Саула, а також вберегти його від необачних кроків, оскільки вороги не дають йому бути добрим царем юдейському народові.

Л. Костенко лаконічно, у шести рядках, говорить про свій час, в якому люди «іншу віру напители», а колись «друзями були» [6, с. 217]. Сподівання ліричного героя, звернені до Бога, обертаються навколо бажання вберегти шляхетність душі. Поетеса, свідомо обравши «внутрішню еміграцію» як спосіб існування у світі соціалістичної української дійсності, як і Давид, благає Бога допомогти залишитися шляхетною в помислах і справах.

У Т. Шевченка до даної пісні тематично близькі псалми 12, 52, 53 (знову-таки тексти переспівів максимально наближені до оригіналів), у яких помітні прямі аналогії між історичною долею юдеїв та українства. Але якщо ліричні герої пісень Давида в Т. Шевченка благають смирення перед беззаконням ворогів (наприклад, «І на злих моїх погляну / незлим моїм оком» [11, с. 260]), то в Л. Костенко чітко виражене бажання замкнутися у своєму світі, зберегти в ньому чистоту помислів і дій, а не смиренно сприймати зовнішнє зло, беззаконня тощо.

Найвиразніше історіософське переосмислення Давидових псалмів реалізовано Л. Костенко у пісні № 22. Тут майже втрачено зв'язок між канонічною духовною піснею, наповненою славослів'я Господові, вдячністю за милість щодо Давида: Бог оберігає Давида навіть у долині смерті, своєю благодаттю охороняє його життя, дарує трапезу, спрямовує дорогами правди, тому душа Давида радіє, і він елеєм помазав голову з вдячності до Господа. Цей псалом написано Давидом у біженських мандрах, коли він ховався від гніву сина Авессалома через гріх з Вірсавією, потерпав від насмішок і зневаги з боку родини, підданих, війська тощо.

В оригіналі 22-й псалом складається з 12 рядків, у Л. Костенко його розширено до 32-х. Текст поетеси протиставлений Давидовій пісні як за настроєм, так і за змістом: мабуть, таким чином авторка ствердила різницю між долею юдеїв, до яких був ласкавий Господь, і долею українства, забутого Богом. Ліричний герой Давидового псалму радіє, дякує Богові за прихильність до нього, у Л. Костенко – навпаки, герой у розпачі («Що ж Ти мій голос, Боже, мені ж повертаєш луною?», «Чом же Ти одвернувся?») [6, с. 217]). У Давидовій пісні герой сильний духом і тілом і дякує за це Богові, у Л. Костенко він «ніщо. Одоробло. Опудало», «посміховисько людське, бидло поміж народів» [6, с. 217]. Тут здійснюється повна ідентифікація героя з представником українства, від якого Господь відвернувся, яке ослабло, «оточене псами», «взяте на роги биками» і яке «обліг злоязичний натовп» [6, с. 218]. Герой Л. Костенко благає: «Не дай мені, Боже, впасти на цьому барвінку хрещатому» (використання домінуючої в українській флористиці одиниці – барвінку – увиразнює алюзивний характер псалма), а під кінець, на відміну від Давидового героя, який радісно умащує голову елеєм, з гіркотою констатує факт своєї покинутості Богом; сам він, як той елей, розлитий по землі, і крик його самотній об вуха Бога розбився.

Думка історіософа завжди зорієнтована на пошук в історії чинника трагічної зумовленості сучасності. Крізь призму універсальних для всього людства чи притаманних певному соціуму цінностей вибудовується й етична парадигма сприйняття певного історичного феномена. Поезія Т. Шевченка та Л. Костенко демонструє суголосність християнського етосу з етосом загальнолюдським. У ліриці авторів здійснено симбіоз етичних норм, постульованих християнством і прийнятих у світі не-християнському, винесено на вартісний рівень тільки ті риси, які є чинними для будь-якого соціуму.

Список літератури

1. Бальмонт К. О любви / К. Бальмонт // Уайльд О. Саломея. – Пг. : Пантеонъ, 1908. – С. 4–10.
2. Горський В. С. Історія української філософії : курс лекцій / В. С. Горський. – 3-тє вид. – К. : Наук. думка, 1997. – 286 с.
3. Гадамер Г.-Г. Що є істина / Г.-Г. Гадамер. – Рим, 1998. – 589 с.
4. Іванишин П. Аберация християнства, або Культурний імперіалізм у шатах псевдохристології : моногр. / П. Іванишин. – Дрогобич : Відродження, 2005. – 267 (1) с.
5. Костенко Г. Релігійно-філософська проблематика та її художнє втілення в англійському романі 1950–1970-х років / Г. Костенко. – Д. : Дніпропетр. нац. ун-т, 2001. – 20 с.
6. Костенко Л. Вибране /Л. Костенко. – К. : Дніпро, 1989. – 559 с.
7. Маковский С. Саломея в польской призме / С. Маковский // Уайльд О. Саломея. – Пг., 1908. – С. 105–114.
8. Нюстрем Э. Библейский словарь : энцикл. словарь / Э. Нюстрем. – СПб. : Библия для всех, 1996. – 517 с.
9. Турган О. Універсальні категорії в системі літературного твору (модерністська та постмодерна світоглядно-художні парадигми) : моногр. / О. Турган, Т. Гребенюк. – Запоріжжя : Просвіта, 2008. – 292 с.
10. Уайльд О. Саломея / О. Уайльд. – Л. : Пантеонъ, 1908. – С. 114.
11. Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів : у 12 т. / Т. Г. Шевченко. – К. : Наук. думка, 1989. – Т. 1 : Поезії, 1837–1847 рр. – 528 с.

Резюме

Статья посвящена исследованию поэтических текстов Л. Костенко и Т. Шевченко, в которых использованы сюжеты из Святого Письма. Отмечается, что переосмыслению в поэзии указанных авторов подлежат те сюжеты Библии, аксиологическая доминанта которых может служить для создания авторской историософской концепции.

Summary

The article deals with the research into L. Kostenko's and T. Shevchenko's poetic texts employing plots from the Holy Scripture.

It has been stated that only biblical plots whose axiological dominant idea can be employed to create the author's historical and philosophical conception are subject to a different interpretation in the poetry of the above mentioned authors.

УДК 811.111 42

*Л. В. Михайлова***ВЕЖЛИВОСТЬ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ**

Ключевые слова: принципы вежливости, таксономия, постулат, максима, компетитив, конвивиал, конфликтив, теория вежливости, позитивное лицо, негативное лицо, ликоущемляющие речевые акты.

Данная статья посвящена анализу категории вежливости в речевой коммуникации, ее основополагающих принципов и стратегии.

В теоретическом плане понятие «вежливость» получило разработку в современной лингвистической прагматике в рамках теории речевого общения. Одним из фундаментальных принципов коммуникации, сформулированных П. Грайсом, является принцип вежливости, влияние которого часто играет решающую роль в оформлении высказывания и в отборе речевых вариантов выражения директивного речевого акта [1].

В общем виде вежливость можно определить как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Этот принцип распространяется на все виды человеческого взаимодействия — как вербального так и невербального.

Следование принципу вежливости накладывает определенные ограничения на поведение коммуникантов, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнением, желаниями и облегчать по возможности возлагаемые на него задачи. Соблюдение принципа вежливости в конечном счете имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет соблюдения социального равновесия дружественных отношений. В прагматической теории речевого общения вежливость рассматривается как универсальный принцип, который в практике речевого взаимодействия играет регулирующую роль. Принцип

вежливости определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на «предотвращение конфликтных ситуаций», цель которой «сохранить лицо».

Данный стратегический принцип реализуется в практике речевого общения с помощью различных тактических приемов, которые формулируются в виде постулатов и максим [1; 4].

Так, Дж. Лич строит свою таксономию следующим образом, он выделяет:

1) компетитив (иллокутивная цель конкурирует с социальной целью, например: приказы, требования, просьбы, вопросы);

2) конвивиал (иллокутивная цель совпадает с социальной целью, например: предложения, приглашения, приветствия, благодарности, поздравления);

3) коллаборатив (иллокутивная цель безразлична для социальной цели: утверждения, сообщения, объявления);

4) конфликтив (иллокутивная цель находится в конфликте с социальной целью: угрозы, обвинения, проклятия, выговоры).

Социальная цель, по мнению Дж. Лича, состоит в том, чтобы избегать конфликтов между коммуникантами. Этой цели отвечает теория вежливости [4].

П. Браун и С. Левинсон предлагают набор различных тактических приемов, при помощи которых говорящий регулирует свое речевое поведение, исходя из оценки ситуации. Ситуация оценивается говорящим на основе трех независимых переменных:

1) социальной дистанции между говорящим и слушающим;

2) влиянием одного коммуниканта на другой;

3) степени внедрения в сферу адресата [3].

В соответствии с тем, каким образом говорящий оценивает риск «потери лица» в данной обстановке, он реализует или не реализует речевой акт. Если речевой акт реализуется, то тогда адресант решает, какую форму выражения вежливости следует избрать: эксплицитную или имплицитную.

Анализируя действия максимы такта, Дж. Лич выделяет аналогичные аспекты ситуации общения и предлагает их

сравнительную оценку, которая определяется с помощью пяти шкал:

- 1) шкала затрат и выгоды;
- 2) шкала свободы выбора;
- 3) шкала авторитетности;
- 4) шкала социальной дистанции;
- 5) шкала косвенности [4].

Корреляция максимы такта и прагматических параметров ситуации формулируется следующим образом: чем больше усилий требуется от слушающего, чтобы совершить действие, чем дальше социальная дистанция между говорящим и слушающим и чем выше авторитет слушающего, тем большая необходимость возникает в предоставлении слушающему свободы выбора, и, соответственно, возрастает необходимость в увеличении косвенности выражения директивного речевого акта.

Браун и Левинсон полагают, что каждому человеку присущи два лица — положительное и отрицательное. Позитивное лицо — это желание быть одобренным, понятым, желание нравиться и вызывать восхищение. Негативное лицо понимается как потребность каждой личности в свободе действий и свободе от наказания.

Таким образом, лицо одного коммуниканта зависит от того, сохраняется ли лицо другого коммуниканта. Сохранить лица друг друга является взаимной задачей участников ситуации общения. Их лингвистические стратегии должны быть направлены на решение этой общей задачи [3].

В конце 70-х годов прошлого века Браун и Левинсон впервые вводят понятие ликоущемляющих речевых актов. Ликоущемляющие речевые акты являются одной из важнейших составляющих теории вежливости, которая предписывает как можно меньше ущемлять права другого, а если этого невозможно избежать, то по крайней мере — облекать невежливые, то есть принуждающие РА, в максимально уважительную форму [3].

Оптимальная стратегия поведения личности в обществе согласно теории вежливости состоит в том, чтобы адресант делал для адресата все, что он бы хотел видеть по отношению к себе.

Ликоущемляющие речевые акты, ограничивающие свободу действий адресата (угроза отрицательному лицу), включают:

1) РА, которые предопределяют некоторое будущее действие адресата, и (не) выполнение его оказывает давление на слушающего (приказы, просьбы, советы, предложения, намеки, упоминания, угрозы и предостережения).

2) РА, которые прогнозируют позитивное будущее действие говорящего относительно адресата (предложения, обещания).

3) РА, которые утверждают некое желание говорящего по отношению к адресату (комплименты).

Ликоущемляющие речевые акты, которые угрожают позитивному лицу адресата (они выражают то, что говорящий не заботится о чувствах, нуждах другого коммуниканта), включают:

1) РА, которые показывают, что у говорящего имеется отрицательная оценка одной из сторон положительного лица слушающего (выражение неодобрения, критики, презрения, насмешки, жалобы, выговора, обвинения, оскорбления).

2) РА, которые демонстрируют то, что говорящий не заботится или равнодушен к положительному лицу слушающего (выражения, выходящие из под контроля эмоций, упоминание тем, которые являются неуместными в данном контексте, затрагивание плохих новостей, отказ от сотрудничества в совместной деятельности, употребление форм обращения или других социальных маркеров, обозначающих принадлежность к какой-либо социальной группе).

Кроме того, выделяются такие РА, которые наносят ущерб лицу говорящего:

— РА, которые затрагивают негативное лицо говорящего (выражение благодарности, принятие благодарности или извинения, оправдания, принятие комплимента, самоуничижение).

Принцип вежливости, регулирующий отношения между личностью и обществом, относится к области этикетного поведения. Речевой этикет регулирует речевое поведение членов общества, выступающих в процессе коммуникации в роли коммуникантов в разных социально значимых ситуациях общения [2]. Правила речевого этикета варьируются применительно к сфере общения, ситуации общения и зависят от таких экстралингвистических факторов, как ролевые и личностные отношения коммуникантов.

Детальное изучение принципов и стратегий вежливости, безусловно, является неизменно актуальной и наиважнейшей задачей лингвистической прагматики на современном этапе ее развития.

Список литературы

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып.16. — С. 217–237.
2. Рыжова Л. П. Речевой этикет и языковая норма / Л. П. Рыжова // Языковое общение: единицы и регулятивы. — Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1987. — С. 51–58.
3. Brown P. Politeness: Some universals in language use / P. Brown, S. Levinson. — London, New York : Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
4. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London : Longman, 1983. — 246 p.

Резюме

Ввічливість є таким принципом соціальної взаємодії, який ґрунтується на повазі до співрозмовника. Це один із базових принципів мовної комунікації. Ввічливість розглядається як особлива стратегія мовленнєвої поведінки. В основі цієї стратегії постулати та максими.

Summary

Politeness can be defined as a principle of social interaction, which is based on respect towards the personality. It is one of the fundamental principles of communication. Politeness can be treated as a special strategy of speech behaviour. This strategy is based on some postulates and maxims.

УДК 82:1

*В. А. Песоцкий***ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Ключевые слова: мировоззрение, методология, идеология, художественная литература, художественное познание, критерии, оценка качества.

Художественная литература, как отражение окружающей действительности в художественных образах, давно включена в познавательный процесс и является объектом познания.

Вместе с тем в новую историческую эпоху этот объект познания претерпел серьезные изменения. Значительно расширились границы объекта познания, а вместе с тем и круг познавательных интересов, существенно вырос интеллектуальный потенциал человечества, а значит, и его познавательные возможности. Мы считаем, что сегодня можно говорить о возникшей в обществе потребности в анализе художественной литературы не только на уровне текстуальных особенностей и возможностей, что, безусловно, не теряет своей непреходящей ценности, но и обратиться к философскому осмыслению данного феномена: исследовать среду его развития, определить содержание и сущность, осуществить функциональный анализ, вскрыть основные направления его взаимодействия с другими социальными феноменами, то есть осуществить все необходимые процедуры философского анализа, в том числе разработать критерии возможной оценки художественного произведения.

Развитие познания определяется, в конечном счете, потребностями общества в целом и общим уровнем интеллектуального потенциала социума. При этом реализация этих потребностей, в свою очередь, создает фон и базу для новых потребностей

и дальнейшего наращивания знаний о мире, а значит, и для продвижения познания вперед. В основе движения познания лежит, таким образом, разрушение и возникновение все вновь и вновь противоречия между достигнутым уровнем знаний и уровнем общественных потребностей. Динамичное развитие современного мира выдвинуло целый ряд проблем, нуждающихся в философском осмыслении или в новых подходах к раскрытию их сущности в изменившихся исторических условиях. Решение этих задач философской наукой выступает как диалектический процесс активного целенаправленного воспроизведения в системе идеальных образов сущности вещей, явлений объективного мира, включая человека и жизнь общества во всем богатстве ее проявления.

Следует подчеркнуть, что обращение к художественной литературе в этом аспекте особенно интересно. Достаточно отметить, что из самой читающей страны мира мы постепенно превращаемся в общество, индифферентное к художественному слову. Эпицентр внимания представителей молодого поколения граждан России неуклонно перемещается из зоны постижения прекрасного и интеллектуально значимого в зону массовой культуры и обыденных представлений, безусловно имеющих достаточный вес в бытийном отношении и необходимых для каждого человека, но только в том случае, если они не превращаются в самодовлеющий фактор, деформирующий и индивидуальное и общественное сознание. Художественная литература изменяется. Коммерциализация лишает ее духовности, перенацеливает на потребности массовой культуры в ущерб художественным идеалам и исторической традиции, выхолащивает познавательные элементы.

Одним из важнейших видов познания выступает художественное познание. Художественное познание представляет собой образное мышление человека, воплощенное в различных формах искусства, в том числе в художественной литературе. Его назначение заключается в выражении эстетического отношения к миру.

Искусство является особым способом познания и отражения действительности посредством художественных образов. Оно представлено в художественной деятельности человека, призванной удовлетворять потребности людей в наслаждении красотой.

Специфика искусства как формы познания мира заключается в эмоционально-чувственном постижении бытия и, следовательно, эмоциональной регуляции взаимоотношений человека с окружающим миром. Несмотря на значимость рационального опыта мировосприятия для жизнедеятельности человека, чувственно-эмоциональное отражение действительности, выражающееся в эстетической реакции на нее, не утрачивает своего значения.

Эстетическое мировосприятие человека проявляется в соответствующих образах, впечатлениях и затем воспроизводится в процессе функционирования актуальной культуры. В качестве таких материализованных объектов выступают произведения искусства.

Искусство является сложным объектом и может быть представлено различными видами, каждый из которых обладает своими художественно-выразительными средствами (художественным языком). Вид искусства — это конкретный способ художественного представления мира, воплощающий свои образы в определенном материале (в слове, звуке, камне, металле, телодвижениях и т. п.). Виды искусства дополняют друг друга, и ни один из них не обладает преимуществом перед другим. К основным видам искусства относят художественную литературу, живопись, графику, скульптуру, архитектуру, декоративно-прикладное искусство, музыку, театр, балет, танец, кино, цирк, фотоискусство.

У искусства, как и у культуры вообще, имеются устойчивая, «консервативная» и развивающаяся, новаторская стороны. Устойчивая сторона — это традиция в искусстве, благодаря которой происходит накопление и передача человеческого

опыта в истории, создается преюбренность произведений искусства разных эпох, их вневременная ценность. Традиция в искусстве, отражая объективные стандарты, устойчивые требования к произведениям искусства, ограничивает и упорядочивает многообразие художественных проявлений: художественные стили, направления, вкусы, пристрастия, оригинальные художественные находки.

Однако любой деятель культуры, искусства всегда стремится привнести в создаваемое им произведение что-то новое, оригинальное, неповторимое, отражающее его индивидуальное мировосприятие и в то же время актуальное, интересное для других. Он стремится сказать новое слово в искусстве. Реализация этих стремлений и есть творчество в культуре, искусстве.

Таким образом, художник всегда как бы раздваивается: он стремится соответствовать вневременным канонам искусства — вечным критериям прекрасного и вместе с тем старается добавить что-то свое, неповторимое в сокровищницу мировой культуры.

Однако, при всей своей специфичности, художественное познание обладает всеми свойствами познавательной деятельности, а следовательно, подчинено принципам и законам познания. Мы читаем книги, смотрим фильмы, слушаем музыку, восхищаемся грандиозными архитектурными сооружениями и тем самым расширяем наши знания о мире и о человеке, его чувствах и мировоззрении. Русский литературный критик В. Г. Белинский отмечал, что истина открылась человечеству впервые в искусстве, а немецкий философ Ф. Шеллинг считал искусство высшей *формой познания*. Следовательно, анализируя эту форму познания применительно к конкретному виду искусства — художественной литературе, правомерно ставить вопросы о достоверности полученных в процессе познания знаниях, то есть об их истинности, а следовательно, о ее критериях.

Традиционно утверждается, что основным, главным критерием истины является практика. Это доказано всем длительным

процессом жизнедеятельности людей. Наиболее обоснованный и доказательный ответ на вопрос о критерии истины дал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: «...Обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. Спор о действительности или не действительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос».

В практической деятельности мы соизмеряем, сопоставляем знание с объектом, опредмечиваем его и тем самым устанавливаем, насколько оно соответствует объекту. Практика выше теории, поскольку она обладает достоинством не только всеобщности, но и непосредственной действительности, так как в практике воплощено знание, а вместе с тем она предметна.

Понимая практику как единство материальной и духовной деятельности людей и их результаты, прежде всего, обратим внимание на духовную практику, как специфический критерий или совокупность критериев истины.

В этом аспекте обратим внимание на **исторический критерий оценки литературы**, как процесса творческого отражения людьми действительности в художественных образах с использованием печатного слова (если мы говорим о современной литературе), ориентированный на широкий круг читателей. Что мы имеем в виду?

Каждое литературное произведение по своему содержанию должно соответствовать определенной исторической традиции (преимущественно прогрессивной), то есть исторически сложившимся и передаваемым от поколения к поколению обычаям, обрядам, общественным установлениям, идеям и ценностям, нравственным нормам и т. п.; элементам социально-культурного наследия, сохраняющимся в обществе или в отдельных его социальных группах в течение длительного времени. Следуя прогрессивной традиции, оно должно наращивать эти элементы.

Исходя из этого, у нас есть возможность к оценке каждого

літературного произведения подойти, используя исторический опыт и определяя его направленность с позиции принадлежности к прогрессивной или регрессивной традиции.

Далее следует обратить внимание на **гносеологический индикатор литературы**. Право на выделение такого индикатора обусловлено тем, что в процессе своей жизнедеятельности люди постоянно познают явления действительности. В ходе бесконечного процесса познания у них накапливается опыт изучения окружающих их феноменов. Этот духовный опыт имеет свои законы, принципы, нарушение которых неизбежно уводит субъект социального действия от истины.

Художественная литература активно участвует в процессе познания. Содержащиеся в ней знания затрагивают и теоретический и обыденный уровни сознания. В ходе социализации личности теоретический уровень ее знаний нарастает, но это не умаляет гносеологического значения художественной литературы, особенно той части, которая не находит достаточного освещения в специальной литературе, с одной стороны, а с другой — значительная часть общества по ряду причин ориентирована именно на знания, полученные посредством художественной литературы. Другими словами, в нашем распоряжении есть гносеологический индикатор оценки литературного произведения.

Наряду с гносеологическим (познавательным) критерием оценки литературного произведения правомерно выделить **логический критерий**.

Познавая и воспроизводя в образах явления действительности, накапливая знания о них, люди выработали принципы, законы, которые определяют работу их сознания в ходе оперирования ими информацией о феноменах окружающего мира. Они отражают связанность фрагментов информации о явлениях действительности в их сознании. Это принципы, законы как формальной, так и диалектической логики. Первую обычно представляют четыре закона: тождества, противоречия,

исключенного третьего и достаточного основания. Свод законов второй более разнообразен. Это законы единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, диалектического отрицания, содержания и сущности, организации и структуры, причины и следствия, необходимости и случайности, содержания и формы, сущности и явления, качества и функций, возможности и действительности и др. Опираясь на требования этих законов, можно проводить индикацию истинности тех или иных наблюдений, сделанных писателем в разных сферах общественного бытия и отображенных в произведении художественными средствами. Следование указанным законам позволяет оценить логику текстовых построений в отдельных фрагментах произведения и реализацию литературного замысла в целом.

Нельзя недооценивать **мировоззренческую составляющую** в оценке литературного произведения. Мировоззрение есть не что иное, как система взглядов людей на мир, определяющая их отношение к действительности и направление их деятельности. Каждый человек оценивает любое явление действительности сквозь призму своего мировоззрения. В зависимости от того, насколько объективно его мировоззрение, настолько объективно он может оценить то или иное явление действительности.

В формировании мировоззрения в процессе социализации личности участвуют многие факторы. Художественная литература тоже выполняет мировоззренческую функцию, участвуя в построении картины мира своими художественными средствами. В качестве системообразующего начала в этом случае выступает художественный тип героя. В процессе типизации писатель в соответствии с идейным замыслом произведения, своим мировоззрением и субъективными особенностями своей **литературной манеры** выделяет и отбирает наиболее характерные черты данного феномена, действующего или наблюдаемого в различных своеобразных обстоятельствах. Цельность созданных творческим воображением писателя самобытных

характеров (образов), их мировоззренческая заданность и ценностная поведенческая ориентированность выступают мировоззренческим индикатором произведения.

Знания людей, закрепленные в их мировоззрении, — это не просто набор информации о явлениях действительности. Соединяясь с практикой, с деятельностью людей, они превращаются в **методологические средства**, с помощью которых люди решают практические задачи. То есть знания, опыт людей трансформируются в определенные методологические средства.

Определив художественную литературу как процесс творческого отражения людьми действительности в художественных образах, мы вправе констатировать наличие у людей способности к деятельности по созданию качественно новых духовных ценностей. Такая способность возникает в духовной деятельности людей по созиданию новой реальности, удовлетворяющей определенные общественные потребности.

Мы допускаем правомерность включения в практику духовной составляющей — духовной деятельности людей и ее результатов. Это допущение позволяет говорить о характерных для названной деятельности методологических средствах, а значит, и о методологическом индикаторе литературной деятельности как одного из видов духовной деятельности людей. В пользу такой постановки вопроса говорит и наличие специальных методов, которые в философской литературе получили название художественных методов.

Художественный метод — исторически обусловленный, специфический способ отражения бытия, реальности и выражения эстетических отношений человека к миру, способ осмысления и переработки действительности в образы искусства.

Художественный метод является средством воплощения и утверждения определенного эстетического идеала. Характер и направление того или иного художественного метода, способность и возможность отразить в художественных образах жизнь людей, взаимоотношения личности и общества и т. п.

зависят от социально-политических и духовных условий развития человечества в каждый данный исторический момент, от объективной роли того или иного класса в жизни общества. Всякий художественный метод находится в тесной связи с мировоззрением, которое оказывает положительное или отрицательное воздействие на художественное творчество.

Используя методологический критерий, мы можем оценить литературное произведение с точки зрения его соответствия требованиям методологии, сформировавшейся в обществе к моменту его оценки.

Наряду с методологическим критерием оценки художественного произведения мы можем рассматривать его **идеологическую направленность**. Под идеологией обычно понимают систему взглядов, мыслей, выражающих главные, коренные интересы определенных социальных групп, институтов, наций, классов, государств, союзов государств и т. д. Такое понимание идеологии позволяет увидеть ее взаимосвязь с художественной литературой. Она выражается в следующем:

— во-первых, каждый человек осознает свою принадлежность к той или иной социальной группе и является носителем ее интересов. В художественной литературе эти интересы находят свое воплощение в художественных типах героев, действия и размышления которых соответствуют потребностям этой социальной группы;

— во-вторых, художественная литература, являясь значимым средством социализации личности и закладывая в художественные типы идеологический потенциал, оказывает соответствующее влияние на формирование личности и, опосредованно, на идеологическое состояние общественного сознания;

— в-третьих, в истории художественной литературы накоплен опыт ее целенаправленного использования в интересах достижения определенных идеологических целей. Примером может служить литературная деятельность французских просветителей, которые идеологически подготовили Великую

французскую буржуазную революцию, активно используя в этих целях художественную литературу. В процессе этой деятельности они создали новые литературные жанры – философский роман и политический памфлет, которые в наибольшей степени соответствовали их целям.

Понимая таким образом взаимодействие художественной литературы и идеологии, можно прийти к выводу о том, что наряду с другими критериями оценки художественного произведения правомерно выделить идеологический. Его суть: по уровню развития, по содержанию и характеру идеологии, нашедшей отражение в соответствующих художественных типажах, можно оценить литературное произведение в этом ракурсе.

В обществе бытует мнение, что подобная оценка возвращает нас во времена цензуры. Это мнение, на наш взгляд, не может быть объективным по ряду причин, и, прежде всего, потому, что предлагаемая оценка не имеет запрещающего характера. Хотя, не включаясь в полемику, следует отметить, что всякий общественный организм по мере сил старается оградить себя от разрушительных процессов, в том числе и предупреждая их зарождение. С другой стороны, фактическая цензура существует, пусть даже не имея юридического оформления. Она проявляет себя через экономические ограничения художественного процесса.

Общеизвестно, что в каждом обществе, на каждом этапе его развития «работают» определенные **морально-нравственные нормы**. Они формируют основание для оценки всех без исключения социальных процессов, включая художественную литературу. Если под моралью понимать один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью выработанных и закрепленных в общественном сознании нравственных норм, то следует согласиться, что художественная литература предполагает нравственные оценки.

В отличие от простого обычая или традиции, нравственные

нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т. п., которые привносятся в общественное сознание в том числе и художественной литературой.

В отличие от права, исполнение требований морали санкционируется лишь формами духовного воздействия (общественной оценки, одобрения или осуждения). То или иное литературное произведение может вписываться или не вписываться в существующие в конкретном обществе моральные требования. Вместе с тем оно несет в себе нравственный потенциал, реализация которого может вызвать неадекватный, с точки зрения принятых нравственных норм, резонанс в обществе.

Оценивая подобным образом литературное произведение, следует учитывать его принадлежность к определенной исторической традиции (об этом было сказано при анализе исторического критерия оценки), так как, наряду с общечеловеческими элементами, мораль включает исторически преходящие нормы, принципы, идеалы.

Наряду с нравственным критерием оценки художественной литературы правомерно выделить **эстетический критерий**. Художественная литература — творческий процесс отражения реальности в художественных образах. Художественный же образ — это форма отражения объективной действительности в искусстве с позиций определенного эстетического идеала.

Эстетический идеал — это исторически наиболее полное гармоническое единство субъекта и объекта, человека и общественного целого, находящее выражение в свободном и универсальном развитии человеческих творческих сил. Эстетический идеал служит одновременно и критерием оценки прекрасного в жизни и в искусстве. Следует отметить, что на истину нас часто выводит хороший вкус и чувство красоты. Выбирая, скажем, между двумя конкурирующими теориями, ученые отдают, как правило, предпочтение той, которая более стройна и изящна. В итоге она, чаще всего, оказывается и более истинной.

Поэтому оценка соответствия художественного произведения эстетическому идеалу является вполне закономерной.

Специфическую роль среди критериев оценки содержания, сущности, качества художественного произведения, по-нашему мнению, занимает **культурологический критерий**. О чем идет речь?

Прежде всего, о том, что любое художественное произведение может получить оценку в плане его соответствия или несоответствия культуре конкретной социальной среды. Та или иная художественная литература может быть принята или отвергнута обществом, если она вписывается или вступает в неразрешимые противоречия с культурными ценностями, чтимыми в конкретной стране.

Наконец, специально следует сказать об **интегральном критерии** оценки художественной литературы. Речь идет о том, что каждый из вышеназванных критериев работает на оценку содержания и качества художественной литературы. Вместе с тем ни один из них не является универсальным. Все они страдают определенной односторонностью. Ее преодолевает интегральный критерий, предполагающий оценку состояния конкретного литературного произведения с позиции всех вышеназванных критериев: исторического, гносеологического, логического, мировоззренческого, методологического, идеологического, морально-нравственного и, наконец, культурологического. Интегральный критерий формируют различные системы социальной жизни. Особую значимость они обретают в своей интеграции, то есть тогда, когда художественная литература оценивается сквозь призму одновременного их действия. Этот критерий – объективная индикация всех проанализированных на каждом этапе развития художественной литературы. Его значимость нельзя преувеличить.

Резюме

Автор, розглядаючи проблеми оцінки якості твору художньої літератури, звертається до філософського осмислення даного феномена: досліджує середовище його розвитку, визначає зміст та сутність,

розкриває основні напрямки його взаємодії з іншими соціальними феноменами. У роботі розкриваються найважливіші критерії оцінки якості художніх творів.

Summary

While analyzing the problem of a belles-lettres work quality evaluation the author turns to a philosophic comprehension of the phenomenon discusses its development background, its subject and essence and reveals the main ways of its interaction with other social phenomena. The most important criteria of evaluating a belles-lettres work quality are formulated the paper.

УДК 811.111'42:001

Т. М. Тимошенкова

СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: функциональный стиль научной прозы, образность, экспрессивность, оценочность, эмоциональность, чувственное и рациональное отражение действительности, метафоричность.

Вслед за В. В. Виноградовым мы рассматриваем функциональный стиль как «общественно осознанную и функционально обусловленную, внутренне объединенную совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств языкового общения того или иного общенародного, общенационального языка, соотносимую с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» [1].

В задачи научной прозы входит доказательство определенных положений, гипотез, их обоснованная аргументация; точное и систематическое представление материала, касающегося описания, определения и объяснения явлений природы и общественной жизни в целях передачи некоторой суммы знаний, сообщения о результатах тех или иных исследований.

Всеми исследователями отмечаются в качестве стилиобразующих характеристик научной прозы логичность, последовательность, точность, краткость.

Дискуссионной является проблема использования в научном дискурсе изобразительных и выразительных средств. Эта проблема и составляет объект нашего исследования в данной статье.

Актуальность исследования определяется тем, что и по сей день, когда, казалось бы, проблемы функциональных стилей и жанров так глубоко и всесторонне изучены, факт наличия

средств изобразительности и выразительности в научной прозе имеет как своих сторонников, так и противников.

Исключают эмоционально-экспрессивную окрашенность текста и употребление слов в экспрессивно-образных значениях А. К. Панфилов, О. А. Лаптева, А. В. Федоров, Е. Ф. Петрищева [5, с. 149], И. В. Арнольд [6, с. 73], И. А. Носенко и Е. В. Горбунова [7, с. 7].

И. Р. Гальперин [2, с. 323], А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко [9, с. 244, 257] допускают ограниченное количество образных средств в зависимости от предметной области научной прозы.

Э. Ф. Скороходько [3] и С. А. Швачко [10] рассматривают метафоричность в научном стиле исключительно как терминообразующее средство.

Более того, некоторые исследователи в принципе считали образность недопустимой в научном дискурсе. Так, Г. В. Степанов, говоря о становлении научного стиля, писал: «Явная и скрытая образность слов стала сознательно изгоняться, ибо она породила ненужные ассоциации, затрудняла понимание сущности описываемых законов и всюду расставляла силки мышлению» [5, с. 151].

Мы разделяем мнение тех лингвистов, которые признают как присутствие, так и полную правомерность экспрессивных, эмоциональных и изобразительных средств в научной прозе.

Приведем доводы в пользу такого подхода.

Совершенно очевидно, что человеческое мышление есть единство логического и чувственного познания действительности. По справедливому замечанию К. Маркса, «не только в мышлении, но и всеми чувствами человек утверждает себя в предметном мире» [4, с. 5].

В процессе познания действительности логическая констатация фактов отнюдь не исключает субъективно-чувственной оценки со стороны субъектов когниции. И эта оценка может быть весьма эмоциональной, особенно, если речь идет о научной полемике, где уместна также и экспрессивность как

усиление выразительности, изобразительности, воздействующей силы логических постулатов.

Естественно, языковая специфика текстов, «предназначенных для сообщения точных сведений... и для закрепления процесса познания» [6, с. 69], не может не определяться и содержанием этих текстов, то есть характером сообщаемых точных сведений и особенностями того этапа в процессе познания, который переживает в данный момент конкретная наука.

В различных отраслях знания по-разному складываются проблемные ситуации, различными являются средства исследования, степень формализации, связь как с практической деятельностью человека, так и с его мировоззрением и мироощущением, с проблемами социальными и философскими. Все это сказывается и на использовании наукой языка, не в последнюю очередь – образных его средств [8, с. 186–187].

Но в целом, как отметил в свое время Л. де Бройль, дарованию ученого сродни способность остролова «устанавливать внезапно неожиданные сопоставления, поучительные или забавные», а потому науке необходим «живой язык, который легко приспособляется к таким сопоставлениям» [8, с. 189].

Рассмотрим использование выразительных и образных средств в языке научной прозы, посвященной проблемам лингвистики (на материале работы Дж. Н. Лича «Principles of Pragmatics»).

В тексте работы Лича чаще всего представлены тропы метафорической группы:

In those far-seeming days, pragmatics tended to be treated as a rag-bag into which recalcitrant data could be conveniently stuffed, and where it could be equally conveniently forgotten [11, p. 1].

It has the advantage of maintaining the integrity of linguistics, as within a walled city, away from contaminating influences of use and context [11, p. 3] (сравнение).

...Chomsky discovered the centrality of syntax...but...still regarded meaning as altogether too messy for serious contemplation [11, p. 1].

...This analysis makes the concept of a speech act quite mystical and abstract [11, p. 39] (эпитет).

Излюбленное образное средство автора – метафора.

...The recent history of linguistics can be described in terms of successive discoveries that what has gone headlong into the rag-bag can be taken out again and served and patched into a more or less presentable suit of clothes [11, p. 1].

...Syntax was considered so abstract as to be virtually beyond the horizon of discovery [11, p. 1].

...We should not forget that many influential scholars, both in the USA and elsewhere, have continued to work outside the «American mainstream» [11, p. 2].

Еще Аристотель определил способность «переносить значения» как «умение подмечать сходное в предметах» [8, с. 191], что, бесспорно, имеет первостепенное значение в научном исследовании. А В. Н. Телия считает способность характеризовать один предмет (явление) в терминах другого основным механизмом познания окружающей действительности.

В научном, как и в художественном дискурсе «metaphors vary in their degree of conventionalism, from the totally unconventional «poetic» metaphor, to the totally assimilated ‘dead’ metaphor» [11, p. 28].

В работе Дж. Н. Лича даже привычные языковые, «стертые» сравнения и метафоры, которые сам автор называет мертвыми, обретают новую жизнь за счет неожиданности их появления в строго научном контексте:

When linguistic pioneers such as Ross and Lakoff staked a claim in pragmatics in the late 1960s, they encountered there an indigenous breed of philosophers of language who had been quietly cultivating the territory for some time [11, p. 2].

In no time the generative semanticists found they had bitten off more than they could chew [11, p. 2].

A better model might be something nearer to a linguistic juggling act, in which the performer has to simultaneously keep several balls in the air: to fulfil a number of goals which compete with one another [11, p. 23].

In this way, the 'rhetoric of conversation' may show itself in s's (speaker's) ability to have his cake and eat it [11, p. 24].

Синтаксическая организация высказывания может служить средством:

- логического подчеркивания:

Only in this way could they have tried to ignore the obvious [11, p. 20].

At the most conventional end of the scale, among other structures, are grammatical formulae such as oaths and greetings... [11, p. 29] (инверсия);

- сопоставления или противопоставления тех или иных явлений, взглядов, подходов; полной и всесторонней характеристики явлений:

...the art of using language skillfully for persuasion, or for literary expression, or for public speaking...[11, p. 15].

Such rules either apply or they do not apply [11, p. 21].

He points out that his maxims apply both to linguistic and non-linguistic behaviour: for example, one can violate the Maxim of Relation not only in what one says, but in what one does [11, p. 27].

Grammar is conventional, pragmatics is non-conventional [11, p. 29].

It is found on the one hand in highly abstract and complex scientific theorizing, and on the other hand in homely examples, such as the following [11, p. 31] (синтаксический параллелизм).

Лексические средства образительности откровенно характеризуют позицию автора, оценку предмета исследования, а также взглядов и положений, высказанных его научными единомышленниками или оппонентами.

There is no clear way of testing the validity of scientific paradigms: they exist on a more abstract plane than the scientific method which Popper described as 'the method of bold conjectures and ingenious and severe attempts to refute them' [11, p. 5].

The most absurd manifestation of this approach I have met was S. R. Levin's proposal that the deep structure of every poem...begins with a deleted performance...[11, p. 20].

They represent an unrealistic and unsubtle view of what communication by means of language is like [11, p. 23].

The way in which such motives interrelate and conflict...makes any classification of it...as a naively simplified account of what kind of communication was involved [11, p. 23].

Таким образом, анализ языкового материала со всей очевидностью свидетельствует о том, что изобразительные и выразительные языковые средства занимают вполне законное место в «ткани» научной прозы. Они активно используются для создания наглядности описаний различных природных и общественных явлений, убедительности формулировок, обоснованности аргументации выдвигаемых положений, организации живой и заинтересованной научной дискуссии.

Мы видим дальнейшие направления исследования проблемы образности и выразительности научного текста в рассмотрении образцов научной прозы разных областей знания, установлении в каждом случае типов выразительных и изобразительных средств, определении областей-источников метафорических переносов и т. д.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // *Вопр. языкознания*. — 1955. — № 1. — С. 60–87.
2. Galperin I. R. *Stylistics* / I. R. Galperin. — М. : Higher School Publ. House, 1971 — P. 319–324.
3. Скороходько Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы / Э. Ф. Скороходько. — К. : Изд-во Киев. ун-та, 1960. — С. 63–64.
4. Разинкина Н. М. *Стилистика английской научной речи* / Н. М. Разинкина. — М. : Наука, 1972. — 168 с.
5. Петрищева Е. Ф. *Стиль и стилистические средства* / Е. Ф. Петрищева // *Стилистические исследования*. — М. : Наука, 1972. — С. 107–174.
6. Арнольд И. В. *Стилистика современного английского языка* / И. В. Арнольд. — Л. : Просвещение, 1973. — С. 69, 73.
7. Носенко И. А. *Пособие по переводу научно-технической литературы* / И. А. Носенко, Е. В. Горбунова. — М. : Высш. шк., 1974. — С. 7–10.

8. Славгородская Л. В. Об использовании образных средств в языке современной физики / Л. В. Славгородская // Функциональный стиль научной прозы. – М. : Наука, 1980. – С. 186–197.

9. Мороховский А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Вища шк., 1991. – С. 244, 257.

10. Швачко С. О. Дискурсивні характеристики термінів-квантитивів / С. О. Швачко // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – № 848. – Х. : ХНУ, 2009. – С. 130–134.

11. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – Lnd. and N.-Y. : Longman, 1985. – 250 p.

Резюме

У статті розглядається проблема використання виразних та зображувальних засобів у науковій прозі, їх роль у реалізації науковим текстом його функціональної призначеності.

Summary

The article deals with the problem of employing expressive and figurative means in scientific prose, their part in the scientific text realizing its functional purpose.

УДК 378.147.016:811.161.1,243 (=58)

Чень Чао Хуа, Н. А. Измайлова

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРИНЦИПА
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ**

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, коммуникативный принцип.

В последнее время все больше китайских студентов изъявляют желание изучать русский язык в России и в Украине. Опыт преподавания русского языка китайцам за последнее десятилетие показывает, что именно в китайской аудитории наибольшую трудность представляет собой освоение коммуникативных навыков. Студенты успешно усваивают грамматику, довольно хорошо пишут и читают, но не владеют умениями устного обиходно-бытового и учебно-профессионального общения.

Основы и способы реализации коммуникативного принципа в процессе обучения иностранных студентов – предмет обсуждения во многих научно-методических статьях. Однако следует отметить, что работ, посвященных проблемам освоения коммуникативных навыков в китайской аудитории, все еще недостаточно [4]. Особенно необходимы учебники русского языка для китайских учащихся, которые бы решали задачи обучения умениям устного общения уже на начальном этапе.

Обучение иностранному языку подчинено таким основным целям: образовательной, воспитательной и коммуникативной. Коммуникативная цель – это обучение *общению* на языке. Для достижения данной цели учебный процесс должен быть организован так, чтобы помочь сформировать навыки аудирования и говорения в быту, позволить учащимся научиться слушать и конспектировать учебные лекции, а на продвинутом

етапе також воспроизводить их содержание на основе конспекта или плана и принимать участие в речевом общении на практических занятиях по изучаемым специальным предметам. В соответствии с принципом коммуникативности процесс обучения строится как модель процесса общения, или речевой деятельности учащихся в аудитории.

Принцип коммуникативности реализуется в частных принципах, определяющих содержание и методы обучения. Один из них – это принцип функциональности, который реализуется посредством выбора и организации основных единиц обучения с учетом их коммуникативной и функциональной значимости.

В данной статье поставлена цель – оценить реализацию принципа коммуникативности в учебных пособиях, представляющих разные методические концепции, и на основе этой оценки очертить наиболее продуктивные пути реализации коммуникативного принципа в работе, в частности, с китайскими учащимися [1; 2; 3]. Объектом исследования является материал трех учебных пособий, ограниченный элементарным уровнем владения. Поставлены задачи – проследить, предлагают ли учебники коммуникативные задания по наиболее типичным ситуациям общения, которые включены в Государственный образовательный стандарт по русскому языку (в деканате, на факультете, в банке, в столовой, кафе, в библиотеке, на занятиях, на улицах города, в театре, музее, в поликлинике, в магазине и т. д.); сравнить эффективность выбора и подачи языкового материала с точки зрения реализации коммуникативного принципа; найти в предлагаемом материале наиболее эффективные для формирования навыков речевой деятельности в китайской аудитории задания и упражнения.

Проанализируем сначала цели, обозначенные создателями учебников. Так, основная цель учебника [1] – «обучить иностранных студентов звукобуквенным и буквенно-звуковым соотношениям на ограниченном лексическом материале за 24 часа». Учебник [2] предназначен специально для китайцев

и «призван помочь специалистам любой ориентации овладеть элементарным русским языком, а именно: читать русские газеты и журналы, слушать радио, смотреть телепередачи, уметь объясняться на русском языке в предложенной тематике [2, с. 3]». Учебник [3] имеет целью «поэтапное формирование навыков и умений общения в ситуациях повседневной жизни в соответствии с выделяемыми в Европейской школе уровнями владения иностранными языками [3, с. 2]».

При создании учебных пособий идеальная цель – помочь иностранным студентам сформировать речевые навыки в самое короткое время и довести эти навыки до автоматизма. В этом смысле учебник [1] имеет серьезный недостаток – навыки общения не развиваются достаточно: нет ситуативных диалогов и заданий. В учебнике [2] новый грамматический материал вводится на основе речевых образцов и коммуникативных упражнений, главным образом диалогического характера, представляющих ситуации общения: приветствие, разговор по телефону, в столовой (кафе, ресторане), на улицах города. В этих упражнениях достигается сразу несколько целей – отрабатываются грамматические модели, совершенствуется произношение, развиваются коммуникативные навыки.

Освоение фонетических явлений русского языка китайскими студентами с помощью прямого метода, который наиболее эффективен на начальных этапах обучения [4, с. 88], начинается с имитативного обучения фонетике. В этом случае создателям пособий для китайцев следует, прежде всего, установить сходства и различия фонетических явлений русского языка и родного языка учащихся и сделать выводы о том, какой материал на начальном этапе будет легче восприниматься данной национальной аудиторией, а какой – труднее. Китайский язык основан на иероглифической системе письма. Она состоит из двух подсистем: фонетической и иероглифической. Например, слово, произносимое как *wǒ* – «я», обозначается иероглифом, совершенно не соотносимым с произношением. В русском же языке принцип письма

является звукобуквенным. В китайском языке словоформа не претерпевает морфологических изменений. Синтаксические отношения отражаются в порядке слов во фразе или посредством использования логических приемов. Это кардинальное отличие языковых систем двух языков затрудняет восприятие, чтение, письмо и способность китайцев говорить по-русски и замедляет начальный этап процесса обучения.

В китайском языке отсутствует звуки [р], [щ], [ж], [й], [ы] и буквы [ь], [ъ]. Только постановка произношения [р] у китайцев занимает очень много времени. Приемлемый способ обучения произношению [р] не дан ни в одном из трех анализируемых в данной работе учебников.

При постановке глухих и звонких звуков в китайской аудиотории учебник [2] также выгодно отличается от двух других четко представленными в виде упражнения-таблицы примерами оглушения (на основе частотной лексики). В китайском языке нет ударения, но есть четыре тона, соотносимые с каждым иероглифом, например: mā – (мама), má – (пощипывать), mǎ – (ярд), mà – (ругать). Тон отличает иероглифы друг от друга по смыслу. Усвоение китайскими студентами принципов и закономерностей постановки русского ударения чрезвычайно важно. Поэтому в учебниках элементарного уровня они обязательны.

Во всех анализируемых учебных пособиях показаны закономерности редукации звуков, но только в учебнике [2] это сделано достаточно полно и с учетом коммуникативных задач обучения. В учебнике [2] разработаны упражнения, позволяющие реализовать речевые интенции, связанные с запросом и сообщением информации по телефону. Это действительно продуктивный способ подачи материала в простейших диалогах типа: «Кто она [ана]? – Она студентка; или: – Алло, это [эта] банк? – Да, это [эта] банк». В этом учебнике показаны важные различия двух типов основ прилагательных с ударением на основе и на окончании (ср. новый – голубой), чего нет в других двух пособиях. В учебниках, предназначенных

для китайской аудитории, необходимо разрабатывать коммуникативные упражнения, учитывая различие фонетической и грамматической систем китайского и русского языков. Мы не находим таких упражнений в учебнике [3], который специально предназначен для китайских учащихся. Разработать такие задания возможно путем тесного сотрудничества с китайскими специалистами-русистами. Отбор коммуникативно значимого учебного материала, создание упражнений и практических заданий в отдельном виде речевой деятельности в ситуациях, моделирующих реальное общение (в учебно-профессиональной, социально-бытовой и социально-культурной сферах), приведет к наиболее эффективной реализации коммуникативного принципа и скорейшему овладению китайскими студентами необходимыми коммуникативно-речевыми умениями.

Список литературы

1. Чистякова А. Б. Русский язык для иностранных студентов / А. Б. Чистякова, Э. Н. Джурко, И. П. Петренко. — Х. : Константа, 2006. — Ч. 1: Рабочая тетрадь. — 90 с.
2. Корчагина Е. Л. Приглашение в Россию. Элементарный практический курс русского языка : учебник / Е. Л. Корчагина, Е. М. Степанова. — 5-е изд. стереотип. — М. : Рус. язык. Курсы, 2008. — Ч. 1. — 288 с.
3. Балыхина Т. М. Учебник русского языка для говорящих по-китайски / Т. М. Балыхина, И. Ф. Евстигнеева. — 4-е изд. стереотип. — М. : Рус. язык. Курсы, 2008. — 352 с.
4. Капитонова Т. И. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин — СПб. : Златоуст, 2006. — 272 с.

Резюме

У статті розглянуто шляхи реалізації комунікативного принципу навчання китайських студентів російської мови як іноземної.

Summary

The article analyzed the ways of realizing a communicative principle of teaching Chinese students the Russian language.

Студентська трибуна

УДК 378.147.88(091)

М. С. Дідич

Науковий керівник д-р іст. наук К. В. Астахова

СТУДЕНТ І НАУКА: ІСТОРІЯ СТАНОВЛЕННЯ ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКІВ

Ключові слова: науково-дослідна діяльність, студентська наука, науково-дослідна робота студентів, Студентське наукове товариство, Мала академія наук.

Потреби суспільства, загальноосвітніх закладів у розвитку наукової культури майбутніх педагогів зумовлюють доцільність короткого огляду науково-дослідної діяльності студентів в історичному аспекті. Історія розвитку вищої школи показала, що науково-дослідна робота студентів є обов'язковою умовою підготовки висококваліфікованих спеціалістів. Довгий період науково-дослідна робота студентів вважалася важливою відмінністю вищої школи від загальноосвітньої. У сучасних умовах в ліцеях, коледжах і деяких школах все більшу увагу приділяють впровадженню елементів науково-дослідної роботи та розвитку творчої активності учнів. Своєрідним прикладом цих тенденцій є робота Малої академії наук у Народній українській академії.

Аналіз історії розвитку зв'язків між студентом і наукою становить неабиякий інтерес дослідників, адже саме студентство повинно сьогодні отримувати якісне наукове підґрунтя своєї фахової професійної підготовки.

Варто зазначити, що серед літератури, з якою знайомився автор, немає жодного джерела, в якому у прямій постановці було б розглянуто питання виникнення та розвитку взаємодії студента і науки в історичному аспекті. Існує низка публікацій, присвячених певним аспектам проблеми, але комплексного дослідження немає. Саме тому метою статті є систематизація

та аналіз інформації про історію залучення студентів до НДР. Завдання полягають у збиранні та опрацюванні матеріалів з різних джерел та літератури про цілі, методи, структуру та основні форми науково-дослідної діяльності студентів, аналізі найпоширеніших та найефективніших методів такої роботи. Цікаво побудувати системне уявлення про історію становлення зв'язку між студентом та дослідною діяльністю.

Серед найбільш значущих публікацій з обраної для дослідження теми – монографія А. А. Сбруєвої «Порівняльна педагогіка» [4], В. Микитася «Давньоукраїнські студенти, професори» [3]. Досить цікаву інформацію про розвиток взаємозв'язку між студентом та наукою в радянський період містить видання В. Н. Волкова, П. В. Грішина, О. А. Динової «Научно-исследовательская работа студентов в современном вузе» [2].

Завдяки систематизації та аналізу даних матеріалів вважається можливим вивчення вищевказаної теми.

Під час вивчення теми автор розглядає проблему взаємозв'язку студента і науки починаючи з періоду Середньовіччя, коли і спостерігається виникнення перших університетів, безпосередньо формується таке явище, як університетська освіта. Так, в Італії 1119 р. виник Болонський університет; за ним Неапольський (1224), Римський (1303). В Англії – Оксфордський (XII ст.), Кембриджський (1202); у Франції – Монпельє (1180), Паризький (Сорбонна, 1257); в Іспанії – Сієнський (1240). Згодом виникли Краківський (Ягелонський), Віденський, Гейдельберзький, Лейпцизький, Кенігсберзький та інші, які були відомі в Україні з XV–XVI ст. [3, с. 15].

Університет того часу являв собою корпорацію, відносно самостійну общину, до якої входили магістри та школярі. Варто зазначити, що вони не були відокремленими одна від одної і складали собою дружню общину, і тому важливе значення мав член будь-якої корпорації: той, хто вибував з неї, мав осуд всього суспільства.

З отриманням цілої низки прав і переваг корпорації магістрів і школярів поступово перетворилися у самостійні

і незалежні, тісно пов'язані суспільні союзи, зі своїм особливим життям, особливими звичаями, які об'єднували наступні покоління професорів та школярів [5, с. 68].

У класичних університетах на початковому етапі існувало чотири факультети: «вільних мистецтв», медицини, права і обов'язково теології, бо церква пильно стежила за освітою й духовним життям. Серед них слід виділити медичний, оскільки саме тут у процесі навчання з'являється експеримент – як перший елемент наукових досліджень, який поступово розширюється і стає невід'ємною складовою навчання.

Наука у Середні віки була, в основному, книжковою справою. Вона опиралася на абстрактне мислення і лише незначною мірою – на експеримент, оскільки ще не ставила перед собою прагматичної мети, не втручалася у природний хід подій, а намагалася зрозуміти світ у процесі споглядання. У науці тих часів традиційно виділяють чотири напрямки: перший – фізико-намічний, ядром якого було вчення про рух на основі натурфілософії аристотелізму. Другий – вчення про світло; оптика була частиною загальної доктрини – «метафізики світла». Третій – наука про живе; вона охоплювала комплекс питань про душу як джерело рослинного, тваринного і людського життя, у дусі аристотелізму. Четвертий напрямок стосувався астролого-медичних знань, у тому числі алхімії.

Отже, перше об'єднання школярів західноєвропейських університетів з експериментом як складовою наукового дослідження відбувається, перш за все, на медичних факультетах. Поступово практика використання експерименту, знайомства студентів із науковими наробками поширюється і на інші факультети, особливо на ті, де вивчалися природничі дисципліни. Але в чистому вигляді залучення студентів до науково-дослідної діяльності відбувається значно пізніше.

Учнівська освіта починає формуватися в Західній Європі у XIII–XV ст., тоді як перші російські університети з'являються лише у XVIII ст. Завдяки розвитку науки і техніки схема взаємодії студентів з наукою значно змінюється. Виникає

інтерес до вивчення наукової спадщини, використовується експеримент як складова навчання на багатьох факультетах.

Соціально-політичні перетворення початку ХХ ст. суттєво змінили організацію та зміст навчання у вищій школі. Ставилися завдання залучення студентів до творчої праці. НДРС розглядалася як засіб розширення і поглиблення знань студентів, доповнення до навчального процесу. Найпоширенішою формою стала «гурткова» робота: читалися лекції професорів, здійснювалася просвітницька робота в школах, організовувалися виставки, екскурсії, студенти готували доповіді, брали участь у диспутах.

Уже у 20-ті роки ХХ ст. у ВНЗ почали діяти студентські наукові гуртки. Серед них досить активно працював гурток гідравліки та авіації Харківського технічного інституту. У ньому не тільки вивчалися теоретичні проблеми, читалися доповіді, але й розроблялися проекти літаючих апаратів. Зусиллями гуртківців були спроектовані для конкурсу, що був оголошений Товариством авіації та повітроплавання України і Криму, три планери — усі три проекти були відзначені преміями. За цими ж проектами Харківська авіабаза побудувала два планери, що у вересні 1924 року брали участь у змаганнях [8, с. 521].

Пізніше обдарованих студентів в якості заохочення залучали до роботи в НДІ при ВНЗ. Роботи, які виконували студенти в рамках НДІ, зараховувалися як один із предметів навчального плану. Недоліком даної форми була відсутність чіткого розуміння завдань і змісту наукової роботи студентів, її зв'язку з навчальним процесом. НДРС не розглядалася як обов'язковий елемент навчального процесу.

Саме наприкінці 20-х — на початку 30-х років ХХ ст. значно зростає інтерес студентів до науки, особливо до фізики, інженерної справи. Це знайшло своє відображення у навчальному процесі. У цей період закладаються фундаментальні наукові школи теоретичної фізики, біології та ін.

Курс теоретичної фізики почав створюватися в Харкові в 1935 році і служив посібником для складання іспитів

з теоретичної фізики, які спершу склалися за конспектами лекцій, прочитаних видатним фізиком-теоретиком Л. Д. Ландау науковим співробітником Харківського фізтеху. Лев Давидович Ландау вважав своїм обов'язком усіляко сприяти розвиткові фізичної освіти в СРСР. Так, викладаючи у Харківському державному університеті (ХДУ), він започаткував докорінні зміни в системі підготовки майбутніх фізиків.

У ті часи в якості навчального посібника з фізики використовували багатотомний «Курс фізики» О. Д. Хвольсона, де, як слушно зауважував Ландау, були «перемішані фундаментальні закони фізики з гайками для закріплення окремих деталей приладів». Новаторство Л. Д. Ландау полягало в тому, що він у своєму курсі загальної фізики викладав тільки закони й теорії, а фізичні експерименти і будову приладів виносив на лабораторні роботи [8].

Активізація НДРС викликала необхідність поділитися результатами своїх досліджень, тому в багатьох ВНЗ відбувалися конференції і конкурси студентських наукових робіт, результати яких представлялися на багатьох виставках. Функціонували СНТ, студентське конструкторське бюро. Остання організація виконувала за договорами проектно-конструкторські роботи для промисловості і сільського господарства.

Друга половина XX ст. була періодом бурхливого розвитку наукових досліджень і зростання наукового потенціалу. Цьому передусім сприяла науково-технічна революція у світі, що, безумовно, значною мірою вплинула на розвиток науки і виробництва в Радянському Союзі.

До наукової роботи активно залучали студентів, зокрема і в Харківському державному університеті. З 1961 р. плідно працювало Студентське наукове товариство. У 80-ті роки в університеті здійснювався план залучення студентів до науково-дослідної роботи протягом усього періоду навчання. До різних форм науково-дослідної роботи було залучено близько 5000 студентів, що становило 84% усіх студентів денної форми навчання. Уже в середині 80-х років на факультетах працювало

12 науково-виробничих студентських загонів, в яких нараховувалося загалом 140 чоловік. Зокрема, результати наукових досліджень студентського науково-виробничого загону «Аналітик» хімічного факультету були впроваджені у виробництво Белгородського вітамінного комбінату [1, с. 478].

У нових умовах перебудови вивчався закордонний досвід, згідно з яким навчальні заклади організовувалися як науково-дослідні центри, які займалися і комерційною діяльністю у своїй галузі, але при цьому мали статус неприбуткових організацій, фінансування яких здійснювалося з державних і місцевих бюджетів.

Слід також відзначити, що за часів перебудови, та – особливо – розпаду СРСР, НДР взагалі і НДРС зазнали значних втрат. Існуюча раніше система, з усіма її недоліками та здобутками, практично припинила своє існування.

Продовжуючи тему, варто також коротко відмітити традиції університетів Європи та США.

У кожній із європейських країн вища освіта реалізується, враховуючи особливості тієї чи іншої держави. У чомусь спостерігаються схожості, в чомусь – відмінності. Проте в цілому відношення понять наука – університет – держава, видаються єдиним цілим. Держава всебічно підтримує науку, починаючи з лав університету. Існує чимало наукових центрів, в яких працюють студенти старших курсів, таким чином здобуваючи не тільки якісну освіту, а й розвиваючи рівень науки власної країни.

Одним із явних лідерів у даній сфері є США. Метою вищої школи цієї країни є підготовка спеціалістів, здатних систематично мислити, робити правильні оцінюючі судження, застосовувати творчу уяву. Основний акцент робиться не на обсяг, а на фундаментальність навчання, на знання спеціалістами концепцій розвитку певних галузей науки і техніки, на формування у них навичок подальшої освіти.

На початку ХХІ ст. на США припадає близько 43% витрат на НДДКР промислово розвинених країн Заходу та Японії.

Наприкінці ХХ ст. США витратили на НДДКР стільки, скільки Японія, Німеччина, Велика Британія, Франція, Італія, Канада разом узяті. Безумовно, криза 2008–2009-х років внесла свої корективи, але США залишають за собою провідні позиції у розвитку науки і, перш за все, – університетської [7, с. 106].

Вища школа України зазнала суттєвих змін на межі ХХ–ХХІ ст. Розпад СРСР, скорочення фінансування НДР у вищій школі та в країні в цілому призвели до значних втрат. Відтік наукових кадрів вищої кваліфікації, ліквідація структур, притаманних радянській вищій школі (СНТ, гуртків та ін.) практично знищили систему НДРС. Окремі випадки її збереження та функціонування не впливали на існуючу тоді ситуацію. Поступове відтворення студентської науки починається наприкінці 90-х років ХХ – на початку ХХІ ст.

Як приклад організації науково-дослідної роботи в рамках університету можливо використати Народну українську академію – навчально-науковий комплекс безперервної освіти, що виник у 1991 році.

Від самого початку існування НУА приділяє значну увагу організації НДР і НДРС як вагомих складових сучасного навчального процесу. Саме тому було створено умови для започаткування власних наукових шкіл, науково-дослідної роботи школярів, студентів, викладачів. Організацією цієї роботи опікуються Мала академія наук в СЕПШ, Студентське наукове товариство і Асоціація молодих учених в ХГУ.

У 1998 році в Спеціалізованій економіко-правовій школі ХГУ «НУА» було створено Шкільне наукове товариство (ШНТ). В основу роботи ШНТ покладено принципи розвитку творчого мислення і творчих можливостей; обліку індивідуальних особливостей і професійної спрямованості; самостійного наукового пошуку.

Таким чином, система безперервної освіти дозволяє включити школярів до науково-дослідної діяльності уже у старших класах середньої школи через участь в Малій академії наук, у всіх можливих конкурсах та олімпіадах.

Реалізуючи принцип передачі наукових досліджень в рамках наукових шкіл академії, у 1996 році було створено Студентське наукове товариство, головна мета якого – залучення студентів до науково-дослідної роботи.

Протягом 13 років роботи апробовано різноманітні форми реалізації основних цілей функціонування СНТ. Це і проведення традиційних зібрань, відкритих засідань членів СНТ для обговорення результатів наукового пошуку студентів, надання допомоги в набутті навичок роботи з науковою літературою, визначенні структури наукової роботи, участь в щорічній міжнародній студентській науковій конференції НУА та інших заходах.

Для роботи зі студентами на факультетах і для динамічного інформування студентів існує досить розгалужена структура Студентського наукового товариства. Вона передбачає наявність замісників на факультетах і представника в кожній академічній групі, що дає можливість мобільно поширювати інформацію про конференції і конкурси.

Окрім шкільного та студентського наукових товариств, у НУА функціонує Асоціація молодих вчених, яка об'єднує викладачів, співробітників та аспірантів академії, які беруть участь в науково-дослідній роботі у віці до 35 років.

Асоціація молодих учених організовує зустрічі, дискусії, семінари. Основною метою таких заходів є обмін інформацією, ідеями з найактуальніших теоретичних і практичних проблем між вченими і спеціалістами ХГУ «НУА». Аспіранти мають можливість отримувати інформацію про публікації наукових статей у спеціальних періодичних виданнях, про вимоги до дисертаційних досліджень і статтях зі спеціальностей.

Таким чином, у процесі даного дослідження здійснено аналіз взаємозв'язку студента та науки в історичному аспекті. Визначено, що перші спроби науково-дослідної роботи студентів з'являються на медичному факультеті Середньовічного університету.

У нашій країні розвиток науки, зокрема студентської, припадає на період розпаду СРСР. Зароджуються нові

студентські організації, які активно працюють у сфері наукової діяльності.

Сьогодні наука переживає не найкращі часи, адже вона потребує, насамперед, підтримки держави, а в даному питанні ситуація в Україні залишає бажати кращого.

Усе ж таки, незважаючи на певні проблеми, які супроводжують країну на сучасному етапі, є навчальні заклади, де всебічно підтримується розвиток студентської науки через діяльність гуртків, залучення студентів до науково-дослідної роботи. Одним з таких ВНЗ є Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія», де функціонують наукові гуртки, Шкільне наукове товариство, Студентське наукове товариство та Асоціація молодих вчених, авторитетні наукові школи.

Слід зазначити, що у всі часи навчальні заклади були, перш за все, науковими центрами, які не тільки визначали формування соціально-економічного потенціалу суспільства, але і забезпечували постійне впровадження найновіших досягнень науки в процес підготовки спеціалістів. А це, у свою чергу, впливає не тільки на здобуття студентами висококваліфікованого рівня підготовки, але і на розвиток держави в цілому.

Список літератури

1. Бакіров В. С. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев. — Х. : Фоліо, 2004. — 750 с.
2. Волкова В. Н. Научно-исследовательская работа студента в современном вузе / В. Н. Волкова, П. В. Гришин, Е. А. Дынова // Аналит. обзоры по основным направлениям развития высшего образования. — 2008. — № 12. — С. 1–63.
3. Микитась В. Давньоукраїнські студенти і професори / В. Микитась. — К. : Абрис, 1994. — 288 с.
4. Сбруева А. А. Порівняльна педагогіка : навч. посіб. / А. А. Сбруева. — 2-ге вид., стер. — Суми : ВТД «Університет. кн.», 2004. — 320 с.
5. Сорочан С. Б. Середньовічний школяр / С. Б. Сорочан // Університети. — № 3. — 2001. — С. 68–79.

6. Ходусов В. Харків у житті Л. Д. Ландау / В. Ходусов. // Газета Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2008. – № 2 (3908).
7. Штокман Е. А. Высшее образование в США / А. Е. Штокман. – М. : Изд-во Ассоциации строительных вузов, 2005. – 200 с.
8. Ярмыш А. Н. История города Харькова XX столетия / А. Н. Ярмыш, С. И. Посохов – Х. : Фолио, 2004. – 686 с.

Резюме

В данной статье рассматривается история формирования научно-исследовательской деятельности студентов. Хронологические рамки исследования ведут свое начало из периода Средневековья, когда появляются первые университеты, к настоящему. Развитие студенческой науки сопровождалось рядом положительных и негативных тенденций, присущих каждому историческому периоду. А это, в свою очередь, отобразилось на современном состоянии научно-исследовательской работы студентов и науки в целом.

Summary

This paper examines the history of forming research work by students. The chronological scopes of the conducted research, begins from the period of Middle Ages, when the first universities appeared, until our days. Scientific development by students was accompanied by the row of positive and negative tendencies, inherent to every historical period that was represented on the modern state of research work of students and science on the whole.

УДК [94:323.28:371.8] (470)

Е. В. Ливец

Научный руководитель д-р ист. наук Е. В. Астахова

УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКЦИЯХ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Ключевые слова: студенчество, Российская империя, террор, политическая борьба.

Одной из важнейших проблемных зон современного цивилизованного общества являются социально-политические беспорядки, в первую очередь террористические акты, в которых определенные политические группы видят единственный путь достижения своих целей. Террор превратился в ключевую проблему XXI в., хотя следует отметить, что она имеет достаточно длительную историю.

Многие страны испытали на себе весь ужас массового террора. И сегодня, в условиях глубокого экономического кризиса, важно не допустить эскалации террора как средства решения острых политических, религиозных, этнических и социально-экономических проблем.

Для выяснения причин появления и распространения терроризма, предотвращения дальнейшего его наращивания представляется необходимым обратиться к истокам явления (в частности в Российской империи), уделить внимание изучению основ и форм деятельности молодежных объединений и экстремистских групп, организованная работа которых и явилась, в значительной степени, почвой для появления террора как средства решения острых социальных проблем.

Анализ литературы, посвященной проблеме терроризма, свидетельствует о значительном внимании ученых-историков, специалистов других областей знаний к данной теме.

Существует ряд публикаций таких авторов, как А. И. Суворов, В. Н. Иванов, Г. К. Варданянц, А. В. Губенко, Э. Н. Ожиганов, Ф. Т. Алексеров, которые представляют наибольший интерес для исследования в силу их аналитической глубины, обширного фактического материала.

В статье анализируется одна из страниц истории российского политического терроризма, а именно – его проникновение в молодежную студенческую среду, участие студентов в терактах, имевшее место во второй половине XIX – в начале XX века. Такая постановка исследовательской задачи представляется оправданной, так как пока нет комплексных работ по изучению проблемы участия студентов в террористических актах, как на территории Российской империи в целом, так и в Украине в частности.

Известно, что студенчество традиционно выступало как один из наиболее революционных слоев общества. В отличие от нестуденческой молодежи, пассионарность студентов усиливалась еще и высокой интеллектуальной способностью к социальной рефлексии, критическому анализу реальности. В XIX веке в Российской империи большинство социал-демократических, анархистских обществ создавалось именно в университетской среде.

Студенческое сообщество имело двойственную репутацию: наименее консервативной, наиболее подвижной, восприимчивой к новым веяниям социальной группой населения, но в то же время – студенты нередко жили замкнутой, скрытой от постороннего взгляда жизнью. По мнению специалистов, в их среде могли зародиться не только новые продуктивные общественные практики, но и сектантские настроения, чреватые общественно неуправляемыми последствиями. История имеет немало тому подтверждений: создание полуправовых организаций, объединявших студентов по месту их рождения, – землячества, основой деятельности которых были не только помощь в материальном обеспечении, но и приобретение нелегальной литературы, ангажирование студентов

в вопросах свободы слова, свободного доступа к знаниям и распространение революционных взглядов на университетскую жизнь в целом [2, с. 55].

Основная цель статьи – выяснение и описание механизмов взаимодействия студенчества и политических организаций, исповедующих террор. Представляется целесообразным разобраться в том, какие причины подталкивали студентов к экстремистским методам борьбы, делали их благодатной почвой для политических объединений и групп, провозглашающих насилие как эффективное средство борьбы.

Термин «террор» (лат. terror – страх, ужас) означает применение силы или угрозу ее применения в политических целях. Известный специалист Ф. Т. Алексеров определяет терроризм как «систематическое использование террора или непосредственного насилия против правительства, общества или отдельных людей для достижения политических целей» [1, с. 186], а Э. Н. Ожиганов, в свою очередь, полагает, что терроризм – это «незаконное предумышленное использование физического или психического насилия... с дальнейшими политическими целями... для создания в обществе психологической атмосферы страха и уязвимости...». Не отрицая политической направленности террористического акта, Э. Н. Ожиганов указывает на то, что немалую роль в методах борьбы террористов играет непосредственно психологическое воздействие, то есть террористический акт трактуется как «символическое», а не «инструментальное» действие.

Особенностью идеологии терроризма является то, что он направлен, в своем большинстве, не столько на повреждение, уничтожение объекта посягательства, убийство людей, сколько на создание обстановки страха, тревоги, паники и ощущения угрозы. Согласно позиции В. Н. Иванова, «терроризм появляется там, где государство не справляется со своими функциями, где существует несправедливость и произвол... где есть дискредитация, беззаконие и нарушение прав человека» [3, с. 65].

Зарождение относительно массовой заинтересованности политическими и революционными идеями начинается в студенческой среде Российской империи в 80-е годы XIX века, после реформы образования в 1884 году.

Если на более ранних этапах кружки самообразования лишь иногда являлись местом формирования антиправительственных взглядов — все зависело от увлечений организатора или руководителя, — то в 80-е годы XIX века деятельность кружков приобретает не только нелегальный, но порой откровенно антиправительственный характер. Практически всегда наличие в университете нелегального студенческого кружка свидетельствовало о приверженности воспитанников крайне революционным политическим взглядам.

Число студентов, вовлеченных в политическую деятельность в 80–90-е годы XIX в. постоянно увеличивалось. Все чаще у воспитанников российских университетов находят радикальные издания, прокламации или брошюры. Так, 21 октября 1884 года в квартире Воронежского семинариста Н. Яковлева был произведен обыск, во время которого обнаружили противоправительственные прокламации и копировальный пресс. Семинаристы общались с политическими ссыльными, участвовали в сборе средств на поддержку скрывавшихся государственных преступников, хранили и распространяли нелегальную литературу.

Многие студенты, уличенные в революционной пропаганде, проходили по политическим делам и отправлялись в ссылку: в 1884 году после шумного политического судебного процесса был осужден и сослан под надзор полиции пермский семинарист А. Любимов. Аналогичных примеров можно привести множество.

В марте 1884 года у студентов Киевской духовной академии П. Дашкевича, А. Селецкого и И. Васильева был произведен жандармский обыск. П. Дашкевич арестовывается за установление связи с революционными деятелями, в занимаемом им в академии помещении найдены «преступные» издания.

Последовало немедленное распоряжение об усилении дисциплины в академии, на что студенты ответили демонстрацией. Такие «цепочки событий» часто встречались в университетской среде во второй половине XIX века, и упоминаниями о них пестрят страницы истории университетов и училищ.

Постепенно от чтения запрещенной литературы и членства в политических кружках студенты переходят к более радикальным действиям. На рост увлечений террористическими методами борьбы повлияла и экономическая нестабильность. На рубеже XIX—XX вв. свободная конкуренция сменилась господством монополий, произошло слияние промышленного и банковского капиталов. В России сохранилась абсолютная монархия, что мешало экономическому и культурному прогрессу, создавало острые социальные противоречия.

По мнению специалистов, к 1907 году число студентов, поддавшихся революционной пропаганде и нигилистическим настроениям, по сравнению с 1897 годом выросло почти в три раза, а репрессивные меры в отношении студенческих волнений только подогревали их экстремистские настроения. Студенчество перешло к активным действиям в значительной степени после того, как известный процесс террористки Веры Засулич (покушение на генерала Ф. Трепова) был выигран Анатолием Кони в ее пользу. Эти события во многом ускорили начало массового политического терроризма.

Среди методов политической борьбы, используемых в изучаемый период, можно выделить: покушения на губернаторов, видных деятелей полиции и жандармерии, суда и прокуратуры, попытки дискредитации и устранения высокопоставленных чиновников (вплоть до императора, смерть которого была основной целью «Народной воли», пропагандировавшей террористические способы борьбы), многочисленные стачки, забастовки, митинги и распространение нелегальной литературы, «хождения в народ» (разъяснительная и просветительская работа) и прочее.

Что касается территорий Украины, то здесь с начала

XIX века формируются тенденции, характерные для политической жизни регионов страны, имеющих университеты. Харьковский и Киевский университеты становятся своеобразными центрами вольнодумства. Поначалу здесь создавались интеллектуальные клубы, в которых студенты, преподаватели обсуждали новинки литературы, искусства, музыкальные произведения, выпускали газеты («Украинский вестник», «Харьковский Демокрит»). Позже происходит постепенная политизация этих объединений. Студенческое движение, как правило, использовало такие свойственные ему способы борьбы, как бойкоты, невыполнение распоряжений руководства, саботажи отдельных университетских акций и мероприятий. Включенность в экстремистские группировки и использование жестких методов борьбы проявятся уже во второй половине XIX века [4, с. 63].

Причиной того, что реакция на действия правительства стала острее, а настроения – радикальнее, во многом послужил запрет студенческих организаций как таковых. Решение стало причиной создания тайных организаций и активизации нелегальной деятельности. Особое развитие получили клубы, которые можно сравнить с политическими клубами во Франции, возникшими в преддверии революции. Их главной целью была борьба за осуществление прав студентов, демократизацию университетской жизни. Рост политической активности студентов пришелся на начало XX века. В 1904 году в Харьковском университете был основан филиал «Русского собрания», появились партийные кружки эсеров. Аналогичные процессы прослеживались и в других университетах. Студенты принимали участие в вооруженных акциях, политических стачках и восстаниях, входили в боевые дружины. В большинстве своем именно студенты были поставщиком революционных кадров, исполнителями различных акций. Их действия в основном были направлены на отстаивание студенческих прав, корректировку проблем, связанных с обучением, качеством преподавания. Студенты широко использовались в качестве агитаторов, их

легко было заинтересовать возможностью кардинальных перемен в социально-политическом устройстве государства, перспективами быстрых трансформаций в обществе.

«Взлет» терроризма спровоцировало «кровавое воскресенье» в 1905 г. Прошли погромы, убийства, грабежи и разбой. Россия лишилась ряда ярких государственных деятелей, выполнявших свой служебный долг. Террор начала XX века отличался некоторой неразборчивостью в выборе жертвы: мишенью мог стать любой служащий, каким-либо образом связанный с правительственными структурами, хотя особый интерес представляли высокопоставленные государственные деятели и люди, формировавшие и направлявшие жизнь общества. Об этом свидетельствуют такие события, как убийства министра внутренних дел России Д. С. Сипягина, известного государственного деятеля-реформатора П. А. Столыпина. Все вышеперечисленные террористические акты были совершены студентами.

Отечественная история больно и трудно «переболела» террором во второй половине XIX — в начале XX века. По целому ряду причин значительное число участников жестких политических акций составили студенты, которые на определенном историческом отрезке времени представляли собой активную и очень легко возбудимую политическую силу.

Анализ заявленной проблемы показывает, что активное «втягивание» студенчества в жесткие политические баталии приносит с собой, как правило, крайне негативные последствия как для самих студентов, так и для общества в целом.

Список литературы

1. Алексеров Ф. Т. Терроризм, индивидуалистское и общинное поведение / Ф. Т. Алексеров // Полития. — 2004. — № 1. — С. 186–197.
2. Суворов А. И. Политический терроризм в России XIX — начала XX. Истоки, структура, особенности / А. И. Суворов // Социол. исслед. — 2002. — № 7. — С. 54–61.
3. Иванов В. Н. Феномен терроризма/А. Н. Иванов// Социол. исслед. — 2005. — № 7. — С. 63–71.

4. Наумов С. О. Харківський університет у суспільно-політичному русі другої половини ХІХ – початку ХХ ст. / С. О. Наумов, С. І. Посохов // Укр. іст. журнал. – 2005. – № 1. – С. 56–70.

Резюме

У статті розкриваються механізми взаємодії студентства і політичних організацій, що використовували терор як метод політичної боротьби. Аналізуються причини участі студентів в екстремістських акціях, їх втягування до політичних об'єднань і груп, що проголошували терор ефективним засобом досягнення мети.

Summary

Mechanisms of the interaction between students and political organizations resorting to terror as a method of political struggle are revealed in the article. The article analyses the reasons of student participating in extremist organization, their involvement in political groups and parties proclaiming terrorism as an effective means of achieving their objectives.

УДК 378.014(477)

Д. Д. Мезенцева

Научный руководитель канд. юрид. наук В. В. Астахов

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: высшее образование, реформа образования, Болонский процесс, частный вуз, финансирование вузов.

В настоящее время перед Украиной стоит задача формирования системы образования, которая воспроизводила бы культурный и интеллектуальный потенциал, способный вывести общество из кризиса и придать ему необходимый запас прочности для вхождения в Европейское образовательное пространство.

Важность данной задачи заключается в том, что развитие образования в Украине имеет высший приоритет в структуре всех других приоритетов страны. Следовательно, и образовательная реформа в Украине должна выйти на приоритетные позиции в деятельности государства.

Целью данной работы является анализ ситуации, которая сложилась в высшем образовании Украины, выявление преимуществ и недостатков присоединения Украины к Болонскому процессу, обзор состояния и проблем функционирования частного сектора высшего образования.

XXI век вносит существенные изменения в политическое и социально-экономическое развитие украинского общества, в мировоззрение и убеждения людей, в организацию, средства и методы их деятельности, во все сферы общественной жизни и в первую очередь в образование, которое является основой духовного развития как всего общества, так и каждого человека в частности.

Образование является важным элементом евроинтеграции

Украины. 19 мая 2005 года на конференции министров стран Европы в норвежском Бергене было принято решение о присоединении Украины к Болонскому процессу, основной целью которого является интеграция науки и образования в европейское образовательное пространство [3, с. 25].

Для Украины присоединение к Болонскому процессу является шансом реализации стратегии евроинтеграции, путем повышения качества образования, решения проблемы признания украинских дипломов за рубежом.

Но нужно иметь в виду, что прежде чем начинать процесс вступления в Болонскую образовательную систему, необходимо проанализировать будущее место Украины в этом процессе, какие преимущества и недостатки ожидают ее на этом тернистом пути к Европе Знаний [1, с. 10].

На пути евроинтеграции образования необходимо решить несколько проблемных вопросов, которые возникают в связи с историческими традициями украинской образовательной системы:

1) *внедрить автономию вуза*. Как свидетельствует практика многих европейских стран, одним из условий повышения качества высшего образования есть повышение ответственности вуза за результаты своей деятельности путем расширения демократических принципов их функционирования и углубления университетской автономии. В то же время очевидным является и то, что более широкая автономия высших учебных заведений неминуемо приведет к их большей зависимости от общественного контроля, а следовательно, и общественной поддержки.

В то же время в Украине остаются нерешенными проблемы расширения прав вуза относительно распределения финансовых ресурсов, прозрачности и доступности для общественно-государственного контроля всей их академической и финансовой деятельности.

Существуют также очевидные препятствия и на пути расширения источников финансирования высшей школы. В частности, действующее налоговое законодательство и нормативные

акты о статусе неприбыльной организации не позволяют высшему учебному заведению проводить инновационную деятельность или предоставлять научно-технические, обслуживающие и хозяйственные платные услуги внешним организациям.

Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, государство не выделяет достаточно средств для хозяйственных потребностей вуза, а с другой – вузы не могут зарабатывать для себя необходимые средства, продавая свои научные разработки, поскольку при этом теряют статус неприбыльной организации;

2) решить проблемы сети высших учебных заведений.

В Украине на 46 млн человек населения, которое, к сожалению, ежегодно уменьшается, функционируют 904 (в том числе 362 – III–IV уровня аккредитации) высших учебных заведения, в то время как в развитых странах с таким же населением их количество не превышает и сотни. Это является источником недоверия мирового сообщества к качеству образования в Украине, которое формирует далеко не наилучший имидж нашей страны.

3) решить проблему перехода на трехступенчатый уровень образования. Сегодня МОН, высшие учебные заведения и работодатели обсуждают вопрос о месте бакалавра на рынке труда.

Во-первых, бакалавр должен быть востребованным, как во многих европейских странах. Но для этого необходимо сформировать общественное мнение о достаточном уровне компетентности бакалавра, который может качественно исполнять свои функциональные обязанности в соответствии с современными требованиями производства или социальной сферы услуг.

Во-вторых, модернизация структуры высшего образования предусматривает внедрение национальной системы квалификаций.

В-третьих, серьезной является проблема подготовки на третьем цикле – доктор философии (Phd). Причиной этого является традиционное существование в Украине двух научных степеней (кандидат наук, доктор наук).

Также не следует забывать, что очень важной вехой в реформировании образования является его экономическая составляющая, поскольку современное образование должно ориентироваться на инновационную экономику и спрос международного рынка труда. Другими словами, оно должно отвечать интересам экономики, общества и отдельных людей. Эта цель не является ни абстрактной, ни недостижимой.

При этом, во-первых, государство должно стимулировать раскрытие экономического потенциала образования, но перед этим четко определить «точки роста» экономики и стимулировать направление интеллектуальных и материальных ресурсов в самые перспективные экономические отрасли.

Во-вторых, государство должно играть главную роль в установлении партнерских отношений между частным бизнесом и образованием, ему принадлежит инициатива в создании сетевых структур, которые бы связывали исследовательские центры, ведущие вузы и бизнес-организации. Наука, образование и бизнес должны быть интегрированы в единственную систему.

Однако не подкрепленные конкретными законодательными актами и системой финансирования эти задания превращаются в пустое декларирование современных направлений развития образования. В связи с этим необходимы срочные глубокие теоретические исследования и решительные практические шаги [4, с. 47].

Так, например, в 2008 году по сравнению с 2007 г. расходы на образование выросли на 46% и в общем объеме составляют 11,2 млрд грн. Но, невзирая на стремительный рост расходов из государственного бюджета на образование, анализ его структуры показывает, что она воспроизводит старые тенденции в распределении бюджетных средств и не стимулирует развитие вуза. Воссоздание старой структуры расходов также приводит к негативным последствиям, связанным с финансированием подготовки специалистов для отраслей, в которых уже давно доминирует частная собственность (торговля, сельское хозяйство, строительство, транспорт и тому подобное), а также

зачастую готовит специалистов, не нужных сегодняшнему рынку.

Таким образом, в системе высшего образования Украины заложены как минимум два противоречия, которые питают кризисные явления:

- противоречие между свободным рынком труда и системой специальностей в вузе;
- противоречие между спросом на высшее образование и возможностями государственного финансирования.

Для разрешения этих противоречий необходимо как можно быстрее внедрить в полном объеме элементы рыночных отношений в систему высшей школы Украины [4, с. 50].

Неотъемлемой частью процесса евроинтеграции отечественного высшего образования является также возникновение, становление и развитие частных высших учебных заведений. Несмотря на то что частный сектор высшего образования в Украине еще очень молод, начав в год провозглашения независимости Украины свою деятельность практически с нуля, частные высшие учебные заведения за последние годы стали заметным общественным явлением.

Появление на рынке образовательных услуг частных вузов способствует устранению монополии государства на высшее образование. Это, по нашему мнению, является достаточно важным фактором в реформировании образования, так как лишь конкурентная борьба между государственной и негосударственной сферами образования позволит абитуриентам сделать независимый выбор пути овладения будущей профессией, а работодателям — достичь более тщательного учета их требований к уровню знаний молодого специалиста [2, с. 56].

Частным вузам удалось привлечь новых пользователей высшего образования. Существенно изменить как форму, так и содержание учебного процесса. Начали плодотворно функционировать образовательные модули: дошкольное образование — общеобразовательная школа — вуз — послевузовская підготовка — аспирантура и докторантура.

Для преодоления недостатков и трудностей в работе частных вузов Украины представляется целесообразным закрепить признаки частного учебного заведения как особого учреждения, а также закрепить на законодательном уровне равноправное положение государственных и частных вузов, которое способствовало бы последующему усовершенствованию современной, отвечающей потребностям общества, системы образования.

В заключение необходимо отметить, что прежде чем начинать процесс вступления в Болонскую образовательную систему, необходимо проанализировать будущее место Украины в этой системе, какие преимущества и недостатки ожидают ее на этом тернистом пути к Европе Знаний, а также решить блок проблем, возникающих в связи с историческими традициями образования в Украине.

Список литературы

1. Гурч Л. Приєднання України до Болонського процесу: «за» і «проти» / Л. Гурч // Персонал. – 2008. – № 1. – С. 7–13.
2. Дворнікова Н. С. Розвиток недержавної вищої школи у руслі демократизації системи української вищої освіти / Н. С. Дворнікова // Вища освіта України. – Дод. 3 (Т. 5). – 2007. – Темат. вип. «Вища освіта України у контексті інтеграції до європейського освітнього простору: Моніторинг якості освіти». – 440 с.
3. Добрянский И. А. Приватна вища освіта в Україні : курс лекцій / И. А. Добрянский. – Кіровоград : ІМЕКС-ЛТД, 2006. – 460 с.
4. Кириченко О. Економіка освіти України: проблеми та перспективи реформування / О. Кириченко, Л. Парашенко // Вища шк. – 2008. – № 2. – С. 46–51.

Резюме

У статті розглянуто проблеми та перспективи реформи освіти України в контексті приєднання до Болонського процесу.

Summary

The article addresses the problems and prospects of reforming the educational system in Ukraine in the context of joining the Bologna process.

Наука в НУА

Н. Г. Чибисова

**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ
НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
(Международная научно-практическая конференция)

В условиях постоянного роста высоких технологий возникает потребность в создании новой концепции и модели образования.

Стержнем такой образовательной модели становится непрерывное образование, которое проявляется в идеи образования для всех и на протяжении всей жизни. Образование в таком контексте понимается как реальный процесс, который совершается в социальном пространстве и времени путем выявления и разрешения противоречий. Эффективность образования определяется мерой готовности людей к изменениям, к конструктивным действиям по разрешению противоречий общественного развития. В этой связи одной из главных функций образования в современных условиях становится воспитательная, которая преследует цель сформировать, подготовить людей к жизни в новых условиях.

Воспитательная составляющая образования становится приоритетной, а воспитательная работа в учебных учреждениях нуждается в пристальном внимании и изменении своего статуса. Именно вопросам воспитания в условиях непрерывного образования и была посвящена научно-практическая конференция, проводившаяся по инициативе Харьковского областного и городского управлений образования и науки на базе Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» 3 декабря 2009 года.

Вопросы реформирования воспитательной работы в учебных учреждениях вызвали большой интерес как у исследователей, так и практиков Украины, России, Латвии. Данное внимание к проблемам воспитания связано с тем, что в последние десятилетия воспитательная составляющая была изъята из образовательного процесса. И такое положение дел

не могло не волновать всех, кто причастен к вопросам становления личности подрастающего поколения: учителей, преподавателей, ученых, родителей и др. «Сегодня делаются попытки вернуть воспитательную составляющую в образовательный процесс», — отметила во время своего выступления на конференции первый проректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», доктор исторических наук, профессор Е. В. Астахова, — Но данные попытки снова идут по отвергнутым ранее жестким идеологическим схемам, значительно более упрощенным и примитивизированным». Вместо поиска форм и средств, позволяющих сформировать «человека понимающего», готового к жизни в поликультурном, полирелигиозном, глобализованном мире, закладываются черно-белые основы мировоззрения, насаждается весьма опасная концепция восприятия окружающего мира по принципу «свой — чужой», «наши — не наши». История уже дала немало примеров ущербности и неадекватности функционирования таких подходов. Тем более, что субъекты образовательных систем сегодня кардинально меняются, формируется иная система ценностей. Но как отмечают украинские и западные социологи, опираясь на результаты социологических исследований, на протяжении последних пяти лет ценности украинского студенчества, входящие в первую пятерку, практически не меняются и по-прежнему включают: здоровье, любовь, материальный достаток, счастливую семейную жизнь, хорошую работу. Это не означает, что ценности современных молодых людей не претерпевают изменений. Существование витальных ценностей в иерархии ценностей студенчества свидетельствует о том, что в сложных условиях современной действительности молодые люди видят единственный выход в создании стабильной семейной жизни, которая, по их мнению, сможет защитить их от внешнего мира. В то же время общественная жизнь не может не оказывать на них влияния, поэтому в ценностном сознании современного студенчества, как отмечает заведующая кафедрой социологии

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, доктор социологических наук, профессор Л. Г. Сокурская, формируются постмодернистские ценности (стремление к карьерному росту, материальному достатку, благополучию, социальной мобильности, самореализации и др.), которые необходимо учитывать в вузовской воспитательной работе.

Организация воспитательной работы в учебных заведениях сегодня приобретает новое звучание. «С начала нового учебного года городское управление образования, — как заметила на конференции начальник управления О. И. Деменко, — внимательно пересмотрело свою политику в отношении воспитательной работы современного учреждения образования и четко наметило пути трансформирования педагогического процесса относительно новых потребностей общества». И прежде всего — формирование у подрастающего поколения высоких нравственных, психологических качеств, среди которых важное место занимают гражданственность, ответственность за судьбу и развитие украинского общества и государства.

Кто же сегодня непосредственно оказывает влияние на формирование личности молодого человека? Безусловно, что среди основных социальных институтов, которые детерминируют развитие личности, следует назвать: институт семьи, институт образования, СМИ, государство и др.

Главным субъектом воспитания в учебном учреждении является учитель, преподаватель. Именно преподаватель может «заразить» своих учеников любовью к избранной профессии, к изучаемым дисциплинам, а может и отвернуть от них внимание, может сеять «разумное, доброе, вечное», а может и разрушить веру молодых людей в вечные общечеловеческие ценности. Поэтому так важно, чтобы сам учитель был сориентирован на личностное развитие и воспитание своих учеников. «Учитель XXI века» должен быть, прежде всего, «профессионалом», — считает ректор Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды, доктор педагогических наук, профессор И. Ф. Прокопенко.

Большое внимание на конференции было уделено становлению и развитию в учебных заведениях ученического и студенческого самоуправления. Привлечение молодых людей к участию в учебно-воспитательной деятельности в вузе или в школе позволит им не только глубже осознать ценность образования, но и будет оказывать влияние на становление их личностных качеств, таких как: самостоятельность, активность, коммуникабельность, творчество, ответственность, мобильность и др., в которых особо нуждается современное информационное общество. Участие молодых людей в органах студенческого и ученического самоуправления призвано способствовать развитию у них лидерских качеств, содействовать их саморазвитию и самовоспитанию.

Участники конференции отметили, что в условиях девальвации духовных ценностей неустанно снижается воспитательная составляющая образования как важнейшего фактора формирования гуманистического мировоззрения современного человека. В этой связи были сформулированы рекомендации, предлагающие обратить внимание на необходимость

- сохранения преемственности в воспитании подрастающего поколения;
- укрепления мировоззренческой ориентации личности в понимании смысла жизни, своего места в мире и в профессии;
- формирования отношения к труду как социальной и личностно значимой ценности;
- оказания помощи ученикам и студентам в построении их карьерных стратегий, в развитии творческого потенциала;
- развития у всех субъектов учебно-воспитательного процесса представлений о толерантности, уважительном отношении к прошлому и готовности активно трудиться во имя будущего.

Таким образом, конференция по проблемам воспитания в условиях непрерывного образования высветила ряд проблем и актуальных вопросов, которые нуждаются в дальнейшем разрешении и реализации на практике.

И. В. Головнева

**СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ СЕМЬЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ, ТРЕБУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ
(Всеукраинская научно-практическая конференция)**

Что представляет собой современная украинская семья? Какие функции она выполняет в жизни общества и в жизни каждого отдельного человека? С какими задачами семья справляется успешно? А где ей нужна помощь государства, общественных организаций? Эти вопросы, да и многие другие с неподдельной заинтересованностью обсуждали на Всеукраинской научно-практической конференции с международным участием «Новая идеология семьи и семейных отношений», которая прошла 3 декабря 2009 года на базе Народной украинской академии (ХГУ «НУА»). Конференция проводилась по инициативе Управления по делам семьи и молодежи Харьковской областной администрации и при поддержке общественных организаций «Конгресса деловых женщин Украины» и «Союза женщин Харьковщины».

Сам состав участников очень показателен: представители власти, общественных организаций, ученые были объединены не только общим интересом, но и общей тревогой, связанной с теми негативными процессами, которые мы все наблюдаем в семейных отношениях.

Подавляющее большинство специалистов-практиков и ученых, изучающих современную семью, сходятся во мнении о том, что семья переживает серьезный кризис. Часто, особенно в молодежной среде, звучат высказывания о том, что семейный образ жизни устарел, что традиционная семья умирает, да и что, собственно, она дает человеку такого, что нельзя было бы получить вне ее. Многие выступления, прозвучавшие на этой конференции, стали ответом на эти невысказанные вопросы.

Да, надо признать, что современная семья изменилась. Еще не так давно брак представлял собой экономический союз

двух зависимых друг от друга людей, спаянных социальными узами расширенной семьи и освященный религиозным обрядом. Сегодня брак утратил большинство этих внешних скрепляющих элементов. Во многих украинских семьях работают оба супруга. Давление традиций большой многопоколенной семьи на брак практически полностью отсутствует, религиозный контроль над семьей ослаб. Брак становится абсолютно частным делом, неофициальным (и не слишком строго соблюдаемым контрактом) между двумя людьми. Сейчас меняется сама суть брака и семейных отношений, и это новая реальность, к которой должно быть готово общество и сам человек.

Реальная семья в современном украинском обществе представляет достаточно пеструю картину. Она может объединять супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, не вступающих в брак и ведущих совместное хозяйство; полигамный союз, основанный на новых нравственных нормах, а также однополый фактический брак. Изменяются виды семейных отношений, требования супругов к их качеству, иной становится система власти и подчинения в семейной жизни, внутрисемейные роли, положение детей.

Но при этом настоящая ситуация в Украине, как и в большинстве развитых стран, в какой-то мере парадоксальна: с одной стороны, увеличивается кризисность семьи как социального института, а с другой – в сознании людей возрастает потребность в той психологической поддержке, которую обеспечивает только семья. К сожалению, многие семьи с этой важной задачей не справляются. Динамика разводов вызывает обоснованную тревогу – в выступлении Л. А. Беловой, доктора социологических наук, заместитель председателя Харьковской областной государственной администрации прозвучали следующие цифры: за последние 9 лет количество разводов по области составляет 61% от количества зарегистрированных браков (а в 1990 г. – 47%). Особую тревогу вызывает то, что

в более чем половине распавшихся семей есть несовершеннолетние дети.

А ведь именно семья дает тот образец взаимоотношений между мужчиной и женщиной, который либо будет эталоном, к которому человек станет стремиться в течение всей своей жизни, а может быть (и в этом случае влияние семьи будет не менее сильным), пугалом, от которого будут бежать.

Часто мы слышим мнения, что проблемы семьи во многом могут быть объяснены экономическими трудностями, социальными проблемами, с которыми сталкивается современная семья. Но становится очевидным тот факт, что кризисные явления, происходящие в семье, нельзя объяснить только негативными внешними влияниями. Ведь в таком случае достаточно было бы лишь устранить некие неблагоприятные внешние воздействия, создать оптимальные условия для жизни семьи, и кризисные явления исчезнут.

Если бы это было так, то семейное неблагополучие мы бы обнаруживали только на самых нижних ступенях социальной лестницы и в наименее экономически благополучных странах. На самом деле, чем выше уровень жизни в социуме, тем больше проявляется в нем семейных проблем. И об этом также говорили многие участники конференции, предлагая работу по укреплению семьи вести по двум основным направлениям.

С одной стороны, несомненно, необходима помощь со стороны государства. Ведь есть целый ряд семей, которым объективно необходима помощь и поддержка. Это, прежде всего, многодетные семьи, семьи с детьми-инвалидами, несовершеннолетние матери, матери-одиночки, семьи с приемными детьми, молодые семьи. И здесь Харьковщине есть чем гордиться – о многих интересных и, главное, результативных формах работы рассказали Л. А. Белова, заместитель председателя Харьковской областной государственной администрации; Т. П. Ефименко, заместитель начальника Главного управления здравоохранения Харьковской облгосадминистрации, начальник отдела по вопросам организации здравоохранения

материнства и детства; С. А. Горбунова-Рубан, начальник Харьковского городского управления труда и социальной защиты населения, член Президиума Харьковской областной общественной организации «Союз женщин Харьковщины» и многие другие. При этом никто из выступающих не рисовал перед слушателями идиллической картины – есть трудности, есть серьезные проблемы, есть вопросы, которые требуют серьезного предварительного изучения, – но при этом есть и постоянное движение вперед, есть интересные инициативы, новые формы работы, ориентированные, прежде всего, на молодежь.

Но не менее важной является и другая сторона работы по укреплению и поддержанию семьи – это формирование понимания ценности семьи как на уровне общественного сознания, так и у каждого отдельного человека. К сожалению, СМИ последние десятилетия концентрируют внимание на негативных сторонах семейной жизни, а вот образцов благополучных, счастливых семей увидеть практически невозможно. Но это абсолютно не означает, что их нет! Формируя семейную политику, надо формировать и общественное мнение, давая примеры не только «чернухи», но и реальных, не придуманных образцов здоровых, позитивных семейных отношений, которые дают особенно необходимый для молодежи «свет в окошке».

Конечно, когда собираются представители системы образования, то не удивительно, что особое внимание уделяется вопросам воспитания семейных ценностей у молодежи. Исследования, представленные в материалах конференции, хотя и проведены в разных регионах Украины, рисуют нам отчетливо выраженные общие тенденции: семья сохраняет свою значимость в сознании современной молодежи, снижается ориентация на традиционное брачное поведение, увеличивается возраст вступления в брак, многие ориентируются на гражданский брак (а общеизвестно, что у состоящих в гражданских браках количество детей меньше, чем у тех, кто состоит в официально зарегистрированных союзах). Эти факты еще

раз подтверждают необходимость формирования у современной молодежи семейных установок, повышение в их сознании ценности семьи и помощи в поиске ответа на вопрос: «Почему мне необходима семья?»

Обычно считают, что вопросы экономики и политики – это задачи глобальные, а вопросы, связанные с семьей, кажутся более частными, мелкими. Хорошо, что у нас понимают, что проблемы семьи – одни из самых важных, это доказывает и сам факт инициирования и проведения такой конференции. Ведь, как отметила ректор Народной украинской академии, доктор исторических наук В. И. Астахова: «Разрушение семейных устоев чревато разрушением цивилизации как таковой».

Т. В. Зверко

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО ВУЗА**

(XVII Международная студенческая научная конференция)

Формирование мировоззренческих позиций, профессиональных компетенций у студенческой молодежи, становление ее субъектности в современном обществе – эти и другие вопросы, связанные с проблемами формирования профессиональной культуры специалиста в условиях современного вуза, стали предметом обсуждения на XVII Международной студенческой научной конференции, которая проходила в Народной украинской академии.

Интерес к обсуждаемой проблеме не случаен. Он обусловлен тем, что современные тенденции социального развития требуют от высшей школы подготовки не только специалиста, способного к осуществлению профессиональной деятельности, но и личности, которая будет выступать агентом социального действия в условиях трансформирующегося общества. Магистральной идеей становится подготовка Человека-Профессионала.

Эта идея созвучна с изменениями, происходящими в сфере профессиональной деятельности, которые предполагают появление новых, нестандартных, более сложных профессиональных задач; расширение возможностей творческого подхода при принятии самостоятельных решений; повышение роли человеческого фактора; интенсивный рост потребности в специалистах, владеющих широким спектром знаний и умений за пределами специальности; возникновение необходимости в постоянном профессиональном совершенствовании и т. д.

Именно на этом был сделан акцент в докладах и выступлениях участников конференции – представителей учебных заведений Харькова, Украины, России, Швеции, Турции

и Туркменистана, обсуждавших на заседаниях секций различные аспекты подготовки специалистов-профессионалов в историческом, философском, экономическом, правовом, психологическом, социологическом контекстах.

Несомненный интерес, перешедший в активную дискуссию, вызвали проблемы формирования системы качеств личности, ее социальной и профессиональной культуры. При этом подчеркивалось особое место высшей школы как своеобразной творческой лаборатории, где уделяется внимание гуманитарной культуре: развитию гуманистически-нравственных ценностей, универсального и целостного мировосприятия, личностных и творческих качеств, как наиболее способствующих формированию активной жизненной позиции. Главная задача вуза состоит в том, чтобы заложить необходимую интеллектуальную и моральную базу, достаточную для будущей деятельности в сферах науки, образования, производства, управления и др., и сформировать качества, характеризующие специалиста как субъекта современной культуры.

Личностное развитие должно осуществляться через содержательную сторону учебного процесса, его организационные формы, образовательные технологии во взаимосвязи с внеаудиторной учебной и воспитательной работой. Оно может реализовываться на различных уровнях на основе субъект-субъектных отношений (партнерства, взаимоуважения, доверия, со-творчества), начиная от межличностного общения преподавателя со студентами и заканчивая масштабной работой всех участников учебно-воспитательного процесса. Именно такие условия согласованности, взаимопонимания могут быть основой функционирования развивающейся социальной среды, которая в таком случае становится «инструментом» личностного развития каждого субъекта образовательного процесса.

В новых социально-экономических условиях в процессе подготовки специалиста, как отметили многие участники конференции, особо значимо: культивирование потребности

постоянно обучаться; усиление ориентации на деловую практику; максимально широкое использование новейших информационных технологий, которые формируют профессиональную и общекультурную подготовку специалистов; гуманизация образовательного процесса; обеспечение структурной мобильности, разработка механизмов быстрого реагирования на потребности общества к подготовке кадров.

Одним из путей является объединение учебно-воспитательной деятельности вуза и возможностей производства с целью подготовки конкурентоспособных, высококвалифицированных специалистов-профессионалов, способных в максимально короткие сроки приспособиться к новым общественным обязанностям. Это предполагает не только деятельность вуза, направленную на формирование полноценного молодого специалиста, но и усилия самого студента к приобретению личностных и профессиональных качеств, которые необходимы для достижения успеха в различных сферах жизнедеятельности.

В выступлениях студентов подчеркивалось, что важным элементом работы в вузе является создание условий для реализации студента как члена определенного социума. Здесь идет речь о содействии деятельности органов студенческого самоуправления на всех уровнях (группа-вуз), о создании эффективной системы подбора, подготовки и продвижения студентов-лидеров в разных сферах деятельности. В данном случае студент выполняет и роль руководителя, и роль организатора, проявляя при этом самостоятельность в принятии решений, умение работать в команде, отвечать за свои действия. Участие в социально значимых формах внеаудиторной работы помогает студентам усовершенствовать профессиональную направленность мышления. Таким образом студент непосредственно реализовывает свои социальные роли и функции управления (анализа, планирования, организации, коррекции, контроля). Это способствует раскрытию личностных и профессионально значимых качеств будущих

специалистов, готовит их к деятельности в условиях неопределенности.

Результатом всестороннего обсуждения проблемы формирования профессиональной культуры специалиста в вузе стало определение качественных характеристик развития личности как субъекта современной культуры, активного члена общества и как специалиста, способного творчески и высокопрофессионально решать задачи в избранной сфере деятельности: глобальное мышление; терпимость к отличиям в ценностях и нормах морали; культурная компетентность; функциональная грамотность; экологичность; культура общения; профессиональная универсальность; профессиональная гибкость; профессионализм как интеграция общей образованности и специальных компетенций; самостоятельность; критичность мышления; ответственность, дисциплинированность; социальная подготовленность.

И здесь важно понимание того, что в современных условиях, когда образование становится способом жизни, способом создания личности, высшая школа должна служить основой, фундаментом дальнейшего развития личности, связанного в том числе и с профессиональной траекторией. Ведь выпускники высшей школы как менеджеры разных уровней управления, находясь в центре общественного внимания, тиражируют свой уровень духовности, свою внутреннюю культуру, профессионализм, цивилизованность, распространяя их на множество окружающих людей и являясь примером высокой нормы, критерием действий. И потому ответственность высшей школы перед обществом чрезвычайно высока. Именно она обеспечивает те реальные приращения, из суммы которых и складывается результат образования, изменения каждого.

В. П. Козыренко, О. В. Лазаренко, П. Э. Ситникова

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭЛЕМЕНТОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

(Межвузовская научно-практическая конференция)

31 октября 2009 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» прошла одиннадцатая ежегодная научно-практическая конференция по вопросам экспертной оценки элементов учебного процесса. Организатором конференции является кафедра информационных технологий и математики.

Цель конференции – выработка научно-практических рекомендаций по повышению эффективности учебного процесса на базе современных информационных технологий и инновационных методик математического моделирования.

В работе конференции приняли участие представители высших учебных заведений Харькова, в том числе – Харьковского национального университета радиоэлектроники, Харьковского национального экономического университета, Харьковского национального автомобильно-дорожного университета, Харьковского института банковского дела, а также гости Харькова из Новокаховского политехнического института.

В докладах, представленных на пленарном заседании, были рассмотрены актуальные вопросы развития компьютерных сетей и информационных сервисов, появления новых технологий учебного процесса и современные информационно-коммуникационные и мультимедийные возможности для их реализации.

На секции «Информационные технологии в системе непрерывного образования: опыт, проблемы, перспективы» участники конференции выступили с сообщениями по вопросам разработки и совершенствования систем тестирования, создания и использования дистанционных курсов

в учебном процессе, а также поделились опытом подготовки специалистов и магистров в рамках партнерских программ вузов с разработчиками информационно-коммуникационных технологий. Ряд сообщений был посвящен актуальнейшей теме применения технологии аппаратной и программной виртуализации для организации учебной работы в компьютерных классах, для подготовки современных специалистов и др.

На секции «Методы математического моделирования, оценивания и прогнозирования элементов учебного процесса» обсуждались вопросы математического моделирования учебного процесса и разработки модели накопления знаний студентами, вопросы совершенствования систем рейтингового контроля и оценки знаний студентов при кредитно-модульной системе оценивания.

Организаторы конференции поделились опытом формирования информационно-экономической компетентности специалистов и магистров, использования компьютерных графических организаторов и адаптивных компьютерных систем тестирования для оценки знаний студентов, применяемых преподавателями кафедры информационных технологий и математики в учебном процессе.

На завершающем этапе конференции были определены приоритетные направления для исследований и обсуждения на следующей, 12-й конференции в 2010 году:

- обмен опытом в области виртуализации платформ и ресурсов, IT-инфраструктуры;
- изучение опыта внедрения систем дистанционного обучения на различных платформах e-learning;
- анализ путей разрешения комплекса проблем, связанных с разработкой и использованием распределенных информационных систем, образовательных электронных изданий и ресурсов (ОЭИ и ОЭР).

Г. В. Довгаль

РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИСТА

Древние греки определяли **практику** (*πράξις*) как целесообразную и целенаправленную деятельность, то есть деятельность, которую субъект осуществляет для достижения поставленной цели.

Целью подготовки специалистов и магистров по специальности «Экономика предприятия» на факультете «Бизнес-управление» в Народной украинской академии является формирование у выпускников таких профессиональных компетенций, которые позволяли бы им быстро реагировать на изменения условий функционирования нестационарного рынка труда. Необходимым условием реализации данной цели является воспитание у студентов способности позиционировать себя как носителей высокой нравственности и морали, как в универсальном, так и профессиональном аспектах.

Исходя из этого представляется, что определение целей производственной практики, ее места и роли в формировании современной модели экономиста-прикладника является одним из решающих факторов его будущего успеха на рынке труда.

Не подлежит сомнению тезис о том, что качество образования, воспитание высококвалифицированного специалиста, способного адаптироваться в социуме и на рынке труда в условиях жесткой конкуренции, становятся одним из основных факторов, определяющих будущее украинского общества в долгосрочной перспективе.

Методической базой для организации практической подготовки студентов ХГУ «НУА» является Приказ Министерства образования Украины от 02 июня 1993 г. № 161 «Об утверждении Положения про организацию учебного процесса в высших учебных заведениях».

Этот документ регламентирует порядок, сроки, формы отчетности и продолжительность всех видов практики в вузах Украины III–IV уровней аккредитации. Кроме него существует ряд документов, разъясняющих специфику проведения производственной практики в вузах различной отраслевой принадлежности.

Следует отметить, что особенностью, переживаемой экономикой Украины (да и других стран СНГ), является уникальная, ранее не встречавшаяся ситуация на рынке образовательных услуг.

Суть ее в следующем:

- Отсутствие распределения выпускников вузов. Период, когда предприятия в директивном порядке обязывались принимать на работу выпускников согласно плану распределения, закончился. В рыночной экономике частные предприятия сами решают, кого принимать на работу.

Для справки: в Харьковской области к концу 2009 г. осталось 27 предприятий, находящихся в собственности государства. Таким образом, приватизация коснулась почти 100% украинской экономики. На наш взгляд, итогом такой приватизации должно стать осознание того, что в рыночной экономике учебные заведения (как государственные, так и частные) должны самостоятельно решать, каких специалистов они будут готовить, в каких количествах и пропорциях. Исключением могут быть только учебные заведения, готовящие специалистов для государственных структур и учреждений.

- Перепроизводство специалистов. За годы независимости количество высших учебных заведений в Украине увеличилось почти в два с половиной раза. Сегодня в Украине 347 высших учебных заведений III–IV уровней аккредитации, а также около 800 подразделений и филиалов. 82 вуза имеют статус национального. Почти в три раза по сравнению с советским периодом увеличилось количество выпускников вузов. В итоге образовалось перепроизводство дипломированных специали-

тов, которые не могут или не хотят работать по полученной специальности.

- Нехватка хорошо подготовленных профессионалов-экономистов практически по всем направлениям. Данное утверждение не является антитезой предыдущему. На вопрос, каких специалистов не хватает украинской экономике, любой бизнесмен ответит: не хватает практически всех. Причина этого в том, что потребители молодых специалистов (предприятия, банки, страховые компании и т. д.), работающие в условиях жесткой конкуренции, приходят к пониманию: нанимать слабых работников – значит наносить ущерб своему бизнесу.

Таким образом, задача максимизации полезных эффектов, получаемых учащимися в ходе прохождения производственной практики, становится фактором выживания не только субъектов рынка образовательных услуг, но и приобретает черты определяющей для всей отечественной экономики.

Необходимо отметить, что наше понимание производственной практики далеко от сложившегося 30–40 лет назад упрощенного подхода, когда под практикой понимался отрыв учащихся от аудиторных занятий и направление его на производство, где он выполнял простейшую, часто ненужную для его профессионального роста работу. В итоге такой практики формировались не любовь и уважение к будущей профессии, а стойкое отвращение к ней.

Социологические исследования последних лет, проводимые как украинскими, так и российскими учеными, показывают, что у учащихся произошли серьезные изменения в представлениях о способах достижения успеха. Уровень образования становится все более значимым фактором достижения успеха. При этом, если карьера остается приоритетной ценностью, то желание славы и власти занимают самые низкие ранговые места в ценностной шкале студента.

К этому следует добавить, что поступающих в учебные заведения условно можно разделить на три группы:

1. Не имеющие потребности в образовании. Поступление

в учебное заведение у них продиктовано принуждением со стороны родителей или случайными причинами («пошел учиться вместе с другом», «можно учиться, не уезжая из дома», «по совету родственников, знакомых»). Эти внешние мотивы характерны для тех, у кого к моменту поступления в учебное заведение не было внутренней, осознанной потребности в получении образования. Социологи считают, что эта группа занимает до 25% от числа поступающих в вузы.

2. Имеющие потребность в образовании инструментального характера. Другими словами, человек учится потому, что видит в получении образования средство карьеры, получения более квалифицированной и высокооплачиваемой работы, быстрее социального продвижения. Этим людей интересует не сам процесс обучения, а его результат (диплом, аттестат). Удельный вес этой группы абитуриентов достигает до 45% от числа поступающих в вузы;

3. Наконец, для третьей группы образование оказывается самоцелью, внутренней потребностью, ибо избранная профессия является их призванием. Таких абитуриентов среди поступающих в вузы до 30%.

Таким образом, проблема формирования потребности в обучении становится, на наш взгляд, одной из центральных задач не только аудиторного, но и практического обучения.

Не на группу с высокой мотивацией, прежде всего, должны быть направлены усилия вуза и преподавателей, а **на группу с недостаточной мотивацией** – подобрав ключи к механизму формирования потребности в обучении у слабого и среднего студента, мы неизбежно выработаем дополнительные мотивационные механизмы для сильных.

Может ли производственная практика, организованная по принципу «нам не интересны ваши результаты – нам интересна ваша усталость», справиться с этой задачей? Однозначно – нет.

Анализ опыта организации производственной практики в ведущих вузах Украины и России, занимающихся подготовкой студентов по специальности «экономика предприятия»

(и близких к ней), показывает, что внешняя ее форма совпадает почти во всех вузах.

Как правило, она включает три вида практики: производственно-ознакомительную, производственную и преддипломную. Продолжительность каждого вида практики возрастает от курса к курсу, по мере роста ее сложности: от четырех недель на производственную, до восьми недель — на преддипломную практику.

Поскольку проведение производственной практики достаточно жестко регламентируется министерством, можно утверждать, что главной задачей совершенствования практического обучения учащихся сегодня является не поиск дополнительных видов практики, а наполнение существующих новым содержанием.

Достоин пристального изучения опыт российской Высшей школы Международного бизнеса, в программу практики которой включены бизнес-тренинги, ориентированные на современную методику обучения на принципах *«case-studies»*, т. е. обучения студентов профессиональным навыкам и приемам работы на конкретных примерах в типичных ситуациях, которые могут быть использованы студентами при анализе деятельности фирм. Обязательным условием при оценивании результатов практики в этом случае является способность студентов-практикантов на последнем этапе обучения разрабатывать оптимальные и эффективные формы и методы деятельности фирмы с использованием лучшего мирового опыта и обязательной адаптацией их к реальной экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

В высшей степени интересным и актуальным является опыт вузов, сочетающих практическую подготовку студентов-экономистов с усиленной подготовкой в области современных информационных технологий.

Такой подход позволяет решить сразу несколько задач:

— овладение приемами работы со специализированными пакетами прикладных программ;

- совершенствование структуры потоков информации и системы документооборота в фирме;
- овладение методами выбора рациональных вариантов решения управленческих задач за счет использования интеллектуальных информационных систем и различных видов информационных технологий.

Важной задачей производственной практики является овладение выпускниками приемами самомаркетинга, то есть способностями и действиями работника на рынке труда, связанными с удовлетворением его потребностей в подходящем рабочем месте.

Процесс самомаркетинга специалиста предполагает: выбор специальности (профессии) из видения будущего; полипрофессионализм работников, продиктованный влиянием быстрых изменений внешней среды; непрерывность образования; органическую связь теоретического обучения с практикой; овладение способами и технологиями трудоустройства;

Для того чтобы успешно овладеть приемами самомаркетинга, учащемуся в процессе производственной практики необходимо получить не только специальную подготовку в области своего профессионального выбора, но и консультации специалистов по трудоустройству, овладеть навыками самопрезентации в общении с работодателями и рекрутинговыми агентствами.

Важность этого аспекта практики продиктована изменениями, произошедшими на рынке труда и усилившимися в период кризиса. Суть этих изменений описана в начале данной статьи: с одной стороны, на рынке явный переизбыток специалистов почти всех профессий, а с другой – дефицит высококвалифицированных кадров. Как итог – резкое повышение требований работодателей к профессиональным и личностным качествам молодого специалиста.

Народная украинская академия имеет почти двадцатилетний опыт проведения производственной практики у студентов-экономистов. За это время наработан богатый материал

практической подготовки высококвалифицированных специалистов. Сегодня на факультете «Бизнес-управление» более чем 50% дипломных работ готовятся по заказу предприятий-баз практики. Среди них нужно выделить такие, как ЗАО «Пивзавод «Рогань», ЗАО «Турбоатом», АОЗТ «Харьковская бисквитная фабрика», корпорация «Фактор» и многие другие.

Серьезным успехом стала практика, проводимая в корпорации «Рубаненко и партнеры». Ее особенностью является то, что научное руководство дипломными работами выпускников было передано руководителям практики от предприятия, которые формулировали темы дипломных работ исходя из реальных потребностей предприятия. Представляется, что такой подход весьма трудно сделать всеобщим, но черты явления для вуза он, безусловно, должен получить.

В целом можно утверждать, что успех (или неудачу) производственной практики можно оценить по двум показателям: трудоустройству выпускников и качеству их дипломных работ. Если процент трудоустроенных весьма сильно зависит от экономической конъюнктуры, то качество дипломов зависит от профессиональных компетенций, полученных студентом в ходе аудиторных занятий и прохождения производственной практики.

Обобщая опыт производственной практики на факультете «Бизнес-управление» Народной украинской академии, можно сделать следующие выводы:

— в академии накоплен уникальный опыт успешного проведения всех видов практической подготовки студентов;

— необходимо стремиться к интеграции усилий всех участников подготовки высококвалифицированных экономистов. Следует расширять степень участия в проведении практики преподавателей кафедр языкового цикла и компьютерной подготовки;

— необходимо расширять подготовку дипломных работ на паритетных началах: научное руководство со стороны предприятия-базы практики, научное консультирование — со стороны вуза.

ПРАКТИЧНІ АСПЕКТИ ПІДГОТОВКИ ПЕРЕКЛАДАЧІВ

Сьогодні пріоритетним напрямом розвитку європейського простору є глобалізація, розвиток інформаційного суспільства та науки. Європа стає єдиним багатонаціональним, багатокультурним цілим.

У межах цього процесу Україна активно встановлює дипломатичні відносини з країнами Європи, розширює простір співпраці з багатьма партнерами. Важливим кроком на шляху до євроінтеграції стало підписання Україною Болонської угоди. У контексті вимог та особливостей Болонського процесу відбуваються соціальні трансформації як у сфері наукових досліджень, так і у побудові навчальних планів у сфері вищої освіти. Для України важливо засвоїти пріоритети та переваги інших європейських націй, насамперед Німеччини, що має значні надбання у гуманітарній сфері і з якою Україна має довгі і міцні стосунки, що сягають часів Київської Русі, однак при цьому важливо не втратити свої національні особливості.

Утім існує думка, що Болонський процес може бути прикриттям для втілення прихованих намірів замінити освіту на більш нижчий рівень фахової підготовки, перетворення університетів на профучилища вищого рівня, підпорядкування вищої освіти економіці, скорочення фінансової відповідальності з боку держави за вищі навчальні заклади.

Деякі дослідники, що сприймають Болонський процес як поняття єдності європейського освітнього простору, вважають, що для України спочатку необхідно позбутися «радянської спадщини», до основних проблем якої відносять низьку оплату викладачів у вищих навчальних закладах, незначні стипендії для студентів, відсутність простору для досліджень тощо.

На сьогодні спостерігається значне підвищення інтересу до перекладацької професії, тому постало питання щодо

визначення пріоритетних завдань при підготовці перекладачів відповідно до вимог Болонського процесу. Підготовка фахівців з перекладу має максимально співвідноситися з соціальними змінами, що відбуваються.

Нині підготовка перекладачів у вищих закладах освіти України переживає період бурхливого розвитку, розширюються сфери перекладу, відбувається переоцінка ролі, завдань і способів перекладу, вивчаються перекладацькі традиції держави.

На сьогодні надзвичайно актуальною постає проблема методики навчання майбутніх перекладачів, оскільки практично відсутні дослідження у цій галузі. До здобуття Україною незалежності підготовкою перекладачів займався лише Київський університет ім. Т. Г. Шевченка, де перекладацький відділ виник 1962 року, та Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна, де цей фах з'явився 1966 року. У цих університетах перекладу навчали за типом середньовічної системи «майстер — учень», де викладачі спиралися на власний досвід та поступово поліпшували свою перекладацьку та викладацьку майстерність. Ситуація значно змінилася з появою приватних вищих навчальних закладів та послабленням обмежень щодо набору студентів за фахом «Переклад». Значною проблемою стала відсутність кваліфікованих перекладознавців, зокрема теоретиків, методистів, істориків, та аналітиків з практики перекладу. Бракує професійно розроблених підручників з перекладу.

Деякі дослідники під час розгляду проблем з підготовки перекладачів у контексті Болонського процесу наголошують на таких аспектах, як формування та розвиток здібностей особистості в процесі вивчення іноземних мов, виховання професійної придатності, а також виокремлення стадій професійного становлення фахівця.

Щодо формування здібностей, зауважують, що необхідно розвивати генетично індивідуальні нахили особистості, а також створювати суспільні умови, що будуть спонукати до

професійної діяльності. Професійною придатністю називають сукупність індивідуальних властивостей особистості, що забезпечують максимальну продуктивність і високу якість продуктів праці при одночасній задоволеності трудовим процесом. Професійна придатність нерозривно пов'язана зі здатністю особистості до творчості. Велика кількість дослідників наголошують на творчому підході до перекладу і вважають лише творчий переклад професійним. Іноді можна знати всю теорію, а перекладати неправильно. А іноді щось виходить спонтанно блискуче. Часто теорія обмежує людину. Однак без оперття на теорію немає перекладу, проте вона має бути особистим переконанням майстра, який прагне постійно вдосконалювати свій переклад.

У руслі Болонського процесу необхідним є формування професійно важливих якостей особистості, до яких можуть належати: незвичайна професійна спрямованість, глибокі загальнотеоретичні знання, навички й уміння, адекватний рівень розвинутої професійно важливих психічних процесів, емоційна здатність. Професійна придатність фахівців з іноземних мов – це здатність успішно засвоювати комплекс знань, навичок і умінь, творчо виконувати посадові функції, виявляючи при цьому самостійність, отримуючи почуття морального задоволення від результату і процесу.

У контексті впровадження кредитно-модульної системи навчання дослідники виділяють такі стадії професійного становлення фахівця з іноземних мов, як формування професійних якостей, стадія професіоналізації й майстерності. Болонський процес сприяє більш інтенсивному формуванню професійної самосвідомості, що виражається у перебудові структури складових психологічної готовності, у першу чергу в зміні суб'єктивних ставлень особистості. Є таке твердження, що на першому та другому курсі провідними є пізнавальні мотиви діяльності, а осмислення власне майбутньої професійної діяльності приходить лише на третьому курсі навчання. Але дослідники, які розглядають вправи для навчання

перекладу, вважають, що необхідно координувати практику іноземної мови та практику перекладу з перших днів навчання, оскільки починати навчати перекладу на третьому курсі досить пізно, через те, що залишається менш ніж два роки на власне професійну підготовку. Тому актуальною вважають проблему розробки підручників, які б дозволяли почати підготовку з перекладу з першого курсу навчання, а також проблему поступового збільшення перекладацьких та відповідного зменшення мовних дисциплін.

Варто зазначити, що навчання перекладу не нехтує і важливістю того, що необхідно звертати увагу на володіння перекладачем рідною мовою. По-перше, знання рідної мови допомагає у процесі пояснення матеріалу з оволодіння іноземною мовою. Під час перекладу виникає так звана «міжмова» – теоретичне побудування, яке допомагає визначити етапи розвитку, через які проходить студент. На наступному етапі відбувається переключення кодів, тобто використання обох мов одночасно або поперемінно.

По-друге, перекладач використовує багатство рідної мови, створює власний стиль, що характеризує його майстерність.

Навчання перекладу не повинно також зводитися до опанування кількох мов до рівня досконалого володіння.

Для професійної підготовки перекладачів у межах Болонського процесу необхідно чітко побудувати методiku навчання перекладу. Методика навчання перекладу є частковою методикою, а тому цілком доцільно використовувати загальнометодичні підходи.

Загальною метою курсу навчання перекладу є формування перекладацької компетенції, що включає мовленнєву компетенцію (володіння мовами, що залучені до процесу перекладу), яка набувається переважно сферою відповідного практичного курсу іноземної мови, техніку усного та письмового перекладу, мовний матеріал, фонові знання, знання з теорії перекладу та суміжних дисциплін, навички роботи з довідковими джерелами інформації. При навчанні перекладу необхідно оволодіти

навичками дій та операцій, що потрібні в усному та письмовому перекладі. Слід приділяти увагу навчанню перекладу з різних галузей, використовуючи репрезентативні тексти, які при мінімальному обсязі допомагають засвоювати максимальну кількість лексичних одиниць. Для розширення фонових знань можуть служити інші предмети, а також індивідуальна робота студента, наприклад під час складання реферату.

До найбільш загального переліку знань, якими має володіти професійний перекладач, належать: знання історії перекладу, його класифікація, перекладацькі стратегії, знання засобів перекладу про принципи перекладу зв'язного тексту та граматичні і стилістичні аспекти перекладу.

Важливо виділити принципи перекладу, серед яких можна назвати загальнодидактичні та додаткові. До загальнодидактичних належать: принцип наочності (зорова, слухова, моторна форма), посиленості (складність), міцності засвоєння (науково обґрунтована система вправ, яка враховує психолінгвістичні механізми перекладу), усвідомлення навчання, науковості (застосування науково обґрунтованих даних про психологічний зміст перекладацької діяльності), принцип активності студентів (моделювання реальних умов перекладу), виховний принцип, принцип індивідуалізації (забезпечення засобами зворотного зв'язку — ключі до вправ).

До додаткових належать: принцип домінуючої ролі вправ, принцип співвіднесення двох мовних та категорійних систем тощо.

Необхідно поєднувати використання методів навчання як викладачем (демонстрація, пояснення, організація самостійного пошуку, контроль), так і студентом (ознайомлення, осмислення, виправлення, самоконтроль).

Щодо засобів навчання перекладу слід назвати підручники, посібники, методичні рекомендації для викладача, аудіо- та відеоматеріали — усе це становить навчально-методичний комплекс. Слід зауважити, що не варто обмежуватися лише підручниками з перекладу, необхідно залучати джерела

з інших дисциплін (порівняльної лексикології та граматики, стилістики тощо).

Одним із важливих складових компонентів методики є система вправ, що повинна розроблятися, враховуючи компоненти структури дій перекладача, до яких належать: 1) сприйняття тексту; 2) внутрішнє мовлення; 3) сегментування мовленнєвого ланцюга; 4) ідентифікація значення; 5) осмислення тексту; 6) сегментування тексту оригіналу для подальших трансформацій; 7) вибір загального механізму перекладу; 8) вибір еквівалентності; 9) створення та оцінка тексту перекладу.

Комплекс вправ з перекладу повинен забезпечити наявність у студента фонових знань, володіння термінологією, доведення до автоматизму перекладацької дії.

Обов'язковим є системне функціонування вправ для навчання перекладу. Вони повинні стимулювати постійне вдосконалення, мати чітку усвідомлену мету тощо.

Важливим є зміст процесу навчання перекладу, що містить набуття навичок та вмій з усіх видів перекладу (у загальній класифікації В. Радчука наведено 29 видів перекладу).

Отже, у зв'язку з глобальними змінами у європейському (зокрема у межах Болонського) процесі надзвичайно важливими стали актуальні проблеми підготовки перекладачів. Серед таких необхідно виділити проблему відсутності достатньої кількості кваліфікованих викладачів, недостатньо розвиненої матеріальної та інформаційної бази навчання. Важливу увагу потрібно приділяти розвитку професійно важливих якостей особистості у межах формування професійної придатності. Актуальною є проблема поетапного введення перекладацьких дисциплін у навчальний процес, розробки відповідних підручників. Значну увагу потрібно звертати на рівень володіння перекладачем власної мови. Необхідно чітко побудувати методику навчання перекладу, з урахуванням комплексного та системного підходів до навчання.

Г. В. Довгаль, О. А. Иванова, Е. И. Решетняк

**ФОРМИРОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК ЭКОНОМИСТА НОВОЙ ФОРМАЦИИ
В НАРОДНОЙ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ**

Модернизация системы экономического образования в контексте поиска путей адаптации национальных хозяйств к динамично изменяющимся условиям все более актуализирует подготовку компетентных, мобильных и конкурентоспособных выпускников экономических специальностей.

Такой подход к формированию комплекса компетентностных характеристик экономистов-прикладников является базовым в ХГУ «НУА».

Постановка учебного процесса по подготовке экономистов, на наш взгляд, должна исходить из необходимости соответствия складывающимся производственным отношениям и быть направлена на формирование у студентов способностей адаптации к изменяющимся социально-экономическим и информационным процессам, а также умению самостоятельно и творчески решать профессиональные и социальные задачи.

Из этого следует, что приоритетное направление совершенствования системы образования в современных условиях должно быть связано с разработкой теоретических и методических основ проектирования технологий обучения, обеспечивающих развитие компетентностного уровня студентов, а также их способности к быстрой и качественной переработке информации эффективными способами и средствами.

Такая задача требует от высшей школы организации поиска педагогических мер по повышению эффективности профессиональной направленности личности студента, определения путей постоянного ее формирования на протяжении всего периода обучения в вузе. Все это обуславливает воспитание новых личностных качеств, активных жизненных позиций,

рационального отношения к окружающему миру, развитие как экономического мышления и мировоззрения, так и культурного и интеллектуального уровня обучаемых.

Рассмотрению этих проблем был посвящен межкафедральный методологический семинар преподавателей кафедр экономического цикла Народной украинской академии «Фундаментальные характеристики экономиста новой формации: междисциплинарные аспекты», состоявшийся 26 января 2010 года.

Главным итогом семинара является осознание, теоретическое обоснование и практическое подтверждение необходимости совершенствования фундаментальности экономического образования в НУА как решающего фактора успешной адаптации выпускника-экономиста к динамично развивающейся бизнес-среде.

В педагогической литературе существует немало точек зрения относительно определения подходов к формированию компетентностных характеристик будущих экономистов-прикладников. Среди основных подходов следует выделить бизнес-ориентированный, теоретический, культурно-функциональный и академический.

На первый взгляд подготовка экономистов-прикладников должна исходить из исключительно профессионально ориентированного подхода. Однако мы полагаем, что концентрация только на этом подходе в условиях ускорения изменений бизнес-процессов чревата излишним насыщением рынка труда в будущем узкоориентированными выпускниками экономических специальностей, владеющими подчас устаревшими к моменту выхода в «свободное плавание» компетенциями.

Более того, следствием такого подхода может быть сужение других возможностей к самореализации выпускников-экономистов на рынке труда, потеря более перспективных для них индивидуальных личностных качеств.

С другой стороны, жесткая привязка учебного процесса только к теоретическим аспектам экономических процессов без их привязки к практике и анализа сущности бизнес-

процессов в системе современных экономических отношений может привести к утрате интереса к предмету и процессу обучения в целом, отсутствию мотивации к овладению избранной специальности.

На современном этапе развития экономического образования в высшей школе нельзя ограничиваться и так называемым культурно-функциональным подходом, который, на наш взгляд, наиболее приемлем для экономического воспитания в массовой средней школе.

Безусловно, следует согласиться с тем, что такой подход обладает рядом серьезных преимуществ. В частности, с его помощью наилучшим образом возможно формирование общей экономической культуры и грамотности, способностей к развитию и выработке системы ценностей, что в конце концов ведет к развитию индивидуальности обучаемого. Тем не менее такой подход оправдан и логичен в системе школьного экономического образования, где он должен присутствовать как составная часть формирования личностных качеств школьника.

Задачами высшей школы является более сложный и многообразный спектр профессиональных и иных компетенций.

Известно, что компетенции – это не поведение само по себе, а своеобразный репертуар поведенческих моделей, позволяющий одним людям эффективнее выполнять свою работу, чем другим.

Иллюстрацией верности этого утверждения является проведенный нами анализ предлагаемых вакансий, размещенных на различных харьковских сайтах, специализирующихся на помощи в поиске работы. Нами было рассмотрено более 150 вакансий экономистов различных специальностей – начиная от менеджеров по продажам и заканчивая руководителями подразделений и директорами филиалов (табл. 1).

Не трудно заметить, что наиболее значимыми характеристиками, наряду с опытом работы и профессионализмом, являются коммуникабельность, целеустремленность, креа-

Таблиця 1

ТРЕБОВАНИЯ К КАНДИДАТАМ	Процент от числа исследованных вакансий, %									
	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100
Знание ПК										
Умение разрешать конфликтные ситуации										
Коммуникабельность										
Целеустремленность										
Активная жизненная позиция										
Энергичность										
Профессиональные знания и навыки										
Опыт работы										
Способность к обучению и желание развиваться										

тивность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации и др.

При проведении данного анализа была отмечена одна важная, на наш взгляд, особенность существующих моделей компетенции, а именно: потребность в профессиональных и функциональных компетенциях выше у рядовых работников, а с преодолением карьерной лестницы более важными компетенциями становятся коммуникационные, деловые и личные. Это важное замечание для тех вузов, которые стремятся готовить будущих специалистов не как исполнителей, а как творческих личностей, способных эффективно руководить большими коллективами людей.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что жесткая привязка преподавания экономики к прикладным аспектам возможна только в случае ориентации на выпуск

младших специалистов. В случае же ее использования на более высоких квалификационно-образовательных уровнях она может привести к тому, что узкоспециализированные знания устареют по отношению к реальным бизнес-процессам и вызовут разочарование у студентов в полученных узконаправленных прикладных знаниях.

Таким образом, обоснованным и актуальным для высших учебных заведений, ставящих перед собой задачу подготовки экономистов, соответствующих современному уровню требований, является академический подход с обязательным выделением базовых компетенций. Только такой подход может быть универсальным и конкурентоспособным в деле формирования фундаментальных характеристик экономиста новой формации.

Это возможно только в случае отказа от точечно прикладной модели подготовки экономиста, умеющего выполнять задачи, не выходящие за рамки профессии (калькулировать затраты, минимизировать налоги, максимизировать прибыль и т. п.), к универсальной модели подготовки специалиста, обладающего глубокими профессиональными знаниями и являющегося носителем высоких морально-нравственных качеств гражданина и профессионала.

Более того, узконаправленное экономическое образование (и соответствующее мышление) — удел более низких образовательно-квалификационных уровней (младший специалист, бакалавр), но никак не магистратуры, целью которой должно являться формирование универсальных компетенций.

При этом мы исходим из принципиального понимания того неоспоримого факта, что никакой вуз не может выполнить требования всех потенциальных заказчиков, поскольку их интересы часто не совпадают.

В настоящее время экономическая наука представляет собой поистине гигантское вместилище разнородных знаний. Как наука, экономика старается лишь системно объяснить наблюдаемые всеми социальные и экономические эффекты.

Исходя из понимания этого факта, роль экономистов должна заключаться в том, чтобы соединить разрозненные факты в непротиворечивое целое, увязать концы с концами.

Излишняя же математизация экономики, увлечение сложным моделированием экономических процессов часто приводит к потере ее видения как единого целого, фрагментарности и, в конце концов, к тому, что знания, полученные в ходе такой подготовки, висят в воздухе – их никто никогда не применяет именно из-за их повышенной сложности.

Очевидная цель подготовки экономистов в НУА – формирование будущих управленческих кадров. Для достижения этой цели подготовка экономистов разных квалификационных уровней в НУА должна быть направлена на формирование у выпускников таких компетенций:

- квалификационно-образовательный уровень бакалавра:
 - понимание сути экономической деятельности;
 - умение применять знания;
 - умение демонстрировать понимание;
 - умение определять технико-экономические (ТЭ) показатели функционирования предприятия и реализации бизнес-процессов;
- квалификационно-образовательный уровень магистра:
 - планирование, контроль экономических процессов;
 - умение управлять экономическими процессами;
 - оптимизация бизнес-процессов;
 - относительная независимость и ответственность.

Анализ проведенных исследований запросов работодателей свидетельствует о том, что профиль знаний, компетенций и навыков специалистов уровня «бакалавр» и «магистр» четко дифференцируется.

Специалисты-практики воспринимают бакалавра по экономике как операционного менеджера с ограниченной областью ответственности, а магистр по экономике представителями бизнеса воспринимается как профессионал, знающий и умеющий реализовать стратегию и тактику работы

экономических служб, умеющий планировать и организовывать экономико-аналитическую деятельность. Таким образом, ранжирование компетенций магистра по степени важности для будущего трудоустройства с позиций работодателя сводится к следующему:

- умение организовать работу экономических служб предприятия (фирмы);
- умение разрабатывать стратегию экономических процессов;
- владение методами оптимизации экономических процессов;
- определение методов и стилей управления экономическими процессами;
- умение проектировать экономические системы;
- владение информационными системами и технологиями.

Основная задача обучения, особенно на старших курсах, – научить студентов исследовать информацию, определять направления развития предприятия, его возможные проблемы, которые могут возникнуть как в текущем, так и в стратегическом периоде, разрабатывать альтернативные варианты решения предполагаемых проблем и, как итог, выбирать их оптимальное решение.

Исходя из этого, мы полагаем, что наряду с формированием базовых компетенций – от низшего уровня до профессионально-ориентированных – задачей профессиональной подготовки экономистов в Народной украинской академии должно являться формирование выпускника нового типа. Он должен сочетать профессионализм и компетентность в избранной сфере деятельности, трудовую мобильность, иметь этическую систему ценностей и моральных норм гражданина страны и Земли и обладать навыками работы в команде.

Таким образом, суть модели экономиста, реализуемой в Народной украинской академии, видится нам как создание самостоятельного, самодеятельного человека, способного к правильному жизненному выбору, мобильного и умеющего

удовлетворять общественные потребности при помощи своих внутренних ресурсов, опирающегося на науку и культуру как на свой внутренний мир с высокой нравственной ориентацией.

Возле входа в штаб-квартиру всемирно известного японского концерна *«Мацусита дэнки»* каллиграфическим почерком написано: *«Мацусита дэнки» – место, где воспитываются люди. Мы также создаем электронное оборудование».*

Эти слова (естественно, с учетом профессиональной специфики) можно, на наш взгляд, положить в основу формирующейся в ХГУ «НУА» новой модели компетентностных характеристик экономиста.

Презентація нових видань

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Курс лекций по социологии образования : учеб. пособие для студентов вузов / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Харьков : Изд-во НУА, 2009. — 464 с.

Изучение проблем образования составляет предмет исследования многих наук, в первую очередь гуманитарных. Это педагогика и психология, история и философия, экономика и юриспруденция. Важнейшим направлением исследования закономерностей развития образовательного пространства, его методологической основой выступает социология образования.

Для XXI века стало вполне очевидным, что человек есть начало и конечная цель любого социального развития.

Эти изменения в общественном сознании, в отношении общества к образовательной сфере вызвали появление новой парадигмы образования, сущностью которой является человекоцентризм, всеобъемлющая гуманизация образовательных процессов.

Основные черты новой парадигмы образования определены в Декларации прав человека, принятой ООН, где отмечено, что образование должно быть направлено на общее развитие человека, на его постоянное совершенствование. Это принципиальное положение есть почти во всех современных зарубежных программах развития образования, есть оно, естественно, и в основополагающих документах по развитию национальной системы образования в Украине.

Чем же отличается эта новая парадигма образования, можно ли дать ей какое-либо универсальное определение? Если проанализировать основные подходы в современной практике, то таких определений можно привести множество. Это «унифицированное образование», «интегрированное образование», «глобальное образование» и т. п.

Наиболее универсальным определением образования, отражающим изменение его функций в современном мире, является определение образования как «целостного феномена». Именно таким должно быть образование XXI века – оно базируется на высшем синтезе научного гуманизма, развития в личности ума, творческих способностей, духа социальной ответственности, баланса интеллектуальных, этических, эмоциональных и физиологических компонентов индивида.

Социология образования представляет собой специальную социологическую дисциплину, предметом которой выступает система образования как социальный институт и в то же время как особый вид деятельности и социальная ценность для личности и общества. Иными словами, социологию образования интересует не только сущность и структура образовательных институтов, но и их взаимоотношения с другими социальными подсистемами и с обществом в целом.

Отсюда неизбежность использования в качестве методологических основ социологического подхода к образованию не только институционального, но и внешнеинституционального – социокультурного – и социокоммуникативного подходов. Именно с этих методологических позиций авторы предлагаемого курса лекций по социологии образования рассматривают предмет и метод, сущность, принципы, функции и цели данной отрасли социологического знания, ее место и роль в системе гуманитарных наук.

Данное учебное пособие является вторым, исправленным и дополненным изданием, подготовленным для студентов и преподавателей высших учебных заведений Украины. В него включены несколько новых разделов, новые положения и трактовки, базирующиеся на новейших нормативных документах.

Структура пособия соответствует программе учебного курса и включает в себя помимо методологических разделов социальные характеристики современного учебного заведения как объекта социологического исследования, анализ

организационного строения образовательных систем, описание структур и функций учебных заведений, их зависимостей от внешней среды, изучение систем образования как объектов управления и особенностей субъектов образовательного процесса непосредственно в Украине. Оригинальными являются разделы по самообразованию, раскрытию глобальных проблем образования и особенностей их разрешения в специфических условиях Украины, по становлению непрерывного образования в Украине.

По каждой теме студентам предложены вопросы для самоконтроля и списки новейшей научной и научно-методической литературы. В конце учебного пособия даны терминологический словарь и список персоналий. По мнению авторов, это будет способствовать более глубокому усвоению курса, представляющего интерес не только для профессиональных социологов, но и для всех, кто связан с системой образования и озабочен перспективами ее дальнейшего развития.

Курс лекций подготовлен коллективом авторов Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»: введение и тема XIV – д-ром ист. наук, проф. В. И. Астаховой; темы I, V – д-ром социол. наук, проф. Е. А. Подольской; тема II – канд. ист. наук Т. А. Удовицкой; тема III – канд. филос. наук, доц. И. И. Шеремет; тема IV – д-ром ист. наук, проф. Е. В. Астаховой; тема VI – канд. социол. наук, доц. М. В. Бирюковой; тема VII – канд. социол. наук, доц. Е. Ю. Усик; тема VIII – д-ром ист. наук, проф. Е. В. Астаховой и канд. социол. наук, доц. Е. В. Бирченко; тема IX – канд. социол. наук, доц. Т. В. Зверко; тема X – канд. филос. наук, доц. Н. Г. Чибисовой; тема XI – канд. социол. наук, доц. О. С. Овакимян, тема XII – д-ром ист. наук, проф. В. И. Астаховой и канд. социол. наук, доц. Т. В. Топчий; тема XIII – канд. филос. наук Е. В. Батаевой; тема XV – д-ром социол. наук, проф. Е. Г. Михайлевой; глоссарий и список персоналий подготовлены канд. социол. наук Д. В. Недогоновым.

Члены авторского коллектива – не случайные люди в образовании и социологии. Каждый из них, помимо защиты кандидатской или докторской диссертации по проблемам образования и воспитания, на протяжении многих лет вел теоретическую и практическую работу, направленную на обновление и совершенствование украинской системы образования, принимал непосредственное участие в разработке программы «Освіта. Україна ХХІ століття», Национальной доктрины развития образования Украины в ХХІ веке, Закона Украины «Об образовании» и других нормативных документов по развитию украинской национальной образовательной системы.

Все они являются соисполнителями многолетнего успешного эксперимента по становлению авторской модели непрерывного образования. Это позволило Ученому совету Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» рекомендовать и второе издание к представлению на получение грифа Министерства образования и науки Украины.

В. И. Астахова

Я ПОМНЮ, Я ГОРЖУСЬ...

Я помню, я горжусь... : 65-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / Нар. укр. акад. ; (редкол. : Астахова В. И. и др.). – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 184 с.

Данный сборник – литературно-художественное издание. Он посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Его авторы – студенты и школьники Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», которые подготовили свои работы на традиционный академический конкурс «История моей семьи». Книга, объединившая рассказы по главной номинации года, вызывает большой интерес у читателя не только потому, что является актуальной, своевременной, но прежде всего потому, что написана она детьми, рожденными десятки лет спустя после войны. А герои их рассказов – деды и прадеды, родные люди, которые пережили страшные события тех далеких лет.

Авторы представляют читателю пережитые и прочувствованные истории, переданные из поколения в поколение. Они просты, но откровенны и искренни. Фотографии, документы из семейных архивов, подтверждающие достоверность рассказов, использование знаний исторических фактов создают картины подлинного героического прошлого нашего Отечества. Трагические страницы истории знакомят читателя с обычными, но такими великими людьми. Они сражаются на фронтах Великой Отечественной, спасают от голода детей, работают «для фронта, для победы». Именно они победили в той войне, они – герои Второй мировой. Гордостью и уважением к своим предкам проникнуты страницы рассказов, пониманием того великого подвига, который был совершен родными людьми во имя будущего поколения. Чувство сопричастности к своему героическому прошлому испытывают авторы рассказов. Не это ли главная цель инициаторов данного издания?

Т. Н. Ена

**ПРЕЗЕНТАЦІЯ УЧЕБНОГО КОМПЛЕКТА СЕРІИ
«ДЕТСКИЙ САД ОТ А ДО Я»**

Необходимость модернизации содержания дошкольного образования обусловлена реформированием образования в целом в соответствии с Национальной доктриной развития образования Украины в XXI веке, Законами Украины «О дошкольном образовании» и «Об охране детства», тенденциями развития цивилизации на рубеже эпох.

Предполагаемая модернизация означает позитивный поворот к дошкольному детству, связанный с осознанием значимости тех образовательных ресурсов, которые в нем заложены. Известно, что дошкольный возраст – это период первоначального фактического склада личности.

В соответствии с поставленными задачами работа Детской школы раннего развития (ДШРР) подчинена реализации идеи непрерывного развивающего образования с обеспечением преемственности от дошкольного этапа до окончания школы. Главная цель работы ДШРР – выращивание функционально грамотной личности, а не формирование ЗУНов. Иначе говоря, выращивание в каждом творческих способностей, готовности к самореализации, а не формирование ребенка по заданной кем-то модели.

Требования, предъявляемые школой к будущим первоклассникам (иногда завышенные необоснованно), заставляют родителей искать выход из создавшейся ситуации. С одной стороны, обучение в дошкольных учреждениях и подготовительных классах, а с другой – домашняя подготовка, которую проводят родители и домашние учителя.

И в первом, и во втором случае подготовка направлена на обучение чтению, письму и счету, что приводит к дублированию школьной программы и предметов. Более того, отсутствие единого подхода в обучении будущих первоклассников отрицательно влияет на развитие их познавательного интереса.

В сложившейся ситуации можно достаточно обоснованно говорить о необходимости создания учебно-методического комплекса для детей-дошкольников, который дал бы возможность решить следующие задачи:

- обеспечить соответствие пособий концепции вариативного развивающего обучения;
- представить интегрированное содержание образования (взаимосвязь предметов в рамках образовательных областей);
- реализовать преемственность между дошкольным и школьным образованием;
- решить проблему разноуровневого обучения, с учетом психологической специфики ребенка.

Для реализации поставленных задач учителями ДШРР был разработан и издан комплект учебных пособий (серия «Детский сад от А до Я»). Комплект состоит из девяти пособий для детей от трех до шести лет и включает перспективное планирование, конспекты занятий и дидактический материал по математике, развитию речи и ознакомлению с окружающим. В пособиях используются развивающие методы обучения и воспитания детей, предполагая организацию обучения в рамках специфических для дошкольников видов деятельности: игры, конструирование, рисование и др., что отвечает принципу соответствия особенностям психического развития ребенка и создает тем самым условия для проявления творческой активности детей.

Существенным дополнением к учебным пособиям по математике для детей 4–6 лет являются рабочие тетради «Считалочка», «Знаки-задаваки». Тетради предназначены для совместной работы взрослого и ребенка. В методических рекомендациях, которые прилагаются к рабочим тетрадям, более подробно изложены методы и приемы работы с детьми каждой возрастной категории. Рабочие тетради «Считалочка» и «Знаки-задаваки» рекомендованы Министерством образования и науки Украины (протокол № 4 от 12.06.2007 г.)

Применение данного учебного комплекта будет способствовать всестороннему развитию ребенка-дошкольника и позволит в дальнейшем успешно овладеть школьной программой без ее дублирования.

С. А. Игнатьева

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ МАГИСТРОВ НУА

Збірник праць молодих учених Народної української академії / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2010. – 384 с.

Современное состояние науки, научно-исследовательской работы в вузах вызывает серьезные нарекания со стороны научной общественности. Основания под беспокойством, безусловно, есть. Но констатация негатива едва ли является конструктивным средством выхода из сложной ситуации. Поиском путей изменения положения, сложившегося в Украине, в разной мере заняты многочисленные службы, организации, инстанции. Хочется надеяться и на более конструктивную позицию государства по отношению к развитию научных исследований, поднятию престижа науки в целом. Но пока проблемы решаются, каждый университет, каждое высшее учебное заведение, если оно заинтересовано в своих долгосрочных перспективах, стремится находить пути и ресурсы для развития НИР.

Именно руководствуясь такими подходами к организации образовательного процесса, в НУА ежегодно проводится большая и разноплановая работа по развитию так называемой «молодой науки». Активно работают Ассоциация молодых ученых и Студенческое научное общество, проводятся конференции, семинары, встречи. В ряду этих мероприятий значимое место занимает ежегодное издание «Збірника праць молодих учених Народної української академії», который включает в себя научные статьи магистров НУА. В одном издании объединены первые научные изыскания социологов, экономистов и переводчиков.

Конечно, в значительной степени отличающиеся по уровню, глубине анализа, навыкам проведения научных исследований статьи магистров в целом дают представление о взглядах молодых на социально-экономические и политические

процессы в обществе, на различные аспекты современного переводоведения.

Ряд статей можно с уверенностью отнести к числу несомненных удач новоиспеченных магистров и их научных руководителей. Без всякой натяжки, думается, есть основания поздравить с успешным стартом в науке экономистов Д. Бовдуй, Е. Волкова, Д. Дворецкого, А. Карнаух, Е. Моисеенко, Е. Шаповалову, переводчиков А. Бугу, В. Кашкарева, М. Козлову, В. Колесник, социолога Е. Куцевляк.

Опыт предыдущих публикаций сборников молодых ученых НУА позволяет предположить, что магистры 2010 г. уже совсем скоро заявят о себе на аспирантских семинарах, конференциях в *alma mater* и за ее пределами. А значит, есть обоснованная надежда на улучшение ситуации с развитием науки в Украине.

Е. В. Астахова

Інформаційні матеріали

О НАС ПИШУТ

В 2009–2010 гг. более чем в 150 публикациях упоминалось о результатах деятельности академии, анализировался ее опыт в реализации модели непрерывного образования, давались оценки работы коллектива академии. Среди прочих можно отметить следующие публикации:

1. Collin S.-O. Reseberdttelse fren Ukraina / Sven-Olof Collin, Timur Uman // Zoom : nyhetsblad fren Högskolan I Halmstad. – 2009. – V. 46, n. 15 – S. 3. – *О впечатлениях от поездки в ХГУ «НУА» шведского профессора Sven-Olof Collin.*

2. Агаркова О. Где учат качественно : всеукр. рейтинг вузов «Компас» / Ольга Агаркова, Елена Токарчук // Сегодня. – 2010. – 14 мая (№ 103). – С. 10–13. – *ХГУ «НУА» – на 9-м месте рейтинга.*

3. Горохова Л. Громадська законодавча ініціатива з модернізації та демократизації системи освітньо-трудоких відносин : [про проекти «Право та освіта» в Україні] / Людмила Горохова, Ніна Ушакова // Вища освіта України. – 2009. – № 4. – С. 110–112. – *Серед залучених до підготовки і проведення заходів реалізації проекту згадується ХГУ «НУА».*

4. Грищенко А. Ректор Харьковського гуманітарного університету «Народная украинская академия» В. Астахова победила в одной из номинаций рейтинга «Лучший работник образования – 2009» [Электронный ресурс] / Алексей Грищенко // Status quo. – 2010. – 8 февр. – Режим доступа: <http://www.sq.com.ua/news/obschestvo/08.02.2010>

5. Гурьев А. Аллею Памяти павших в боях Великой Отечественной заложили в Харькове [Электронный ресурс] / Александр Гурьев // Городской дозор. – 2010. – 26 марта. – Режим доступа: <http://dozor.kharkov.ua/city/sobytiya/1058323.print>.

6. Кириленко С. Доповідна про підсумки проведення конкурсу-захисту сучасної моделі навчального закладу –

школи сприяння здоров'ю у 2008–2009 н. р. / Світлана Кириленко // Освіта України. – 2010. – 26 січ. (№ 7). – С. 4; Те ж // Інформ. зб. М-ва освіти і науки України. – 2010. – № 3. – С. 4–10. – *Згадується про цікавий досвід роботи Шкіл сприяння здоров'ю представила... спеціалізована економіко-правова школа I–III ступенів з поглибленим вивченням іноземної мови приватного вищого навчального закладу – Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія».*

7. Корольов Б. Неперервна освіта: нові моделі навчальних закладів : [з досвіду Нар. укр. акад. та Європ. ун-ту] / Борис Корольов // Освіта. – 2010. – 3–10 берез. (№ 11). – С. 6.

8. Подписание Великой хартии университетов, Болонья, октябрь, 2009 г. [Электронный ресурс] : [478] фот. – Электрон. дан. (1,83 Гб). – Болонья, 2009. – 1 эл. опт. диск (DVD-R) : цв. – Систем. требования: не указаны. – *На фото: ректор ХГУ «НУА» В. И. Астахова на подписании Великой Хартии университетов.*

9. Силласте Г. Г. Народная украинская академия – гуманитарный университет: инновационный вуз с миссией формирования новой когорты интеллигенции : размышления после конференции / Галина Силласте // Безопасность Евразии : журн. личной, нац. и коллектив. безопасности. – 2009. – № 3 (июль–сентябрь). – С. 377–380.

10. Шевченко Л. Алтарь Победы / Любовь Шевченко // Время. – 2010. – 7 мая (№ 80/81). – С. 3. – *Упоминається о книгах «Я помню, я горжусь...», «Письмо к деду», подготовленных в ХГУ «НУА».*

11. Шеремет І. Безперервна освіта та соціальна справедливість / Ірина Шеремет // Соціологія в ситуації соціальних невизначеностей : I Конгрес Соціол. асоц. України : тези доп. : Харків, 15–17 жовт. 2009 р. / Соціол. асоц. України, Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2009. – С. 325. – *Згадується про вагомий внесок до аналізу проблем безперервної освіти вітчизняних науковців В. Астахової, К. Астахової, К. Михайльової.*

НАС ЦИТИРУЮТ

В библиографическом указателе «Вища освіта України в умовах трансформації суспільства: стан, проблеми, тенденції розвитку, 1991–2006 рр. : / Акад. пед. наук України, Держ. наук.-пед. б-ка України ім. В. О. Сухомлинського, Ін-т вищ. освіти», содержащем названия публикаций по различным аспектам образования, более 40 раз упоминается наименование изданий НУА, что свидетельствует о высоком рейтинге результатов комплексного исследования проблем образования и воспитания коллективом академии. За 2009 г. в научных статьях, учебниках, учебных пособиях ведущих ученых Украины встречается около 100 ссылок на работы наших преподавателей. Наиболее значимые из них:

1. В учебном пособии Соціологія освіти : для студ. вищ. навч. закл. / [І. М. Гавриленко, В. М. Огаренко, Т. О. Огаренко та ін.] ; за ред. І. М. Гавриленка [та ін.] ; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка [та ін.]. — Вид. 2-ге, доп. і переробл. — Запоріжжя, 2009. — Кн. 2. — 287 с. *Ссылка на: Астахова В. И. О развитии частного высшего образования на Украине.*

2. Вища освіта і наука : анот. огляд період. видань / уклад.: Тетяна Белоусова, Зоя Чернобровкіна // Вища шк. — 2009. — № 8. — С. 105-125. *Ссылка на: Астахова В. И. Воспитание на традициях: некоторые вопросы методологии и методики. Моральні принципи та ідеали Д. І. Багалія. Образование XXI век.*

3. В статье Антоненко Л. А. Выдающийся ученый А. Л. Метлинский — основоположник учения о цивилизации / Л. А. Антоненко // Соц. економіка : науч. журн., 2009. — № 2. — С. 25–34. *Ссылка на: Астахова В. И. Углубление интеллектуального кризиса в Украине: причины, последствия и пути преодоления.*

4. В статье Нагорного Б. Г. Проблемы современных тенденций формирования управленческих элит в трансформационных обществах / Б. Г. Нагорный // Соціол. дослідж. : зб. наук. пр. (за матеріалами наук.-практ. конф. «Університетська освіта та формування управлінської еліти», 11–12 черв.

2009 р.) / Східноукр. нац. ун-т ім. Володимира Даля. – Луганськ, 2009. – С. 24–29. – *Ссылка на: Михайлева Е. Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений. – Х. : Изд-во НУА 2007. –576 с.;*

5. В статтє Степашко В. О. Системний аналіз готовності керівника вищого навчального закладу до управлінської діяльності / В. О. Степашко // Соціол. дослідж. : зб. наук. пр. (за матеріалами наук.-практ. конф. «Університетська освіта та формування управлінської еліти», 11–12 черв. 2009 р.) / Східноукр. нац. ун-т ім. Володимира Даля. – Луганськ, 2009. – С. 254–266. – *Ссылка на: Овакімян О. С. Науково-дослідна робота як ресурс розвитку творчого потенціалу особистості студента.*

6. В статтє Жорнової О. Новочасні атрибути виробництва та особливості професійної підготовки студентів технічних університетів / О. Жорнова // Вища шк. – 2009. – № 1. – С. 67–75. *Ссылка на: Бирченко Е. В. Молодежь с высшим образованием на рынке труда: общегосударственный и региональный аспекты анализа.*

7. В учебнике с грифом МОНУ Філіпенко А. С., Міжнародні економічні відносини: теорія : підруч. для студ. екон. спец. вищ. навч. закл. / А. С. Філіпенко. – К. : Либідь, 2008. – 408 с. *Ссылка на: Довгаль Е. А. «Протекціонізм і лібералізм у процесі глобалізації світової економіки» (Питання теорії в методології).*

К 20-ЛЕТИЮ НУА ГОТОВЯТСЯ ИЗДАНИЯ

1. Монография «Становление непрерывного образования в Украине. Первый опыт, тенденции, перспективы» (под общ. ред. проф. В. И. Астаховой).
2. Юбилейный сборник работ профессоров НУА (под общей редакцией проф. Е. Г. Михайлевой).
3. Монография «Человек, институты и рынки в системе образования» (проф. Тимошенко И. В.).
4. Коллективная монография «Выпускник вуза в современном социокультурном контексте» (под общ. ред. проф. Е. А. Подольской).
5. Проспект научной брошюры «Харьковчане – лауреаты Нобелевской премии» (проф. Е. В. Астахова).
6. Учебное пособие «Образование. Интеллигентность. Культура: энциклопедия мысли» (под общ. ред. проф. Е. А. Подольской).
7. Методическое пособие для преподавателей, читающих вводную лекцию 1 сентября 2010 г. «Мы можем гордиться своей alma mater» (к 20-летию НУА) (проф. А. А. Гайков).

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

АСТАХОВА Валентина Іларіонівна
доктор історичних наук, професор, ректор Харківського
гуманітарного університету «Народна українська академія»

АСТАХОВА Катерина Вікторівна
доктор історичних наук, професор, перший проректор
Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія» (ХГУ «НУА»)

АСТАХОВ Віктор Вікторович
кандидат юридичних наук,
професор кафедри економічної теорії і права,
декан факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

АСТАХОВА Катерина Вікторівна (мол.)
кандидат економічних наук, доцент кафедри економічної
теорії і права ХГУ «НУА»

АРТЕМЕНКО Людмила Олександрівна
доцент, завідувач загальноакадемічної кафедри
англійської мови ХГУ «НУА»

БАТАЄВА Катерина Вікторівна
кандидат філософських наук,
доцент кафедри соціології ХГУ «НУА»

БУРЯК Оксана Сергіївна
викладач Київського державного університету
ім. Т. Г. Шевченка

ВАСИЛЕНКО Ірина Володимирівна
аспірант кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

ГОЛОВНЬОВА Ірина Володимирівна
кандидат психологічних наук, професор,
завідувач кафедри загальної
і прикладної психології ХГУ «НУА»

ГОНЦА Ольга Олександрівна
здобувач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»,
бізнес-аналітик компанії «Галерея мобільного зв'язку»

ГОРДЗЕЛЕВСЬКА Юлія Валентинівна
аспірант кафедри філософії
та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ГУР'ЄВА Ірина Володимирівна
магістр економіки,
здобувач кафедри менеджменту ХГУ «НУА»,
аудитор ТОВ «Глосса-Аудит»

ГУРІЙ Богдана Богданівна
аспірант, асистент кафедри соціології та соціальної роботи
Національного університету «Львівська політехніка»

ДАНЬКО Наталія Іванівна
кандидат економічних наук, доцент,
проректор з науково-методичної роботи ХГУ «НУА»

ДІДИЧ Марія Олександрівна
студентка V курсу факультету «Бізнес-управління»,
голова студентського наукового товариства ХГУ «НУА»

ДІКОВА-ФАВОРСЬКА Олена Михайлівна
доктор соціологічних наук, професор, ректор
Житомирського економіко-гуманітарного інституту
Університету «Україна»

ДОВГАЛЬ Георгій Володимирович
кандидат економічних наук, професор,
завідувач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ДОВГАЛЬ Олена Андріївна
доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

ЄНА Тетяна Миколаївна
директор музею історії ХГУ «НУА»

ЗАЯРНАЯ Вікторія Сергіївна
аспірант кафедри соціології, заступник декана факультету
«Соціальний менеджмент» ХГУ «НУА»

ЗВЕРКО Тамара Василівна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології,
декан факультету «Соціальний менеджмент» ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Ольга Анатоліївна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ІВАХНЕНКО Антоніна Олександрівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії
і практики перекладу ХГУ «НУА»

ІГНАТЬЄВА Світлана Анатоліївна
директор Дитячої школи раннього розвитку ХГУ «НУА»

ІЗМАЙЛОВА Наталія Олександрівна
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри романо-германської філології ХГУ «НУА»

ІЛЬЧЕНКО Валерія Віталіївна
старший викладач кафедри англійської філології
ХГУ «НУА»

КАЗИМИР Іванна Іванівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри
українознавства Харківського національного
економічного університету

КАРПЕНКО Олена Валентинівна
старший викладач кафедри англійської філології
ХГУ «НУА»

КВІТКА Евеліна Євгеніївна
аспірант кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

КВІТЧАСТА Аліна Ігорівна
аспірант кафедри економічної теорії і права ХГУ «НУА»

КИСЛЕНКО Лариса Віталіївна
аспірант кафедри соціології ХГУ «НУА»

КІВА Людмила Олексіївна
здобувач кафедри соціології ХГУ «НУА»,
старший викладач кафедри економіки та маркетингу
Харківського інституту управління

КЛИМЕНКО Олена Юріївна
кандидат історичних наук, доцент кафедри соціології
управління Донецького державного університету управління

КОЗИРЕНКО Віктор Петрович
кандидат технічних наук, доцент,
проректор з інформаційних технологій ХГУ «НУА»

КОКОРА Надія Вікторівна
аспірант, завідувач аспірантури Державного університету
інформатики і штучного інтелекту

КОРНІЄНКО Віра Миколаївна
кандидат історичних наук, доцент,
декан факультету заочно-дистанційного навчання
ХГУ «НУА»

ЛАЗАРЕНКО Ольга Володимирівна
кандидат технічних наук, доцент кафедри інформаційних
технологій і математики ХГУ «НУА»

ЛІВЕЦЬ Олена Володимирівна
студентка II курсу факультету «Бізнес-управління»
ХГУ «НУА»

МАРИНЯК Руслана Степанівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри
українознавства ХГУ «НУА»

МЕЗЕНЦЕВА Дар'я Дмитрівна
студентка III курсу факультету «Бізнес-управління»
ХГУ «НУА»

МЕТТИССОН Джейн
доктор філософії, англійської літератури,
старший викладач англійської мови
Університет Крістіанштад (Швеція)
(MATTISSON Jane
Senior Lecturer of English
Doctor of Philosophy, English Literature
Kristianstad University College, Sweden)

МИХАЙЛЕНКО Анастасія Василівна
аспірант кафедри обліку та аудиту
Національної академії міського господарства

МИХАЙЛОВА Людмила Віліївна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської
філології ХГУ «НУА»

МІТІНА Ганна Миколаївна
аспірант кафедри соціології ХГУ «НУА»

НЄДОВ Пантелей Петрович
кандидат економічних наук,
доцент кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ПЄСОЦЬКИЙ Владислав Анатолійович
кандидат філософських наук,
доцент Московського державного обласного університету

ПІДЛІСНИЙ Дмитро Вадимович
кандидат історичних наук, викладач кафедри філософії
та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОДМІНОГІН Валерій Олександрович
кандидат філологічних наук,
завідувач кафедри теорії і практики перекладу ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Єлизавета Ананіївна
доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри
філософії та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Тетяна Василівна
викладач кафедри філософії та гуманітарних дисциплін
ХГУ «НУА»

ПОЛІНА Валентина Сергіївна
доцент загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

РЕШЕТНЯК Олена Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

СИТНИКОВА Поліна Едуардівна
кандидат технічних наук, доцент, завідувач кафедри
інформаційних технологій і математики ХГУ «НУА»

СОМОВА Оксана Євгенівна
кандидат економічних наук,
доцент кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

СТРОКОВИЧ Ганна Віталіївна
кандидат економічних наук, доцент,
завідувач кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВ Ігор Владиславович
кандидат економічних наук,
професор кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВА Тамара Михайлівна
кандидат філологічних наук, професор,
завідувач кафедри англійської філології ХГУ «НУА»

ХИЛЬКОВСЬКА Ася Олександрівна
викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

ЦИБУЛЬСЬКА Елеонора Іванівна
кандидат економічних наук,
доцент кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ЧЕНЬ Чао Хуа

доцент Синдзянського університету (Китай)

ЧЕРНОЛЯСОВ Роман Іванович

аспірант кафедри менеджменту, викладач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ЧИБІСОВА Наталія Григорівна

кандидат філософських наук, професор кафедри філософії та гуманітарних дисциплін, проректор з науково-педагогічної роботи і виховання ХГУ «НУА»

ЩУДЛО Світлана Андріївна

кандидат соціологічних наук, доцент, завідувач кафедри правознавства, соціології та політології Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка

ЯРЕМЕНКО Валентина Григорівна

кандидат економічних наук,
доцент кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ЯРЕМЕНКО Олег Леонідович

доктор економічних наук, професор кафедри менеджменту ХГУ «НУА»

ЯРІЗ Євген Михайлович

доцент кафедри романо-германської філології ХГУ «НУА»

ЗМІСТ

Введение	3
Актуальні проблеми розвитку освіти: історичні, філософські, економічні, правові та соціальні аспекти	5
<i>Астахова В. И.</i> Непрерывное образование как гуманистическая основа новой образовательной парадигмы	7
<i>Астахова Е. В.</i> Университетский преподаватель в условиях перехода общества к инновационной экономике: векторы изменений	22
<i>Астахов В. В.</i> К вопросу о кодификации образовательного законодательства Украины	32
<i>Астахова Е. В. (мл.)</i> К вопросу о противоречивости детерминант спроса и предложения института образования в экономике Украины	41
<i>Артеменко Л. А., Полина В. С.</i> Гуманитарная составляющая в процессе обучения английскому языку как второму языку общения	49
<i>Батаева Е. В.</i> Критический подход в современной социологии образования	56
<i>Василенко И. В.</i> Образовательный кредит как источник финансирования контрактного обучения	63
<i>Гурій Б. Б.</i> Освітні технології як фактор формування соціального капіталу (на прикладі викладання курсу «Розвиток інформаційного суспільства» для фахівців із соціології)	71
<i>Гордзелевская Ю. В.</i> К вопросу о сущности инновационного образования	79
<i>Дікова-Фаворська О. М.</i> Варіативність освіти: способи реалізації для осіб з вадами здоров'я	86
<i>Заярная В. С.</i> Потенциал социально-сетевоего анализа в изучении благотворительности в сфере высшего образования	91
<i>Ильченко В. В., Карпенко Е. В.</i> Использование адаптивных тестирующих программ в формировании переводческой компетенции ...	97
<i>Кива Л. А.</i> Инновационное развитие системы образования как следствие ее обновления и самоорганизации	108
<i>Кисленко Л. В.</i> Механизмы функционирования корпоративных паблик рилейшнз в системе высшего образования	117
<i>Корниенко В. Н.</i> Эволюция благотворительной деятельности в образовании Украины: исторический аспект	124

<i>Подольська Є. А.</i> Освітня послуга: проблеми якості вищої освіти	130
<i>Тимошенко І. В.</i> Моделирование потребительских предпочтений на рынке образовательных услуг	135
<i>Хильковская А. А.</i> Принцип решения практических задач как комплексный подход к обучению второму языку	144
<i>Чернолясов Р. И.</i> Эффективность образовательной деятельности в современных экономических условиях	149
<i>Чибисова Н. Г.</i> О ценностях специалиста в постиндустриальном обществе	158
<i>Щудло С. А.</i> Якість освіти у вищій школі: виклики суспільства знань	165
<i>Яриз Е. М.</i> Проблемы организации эффективного дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных технологий	173
Проблеми економіки, соціології та правові проблеми управління	177
<i>Бурак О. С.</i> Тенденції культурної глобалізації: соціологічний дискурс	179
<i>Гонца О. А.</i> Мотивация персонала как экономический механизм повышения оборачиваемости товарных запасов на предприятиях сферы торговли	187
<i>Гурьева И. В.</i> Оценка материально-технического состояния предприятия по показателям эффективности использования основных производственных фондов	193
<i>Данько Н. И., Решетняк Е. И.</i> Анализ сущности дефиниции «конкурентоспособность» как основного фактора экономического роста предприятий	200
<i>Довгаль Г. В., Довгаль Е. А.</i> Роль международных кредитных институтов в развитии мировой экономики в процессе ее глобализации	205
<i>Иванова О. А., Недов П. П.</i> Мотивационный менеджмент в условиях кризиса	212
<i>Квитка Э. Е.</i> Генезис международных экономических отношений и взглядов на их регулирование	220
<i>Квитчастая А. И.</i> Страховой рынок как один из главных финан- совых институтов государства в период глобализации	227
<i>Клименко О. Ю.</i> Особливості соціального захисту безпритульних дітей в Україні	235

<i>Кокора Н. В.</i> Амбівалентність соціальної ролі Української православної церкви Московського патріархату щодо участі в політиці сучасного християнина	244
<i>Михайленко А. В.</i> Особливості інвестування у будівництво на сучасному етапі	256
<i>Митина А. Н.</i> Приверженность персонала – залог успеха современной организации	265
<i>Подлесный Д. В.</i> Влияние глобализации на политическую систему общества: к постановке проблемы	273
<i>Подольська Т. В.</i> Темпоральний вимір ідентичності	282
<i>Сомова О. Є.</i> Удосконалення оцінки рівня конкурентоспроможності підприємств	288
<i>Строкович Г. В.</i> Механізм взаємодії деяких інститутів на основі соціального партнерства	294
<i>Цыбульская Э. И.</i> Государственное регулирование национальной экономики в условиях глобализации	299
<i>Яременко В. Г., Яременко О. Л.</i> Экономическая природа доверия и эволюция социально-экономических институтов	308
Проблеми лінгвістики, лінгводидактики, літературознавства та перекладу	323
<i>Mattisson Jane.</i> Fiction: a Complement to Documentary Accounts of War	325
<i>Mattisson Jane.</i> ‘Kew Gardens’: a Kinetic Approach to Literature	337
<i>Ивахненко А. А.</i> Образ смерти в творчестве Э. Дикинсон: проблема передачи в переводе	346
<i>Мариняк Р. С., Казимир І. І.</i> Біблійний сюжет і його історіософська інтерпретація у поетичному тексті	355
<i>Михайлова Л. В.</i> Вежливость в речевом общении	363
<i>Песоцкий В. А.</i> Проблема оценки качества произведения художественной литературы	368
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Средства выразительности и изобразительности в научном дискурсе	381
<i>Чень Чао Хуа, Измайлова Н. А.</i> Реализация коммуникативного принципа в обучении русскому языку как иностранному китайских студентов на начальном этапе	388
Студентська трибуна	393
<i>Дідич М. С.</i> Студент і наука: історія становлення взаємозв'язків	395

<i>Ливец Е. В.</i> Участие студентов в террористических акциях: история вопроса	405
<i>Мезенцева Д. Д.</i> Реформа образования Украины: социально-правовой аспект	413
Наука в НУА	419
<i>Чибисова Н. Г.</i> Воспитательная работа в условиях непрерывного образования (Международная научно-практическая конференция)	421
<i>Головнева И. В.</i> Современная украинская семья: проблемы и задачи, требующие решения (Всеукраинская научно-практическая конференция)	425
<i>Зверко Т. В.</i> Формирование профессиональной культуры специалиста в условиях современного вуза (XVII Международная студенческая научная конференция)	430
<i>Козыренко В. П., Лазаренко О. В., Ситникова П. Э.</i> Экспертные оценки элементов учебного процесса (Межвузовская научно-практическая конференция)	434
<i>Довгаль Г. В.</i> Роль производственной практики в формировании современной модели экономиста	436
<i>Подміногін В. О.</i> Практичні аспекти підготовки перекладачів	443
<i>Довгаль Г. В., Иванова О. А., Решетняк Е. И.</i> Формирование фундаментальных характеристик экономиста новой формации в Народной украинской академии: актуальные задачи	449
Презентація нових видань	457
Социология образования как предмет изучения в высшей школе ..	459
Я помню, я горжусь... ..	463
Презентация учебного комплекта серии «Детский сад от А до Я» ..	464
Ученые записки магистров НУА	467
Інформаційні матеріали	469
О нас пишут	471
Нас цитируют	473
К 20-летию НУА готовятся издания	475
Відомості про авторів	476

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XVI

Відповідальна за випуск *М. В. Бірюкова*

Редактор *Л. А. Кармаза*

Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 20.07.2010. Формат 84×108/32.

Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 28,40. Обл.-вид. арк. 23,92. Наклад 500 пр. Зам. 180/10.

Видавництво Народної української академії

Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві

Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.

Вчені записки Харківського гуманітарного університету
В 90 «Народна українська академія» / [редкол.: В. І. Астахова (голов.
ред.) та ін.]. — Х. : Вид-во НУА, 2010. — Т. 16. — 488 с.

ISSN 1993-5560

Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» є щорічним періодичним виданням, в якому публікуються результати наукових досліджень викладачів як академії, так і інших ВНЗ України, близького і далекого зарубіжжя, які працюють над проблемами гуманітарних наук.

У збірнику преважують матеріали, в яких розкриваються економічні, соціологічні, історичні, правові, психологічні та інші аспекти розвитку сучасної освіти. Є розділи, присвячені проблемам рівноваги сучасних економічних систем та управління соціально-економічними процесами на різних рівнях суспільного розвитку, а також роботи з літературознавства, лінгвістики, перекладу.

Видання представляє інтерес для викладачів вищої школи, студентів, всіх, хто цікавиться проблемами освіти і розвитку гуманітарної сфери. Збірник має гриф ВАКівського видання, публікації в якому приймаються під час захисту кандидатських і докторських дисертацій із соціології, психології, історії, філософії, економіки і перекладу.

УДК 08

ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3